

Научный журнал
Основан в 2010 г.
Выходит девять раз в год.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»

ИЗВЕСТИЯ

КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 8 (84)

Серия «ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ»

2025

Главный редактор – акад. РАН А. М. Асхабов

Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН С. В. Дёгтева

Зам. главного редактора – чл.-корр. РАН В. Н. Лаженцев

Ответственный секретарь – к.и.н. Д. В. Милохин

Редакционный совет:

акад. РАН В. В. Алексеев, акад. РАН А. А. Барях, акад. РАН В. И. Бердышев, д.м.н. Е. Р. Бойко,
чл.-корр. РАН И. Н. Болотов, акад. РАН В. Н. Большаков, Ph.D. (Econ.) К. Борисова-Маринова (Болгария),
д.ф.-м.н. Т. М. Бречко (Польша), к.г.-м.н. И. Н. Бурцев, акад. РАН А. Д. Гвишиани, д.ф.-м.н. Н. А. Громов,
д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.б.н. В. Г. Зайнуллин, чл.-корр. РАН В. А. Ильин, акад. РАН С. В. Кривовичев,
И. В. Курляк, акад. РАН А. В. Кучин, чл.-корр. РАН Ю. Б. Марин, акад. РАН В. П. Матвеев,
д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), акад. РАН Г. А. Месяц, чл.-корр. РАН А. А. Москалев,
д.э.н. Л. А. Попова, д.г.-м.н. А. М. Пыстин, чл.-корр. РАН И. М. Рощевская,
д.х.н. С. А. Рубцова, д.и.н. Э. А. Савельева, д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан),
чл.-корр. РАН А. Ф. Титов, д.б.н. С. Н. Харин, к.б.н. И. Ф. Чадин, акад. РАН В. Н. Чарушин, д.т.н. Ю. Я. Чукреев,
д.б.н. Е. В. Шамрикова, акад. РАН В. С. Шацкий, д.э.н. А. Г. Шеломенцев, к.э.н. А. А. Юдин

Редакционная коллегия серии «История и филология»:

д.и.н. И. Л. Жеребцов (ответственный редактор), к.и.н. И. О. Васкул (зам. ответственного редактора),
д.филол.н. Е. А. Цыпанов (зам. ответственного редактора), к.и.н. Д. В. Милохин (ответственный секретарь),
д.и.н. Е. Т. Артемов, д.и.н. А. А. Бровина, чл.-корр. РАН А. В. Головнев, д-р наук И. Жепниковска (Польша),
д.и.н. А. Е. Загребин, д.филол.н. Т. И. Зайцева, к.и.н. Н. М. Игнатова, д.и.н. В. А. Исупов,
д.филол.н. Л. Л. Карпова, д-р наук Г. Клумпп (Эстония), д.филол.н. Н. В. Кондратьева,
к.и.н. П. П. Котов, к.филол.н. Ю. А. Крашенинникова, д.и.н. Е. Ф. Кринко, д.филол.н. Р. А. Кудрявцева,
к.филол.н. Т. Л. Кузнецова, д-р наук С. Лаллукка (Финляндия), д-р филос. А. Лезте (Эстония),
д-р филос. Д. Лозовану (Молдова), д.и.н. А. В. Мартыненко, д.и.н. М. А. Мацук,
д.и.н. В. И. Меньковский (Беларусь), д.филол.н., чл.-корр. РАН И. И. Муллонен, к.филол.н. А. Г. Мусанов,
д-р филос. Э. Надь (Венгрия), д.филол.н. О. И. Налдеева, д.и.н. П. Ю. Павлов, д.и.н. И. В. Побережников,
д.филол.н. В. А. Поздеев, д.и.н. С. А. Прокопенко, д.и.н. А. В. Репневский, акад. РАН В. Н. Руденко,
д.и.н. Т. С. Садыков (Казахстан), д.геогр.н. В. И. Силин, д.и.н. А. В. Сперанский, к.и.н. М. В. Таскаев,
д.и.н. Ю. П. Шабаетов, д.филол.н. М. Шмигель (Словакия), к.и.н. С. Ю. Шокарев

Адрес редакции:

167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, д. 24
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, каб. 317, 318.
Тел. (8212) 24-47-79
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

ISSN 1994-5655

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного наследия.

Свид. о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС 77-26969 от 11 января 2007 г.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» 52047

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН», 2025

Science Journal

Founded in 2010
Published 9 times a year

Established by
Federal State Budgetary
Institution of Science
Federal Research Centre
«Komi Science Centre, Ural Branch, RAS»

PROCEEDINGS

OF THE KOMI SCIENCE CENTRE
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

№ 8 (84)

«HISTORY AND PHILOLOGY» series

2025

Editor-in-chief – RAS acad. A. M. Askhabov

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member S. V. Degteva

Deputy editor-in-chief – RAS corresp. member V. N. Lazhentsev

Executive secretary – Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin

Editorial Council:

RAS acad. V. V. Alekseev, RAS acad. A. A. Baryakh, RAS acad. V. I. Berdyshev, Dr. Sci. (Med.) E. R. Bojko,
RAS corresp. member I. N. Bolotov, RAS acad. V. N. Bolshakov, PhD. (Econ.) K. Borisova-Marinova (Bulgaria),
Dr. Sci. (Phys.- Math.) T. M. Brechko (Poland), Cand. Sci. (Geol.-Mineral.) I. N. Burtsev, RAS acad. A. D. Gvishiani,
Dr. Sci. (Phys.-Math.) N. A. Gromov, Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov, Dr. Sci. (Biol.) V. G. Zainullin,
RAS corresp. member V. A. Ilyin, RAS acad. S. V. Krivovichev, I. V. Kurlyak, RAS acad. A. V. Kuchin,
RAS corresp. member Yu. B. Marin, RAS acad. V. P. Matveenko, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus),
RAS acad. G. A. Mesyats, RAS corresp. member A. A. Moskaev, Dr. Sci. (Econ.) L. A. Popova,
Dr. Sci. (Geol.-Mineral.) A. M. Pystin, RAS corresp. member I. M. Roshchevskaya, Dr. Sci. (Chem.) S. A. Rubtsova,
Dr. Sci. (Hist.) E. A. Savelyeva, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan), RAS corresp. member A. F. Titov,
Dr. Sci. (Biol.) S. N. Kharin, Cand. Sci. (Biol.) I. F. Chadin, RAS acad. V. N. Charushin,
Dr. Sci. (Tech.) Yu. Ya. Chukreev, Dr. Sci. (Biol.) E. V. Shamrikova, RAS acad. V. S. Shatsky,
Dr. Sci. (Econ.) A. G. Shelomentsev, Cand. Sci. (Econ.) A. A. Yudin

Editorial Board of «History and Philology» series:

Dr. Sci. (Hist.) I. L. Zherebtsov (executive editor), Cand. Sci. (Hist.) I. O. Vaskul (deputy executive editor),
Dr. Sci. (Philol.) E. A. Tsypanov (deputy executive editor), Cand. Sci. (Hist.) D. V. Milokhin (executive secretary),
Dr. Sci. (Hist.) E. T. Artemov, Dr. Sci. (Hist.) A. A. Brovina, RAS corresp. member A. V. Golovnev,
Dr. Sci. I. Zhepnikovska (Poland), Dr. Sci. (Hist.) A. E. Zagrebin, Dr. Sci. (Philol.) T. I. Zaitseva,
Cand. Sci. (Hist.) N. M. Ignatova, Dr. Sci. (Hist.) V. A. Isupov, Dr. Sci. (Philol.) L. L. Karpova,
Dr. Sci. G. Klumpp (Estonia), Dr. Sci. (Philol.) V. V. Kondratyeva, Cand. Sci. (Hist.) P. P. Kotov, Cand. Sci. (Philol.) Yu. A. Krashenninnikova,
Dr. Sci. (Hist.) E. F. Krinko, Dr. Sci. (Philol.) R. A. Kudryavtseva, Cand. Sci. (Philol.) T. L. Kuznetsova,
Dr. Sci. S. Lallukka (Finland), PhD A. Leete (Estonia), PhD D. Lozovanu (Moldova), Dr. Sci. (History) A. V. Martynenko,
Dr. Sci. (Hist.) M. A. Matsuk, Dr. Sci. (Hist.) V. I. Men'kovsky (Belarus), Dr. Sci. (Philol.), RAS corresp. member I. I. Mullonen,
Cand. Sci. (Philol.) A. G. Musanov, PhD Z. Nad' (Hungary), Dr. Sci. (Philol.) O. I. Naldeeva,
Dr. Sci. (Hist.) P. Yu. Pavlov, Dr. Sci. (Hist.) I. V. Poberezhnikov, Dr. Sci. (Philol.) V. A. Pozdeev, Dr. Sci. (Hist.) S. A. Prokopenko,
Dr. Sci. (Hist.) A. V. Repnevsky, RAS acad. V. N. Rudenko, Dr. Sci. (Hist.) T. S. Sadykov (Kazakhstan),
Dr. Sci. (Geogr.) V. I. Silin, Dr. Sci. (Hist.) A. V. Speransky, Cand. Sci. (Hist.) M. V. Taskaev, Dr. Sci. (Hist.) Yu. P. Shabaev,
PhD M. Shmigel' (Slovakia), Cand. Sci. (Hist.) S. Yu. Shokarev

Editorial Office:

Office 317, 318 Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
24, Kommunisticheskaya st., GSP-2,
Syktyvkar 167982, Komi Republic
Tel. +7 8212 244779
E-mail: journal@frc.komisc.ru
www.izvestia.komisc.ru

The "Russian Post" catalogue subscription index 52047

*The journal is included in the list of peer-reviewed scientific
publications of the Higher Attestation Commission
of the Russian Federation*

© Federal State Budgetary Institution
of Science Federal Research Centre
"Komi Science Centre, Ural Branch, RAS", 2025

ISSN 1994-5655

Registered by the Russian Federal Surveillance Service
for Compliance with the Law in Mass Communications
and Cultural Heritage Protection.

The certificate of mass media registration -
ПМ № ФС 77-26969 dated 11 January, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

А. Л. Белицкая, В. И. Силаев, В. Н. Филиппов, А. Ф. Хазов Бронзовые чаши и миски из курганных могильников эпохи Великого переселения народов Европейского Северо-Востока	7
Э. А. Савельева, А. Р. Смертин Фигурные кресала Кокпомъягского могильника вымской культуры	18
П. П. Котов Удельные крестьяне Тавренского приказа Вологодской губернии между VIII–IX ревизиями	24
И. Х. Дамения Зарождение абхазской интеллигенции в начале XIX века	33
С. А. Попов Организация волостей временнообязанных крестьян Вологодской губернии в 1861 году	40
А. В. Рожина Взаимное страхование от пожаров монастырских строений в 1910–1917 годы (по материалам Вологодской губернии)	48
Н. М. Игнатова «Неполный обхват лесорубческой массы»: жилищное строительство на лесозаготовках в Великоустюгском леспромхозе в начале 1930-х годов	57
Бао Линсюн Медицинская деятельность Дзэнрин кёкай во Внутренней Монголии (1933–1947)	69
А. М. Мацук Заочное обучение в системе среднего специального образования на Европейском Севере России в 1950–1960-е годы	76
А. А. Бровина, К. А. Попова Документальные фонды Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН об изучении арктических зон Российской Федерации (Усть-Цилемский район Республики Коми)	86
Л. П. Рощевская, М. П. Рощевский Материалы Коми научного центра УрО РАН о научной деятельности члена-корреспондента АН СССР Б. П. Колесникова	95
С. А. Симакова К истории создания Института химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (по документам академического архива)	103
Т. А. Сокерин Документы личного фонда Г. М. Козубова в Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН о научной и научно-организационной деятельности ученого	113
М. А. Веремейчик Память о революции 1917 г. как этнополитический феномен в странах Южного Кавказа	119
Т. И. Дронова Политика исторической памяти в России и практика ее реализации в Республике Коми (на примере проекта «Родовой дом»)	124
Научное наследие	
И. Л. Жеребцов Первая стационарная этнографическая экспедиция Л. Н. Жеребцова (Ижемский район, 1961 год). К 100-летию со дня рождения ученого	130

И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин

Историко-этнографическая командировка Л. П. Лашука 1956 года на верхнюю Вычегду
(к 100-летию со дня рождения ученого) 137

Рецензии

О. В. Золотарёв

Дю А. Ф., Жеребцов И. Л., Азаров О. И. Сыктывкар: люди, события, символы 151

О. В. Золотарёв

Котов П. П., Мартынчук Т. А. Дошкольные учреждения в Коми в начале XX века – середине 1940-х годов..... 153

Л. А. Максимова

Исторический факультет Сыктывкарского государственного университета (1972-2022) 156

Юбилеи

Слово о нашем главном историке 159

Раисе Ивановне Косныревой – 90 лет 162

Евгению Александровичу Цыпанову – 65 лет..... 164

Памятные даты

Памяти Люции Михайловны Безносиковой (29.04.1940–20.06.2025)..... 166

К 100-летию со дня рождения Цили Израйлевны Зильберг (21.02.1925) 168

CONTENTS

A.L. Belitskaya, V.I. Silaev, V.N. Filippov, A.F. Khazov

Bronze cups and bowls from burial mounds of the epoch of the Great Migration of Peoples of the European Northeast.....7

E. A. Savelyeva, A. R. Smertin

Figured flints of the Kokpomyag burial ground of the Vym culture.....18

P. P. Kotov

Appanage peasants of the Tavrensky Prikaz of the Vologda Province between the VIII–IX revisions.....24

I. Kh. Damenia

The emergence of the Abkhazian intelligentsia in the early XIX century.....33

S.A. Popov

Organization of volosts of temporarily obligated peasants of the Vologda province in 1861.....40

A. V. Rozhina

Mutual Fire Insurance of monastic buildings in 1910–1917 (based on materials from the Vologda province).....48

N. M. Ignatova

«Incomplete coverage of the logging area»: housing construction at the logging sites in the Veliky Ustyug timber industry enterprise in the early 1930s.....57

Bao Lingxiong

Medical activities of Zenrin Kyokai in Inner Mongolia (1933–1947).....69

A. M. Matsuk

Correspondence education in the system of secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950–1960s.....76

A. A. Brovina, K. A. Popova

Documentary collections of the Scientific Archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the study of the Arctic zones of the Russian Federation (Ust-Tsilma region of the Komi Republic).....86

L. P. Roshchevskaya, M. P. Roshchevsky

Materials of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the scientific activities of the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences B. P. Kolesnikov.....95

S. A. Simakova

On the history of the creation of the Institute of Chemistry of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (based on the documents of the academic archive).....103

T. A. Sokerin

Documents of the personal fund of G. M. Kozubov in the Scientific Archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the scientific and scientific-organizational activities of the scientist...113

M.A. Veremeichik

Memory of the 1917 Revolution as an ethno-political phenomenon in the countries of the South Caucasus.....119

T.I. Dronova

Historical memory policy in Russia and its implementation in the Komi Republic (based on the «Family Home» project).....124

Scientific Heritage

I. L. Zherebtsov

The first stationary ethnographic expedition of L. N. Zherebtsov (Izhma region, 1961). Dedicated to the 100th birth anniversary of the scientist.....130

I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin

Historical and ethnographic trip of L. P. Lashuk in 1956 to the Upper Vychegda (to mark the centenary of the scientist's birth).....	137
---	-----

Reviews**O. V. Zolotaryov**

Du A. F., Zherebtsov I. L., Azarov O. I. Syktyvkar: people, events, symbols	151
---	-----

O. V. Zolotaryov

Kotov P.P., Martynchuk T.A. Preschool institutions in Komi in the beginning of the XX century – mid-1940s.....	153
--	-----

L. A. Maksimova

Faculty of History, Syktyvkar State University (1972–2022)	156
--	-----

Anniversaries

A word about our Chief Historian.....	159
---------------------------------------	-----

Raisa Ivanovna Kosnyreva is 90	162
--------------------------------------	-----

Evgeny Alexandrovich Tsypanov is 65	164
---	-----

Memorable dates

In memory of Lyutsiya Mikhailovna Beznosikova (29.04.1940–20.06.2025).....	166
--	-----

To 100th birth anniversary of Tsilya Izrailevna Zilberg (February 21, 1925)	168
---	-----

Бронзовые чаши и миски из курганных могильников эпохи Великого переселения народов европейского Северо-Востока

А. Л. Белицкая*, В. И. Силаев**,
В. Н. Филиппов**, А. Ф. Хазов**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

** Институт геологии им. Н. П. Юшкина ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

belitskaia522@yandex.ru

silaev@geo.komisc.ru

filippov@geo.komisc.ru

akhazov@geo.komisc.ru

Аннотация

Рассмотрена одна из категорий «дальнего импорта» на территорию лесной зоны Евразии в эпоху Великого переселения народов (ВПН) – металлическая посуда из высокооловянистой бронзы, получившей в историографии название «белая бронза». Вещи из нее – технического апогея в обработке сплавов на основе меди, известны на площади Иранского плато, богатого месторождениями меди и олова. Однако регион и время их производства остаются предметом дискуссий. Появление посуды в научной литературе связывается с финалом империи Сасанидов (конец VII в.), однако комплексы памятников Западной Сибири, Вятско-Камского междуречья и европейского Северо-Востока (ЕСВ) позволяют уверенно говорить о появлении здесь изделий из «белой бронзы» уже в VI в. Распространившись в Передней Азии как подражание серебряной посуде сасанидского периода, чаши и миски из «белой бронзы» в Западной Сибири и на европейском Северо-Востоке стали предметами культового назначения, а в бассейне р. Вятки – материалом для изготовления украшений – трапецевидных подвесок.

Ключевые слова:

Великое переселение народов, европейский Северо-Восток, курганный могильник, Сасанидский Иран, посуда, «белая бронза», минералогический анализ

На данный момент на ЕСВ известно восемь курганных некрополей эпохи ВПН (вторая половина V – начало VIII в.). Ареал их распространения, за одним исключением, охватывает бассейн р. Вытегры. Некрополи оставлены пришлыми группами, генетически связанными с населением ломоватовской и неволинской культур Верхнего Прикамья. Металлическая посуда не уникальный, но редкий предмет в инвентаре этих памятников. Наиболее яркий и известный ее экземпляр – серебряный ритон с головой быка из Веслянского I могильника [1, с. 95; 2, с. 52, 92].

Bronze cups and bowls from burial mounds of the epoch of the Great Migration of Peoples of the European Northeast

A.L. Belitskaya*, V.I. Silaev**, V.N. Filippov**,
A.F. Khazov**

* Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

** Institute of Geology named after academician N. P. Yushkin,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

belitskaia522@yandex.ru

silaev@geo.komisc.ru

filippov@geo.komisc.ru

akhazov@geo.komisc.ru

Abstract

One of the categories of “long-range imports” to the territory of the Eurasian forest zone during the era of the Great Migration of Peoples is considered – metal tableware made of high-tin bronze, called “white bronze” in historiography. Items made of it, the technical apogee of processing copper-based alloys, are known in the area of the Iranian plateau, rich in copper and tin deposits. However, the region and time of their production remain a matter of debate. The appearance of tableware in the scientific literature is associated with the end of the Sassanid Empire (late VII century), however, the complexes of sites of Western Siberia, the Vyatka-Kama interfluvium and the European North-East allow us to confidently speak about the appearance of “white bronze” items here already in the VI century. Having spread across Western Asia as an imitation of the silverware from the Sassanid period, cups and bowls made of “white bronze” became objects of religious significance in Western Siberia and the European Northeast, and in the Vyatka River basin they became materials for making adornments – trapezoidal pendants.

Keywords:

Great Migration of Peoples, European Northeast, burial mound, Sassanian Iran, tableware, “white bronze”, mineralogical analysis

В 2022 г. Е. В. Поповым на Юванаягском курганном могильнике найден новый экземпляр металлической посуды. Ее изучение привело к интересным результатам, требующим более подробного описания этой категории погребального инвентаря, которая ранее не была предметом специального исследования.

Чаши из цветного металла, помимо Юванаягского, были найдены в Борганьельском, Веслянском I и Шойнаягском могильниках (рис. 1), целые экземпляры – на первых трех [3, с. 11; 4, рис. 49.25; 5 с. 50]. С Борганьельским Юванаяг-

ский могильник связан генетически: они расположены в 11 км друг от друга, имеют большое сходство погребального обряда и, вероятнее всего, оставлены одной группой населения. С Шойнаягским могильником Юванаягский близок хронологически, они маркируют разные пути продвижения мигрантов из Верхнего Прикамья на ЕСВ [6, с. 106–107]. Веслянский I могильник – первый из открытых и изученных на ЕСВ, самый богатый по погребальному инвентарю.

В историографии посуда, подобная исследуемой, именуется «чашами», однако необходимо уточнение. В методике определения форм керамических сосудов по общей пропорциональности отношения высоты к наибольшему диаметру ($H/D_{\max}$) сосуды с открытым устьем с показателем 0–0,3535 [7, с. 128–129] относятся к мисковидным. Юванаягский, борганьельский и веслянский предметы имеют коэффициенты 0,2421; 0,2514; 0,3857 соответственно. Таким образом, первые два правильнее классифицировать как миску – открытый сосуд с широким дном и невысокими стенками.

Юванаягский могильник исследовала Л. И. Ашихмина в 1986–1988 гг. Вскрыто девять насыпей и 23 погребения, памятник датирован концом V–VI в. [8, с. 5]. Миска найдена на склоне террасы вместе с железным воинским шлемом во время съемки инструментального ситуационного плана в 2022 г.¹

Борганьельский могильник исследовала Л. И. Ашихмина в 1984–1986 гг. Вскрыто 25 курганов и 48 погребений. Памятник датирован VI–VII вв. [3]. Миска найдена в центре погр. 8/VI² вместе с пряжками, полихромным поясным

¹ Установить контекст ее нахождения на могильнике до раскопок не представляется возможным. Вероятнее всего, вещи были сокрыты с неопределенной целью в ходе археологических работ 1987 г.

² Здесь и далее: номера погребения/кургана.

Рисунок 1. Курганные могильники европейского Северо-Востока: 1 – Вомыньягский; 2 – Эжольский; 3 – Угдым II; 4 – Сэбысьский; 5 – Шойнаягский; 6 – Юванаягский; 7 – Борганьельский; 8 – Веслянский I.

Fig. 1. Burial mounds of the European Northeast. 1 – Vomyynyag; 2 – Ezhol; 3 – Ugdyim II; 4 – Sebys; 5 – Shoinayag; 6 – Yuvanayag; 7 – Borganyol; 8 – Veslyana I.

набором и железным ножом [9, л. 12]. Четыре фрагмента еще одной чаши, покрытые черной патиной (рис. 2.6, 7), найдены в центре погребения кургана XIII. Его инвентарь представлен ножнами, пряжкой, коньковой пронизкой из цветного металла и железным ножом.

Шойнаягский могильник исследовал И. О. Васкул в 1985, 1986, 1990 гг. Вскрыто 17 курганов и 23 погребения; датирован второй половиной V–VI в. Обломки чаши найдены в заполнении погребения кургана V. На его дне лежал фрагмент однолезвийного меча [5].

Веслянский I могильник исследовала Э. А. Савельева в 1961–1962, 1974–1975 гг. Первоначально он копался как грунтовый, исследовано 27 погребений³. Некрополь датирован V–началом VIII в. Чаша найдена на уровне древней поверхности в изголовье погр. 16/I – одного из наиболее богатых на памятнике, в инвентаре четыре монеты Перо-за (459–484), однако автором раскопок оно датировано не ранее VI в. [1, с. 93].

Юванаягская миска высотой 4,6 см, диаметр устья – 19 см, толщина стенки – 0,25 см (рис. 2.1), борганьельская – высотой 4,6 см, диаметр устья – 18,3 см, толщина стенки – 0,3 см (рис. 3.3). Размеры чаши из Весляны I – 14х5,4 см (рис. 3.2). Первые две почти идентичны, но имеют разный цвет: юванаягская – золотисто-желтая, борганьельская – серебристо-серая. Веслянский экземпляр выше и так же, как и юванаягский, золотисто-желтый. Различия в цвете изделий связаны с разным процентным содержанием олова в сплаве: до 23 % металла дают золотистый оттенок, от 24 % – серебристый [10, с. 74].

В Институте геологии им. Н. П. Юшкина ФИЦ Коми НЦ УрО РАН проведено исследование материала юванаягской миски (рис. 4.1, 2). Использовались рентгеновская дифрактометрия (Shimadzu XRD-6000); термический анализ (DTG-60A/60AH Shimadzu); рентгенофлуоресцентный анализ (Shimadzu XRF-1800); аналитическая сканирующая электронная микроскопия (JSM-6400 Jeol); изотопная спектрометрия (Delta V+ (Finnigan) с элементным анализатором Flash EA-HT 1112 и газовым коммутатором Confo IV). Результаты представлены в табл. 1.

Основной материал, из которого сделана миска – высокооловянистая бронза состава $Cu_{0,77-0,84}Sn_{0,15-0,22}Fe_{0,01-0,02}$. На некоторых участках она сульфидизирована, приобретая состав $(0,72-0,88)(Zn_{0,65-0,86}Fe_{0,14-0,35})S+(0,12-0,28)(Cu_{0,25-0,42}Sn_{0,1-0,34}Fe_{0-0,52}Ag_{0-0,58})$. Из приведенной формулы видно, что сульфидная компонента на таких участках соответствует железистому сфалериту, а бронзовая компонента отличается от основного бронзового материала миски ожелезнением и осеребриванием. Не исключено, что появление таких участков обусловлено технологической причиной (сплав с небронзовой примесью). В ос-

Основной материал, из которого сделана миска – высокооловянистая бронза состава $Cu_{0,77-0,84}Sn_{0,15-0,22}Fe_{0,01-0,02}$. На некоторых участках она сульфидизирована, приобретая состав $(0,72-0,88)(Zn_{0,65-0,86}Fe_{0,14-0,35})S+(0,12-0,28)(Cu_{0,25-0,42}Sn_{0,1-0,34}Fe_{0-0,52}Ag_{0-0,58})$. Из приведенной формулы видно, что сульфидная компонента на таких участках соответствует железистому сфалериту, а бронзовая компонента отличается от основного бронзового материала миски ожелезнением и осеребриванием. Не исключено, что появление таких участков обусловлено технологической причиной (сплав с небронзовой примесью). В ос-

³ Насыпи прослежены при камеральных работах по завершении раскопок, выделено два кургана. Несомненно, количество курганов больше, но для их определения требуется детальный анализ чертежей памятника, поэтому в работе используются предложенные ранее данные.

новном материале миски – высокооловянистой бронзе – присутствуют редкие микровключения поликомпонентных металлических сплавов на основе железа – $\text{Fe}_{0,68-0,92}\text{Cu}_{0,04-0,21}\text{Sn}_{0,01-0,08}\text{Zn}_{0-0,02}\text{S}_{0-0,01}\text{As}_{0-0,06}$.

На поверхности миски обнаружены локальные проявления продуктов окисления и окремнения бронз – локальные микрокорки состава $0,58-0,98(\text{Cu}_{0,68-0,95}\text{Fe}_{0,05-0,32}\text{Pb}_{0-0,02})[\text{SiO}_2]_{0,88-1}[\text{SO}_4]_{0-0,12} + (0,02-0,42)\text{SnO}_2$. Кроме того, на поверхности наблюдаются участки зеленоцветной минерализации, образовавшейся эпигенетически по первичному бронзовому материалу. В составе вторичной минерализации установлены:

1) фосфато-сульфато-карбонаты состава $(\text{Cu}_{0,36-0,97}\text{Fe}_{0,02-0,51}\text{Ca}_{0-0,01}\text{Zn}_{0-0,11}\text{K}_{0-0,02}\text{Sn}_{0-0,02})[\text{CO}_3]_{0,09-1,37}[\text{SO}_4]_{0-0,03}[\text{PO}_4]_{0,21-0,63}$; 2) малахитоподобные карбонаты $(\text{Cu}_{1,16-2}\text{Fe}_{0-0,84}\text{Sn}_{0-0,02})[\text{CO}_3](\text{OH})_2$; 3) атакмитоподобные гидроксихлориды $(\text{Cu}_{1,48-1,96}\text{Fe}_{0,04-0,46}\text{Sn}_{0-0,08})\text{Cl}_{0,79-2,7}[\text{SO}_4]_{0-0,12}(\text{OH})_{1,3-3,16}$. Обнаружение атакмитоподобных фаз на археологических культурных артефактах является беспрецедентным (рис. 4.3). Рабочая гипотеза механизма их образования: в миске при ее последнем использовании лежала соль – природное соединение хлора.

Поиск аналогий в археологических культурах (АК) середины – второй половины I тыс. н. э. уводит нас по обе стороны Уральских гор. Известно не менее 24 подобных экземпляров⁴; публикации посвящены как отдельным вещам [5, 11–16], так и имеют обобщающий характер [10, 17–19].

Основные характеристики посуды ЕСВ, Западной Сибири и Вятско-Камского междуречья представлены в табл. 2. За исключением самых поздних (могильник Архирейская Заимка и селище Остяцкий живец IV), чаши не орнаментированы. Наиболее близки посуде ЕСВ чаши Рёлкинского (юванаягская и борганьельская) и Красноярского IV (весьлянская) курганных могильников. Следует отметить, что в курганах Рёлки, как и на Юванаяге, были найдены воинский шлем типа шпангельхельм и обрывки кольчуги [16, с. 32–33].

Исследования состава сплавов западносибирских изделий нам неизвестны. В публикации посуды вятско-камского региона приведены результаты РФ-анализа химического состава 13 вещей [10, с. 73]. Содержание

⁴ Неясно, сколько чаш найдено в Васюганском кладе – помимо целой, там могла находиться как минимум еще одна, во фрагментированном состоянии.

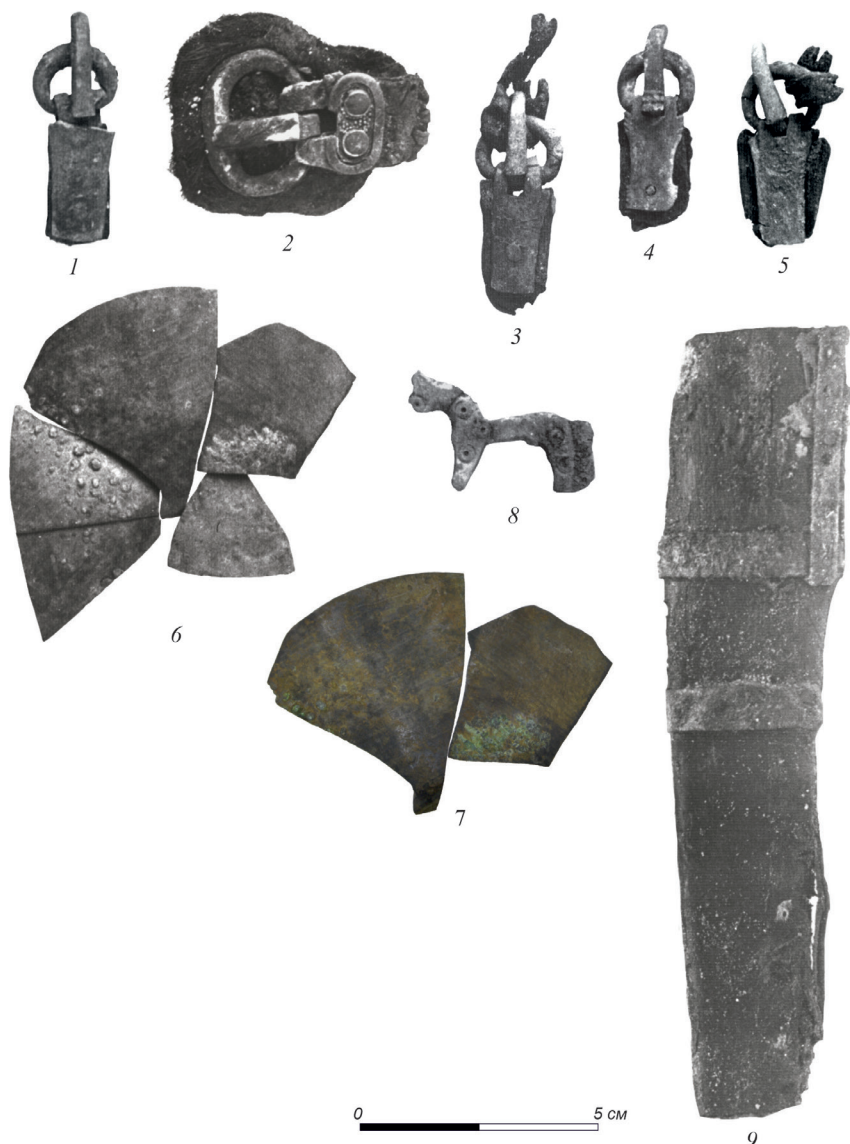

Рисунок 2. Могильник Борганьель. Инвентарь. 1, 3–5 – пряжка из цветного металла; 2 – полихромная пряжка с инкрустацией; 6, 7 – фрагменты чаши из «белой бронзы»; 8 – коньковая пронизка из цветного металла; 9 – деревянные ножны с окантовкой из цветного металла. 1, 2 – погр. 8/VI; 3–9 – кург. XIII. 1–6, 8, 9 – фото из отчета Л. И. Ашихминой (1985); 7 – фото Н. А. Конюхова.
Pic. 2. Borganyol burial ground. Inventory. 1, 3–5 – non-ferrous metal buckle; 2 – polychrome buckle with inlay; 6, 7 – fragments of a “white bronze” bowl; 8 – non-ferrous metal ridge piercing; 9 – wooden scabbard with non-ferrous metal edging. 1, 2 – burial 8/VI; 3–9 – burial mound XIII. 1–6, 8, 9 – photo from the report by L. I. Ashikhmina (1985), 7 – photo by N. A. Konyukhov.

олова в них колеблется от 22,2 до 39,8 %, что согласуется с результатами исследования юванаягской миски и включает изделия с территории ЕСВ в единый круг изделий из высокооловянистой бронзы.

В Западной Сибири и на ЕСВ известны, в основном, целые вещи, в Вятско-Камском бассейне – фрагменты: население еманаевской культуры использовало их для изготовления трапециевидных подвесок. Не исключено, что это лом вышедшей из употребления посуды. В Западной Сибири пример вторичного использования встречен в Васюганском кладе, где из куска золотистой чаши был сделан наглазник. Обстоятельства находки клада неизвестны, васюганские вещи могут происходить из неизвестного погребения. На ЕСВ наглазники из драгоценных металлов известны в могилах на Весляне I и Борганьёле.

Рисунок 3. Посуда из «белой бронзы» курганных могильников Европейского Северо-Востока: 1 – Юванаягский могильник, п/м; 2 – Веслянский I могильник, погр. 16; 3 – Борганьельский могильник, погр. 8/VI. 1 – фото Е. В. Попова; 2 – рисунок из отчета Э. А. Савельевой (1974); 3А – фото из отчета Л. И. Ашихминой (1985), 3Б – фото Н. А. Конюхова.

Pic. 3. «White bronze» pottery from burial mounds of the European Northeast. 1 – Yuvanayag burial ground, p/m; 2 – Veslyan I burial ground, burial 16; 3 – Borganyol burial ground, burial 8/VI. 1 – photo by E. V. Popov; 2 – drawing from the report of E. A. Savelyeva (1974); 3A – photo from the report of L. I. Ashikhmina (1985), 3B – photo by N. A. Konyukhov.

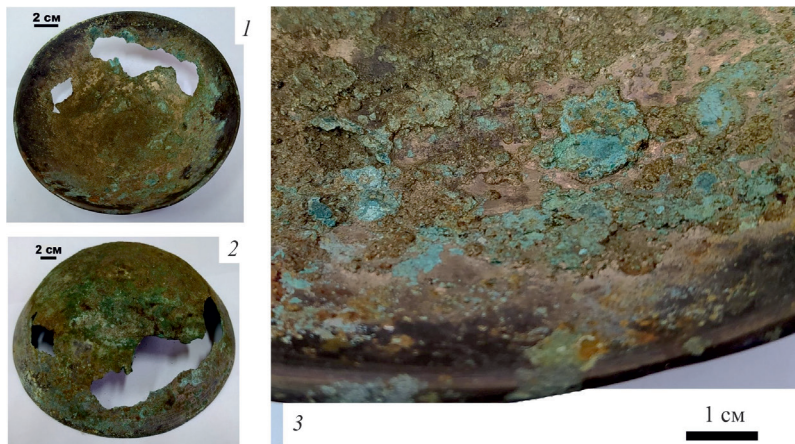

Рисунок 4. Миска Юванаягского могильника: 1 – внутренняя поверхность; 2 – внешняя поверхность; 3 – микровыделения атакомита на дне миски.

Pic. 4. Bowl from the Yuvanayag burial ground. 1 – inner surface; 2 – outer surface; 3 – atakomite microsegregations on the bowl bottom.

Высказано предположение, что металлические чаши использовались в ритуально-поминальной практике [там же, с. 74], но с этим можно согласиться только отчасти. Найденная на могильниках металлическая посуда служила ритуальным целям, но не в поминальной тризне. На это указывают захоронение головы в чаше из Архирейской Заимки и нахождение вместе с ней, а также рёлкинской и васюганской чашами, односторонне литых бляшек в виде летящих птиц с личиной на груди. Схожие с западносибирскими орнитоморфные бляхи на ЕСВ характерны для периода VI–VIII вв. [20, с. 101]. Скорее всего, посуда была маркером особого социального статуса погребенного. У аверинской и васюганской чаш проделаны отверстия в стенке. Н. В. Фёдорова приводит параллели из этнографии угорских народов, где подвешенная на дерево металлическая посуда выполняла в обрядовой практике функцию солярного символа [19, с. 68].

Хрестоматийной работой о посуде из высокооловянистой бронзы стала статья А. С. Меликяна-Ширвани (A. S. Melikian-Chirvani) [21]. Он обосновал существование иранской школы производства посуды из медного сплава с высоким содержанием олова, который предложил называть «белой бронзой». В узком смысле – это сплав серебристого цвета, выступающий более дешевой альтернативой серебру. Однако мы считаем возможным распространить это название на все рассматриваемые нами предметы. Сам автор под «белой бронзой» (по-персидски «сафидруй») подразумевает медный сплав с содержанием олова более 20 %. Изделия из него изготовлены особым способом – с кузнечной проковкой литых заготовок и последующими их резким охлаждением и шлифовкой, что придает металлу особый маслянистый блеск поверхности, антикоррозийные качества и музыкальность. Изучаемые нами вещи обладают этими признаками, что указывает на единую технологию, существовавшую в определенный период времени.

Вопрос о времени и месте производства такой посуды остается нерешенным. А. С. Меликян-Ширвани искал истоки в позднесасанидском Иране. Он относит начало изготовления вещей из этого сплава ко времени правления

аль-Хаджаджа ибн Юсуфа (конец VII – начало VIII в.) как подражание сосудам из серебра. Местом появления «белой бронзы», по мнению А. С. Меликяна-Ширвани, может быть восток иранского мира или Каспийский регион [там же, с. 124–136].

В новом исследовании вещей из раскопок 1930-х гг. поселения Каср-и Абу Наср, подтверждены выводы А. С. Меликяна-Ширвани об использовании «белой бронзы» в Сасанидском Иране. Из трех рассматриваемых сосудов один, серебряный с примесью меди, имеет морфологическое сходство с изучаемыми нами. Два других – круглый сервировочный поднос и яйцевидная чаша для питья, имеют примесь олова в 23 и 7,6 % [22] соответственно. По поводу последнего числа следует отметить, что,

Таблица 1

Химический состав (мас. %) и эмпирические формулы высокооловянистой бронзы (1–11) и продуктов ее сульфидизации (12–17) в миске с Юванаягского могильника

Table 1

Chemical composition (wt. %) and empirical formulas of high-tin bronze (1–11) and its sulfidization products (12–17) in a bowl from the Yuvanayag burial ground

№ п/п	Cu	Sn	Fe	Zn	Ag	S	Формулы
1	73,53	25,94	0,53	не обн.	не обн.	не обн.	$Cu_{0,83}Sn_{0,16}Fe_{0,01}$
2	70,54	28,28	1,18	«	«	«	$Cu_{0,81}Sn_{0,17}Fe_{0,01}$
3	72,08	27,36	0,56	«	«	«	$Cu_{0,82}Sn_{0,17}Fe_{0,01}$
4	74,16	25,21	0,63	«	«	«	$Cu_{0,84}Sn_{0,15}Fe_{0,01}$
5	71,86	27,78	0,36	«	«	«	$Cu_{0,83}Sn_{0,16}Fe_{0,01}$
6	70,12	29,45	0,43	«	«	«	$Cu_{0,81}Sn_{0,18}Fe_{0,01}$
7	72,71	26,35	0,94	«	«	«	$Cu_{0,83}Sn_{0,16}Fe_{0,01}$
8	70,71	28,84	0,99	«	«	«	$Cu_{0,81}Sn_{0,17}Fe_{0,02}$
9	64,86	34,22	0,92	«	«	«	$Cu_{0,77}Sn_{0,22}Fe_{0,01}$
10	70,46	28,92	0,62	«	«	«	$Cu_{0,81}Sn_{0,18}Fe_{0,01}$
11	68,9	30,39	0,7	«	«	0,01	$Cu_{0,8}Sn_{0,19}Fe_{0,01}$
Среднее	70,9	28,43	0,71	0	0	0,001	$Cu_{0,77-0,84}Sn_{0,15-0,22}Fe_{0,01-0,02}$
СКО	2,54	2,48	0,26			0,003	
12	6,92	3,57	15,0	46,58	«	27,93	$0,84(Zn_{0,86}Fe_{0,14})S + 0,16Cu_{0,34}Sn_{0,34}Fe_{0,32}$
13	8,39	8,89	11,66	41,61	4,02	25,43	$0,83(Zn_{0,81}Fe_{0,19})S + 0,17Cu_{0,4}Sn_{0,33}Fe_{0,16}Ag_{0,11}$
14	14,49	13,43	8,96	28,7	12,52	21,9	$0,72(Zn_{0,65}Fe_{0,35})S + 0,28Cu_{0,424}Sn_{0,22}Fe_{0,15}Ag_{0,21}$
15	12,81	5,51	10,49	32,51	14,18	24,5	$0,84(Zn_{0,65}Fe_{0,24}Cu_{0,11})S + 0,16Cu_{0,424}Sn_{0,14}Ag_{0,44}$
16	8,68	9,41	11,77	40,92	3,51	25,71	$0,75(Zn_{0,76}Fe_{0,24})S + 0,25Cu_{0,25}Sn_{0,1}Fe_{0,03}Ag_{0,58}$
17	5,11	3,83	14,69	48,16	не обн.	28,21	$0,88(Zn_{0,84}Fe_{0,16})S + 0,12Cu_{0,34}Sn_{0,14}Fe_{0,52}$
Среднее	9,4	7,44	12,1	39,75	5,71	25,61	$(0,72-0,88)(Zn_{0,65-0,86}Fe_{0,14-0,35})S + (0,12-0,28)(Cu_{0,25-0,42}Sn_{0,1-0,34}Fe_{0-0,52}Ag_{0-0,58})$
СКО	3,57	3,84	2,36	7,7	6,18	2,33	

Примечание. Результаты анализов приведены к 100 мас. %.
Note: The analysis results are expressed as 100 wt%.

Таблица 2

Изделия из высокооловянистой бронзы середины – второй половины I тыс. н. э. из Западной Сибири, Европейского Северо-Востока и Вятско-Камского междуречья

Table 2

High-tin bronze items of the middle-second half of the I millennium AD from Western Siberia, the European Notheast and the Vyatka-Kama interfluve

Памятник, АК, датировка	Условия залегания	Вид	Размер, см	Цвет	Декор
Борганьёльский м-к, м-ки типа Веслянского I, VI–VII вв.	Погр. 8/VI, дно, центр	Миска	18x4,6x0,3	Серебристо-серый	Н/о
	Погр. кург. XIII, дно, центр	Фрагменты	-	Черный	Н/о
Юванаягский м-к, м-ки типа Веслянского I, кон. V–VI вв.	П/м	Миска	19x4,6x0,25	Золотисто-желый	Н/о
Шойнаягский м-к, м-ки типа Веслянского I, вт. пол. V–VI вв.	Кург. V, засыпь	Мелкие фрагменты	-	-	-
Веслянский I м-к, м-ки типа Веслянского I, VI – нач. VIII вв.	Погр. 16/I, древняя дневная поверхность, изголовье	Миска	14x5,4	Золотисто-желый	Н/о
Красноярский IV м-к, карымский этап, нижнеобская ИКО, IV–VI вв.	Погр. 1/24, дно, изголовье	Миска	20x6,4	Золотисто-желый	Н/о
Селище Остяцкий живец IV, кучиминский этап, нижнеобская ИКО, VII–IX вв.	-	Чаша	12,2x3,5	Золотисто-желый	Лепестки на дне
Рёлкинский м-к, зеленогорско-рёлкинский этап, нижнеобская ИКО, VI–VII вв.	Кург. I, насыпь	Миска	12x5,5x0,15	Золотисто-желый	Н/о
М-к Архирейская заимка, томский вариант, верхнеобская АК, VII – пер. пол. VIII в.	Кург. (погр.) 5, центр	Чаша	17x8,9	Золотисто-желый	Каннелюры
М-к Архирейская заимка, томский вариант, верхнеобская АК, VII – пер. пол. VIII в.	Погр. 3	Мелкие фр-ты	-	Золотисто-желый	Каннелюры

Памятник, АК, датировка	Условия залегания	Вид	Размер, см	Цвет	Декор
Васюганский клад, VII в.	-	Чаша	11,8-15х4х0,06-0,2	Золотисто-желый	Н/о
		Наглазник	-	-	Н/о
		Фрагменты	-	-	Н/о
Аверинский II м-к, ломоватовская АК, VI-VII вв.	Древняя дневная поверхность, м/м пространство	Миска	14,5х3,5х0,15	Матово-серый	Н/о
Верх-Саинский м-к, верх-саинский этап, неволинская АК, VI в.	Погр. I/42	Подвеска аморфная	3,3х3,7х0,1х0,09 D чаши – 10	-	Н/о
Верх-Саинское I городище, неволинская АК, VI-IX вв.	Вал городища, слой 5	Фрагменты	2,7х2,3х0,6 D чаши – 10	-	Н/о
	Слой 4	Фрагменты чаши	4,1х2,8х0,5 D чаши – 12	-	Н/о
Концовский м-к, еманаевская АК, VI в.	Погр. 25	Подвески трапециевидные – 2 экз.	2,5-7,2х7,7 2,5-6,9х8 D чаш – 17-20х4-4,5х0,05-0,09	-	Н/о
	Погр. 28	Подвеска трапециевидная	2-6х4,5х0,06-0,1 D чаши – не менее 14	-	Н/о
	Погр. 30	Подвеска трапециевидная	7-7,3х2,2-5,5х0,03-0,095 15х5,5х0,03-0,095	-	Н/о
Тат-Боярский м-к, еманаевская АК, VI – нач. VII в.	Погр. 4	Подвеска трапециевидная	1,5-3,8х7х0,7 16х5х0,7	-	Н/о
	Погр. 14	Подвеска трапециевидная	2-4,5х5х0,6 16х0,6	-	Н/о
	Погр. 52	Подвески трапециевидные – 8 экз.	1-2,5х4,5х0,4-1 D чаши – не менее 14	-	Н/о
	П/м – 2 экз.	Подвеска трапециевидная	1-6,5х4,5х0,1-0,15	-	Н/о

Условные обозначения. АК – археологическая культура; кург. – курган; м-к – могильник; м/м – межмогильное; н/о – неорнаментированная; погр. – погребение; п/м – подъемный материал.

Legend. АК – archaeological culture; кург. – burial mound; м-к – burial ground; м/м – intergrave; н/о – non-ornamented; погр. – burial; п/м – lifting material.

по данным А. С. Меликяна-Ширвани, сплав чаши в виде «лодочки» имеет 76 % меди и 21,9 % олова [21, с. 150–151]. Такая разница в результатах может быть обусловлена выбранной для исследования неинвазивной методикой, при которой анализировался металл с поверхности, покрытой коррозией. Таким образом, оба предмета можно отнести к изделиям из «белой бронзы». Причем авторы отмечают, что чаши в форме «лодочки» хорошо известны в империи Сасанидов, но обычно они серебряные. Образец из высокооловянистой бронзы свидетельствует о том, что придворные традиции употребления спиртных напитков воспроизводились людьми с более низким социальным статусом.

Поселение Каср-и Абу Наср – многослойное, но состояние методики полевых работ 1930-х гг. не позволяет сейчас стратифицировать найденные чаши, поэтому они датированы широко – III–VII вв. Авторы считают, что поселение было частью развитой торговой сети и предметы свозились туда из разных мест [22].

По мнению К. А. Руденко, время поступления такой посуды в Западную Сибирь и Волго-Камское междуречье – VII–IX вв. [там же, с. 157–159]. На двух могильниках вместе с посудой из «белой бронзы» найдены серебряные чаши: хорезмийский сосуд VII – начала VIII в. в погр. 164 Верх-Саи [там же, с. 158] и упоминавшийся выше ритон из погр.

23 Весляны I. Погребение 23 датировано VII в., возможно, первой его половиной [1, с. 95], хотя в нем найдены монеты Пероза (предположительно, 465 г.) и Кавада I (506 г.). Более осторожной нам кажется широкая датировка – VI–VII вв. [2, рис. 52, с. 100]. Корпус ритона оформлен «лепестками», аналогичный декор мы находим на 6–8-гранных чашках с ручкой, датируемых А. С. Меликяном-Ширвани VIII в. [21, рис. 1, 2, с. 126], но, в целом, вертикальные каннелюры характерны для иранской посуды с ахеменидского времени.

Таким образом, можно утверждать, что традиции изготовления сплава «белой бронзы» сложились ранее VII в. По нашему мнению, время «выпадения» рассматриваемой посуды в лесной полосе Евразии – VI–VII вв. У наиболее поздних чаш с селища Остяцкий живец IV и могильника Архирейская заимка присутствует орнамент на дне; можно предположить, что отсутствие орнамента – хронологический признак. Но одновременно это затрудняет определение центра производства и путей поступления.

В Поволжье металлические чаши из «белой бронзы» распространяются в X–XI вв., т. е. позднее, чем предлагаемая нами дата их «выпадения». К. А. Руденко указывает на находки только двух чаш, известных в материалах Перемчалкинского и Шошкинского могильников Примокшанья [23, с. 158]. Это исключает волжский путь импорта

на ЕСВ и Вятско-Камский регион. В качестве возможной транзитной зоны предложена территория неволинской культуры – водораздел рек Урал, Белая, Сылва, Тобол, с возможностью как «восточного», так и «южного» направлений движения вещей [10, с. 76]. Этот тезис не лишен оснований: наиболее ранний комплекс находится в Сибири – Красноярский IV могильник на р. Иртыш. Р. Р. Русланова описывает доарабский путь движения художественных изделий из металла из Средней Азии, в частности Хорезма, через территории неволинской и ломоватовской культур на ЕСВ [24, с. 65–66].

Неоднозначны взгляды исследователей на регион производства. Интересна точка зрения Е. М. Черных, которая в качестве возможного места изготовления такой посуды указывает южноиндийский штат Керала. При этом она отмечает налаженные связи Прикамья с восточными районами Ирана и Средней Азии [12, с. 95–100].

В Западной Сибири полированные металлические чаши из золотистой бронзы относят к раннесредневековому импорту из Западной Европы, Византийской империи, Сасанидского Ирана, Арабского халифата [18, с. 25–26]. Н. В. Фёдорова называла их предметами «дальнего импорта» с территории Среднего Востока (Иран, Средняя Азия) [19, с. 65]. Прикамские археологи предполагают их центральноазиатское происхождение, указывая, что посуда из «белой бронзы» известна в Средней Азии и Иране [10, с. 75].

Е. В. Водясов отмечает близость чаши с Архирейской Заимки с хорезмийскими предметами VII–начала VIII в. [11, с. 94], О. Б. Беликова и Л. М. Плетнёва считали ее импортом из Средней Азии [13, с. 86]. Той же точки зрения на место производства рёлкинской и васюганской чаш придерживается Л. А. Чиндина [16, с. 27]. Аналогии красноярской чаше авторы находят в Согде и Педжикенте VI–VIII вв. [14, с. 69].

К. А. Руденко указывает, что высокооловянистые сплавы были распространены на всем Среднем Востоке. Также он отмечал возможное золочение или серебрение вещей [17, с. 21–23], что может объяснять присутствие серебра в продуктах сульфидизации юванаягской миски.

Таким образом, на сегодняшний день исследование бронзовой посуды из курганных могильников ЕСВ ставит больше вопросов, нежели дает ответов. По составу сплава она относится к изделиям из «белой бронзы», что подтверждается физико-химическими исследованиями экземпляра с Юванаяга. На ЕСВ известно пять экземпляров, происходящих из четырех могильников, что достаточно много по сравнению с другими территориями. Изделия из «белой бронзы» не уникальны, но достаточно редки в лесной зоне Евразии; их распространение можно объяснить культурным импульсом, заданным эпохой ВПН. Этот интересный сплав завоевал популярность своими свойствами, что подчеркивается разным функциональным назначением посуды, которая использовалась как по прямому назначению, так и вторично – как погребальные урны или материал для украшений.

Место и время происхождения посуды из «белой бронзы» остаются дискуссионными. Ряд исследователей

склоняется к их появлению в Сасанидском Иране, что не лишено оснований: Иранское плато и территория Афганистана богаты месторождениями меди. Ее обилие приводит к предположению, что весь этот регион мог быть «сердцем» развития бронзовой металлургии. Количество оловянных же рудников здесь не столь велико, как меденосных. Единственные следы олова, которые были геологически задокументированы в пределах современных политических границ Ирана, находятся на юго-востоке, в Дашт-е Лут около Систана. Крупные месторождения олова были обнаружены в Афганистане [25]. Поэтому мы сейчас можем говорить только о широком географическом контексте появления посуды из «белой бронзы» – Передней Азии.

Время бытования посуды из «белой бронзы» на памятниках лесной зоны Евразии – VI–VIII вв., что ставит под сомнение дату ее появления, предложенную А. С. Меликяном-Ширвани, – конец VII в. На настоящем уровне исследований мы считаем, что бронзовые миски и чаши на территории ЕСВ появились не позднее VI в. вместе с населением, оставившим курганные могильники. В подтверждение коротко обратимся к датировке сопровождающих их предметов. Инвентарь из погр. 16 Веслянского I могильника был рассмотрен ранее [1, с. 93], поэтому в фокусе нашего внимания комплексы Борганьельского некрополя.

Трехсоставные пряжки со слегка утолщенной рамкой, сильно выступающим за него язычком и прямоугольным щитком (см. рис. 2.1, 3, 5), в одном случае имеющим насечки (см. рис. 2.4), из погр. 8/VI и кург. XIII датируются концом V–VI вв. или VI в., без его финала. Это харинский этап ломоватовской [26, с. 126] или верх-саинский этап неволинской [27, с. 163, табл. LXVI.7, 10] культур соответственно. Для последней характерны коньковые пронизки с циркульным орнаментом (см. рис. 2.8) [там же, с. 163, табл. LXVI.56]. В ломоватовской культуре они не встречаются.

Трехсоставная пряжка с овальным кольцом и язычком, доходящим до его середины (рис. 2.2), из погр. 8/VI Борганьеля имеет овальный щиток из золота с двумя вставками-кабошонами в напаянных гнездах. По краю щитка – имитация плетеной веревочки, на поверхности – шарики зерни. Последние напаяны на щиток неравномерно и представляют грубое подражание орнаменту из двух треугольников вершинами друг к другу. Р. Д. Голдина и Н. В. Водолага относили появление поясной гарнитуры в полихромном стиле в Верхнем Прикамье к концу IV–V вв., связывая его с событиями, вызванными гуннским нашествием в Европу [там же, с. 91]. Кажется, что по своей стилистике эта пряжка занимает среднее положение между вещами бродовской (конец IV–V вв.) и верх-саинской (VI в. без последней четверти) стадий неволинской культуры: она имеет небольшие размеры и язычок, не выступающий за кольцо, но орнамент уже тяготеет к геометризму «классической» «харинской» гарнитуры⁵. А. А. Краснощёров

⁵ В публикации материалов шлема Юванаягского могильника [28] пряжка в полихромном стиле из погр. 5/1 была датирована второй половиной IV в. Сейчас эта датировка и, в целом атрибуция вещи как принадлежащей к умеренно-зернёному стилю, по ряду признаков кажутся ошибочными. В первую очередь, речь идет о том, сопровождаются ли пряжки наклад-

указывает, что «харинские» полихромные пряжки датируются не ранее VI в. [29, с. 104].

Деревянные ножны с накладками из цветного металла известны на курганных могильниках как ЕСВ, так и Верхнего Прикамья. При общем сходстве можно выделить несколько типов, объединяющим элементом для которых будут заклепки-полугорошины. В отличие от других экземпляров, ножны из погребения кургана XIII Борганьёля их не имеют. Они представляют собой две деревянные планки, скрепленные в верхней части поперечными обоями (см. рис. 4.9), а продольно – пластиной из цветного металла. Ближайшее сходство с ними обнаруживает экземпляр из погр. 88 Усть-Сарапульского могильника мазунинской культуры, который был выделен в особый «крымский тип» второй половины III – начала IV в. [30], хотя эта датировка сильно выбивается из наших хронологических рамок. Вероятно, ножны с Борганьёля относятся все-таки к другому типу, более развитому, а ножны из Усть-Сарапула представляют собой один из самых ранних его экземпляров.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Савельева, Э. А. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника / Э. А. Савельева // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. – КСИА. – № 158. – С. 91–96.
2. Люди. Звери. Боги. Предметы первобытного искусства Северного Приуралья. Каталог выставки. – Сыктывкар: НМРК, 2017. – 100 с.
3. Ашихмина, Л. И. Погребальный обряд курганного могильника Борганьёль / Л. И. Ашихмина. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1988. – Вып. 191. – 24 с.
4. Архив Музея археологии и этнографии Сыктывкарского университета им. Питирима Сорокина. Ф. 2. Д. 3. 127 л.
5. Васкул, И. О. Шойнаягский могильник / И. О. Васкул, Ф. В. Овчинников // Этнокультурные процессы в древности на европейском Северо-Востоке: МАЕСВ. Вып. 16. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. – С. 44–57.
6. Белицкая, А. Л. К вопросу о культурном единстве курганных могильников европейского Северо-Востока / А. Л. Белицкая // Российская археология. – 2015. – № 2. – С. 101–109.
7. Цетлин, Ю. Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм сосудов / Ю. Б. Цетлин // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 124–180.
8. Ашихмина, Л. И. Исследования Вычегодско-Вятского отряда в бассейне средней Вычегды / Л. И. Ашихмина // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 3–5.
9. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 334. 18 л.
10. Лещинская, Н. А. Бронзовые чаши и изделия из них на раннесредневековых памятниках Вятско-Камского междуречья / Н. А. Лещинская, И. Ю. Пастушенко // Российская археология. – 2018. – № 4. – С. 66–80.
11. Водясов, Е. В. Элитное захоронение с кузнечными клещами в курганном могильнике Архиерейская Заимка (Томское Приобье) / Е. В. Водясов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 51. – С. 90–97.
12. Черных, Е. М. Бронзовая чаша из Аверинского II могильника: к вопросу об использовании привозной посуды населением Прикамья в I тыс. н. э. / Е. М. Черных // Культовые памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 90–100.
13. Беликова, О. Б. Памятники Томского Приобья / О. Б. Беликова, Л. М. Плетнёва. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. – 244 с.
14. Грачёв, М. А. Курганный могильник Красноярский IV эпохи Великого переселения народов / М. А. Грачёв, А. С. Зеленков, А. В. Слепцова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 4 (55). – С. 60–73. – DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-5>.
15. Могильников, В. А. Васюганский клад / В. А. Могильников // Советская археология. – 1964. – № 2. – С. 227–230.
16. Чиндина, Л. А. Могильник Рёлка на средней Оби / Л. А. Чиндина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. – 192 с.
17. Руденко, К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. / К. А. Руденко. – Казань: Репер, 2000. – 158 с.
18. Западная Сибирь в эпоху раннего средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Н. П. Матвеева, А. П. Зыков, А. С. Зеленков [и др.]. – Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета. – 2022. – 260 с.
19. Фёдорова, Н. В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность / Н. В. Фёдорова. – Омск: Золотой тираж, 2019. – 150 с.
20. Туркина, Т. Ю. Орнитоморфные мотивы в искусстве населения европейского Северо-Востока в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Т. Ю. Туркина // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2014. – Вып. 1 (17). – С. 94–102.
21. Melikian-Chirvani, A. S. The white bronzes of early Islamic Iran / A. S. Melikian-Chirvani // The Metropolitan museum of art journal. – 1974. – Vol. 9. – P. 123–151.
22. Oudbashi, O., Colburn, H. P., Caro, F. Sasanian and early Islamic copper-base metalworking at Qasr-e Abu Nasr, south-central Iran / O. Oudbashi, H. P. Colburn, F. Caro // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2025. – Vol. 17. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-024-02123-0/>
23. Руденко, К. А. О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию X–XI вв. (по материалам торевтики) / К. А. Руденко // Поволжская археология. – 2017. – № 2 (20). – С. 157–172. – DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2017.2.20.157.172>.
24. Русланова, Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков / Р. Р. Русланова. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 376 с.

ками или наконечниками ремней, составляя поясные наборы [29, с. 104]. Предметы в умеренно-зерненном стиле нет, а «харинские» пряжки – да. Вместе с юванаягской пряжкой была найдена прямоугольная накладка с тремя вставками и декором в виде треугольников из зерни.

25. Pigott, V. Bronze / V. Pigott, J. W. Allan // *Encyclopaedia Iranica*. – Leiden: Brill. – 2000. DOI: https://doi.org/10.1163/2330-4804_EIRO_COM_7159/
 26. Голдина, Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р. Д. Голдина. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. – 280 с.
 27. Голдина, Р. Д. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Р. Д. Голдина, Н. В. Водолаго. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. – 176 с.
 28. Белицкая, А. Л. Шлем эпохи Великого переселения народов с курганного могильника Юванаяг / А. Л. Белицкая, Е. В. Попов, В. И. Силаев [и др.] // *Российская археология*. – 2024. – № 1. – С. 186–202.
 29. Краснощёров, А. А. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей / А. А. Краснощёров // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. – Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2019. – Конф. 4, ч. 2. – С. 103–190.
 30. Краснощёров, А. А. Ножны из Усть-Сарапульского могильника в связи с находками в некрополях Дружное и Нейзац в Крыму / А. А. Краснощёров // *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. – Симферополь: «Наследие тысячелетий», 2018. – С. 116–126.
- ## References
1. Savelyeva, E. A. Khronologiya pogrebalnykh kompleksov Veslyanskogo I mogilnika [Chronology of the burial complexes of the Veslyansky I burial ground] / E. A. Savelyeva // *Problemy khronologii pamyatnikov Evrazii v epokhu rannego srednevekovya* [Problems of chronology of Eurasian sites in the Early Middle Ages]. – KSIA [Brief reports from the Institute of Archaeology]. – № 158. – P. 91–96.
 2. Ludi. Zveri. Bogi. Predmety pervobytnogo iskusstva Severnogo Priuralya. Katalog vystavki [People. Animals. Gods. Objects of primitive art of the Northern Urals. Exposition catalog]. – Syktyvkar: Natsionalnyy musey Respubliki Komi [National Museum of the Komi Republic]. – 2017. – 100 p.
 3. Ashikhmina, L. I. Pogrebalnyy obryad kurgannogo mogilnika Borganyol [Funeral rite of the Borganyol burial mound] / L. I. Ashikhmina. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, USSR Ac. Sci., 1988. – Issue 191. – 24 p.
 4. Arhiv Muzeya arheologii i etnografii Syktyvkar'skogo Universiteta im. Pitgirimy Sorokina [Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University]. F. 2. D. 3. 127 L.
 5. Vaskul, I. O. Shoynayag'skiy mogilnik [Shoynayag burial ground] / I. O. Vaskul, F. V. Ovchinnikov // *Etnokulturnye protsessy v drevnosti na Evropeyskom Severo-Vostoke* [Ethnocultural processes in ancient times in the European Northeast]. – MAESV [Materials on Archaeology of the European Northeast]. – Issue 16. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 1999. – P. 44–57.
 6. Belitskaya, A. L. K voprosu o kulturnom edinstve kurgannykh mogilnikov evropeyskogo Severo-Vostoka [On the question of cultural unity of burial mounds of the European North-East] / A. L. Belitskaya // *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology]. – 2015. – № 2. – P. 101–109.
 7. Tsetlin, Yu. B. Ob obshchem podkhode i metodike sistemnogo izucheniya form sosudov [On the general approach and methodology of the systematic study of vascular shapes] / Yu. B. Tsetlin // *Formy glinyannykh sosudov kak ob'ekt izucheniya. Istoriko-kulturnyy podkhod* [The shapes of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach]. – Moscow: Institute of Archaeology, RAS. – 2018. – P. 124–180.
 8. Ashikhmina, L. I. Issledovaniya Vychegodsko-Vyatskogo otryada v bassejne sredney Vychegdy [Studies of the Vychegda-Vyatka team in the Middle Vychegda basin] / L. I. Ashikhmina // *Arkheologicheskie otkrytiya Urala i Povolzh'ya* [Archaeological discoveries of the Urals and Volga region]. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, USSR Ac. Sci. – 1989. – P. 3–5.
 9. Scientific Archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 5. Op. 2. D. 334. 18 L.
 10. Leshchinskaya, N. A. Bronzovye chashi i izdeliya iz nikh na rannesrednevekovykh pamyatnikakh Vyatsko-Kamskogo mezhdurechya [Bronze bowls and products made from them on the Early Medieval sites of the Vyatka-Kama interfluve] / N. A. Leshchinskaya, I. Yu. Pastushenko // *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology]. – 2018. – № 4. – P. 66–80.
 11. Vodyasov, E. V. Elitnoe zakhoronenie s kuznechnymi kle-shchami v kurgannom mogilnike Arkhireyskaia Zaimka (Tomskoe Priobye) [Elite burial with blacksmith's tongs in the Arkhiereiskaya Zaimka burial mound (Tomsk Ob-area)] / E. V. Vodyasov // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bull. of Tomsk State Univ. History]. – 2018. – № 51. – P. 90–97.
 12. Chernykh, E. M. Bronzovaya chasha iz Averinskogo II mogilnika: k voprosu ob ispolzovanii privoznoy posudy naseleniem Prikam'ya v I tys. n.e. [A bronze bowl from the Averinsky II burial ground: on the question of the use of imported dishware by the population of the Kama region in the I millennium AD] / E. M. Chernykh // *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: materialy i issledovaniya* [Cult sites of the Kama-Vyatka region: materials and research]. – Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch, RAS, 2004. – P. 90–100.
 13. Belikova, O. B. Pamyatniki Tomskogo Priobya [Sites of the Tomsk Ob-area] / O. B. Belikova, L. M. Pletneva. – Tomsk: Tomsk Univ. Publ., 1983. – 244 p.
 14. Grachev, M. A. Kurgannyi mogilnik Krasnoyarskiy IV epochi Velikogo pereseleniya narodov [The Krasnoyarsk-IV burial mound of the Great Migration of Peoples epoch] / M. A. Grachev, A. S. Zelenkov, A. V. Sleptsova // *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bull. of Archeology, Anthropology and Ethnography]. – 2021. – № 4 (55). – P. 60–73. – DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-55-4-5>.
 15. Mogilnikov, V. A. Vasuganskiy klad [Vasyugan treasure] / V. A. Mogilnikov // *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. – 1964. – № 2. – P. 227–230.

16. Chindina, L. A. Mogilnik Relka na Sredney Obi [Relka burial ground on the Middle Ob] / L. A. Chindina. – Tomsk: Tomsk Univ. Publ., 1977. – 192 p.
17. Rudenko, K. A. Metallicheskiye posuda Povolzh'ya i Prikam'ya v VIII–XIV vv. [Metal tableware of the Volga and Kama regions in the VIII–XIV centuries] / K. A. Rudenko. – Kazan: Reper, 2000. – 158 p.
18. Zapadnaya Sibir v epokhu rannego srednevekov'ya: vzaimodeystvie etnokulturnykh obshchestv [Western Siberia in the Early Middle Ages: the interaction of ethnocultural communities] / N. P. Matveeva, A. P. Zykov, A. S. Zelenkov [et al.] // Tumen: Tumen Univ. Publ., 2022. – 260 p.
19. Fedorova, N. V. Sever Zapadnoy Sibiri v zheleznom veke: traditsii i mobilnost' [The North of Western Siberia in the Iron Age: traditions and mobility] / N. V. Fedorova. – Omsk: Zolotoy tirazh, 2019. – 150 p.
20. Turkina, T. Yu. Ornitomorfnye motivy v iskusstve naseleniya evropeyskogo Severo-Vostoka v I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Ornithomorphic motifs in the art of the population of the European Northeast in the 1 millennium BC – 1st ml. AD] / T. Yu. Turkina // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – 2014. – Issue 1(17). – P. 94–102.
21. Melikian-Chirvani, A. S. The white bronzes of early Islamic Iran / A. S. Melikian-Chirvani // The Metropolitan museum of art journal. – 1974. – Vol. 9. – P. 123–151.
22. Oudbashi, O. Sasanian and early Islamic copper-base metalworking at Qasr-e Abu Nasr, south-central Iran / O. Oudbashi, H. P. Colburn, F. Caro // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2025. – Vol. 17. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-024-02123-0/>
23. Rudenko, K. A. O khronologii vostochnogo importa v Volzhskuyu Bulgariyu X–XI vv. (po materialam toreutiki) [On the chronology of Eastern imports to the Volga Bulgaria in the X–XI centuries (based on toreutics materials)] / K. A. Rudenko // Povolzhskaya arkheologiya [The Volga Region Archeology]. – 2017. – № 2 (20). – P. 157–172. – DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.157.172>.
24. Ruslanova, R. R. Busy Uzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov [Beads of the Southern Urals based on materials from necropolises of the III–VIII centuries] / R. R. Ruslanova. – Ufa: Bashkir Encyclopaedia, 2018. – 376 p.
25. Pigott, V. Bronze / V. Pigott, J. W. Allan // Encyclopaedia Iranica. – Leiden: Brill. – 2000. – DOI: https://doi.org/10.1163/2330-4804_EIRO_COM_7159/
26. Goldina, R. D. Lomovatovskaya kultura v Verkhnem Prikam'e [Lomovatovo culture in the Upper Kama region] / R. D. Goldina. – Irkutsk: Irkutsk Univ. Publ., 1985. – 280 p.
27. Goldina, R. D. Mogilniki nevolinskoy kultury v Priural'e [Burial grounds of the Nevolino culture in the Ural Region] / R. D. Goldina, N. V. Vodolago. – Irkutsk: Irkutsk Univ. Publ., 1990. – 176 p.
28. Belitskaya, A. L. Shlem epokhi Velikogo pereseleniya narodov s kurgannogo mogilnika Uvanayag [Helmet of the epoch of the Great Migration of Peoples from the burial mound of Yuvanayag] / A. L. Belitskaya, E. V. Popov, V. I. Silaev [et al.] // Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]. – 2024. – № 1. – P. 186–202.
29. Krasnoperov, A. A. Pryazhka iz Brodovskogo mogilnika (Prikam'e) v kontekste polikhromnykh stiley [A buckle from the Brodovsky burial ground (Kama region) in the context of polychrome styles] / A. A. Krasnoperov // Leshnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples]. – Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole» [State Museum-Reserve "Kulikovo pole"]. – 2019. – Conf. 4, Part 2. – P. 103–190.
30. Krasnoperov, A. A. Nozhny iz Ust-Sarapul'skogo mogilnika v svazi s nakhodkami v nekropolyakh Druzhnoye i Neyzats v Krymu [Scabbard from Ust-Sarapul burial ground in relation with finds in Druzhnoye and Neyzats necropolises in Crimea] / A. A. Krasnoperov // Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [Crimea in the Sarmatian era (II century BC – IV century AD)]. – Simferopol: «Nasledie tysyacheletiy» [Legacy of millennia], 2018. – P. 116–126.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по теме НИР «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России)» (№ ГР 122040800169-1).

Выражаем благодарность Е. В. Попову за возможность публикации изображения юванаягской миски.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out within the frames of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, on the research topic «Archaeological sources: description, systematization and critical analysis (based on materials from the European Northeast of Russia)» (No. GR 122040800169-1).

We would like to thank E. V. Popov for the opportunity to publish an image of the Yuvanayaga bowl.

Информация об авторах:

Белицкая Анастасия Леонидовна – младший научный сотрудник сектора сохранения и популяризации археологической науки Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0003-4773-0310 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: belitskaia522@yandex.ru).

Силаев Валерий Иванович – главный научный сотрудник Института геологии им. академика Н. П. Юшкина Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-4653-5233> (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54; e-mail: silaev@geo.komisc.ru).

Филиппов Василий Николаевич – старший научный сотрудник Института геологии им. академика Н. П. Юшкина Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0003-4048-8509> (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54; e-mail: filippov@geo.komisc.ru).

Хазов Антон Федорович – научный сотрудник Института геологии им. академика Н. П. Юшкина Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0003-4048-8509> (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54; e-mail: akhazov@geo.komisc.ru).

Authors:

Anastasiya L. Belitskaya – junior researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; ORCID: 0000-0003-4773-0310 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: belitskaia522@yandex.ru).

Valery I. Silaev – Chief Researcher, Institute of Geology named after academician N. P. Yushkin, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; <https://orcid.org/0000-0002-4653-5233> (54, Pervomaiskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: silaev@geo.komisc.ru).

Vasily N. Filippov – Senior Researcher, Institute of Geology named after academician N. P. Yushkin, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS; <https://orcid.org/0000-0003-4048-8509> (54, Pervomaiskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation, e-mail: filippov@geo.komisc.ru).

Anton F. Khazov – Researcher, Institute of Geology named after academician N. P. Yushkin, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (54, Pervomaiskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation, e-mail: akhazomisc.ru).

Для цитирования:

Бронзовые чаши и миски из курганных могильников эпохи Великого переселения народов европейского Северо-Востока / А. Л. Белицкая, В. И. Силаев, В. Н. Филиппов [и др.] // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 7–17.

For citation:

Bronze cups and bowls from burial mounds of the epoch of the Great Migration of Peoples of the European Northeast / A. L. Belitskaya, V. I. Silaev, V. N. Filippov [et al.] // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 7–17.

Дата поступления статьи: 21.07.2025

Прошла рецензирование: 19.07.2025

Принято решение о публикации: 25.07.2025

Received: 21.07.2025

Reviewed: 19.07.2025

Accepted: 25.07.2025

Фигурные кресала Кокпомьягского могильника вымской культуры

Э. А. Савельева*, А. Р. Смертин**,***

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

** Институт гуманитарных исследований УрО РАН,

г. Пермь

*** Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь

eleonorasav@yandex.ru

arsmertin@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию двух кресал с фигурным навершием из Кокпомьягского могильника вымской культуры, датируемых второй половиной XIII в. Кресала исследованы при помощи морфологического и технологического анализов. Они состояли из трапецевидной, немного вытянутой по краям рабочей части и ажурного навершия. Последнее было сложено из нескольких составных частей: по краям – небольшие петельки, внутри располагались три кольца, разделенные двумя костыльковыми вставками с острием и петлями на разных окончаниях. При помощи металлографического анализа изучено одно рунированное фигурное кресало. Выяснилось, что под слоями коррозии железа скрывался предмет композитного (биметаллического) производства. Лезвие было отковано из низкоуглеродистой сырьевой стали, составные части ажурного навершия отлиты и скреплены между собой и лезвием, по-видимому, пайкой. Аналогичные кресала известны на древнерусских и памятниках древней корелы, датируемых XV–XVI вв. Кресало на поселении древней корелы, датированное XV в., было изготовлено более грубо и из железа, навершие и рабочая часть соединены пайкой. Наиболее географически близкая находка происходит из Волжской Булгарии с Золотаревского поселения в верховьях р. Суры, датируемого временем не позже XIII в.

Ключевые слова:

фигурное кресало, навершие, железо, сталь, медь, биметаллический, композитный материал, металлография, погребение, вымская культура, Пермь Вычегодская

Введение

В древности огонь являлся главным источником энергии для приготовления пищи, обогрева, освещения и осуществления многих производств. Его наличие считается простейшим признаком культуры [1, с. 123]. Средством для высекания огня были кресала (огнива). При их взаимодей-

Figured flints of the Kokpomayag burial ground of the Vym culture

E. A. Savelyeva*, A. R. Smertin**,***

* Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktyvkar

** Institute of Humanitarian Research, Ural Branch, RAS,

Perm

*** Perm State National Research University,

Perm

eleonorasav@yandex.ru

arsmertin@mail.ru

Abstract

The paper deals with the study of two flints with a figured pommel from the Kokpomayag burial ground of the Vym culture, dating back to the second half of the XIII century. The flints were studied using morphological and technological analysis. They consisted of a trapezoidal working part, slightly elongated at the edges, and an openwork pommel. The latter was composed of several components: small loops along the edges, three rings inside, separated by two spike inserts with a point and loops at different ends. Using metallographic analysis, one ruined figured flint was studied. It turned out that an object of composite (bimetallic) production was hidden under the layers of iron corrosion. The blade was forged from low-carbon raw steel, the components of the openwork pommel were fastened together and to the blade, apparently by soldering. Similar flints are known from Old Russian and ancient Korela sites, where they are dated to the XV–XVI centuries. The flint from the ancient Korela settlement, dated to the XV century, was made more roughly and from iron, the pommel and the working part were connected by soldering. The most geographically close find comes from the Volga Bulgaria, from the Zolotarevskoye settlement in the upper reaches of the Sura River, dating back to no later than the XIII century.

Keywords:

figured flint, pommel, iron, steel, copper, bimetallic, composite material, metallography, burial, Vym culture, Vychegda Perm

ствии с твердым камнем, чаще всего кремнем, высекалась искра, способная воспламенить трут. В данном процессе важным является наличие углерода в теле кресала, т. е. использование стали в качестве материала (сплав железа с углеродом образует сталь). Это обусловлено тем,

что углерод создает большее сопротивление, при сильном ударе хорошо нагревается и выдает интенсивные искры. В то же время железо является мягким материалом и высесть из него искры весьма сложно.

Использование кресал не ограничивается лишь утилитарной функцией. Традиция их ношения в составе костюма объясняется и обереговым назначением. Это выражается в различных мифологических сюжетах [там же, с. 123–125]. Декорирование костюма, помимо разнообразных украшений, отражалось и на кресалах. Часто они получали фигурное навершие над стальной рабочей частью. Таким образом, кресала сочетали в себе три функции: утилитарную, обереговую, декоративную.

В данной работе авторы исследуют биметаллические кресала Кокпомьягского могильника, относящегося к вымской культуре летописной перми вычегодской, предков коми-зырян [2]. Могильник впервые был обследован А. С. Сидоровым в 1919 г., который вскрыл три погребения. Исчерпывающие раскопки проведены археологической экспедицией под руководством Э. А. Савельевой в 1961, 1980–1981 гг. (вскрыто 229 погребений).

Кокпомьягский могильник расположен на левом берегу р. Выми, правого притока р. Вычегды, напротив с. Шошки, на надпойменной боровой террасе высотой 12 м (рис. 1). Могила располагается рядами, внутри которых выделяются группы из двух-трех погребений. Для могильника характерна биобрядность – сосуществование ингумации

и кремации. Специфической особенностью погребального обряда являются внутримогильные конструкции в виде срубов. Большинство погребений сопровождается вещевым инвентарем, значительную часть которого составляет железный инвентарь, среди которого представлены предметы быта, в том числе кресала. Преобладают дулезовидные овальные кресала [3, с. 22–23]. Наряду с ними найдены два кресала с фигурным навершием [2, рис. 17–2].

Материалы и методы

Первое кресало (№ 847) было найдено в погр. № 142. Кроме него в составе инвентаря обнаружен только белый кресальный кремневый осколок (№ 848) размерами 4,2x2x1,2 см. Погребение совершено в грунтовой яме овальной формы с пологими стенками. Размеры ямы – 200x75 см, глубина – 27 см, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ, на дне – небольшое углубление диаметром 23 см, глубиной 20 см. Заполнение могилы представлено следующей последовательностью слоев: под мхом – тонкая углистая прослойка (погребенный горизонт), под ней – углисто-зольный слой, насыщенный углями, подстилаемый вдоль стенок и дну желтым смешанным песком. Погребение совершено способом трупосожжения.

Второе кресало (№ 2108) найдено в междумогильном пространстве, рядом с погр. № 142. Артефакт представлен фрагментарно, имеет общие черты с первым. Рядом

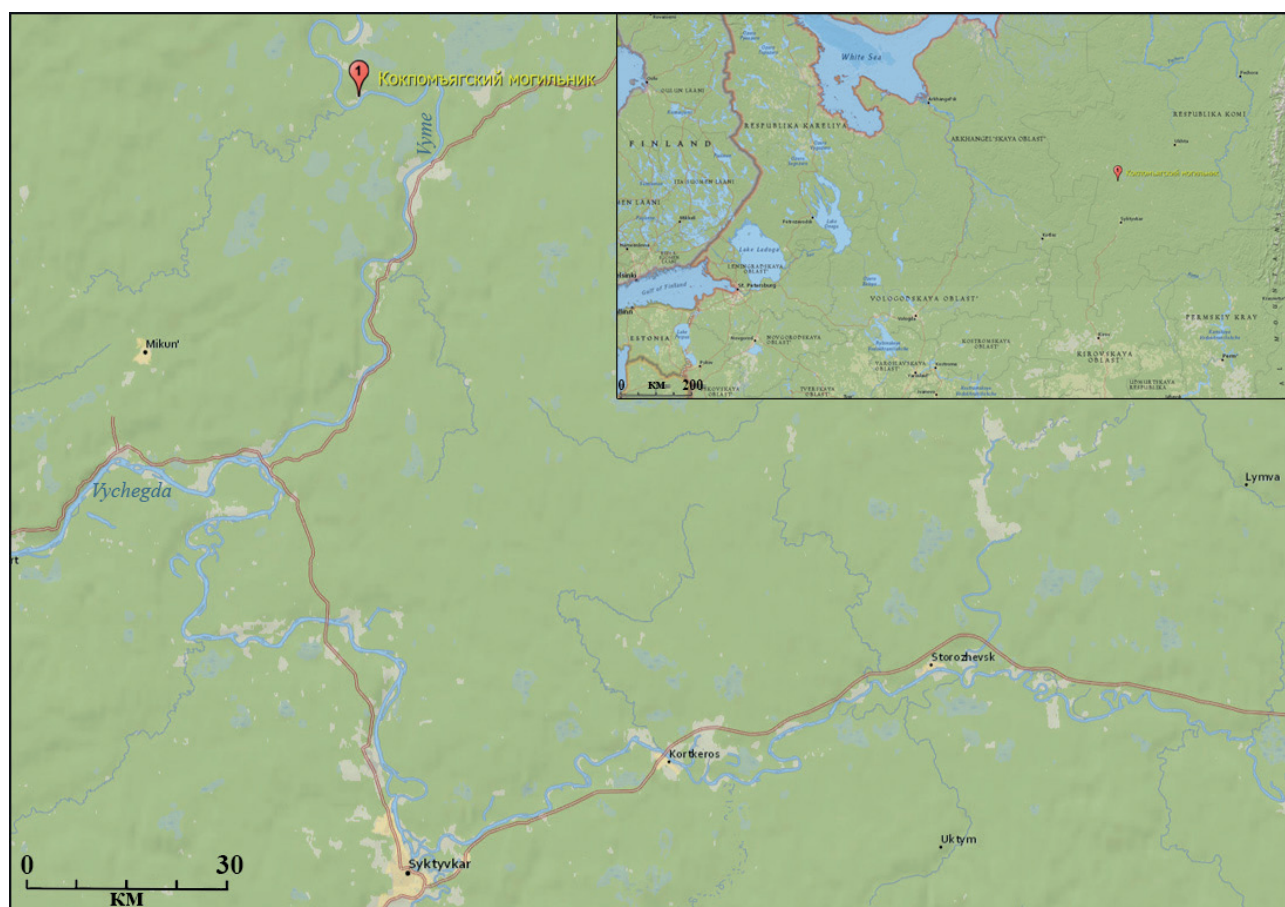

Рисунок 1. Карта расположения Кокпомьягского могильника.

Fig. 1. Map of the location of the Kokpomayag burial ground.

с ним обнаружен ромбовидный наконечник стрелы новгородского типа (тип 46 по А. Ф. Медведеву) [4, с. 67–68], (№ 1117/2104), размерами 9,7х2,4 см, толщиной 3,6–4,9 см.

Кресала были исследованы при помощи традиционных археологических методов (морфологический анализ, классификация, аналогия, анализ комплекса находок).

Кроме того, производилось исследование технологии. Поверхностный осмотр предмета выполняли визуально и при помощи портативного микроскопа Levenhuk DTX 500 Mobi на увеличении до 50 крат.

Основу исследования составил метод археологической металлографии (археометаллографии). Он был адаптирован для археологии Б. А. Колчиным во второй половине XX в. и популяризирован многочисленными работами на базе ИА РАН [5]. При помощи этого метода возможно установить структуру металла и реконструировать способ создания предмета. Исследование проходило на базе Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН.

С руинированного кресала было произведено выпиливание двух фрагментов металла: с навершия и рабочей части. Пробопоготовка заключалась в заплавлении образцов в синтетическую болванку (шлиф). Далее следовали грубая шлифовка и тонкая полировка образцов на лабораторной бумаге разной зернистости. Протравка образцов произведена реактивом нитал. Сам анализ проведен на металлографическом микроскопе БиОптик BMI-200 при увеличениях 50–500×. Фотографии микроструктур выполнены на цифровую камеру Hikrobot MV-CS060-10UC-PRO с обработкой снимков в программах MVS и Adobe Photoshop. Дополнительно осуществлено измерение твердости металла на микротвердомере Полилаб МТ-1 с нагрузкой 100 г в течение 10 сек (система Виккерса).

Результаты и их обсуждение

Исследованные артефакты сильно корродированы. Наиболее информативным является кресало из погр. № 142 (рис. 2). Оно имеет размеры 7,6х3,1 см, толщину – до 0,5 см. Кресало относится к категории фигурно-прорезных (тип 5 по Э. А. Савельевой) [там же, с. 61], имеет уникальную форму: трапецевидную, немного вытянутую по краям рабочую часть и ажурное навершие. Последнее сложено из нескольких составных частей: по краям – небольшие петельки, внутри располагались три кольца, разделенные двумя костыльковыми вставками с острием и петлями на разных окончаниях.

Второе кресало представлено фрагментарно, но является, по всей видимости, аналогичным. Оно имело чуть меньшие размеры, порядка 6,1х2,9 см, толщину – до 4,3 мм. Навершие, вероятно, также было составлено из трех колец с дополнительными элементами (рис. 3).

Поверхностный осмотр предметов позволил подробно описать их форму. На этой стадии появилось предположение, что навершие было создано способом тонкойковки либо пайкой отдельных железных частей составом на основе меди. Данную технику использовали, в частности, при производстве ключей и замков [6, с. 177].

Были взяты пробы для металлографического анализа с руинированного кресала. Один образец был выпилен с лезвийной части (№ 12b). При микроскопическом исследовании была зафиксирована структура феррита с перлитом, содержание углерода – до 0,4 %, микротвердость – 153–272 кг/мм², шлаки при ковке отжаты не полностью, имеют округлую и аморфную формы. Анализ показал, что основа кресала откована из неравномерно науглероженной сырцово-й стали, качествоковки удовлетворительное. Другой фрагмент был отобран с кольца из навершия (№ 12a). Уже на стадии пробопоготовки стало заметным, что данный образец имеет оранжевый цвет, сходный с медным. Структура металла характерна для литой бронзы, имеются округлые поры и небольшие шлаковые включения, следовательно, части навершия являются литыми, вероятно, из сплава на основе меди. По-видимому, отдельные его части скреплялись между собой и лезвием пайкой.

Так как оба кресала являются однотипными, то гипотетически возможно транспонировать технологию производства исследованного руинированного кресала на целый экземпляр из погр. № 142, к тому же они располагались рядом, т. е. условно синхронны.

Технологию изготовления фигурных кресал Кокпомьягского могильника можно обозначить как производство из биметаллического (композитного) материала. Ковку лезвия выполняли из вполне подходящего сырья – сырцо-

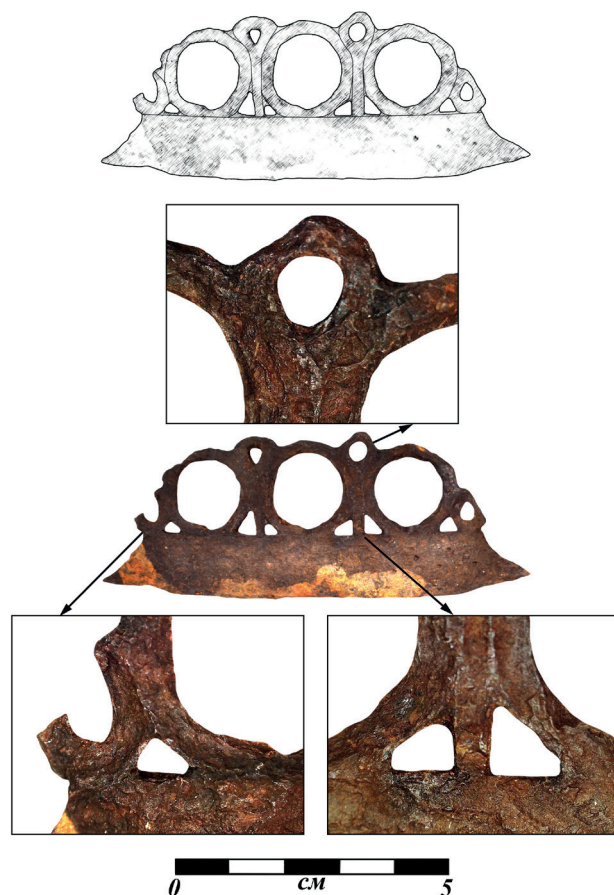

Рисунок 2. Фигурное кресало из погр. 142 (№ 847), прорисовка, фото, макрофото.

Pic. 2. A figured flint from burial 142 (No. 847), drawing, photo, macrophoto.

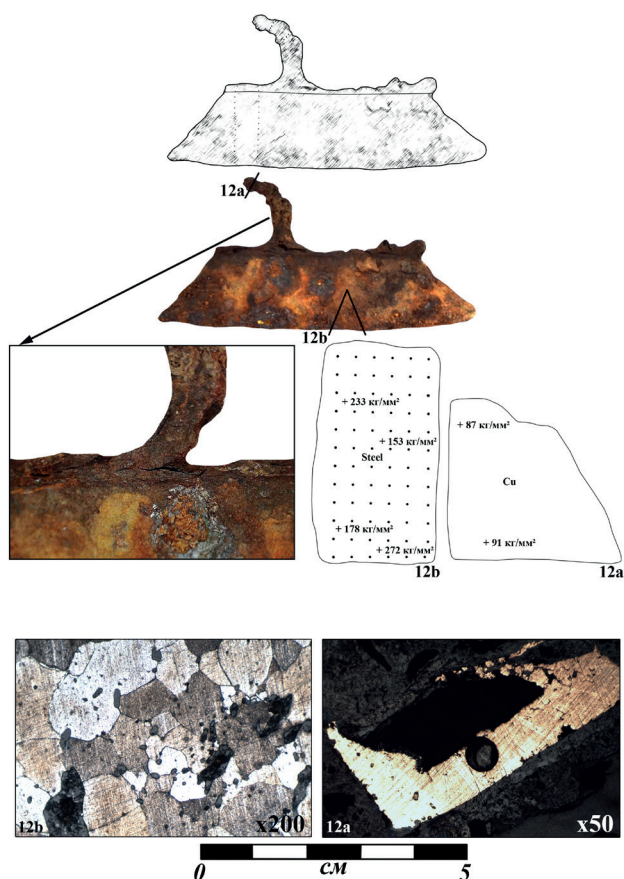

Рисунок 3. Фрагмент фигурного кресала из междумогильного пространства (Р-II, кв. 10Е, № 2108), прорисовка, фото, макрофото (ув. x40), прорисовка микроструктур (1:20), микрофото. 12b – сырьевая сталь (феррит с перлитом, ув. x200); 12a – сплав на основе меди (литая бронза, ув. x50).
 Pic. 3. Fragment of a figured flint from the inter-grave space (P-II, square 10E, No. 2108), drawing, photo, macrophoto (magnif. x40), microstructure drawing (1:20), microphoto. 12b – raw steel (ferrite with pearlite, magnif. x200); 12a – copper-based alloy (lithium bronze, magnif. x50).

вой стали. Части навершия отливали в формах, в дальнейшем части скрепляли между собой, по-видимому, пайкой. Соединение лезвия и навершия тоже, вероятно, было паяным, так как не фиксируется прилив цветного металла поверх рабочего лезвия. Не совсем понятно, почему навершие из цветного металла было покрыто коррозией железа, а не зеленоватым медным окислом, как на большинстве финно-угорских биметаллических кресалах [1, с. 144]. Возможно, это как-то связано с условиями залегания. Тем не менее факт производства навершия из цветного металла зафиксирован металлографически.

Для кресал разного типа в основном использовали заготовки целиком из стали. В работе Н. Б. Крыласовой есть сведения, что А. П. Зыков реконструировал способ производства классических биметаллических кресал с анималистическим навершием. Их изготавливали способом прилива, когда в форму заранее укладывали стальную полосу и отливку совершали поверх стали [там же].

Основополагающими работами по исследованию кресал рассматриваемого типа являются публикации Л. А. Голубевой. Тем не менее точных аналогий в данных работах выявить не удалось. Известны лишь кресала с полностью литыми навершиями в виде двух колец (типы 5–6)

[7, рис. 4, 5], еще больший набор таких кресал приводит Н. Б. Крыласова (подтип В1.2.1.4.3). Они датированы началом XI в. [там же, рис. 71].

К сожалению, исследований по технологии производства фигурных кресал известно мало. Практически единственным является металлографическое исследование аналогичного кресала Л. С. Хомутовой с древнекарельского Тиверска. Очень похожее фигурное кресало, но более грубого исполнения, также было произведено из низкоуглеродистой стали. Однако части навершия были железными и соединены между собой сваркой, а крепление верхней части к лезвию выполнены медным припоем [8, с. 196]. Тиверское кресало датировано XV в. [9, с. 79].

Кресало, похожее на кокпомьягское, найдено на Мининском селище, где датировано XV–XVI вв. [10, № 33]. Аналогичные кресала, но еще более изысканной формы, найдены в Новгороде в слоях XV в. Другое новгородское кресало на Никитинском раскопе датировано XIV–XV вв. Кресало очищено от коррозии, следы цветных металлов не зафиксированы [11]. По поводу этих находок Б. А. Колчин писал, что «иногда кузнецы, вероятно по заказу, изготавливали кресала индивидуальных, необычных форм» [12, с. 92]. Еще одно кресало найдено в Волжской Булгарии на Золотаревском поселении. В отличие от кокпомьягского оно имело чеканный зигзагообразный и точечный орнамент в верхней половине рабочей части, датировано Г. Н. Белорыбкиным началом XIII в. [13, с. 66].

Заклучение

Таким образом, на Кокпомьягском могильнике биметаллические кресала с фигурным навершием датируются второй половиной XIII в. что не противоречит общему диапазону бытования кресал данного типа в Восточной Европе, определяемому XIII–XV, возможно, XVI вв.

Не совсем понятной является технология производства исследованных кокпомьягских кресал. Все аналогичные выполнены из железа и стали (по данным авторов раскопок), иногда, вероятно, с использованием медного припоя. В кокпомьягском – навершие отлито из цветного сплава, покрытого коррозией железа (возможно, из-за условий залегания). Отметим, что целое кресало Кокпомьягского могильника действительно высококачественно изготовлено. Части навершия четко стыкуются друг с другом. Этого было бы сложно достичь кузнечной ковкой.

Можно выдвинуть проблемный исследовательский вопрос: могла ли данная форма кресал в сочетании с композитной технологией их производства являться переходной от классических финно-угорских биметаллических кресал IX–XI вв. к фигурным кресалам XIII–XVI вв. из железа? Или данный способ производства был подражанием древнерусскому фигурному кресалу из железа (по типу новгородских)? Возможно, местные кузнецы восприняли такую форму кресала, но воссоздали ее в привычной для себя технологии – при помощи отковки стальной рабочей части и отливки ажурного навершия.

Результаты данного исследования являются предварительными и нуждаются в расширении выборки как

в целом по исследуемым кресалам, так и по их технологическому изучению.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Крыласова, Н. Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья / Н. Б. Крыласова. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2007. – 352 с.
2. Савельева, Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. / Э. А. Савельева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 200 с.
3. Цветные и благородные металлы в погребении № 115 Кокпомъягского могильника вымской культуры: археологический и археолого-минералогические аспекты / Э. А. Савельева, В. Н. Силаев, В. Н. Филиппов [и др.] // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2024. – № 1 (67). – С. 22–34.
4. Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев. – М.: Наука, 1966. – 184 с.
5. Завьялов, В. И. Археометаллография / В. И. Завьялов // Междисциплинарная интеграция в археологии. – М.: ИА РАН, 2016. – С. 252–279.
6. Завьялов, В. И. Археометаллографические исследования железных предметов из древнерусского города Вщиж / В. И. Завьялов, П. Г. Лазаренко // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 5. – М.: ИА РАН, 2021. – С. 173–180.
7. Голубева, Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятями / Л. А. Голубева // Советская археология. – 1964. – № 3. – С. 115–132.
8. Хомутова, Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа / Л. С. Хомутова // Кочкуркина С. И. Древняя корела. – Л.: Издательство «Наука» 1982. – С. 188–208.
9. Кочкуркина, С. И. Древняя Корела / С. И. Кочкуркина. – Л.: Издательство «Наука», 1982. – 216 с.
10. Ступан, Ю. С. Железные кресала из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Ю. С. Ступан // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара, Владимир, 27–28 октября 2009 года. Вып. 3. – Владимир: Институт археологии Российской академии наук, 2011. – С. 193–199.
11. Экспонаты Новгородского музея-заповедника: Кресало. XIV–XV вв. // Новгородский музей-заповедник. – URL: <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/459679> (дата обращения: 14.06.2025).
12. Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // Труды Новгородской археологической экспедиции. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – С. 7–120.
13. Белорыбкин, Г. Н. Золотаревское поселение / Г. Н. Белорыбкин. – СПб.; Пенза: Изд-во ПепГУ, 2001. – 196 с.

References

1. Krylasova, N. B. Arheologiya povsednevnosti: material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya [Archeology of everyday life: material culture of the Medieval Urals] / N. B. Krylasova. – Perm: Permskij gosudarstvennyj humanitarno-pedagogicheskij universitet [Perm State Humanitarian and Pedagogical Univ.], 2007. – 352 p.
2. Savelyeva, E. A. Vymskiye mogil'niki XI–XIV vv. [Vym burial grounds of the XI–XIV centuries] / E. A. Savelyeva. – Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1987. – 200 p.
3. Tsvetnye i blagorodnye metally v pogrebenii № 115 Kokpom'yag'skogo mogil'nika vymskoj kul'tury: arheologicheskij i arheologo-mineralogicheskie aspekty [Non-ferrous and precious metals in burial No. 115 of the Kokpom'yag burial ground of the Vym culture: archaeological and archaeological-mineralogical aspects] / E. A. Savelyeva, V. N. Silaev, V. N. Fillipov [et al.] // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2024. – № 1 (67). – P. 22–34.
4. Medvedev, A. F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel). VIII–XIV vv. [Hand throwing weapons (bow and arrow, crossbow). VIII–XIV centuries] / A. F. Medvedev. – Moscow: Nauka, 1966. – 184 p.
5. Zavyalov, V. I. Arheometallografiya [Archaeometallography] / V. I. Zavyalov // Mezhdisciplinarnaya integraciya v arheologii [Interdisciplinary Integration in Archaeology]. – Moscow: IA RAN [Inst. of Archaeology], 2016. – P. 252–279.
6. Zavyalov, V. I. Arheometallograficheskie issledovaniya zheleznyh predmetov iz drevnerusskogo goroda Vshchizh [Archaeometallographic studies of iron objects from the ancient Russian town of Vshchizh] / V. I. Zavyalov, P. G. Lazarenko // Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnyh metodov [Analytical research of the laboratory of natural science methods]. Issue 5. – Moscow: IA RAN [Inst. of Archaeology], 2021. – P. 173–180.
7. Golubeva, L. A. Ogniva s bronzovymi rukoyatyami [Fire starter with bronze handles] / L. A. Golubeva // Sovetskaya arheologiya [Soviet archaeology]. – 1964. – № 3. – P. 115–132.
8. Khomutova, L. S. Tekhnologicheskaya harakteristika kuznechnykh izdelij iz raskopok Tiverska i Paaso po rezul'tatam metallograficheskogo analiza [Technological characteristics of blacksmith products from the excavations of Tiversk and Paaso according to the results of metallographic analysis] / L. S. Khomutova // Kochkurkina S. I. Drevnyaya korela [Ancient Korela]. – Leningrad: 1982. – P. 188–208.
9. Kochkurkina, S. I. Drevnyaya Korela [Ancient Korela] / S. I. Kochkurkina. – Leningrad: Nauka, 1982. – 216 p.
10. Stupan, Yu. S. Zheleznye kresala iz arheologicheskikh kollekcij Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika [Iron flints from the archaeological collections of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve] / Yu. S. Stupan // Arheologiya Vladimiro-Suzdal'skoj zemli [Archeology of the Vladimir-Suzdal land]: Materials of sci. seminar, Vladimir, October 27–28, 2009. Issue 3. – Vladimir: Institute of Archaeology, RAS, 2011. – P. 193–199.

11. Ekspozitsii Novgorodskogo muzeya-zapovednika: Kresalo. XIV-XV vv. [Exhibits of the Novgorod Museum-Reserve: Flint. XIV-XV centuries] // Novgorodskij muzej-zapovednik [Novgorod Museum-Reserve]. – URL: <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/459679> (accessed 14.06.2025).
12. Kolchin, B. A. Zhelezoobratyvyayushchee remeslo Novgoroda Velikogo [The ironworking craft of Novgorod the Great] / B. A. Kolchin // Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ekspeditsii [Proc. of the Novgorod Archaeological Expedition]. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1959. – P. 7-120.
13. Belorybkin, G. N. Zolotarevskoe poselenie. [Zolotarevskoye settlement] / G. N. Belorybkin. – St.Petersburg; Penza: Penza State Pedag. Univ. Publ., 2001. – 196 p.

Благодарность (госзадание):

Исследование технологии производства кресал выполнено А. Р. Смертиным в рамках государственной темы «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала». Регистрационный номер: 124021500047-2.

Acknowledgements (state task):

The study of the flints production technology was carried out by A. R. Smertin within the frames of the state project «Ethnocultural processes in the center of Eurasia: archeology and ethnography of the Urals, No. 124021500047-2».

Информация об авторах:

Савельева Элеонора Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: eleonorasav@yandex.ru).

Смертин Андрей Романович – научный сотрудник Института гуманитарных исследований УрО РАН – филиала Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, ассистент кафедры истории и археологии Пермского государственного национального исследовательского университета (614068, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Генделя, д. 4; 614068, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: arsmertin@mail.ru).

Authors:

Eleonora A. Savelyeva – Dr. Sci. (History), Senior Researcher at the Department of Archeology of the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: eleonorasav@yandex.ru).

Andrei R. Smertin – Researcher at the Institute of Humanitarian Research, Ural Branch, RAS – Branch of the Perm Federal Research Centre of the Ural Branch, RAS; assistant at the Department of History and Archaeology of the Perm State National Research Univ.; (4 Genkelya St., Perm, Perm region, Russia, 614068; 15 Bukireva St., Perm, Perm region, Russia. 614068; e-mail: arsmertin@mail.ru).

Для цитирования:

Савельева, Э. А. Фигурные кресала Кокпомьягского могильника вымской культуры / Э. А. Савельева, А. Р. Смертин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 18–23.

For citation:

Savelyeva, E. A. Figured flints of the Kokpomyag burial ground of the Vym culture / E. A. Savelyeva, A. R. Smertin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 18–23.

Дата поступления статьи: 03.07.2025

Прошла рецензирование: 30.06.2025

Принято решение о публикации: 11.07.2025

Received: 03.07.2025

Reviewed: 30.06.2025

Accepted: 11.07.2025

Удельные крестьяне Тавренского приказа Вологодской губернии между VIII–IX ревизиями

П. П. Котов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
kotovpetr55@mail.ru

Аннотация

На основе выявленных материалов проанализированы основные компоненты демографической ситуации в Тавренском приказе Вологодской удельной конторы между VIII и IX ревизиями. Исходными данными для анализа выступают сведения о числе душ мужского пола, которые достаточно объективно фиксировали в ходе ревизий. Доказано, что прирост мужчин в приказе происходил только за счет рождаемости. Достаточно высокий ее уровень во многом нивелировался смертностью, рекрутскими наборами и в некоторой степени переходами крестьян в купечество, монашество, пропажей без вести и ссылками в Сибирь. В результате прирост мужского населения в Тавренском приказе за 16 лет не превышал 20 % и составлял в среднем за год около 1,2 %. Примерно две трети учтенных по ревизиям мужчин была в возрасте до 30 лет. В течение времени доля крестьян более старших возрастов, людность дворов и удельных селений увеличивались. При этом среднее количество дворов на одно селение почти не изменялось.

Ключевые слова:

Вологодская губерния, удельные приказы и волости, рождаемость удельных крестьян, убыль удельных крестьян, возраст удельных крестьян, людность дворов, людность и дворность селений

После ликвидации дворцовой собственности, создания 5 апреля 1797 г. удельных владений и перехода дворцовых крестьян в новое состояние удельные поселенцы стали составлять третью по численности группу сельских жителей России. Доходы с удельных крестьян направлялись на личное содержание императора и членов его семьи [1, 2]. История удельных владений и крестьян изучалась в немногочисленных трудах имперского периода [3]. Количество исследований возросло в советскую эпоху и продолжается в современной России. Исследованы многие проблемы прошлого удельной деревни в целом по стране и ряду регионов, в том числе по Европейскому Северу: хозяйственные отношения [4–7], промыслы и отходничество [8, 9], политика попечительства [10–12], общественная запашка [13, 14], проведение реформы 26

Appanage peasants of the Tavrensky Prikaz of the Vologda Province between the VIII–IX revisions

P. P. Kotov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktvykar
kotovpetr55@mail.ru

Abstract

Based on the revealed materials, the main components of the demographic situation in the Tavrensky Prikaz of the Vologda Appanage Office between the VIII and IX revisions are analyzed. The initial data for the analysis is information on the number of male souls, which were fairly objectively recorded during the revisions. It is proved that the increase in men in the Prikaz occurred only due to the birth rate. Its rather high level was largely leveled out by mortality, recruitment, and, to some extent, the transition of peasants to merchants, monasticism, disappearances, and exile to Siberia. As a result, the increase in the male population in the Tavrensky Prikaz over 16 years did not exceed 20% and averaged about 1.2% per year. Approximately two thirds of the men recorded in the revisions were under the age of 30. Over time, the proportion of older peasants, the population of households and appanage villages increased. At the same time, the average number of households per village remained almost unchanged.

Keywords:

Vologda province, Appanage Prikazs and volosts, birth rate of appanage peasants, decline of appanage peasants, age of appanage peasants, population of households, population and household of villages

июня 1863 г. [15–17] и др. вопросы. При этом не все области истории удельных крестьян нашли отображение в достаточной степени. Так, слабо изученными остаются вопросы демографии. Конечно, дореволюционные и советские историки приводили сведения о численности удельных крестьян [3, 4, 18]. Подобная информация дана и в современных трудах [7, 19]. Пожалуй, лишь автор статьи вышел за рамки общих числовых показателей и затронул, например, вопросы динамики количества удельных селений в 1797–1863 гг. [20–22].

Сформированную в 1797–1798 гг. систему управления удельными крестьянами существенно преобразовали в 1808 г., когда в регионах сформировали 34 удельные конторы (имения) и удельные отделения, включавшие в себя, как правило, удельные владения и крестьян кон-

кретных губерний. В течение времени эти региональные подразделения иногда претерпевали изменения. На Русском Севере Архангельская и Вологодская удельные конторы в 1859 г. были объединены в рамках Вельской конторы (имения).

В рамках удельных контор на местном уровне были созданы удельные приказы, которые функционировали на принципах крестьянского самоуправления. С конца 1820-х-начала 1830-х гг. выборы приказных голов (старшин) и писарей стали строго регламентированы и их деятельность контролировали удельные чиновники.

В свою очередь, приказы состояли из волостей, которые являлись на европейском севере страны общинами-волостями, т. е. крупными общинами. Поэтому управление ими осуществлялось сугубо на основах общинного самоуправления. Основная функция общин заключалась в «справедливом» распределении земельных угодий, денежных податей и натуральных повинностей, исходя прежде всего из возможностей крестьянских дворов. Состоятельность дворов определялась наличием душ мужского пола (душ м. п.), учтенных в ходе соответствующей ревизии, и численность которых считалась неизменной до проведения следующей ревизии. Исходя из важности наличия мужчин, в ходе ревизий тщательно учитывали прежде всего души м. п.

За годы существования удельных крестьян как отдельной категории сельских жителей России было проведено шесть ревизий. В предлагаемой работе автор ставит задачу проанализировать данные о численности удельных крестьян в Тавренском удельном приказе Вельско-

го уезда Вологодской губернии между VIII-IX ревизиями. Источниками для решения поставленных задач служат материалы так называемых «Ревизских сказок Тавренского удельного приказа. 9 перепись», обнаруженные в фондах Вельского краеведческого музея Архангельской области [23]. В источнике, вопреки названию, зафиксированы данные о душах м. п. и по VIII ревизии. Она была завершена в августе 1834 г., тогда как следующая, IX ревизия – в августе 1850 г.

Оговорим, что сведения о крестьянах после завершения ревизий уточняли чиновники. Они исключали из «ревизских сказок» немногочисленные ошибочно учтенные души и, наоборот, включали неучтенных, пропущенных людей. Именно эти уточненные сведения утверждались для официальных документов, расчетов податей и других случаев. Однако различия данных по ревизиям и уточненным учетам были мизерными. Так, указанные различия фиксировались только по некоторым волостям Тавренского приказа и в целом по приказу равнялись всего двум душам м. п. как по VIII, так и по IX ревизиям [23–27]. Сделаем и другое уточнение и подчеркнем, что данные по ревизиям фиксировались на год проведения ревизии и затем до следующей ревизии не учитывались вновь родившиеся дети. Все выжившие из этих детей вместе с оставшимися живыми остальными крестьянами и записывались по новой ревизии. Таково было своеобразие учета населения по ревизиям.

Тавренский приказ, как отображено на рис. 1, располагался в западной доле Вельского уезда Вологодской губернии и являлся частью Вологодской удельной кон-

Рисунок 1. Карта-схема расположения удельных владений в Вельском уезде Вологодской губернии (автор П. П. Котов).
Fig. 1. Map-diagram of the location of appanage estates in the Velsky Uyezd of the Vologda Province (author: P. Kotov)

торы. В приказ входило 11 волостей, состоявших из разного количества селений. Заметим, что в Вельском уезде, в отличие от других уездов губернии, удел не приобретал помещичьих имений [28, 29]. С другой стороны, изменения границ уезда также не затронули удельных крестьян [30].

Материалы табл. 1 свидетельствуют, что по VIII ревизии в Тавренском удельном приказе насчитывалось 3639 душ м. п., по волостям – от 92 до 739. Затем прирост мужских душ вплоть до следующей ревизии происходил только за счет рождаемости. В целом, по приказу между VIII и IX ревизиями родилось 1804 души м. п., что относительно их числа по VIII ревизии составило 49,6 %.

По волостям Тавренского приказа показатели рождаемости отличались. Так, в Нижнеподюжской волости (вол.) в рассматриваемый период родилось 42 души м. п., или 36,8 %, по сравнению с их числом по VIII ревизии в Тавренской вол. Настоящей сотни – соответственно 306 душ, или 58,4 %, в Шеношской вол. – 60 душ, или 65,2 %. Сообразно общему уровню рождаемости были и показатели ежегодного рождаемости (табл. 1).

Рождаемость удельных крестьян по годам была неравномерной. Так, в 1837 г. в целом по Тавренскому приказу родилось 63 душ м. п., или 3,5 % от всех уродившихся с VIII по IX ревизии, в 1845 г. – соответственно 141 мужчина, или 7,8 %, в 1849 г. – 177 душ, или 9,8 %. Характерно, что в 1840–18549 гг. в приказе ежегодно рождалось более 100 мужчин, тогда как в прежние годы – менее этого показателя. Исключением стал 1835 г., когда народилось

137 душ м. п. В Верхнеподюжской и Шабановской волостях насчитывалось три года, когда рождалось от 10 % и более мужчин от всех уродившихся между VIII и IX ревизиями, в Олюшинской, Хмельницкой и Ширыхановской – по два таких года. В последней волости зафиксирован и самый высокий процент рождаемости за отдельный год, который в 1849 г. достиг 16,7 % [23].

Довольно высокий уровень рождаемости среди мужчин Тавренского приказа между VIII и IX ревизиями во многом нивелировался заметной их убылью. Всего по приказу убыло 1107 душ м. п., или, относительно VIII ревизии, 30,4 %. Естественно, по волостям доля сокращения мужчин разнилась и составляла от 25,4 до 35,9 %. В результате в среднем за год численность душ м. п. в приказе уменьшалась на 1,9 %. Примерно такой же уровень сокращения мужчин – от 1,7 до 2,0 % – наблюдался по восьми волостям. С другой стороны, в Нижнеподюжской вол. ежегодно убывало менее 1,6 %, тогда как в Верхнепуйской и Хмельницкой – около 2,2 % (табл. 1).

Основная часть убыли удельных крестьян приходилась на смерти. Данные табл. 2 доказывают, что между VIII и IX ревизиями в Тавренском приказе на умерших приходилось 891 душ м. п., что равнялось 24,5 % от зафиксированного по VIII ревизии мужского населения. Среди всех убывших душ м. п. в приказе между указанными ревизиями на смерти приходилось 80,5 %. При этом, в Верхнепуйской, Морозовской и Шеношской волостях аналогичные процентные показатели находились в пределах от 75,8 до 76,9 %, тогда как в Верхнеподюжской и Тавренской волостях Настоящей сотни они составляли 85,1–85,2 % и в Ширыхановской вол. и вовсе достигали 88,1 %. В остальных волостях подобные показатели приблизительно соответствовали показателям в целом по приказу.

С VIII по IX ревизии в Тавренском приказе 22,2 % всех скончавшихся (198 душ) были в возрасте от 61 до 70 лет, 13,6 % (121 душа) – от 71 и более лет. С другой стороны, число людей в возрасте в 20 лет и менее составляло 156 детей и юношей, или 17,5 %. Средний возраст умерших в приказе равнялся 46,7 годам, по волостям – от 42 до 48,8 лет [там же].

Следующим по значимости фактором для сокращения душ м. п. выступали рекрутские наборы, в результате которых население Тавренского приказа с VIII по IX ревизии уменьшилось на 202 души м. п., что соответствовало 5,6 % отно-

Таблица 1
Изменение численности мужчин в Тавренском приказе Вологодской удельной конторы между VIII и IX ревизиями

Table 1

Changes in the number of men in the Tavrensky Prikaz of the Vologda Appanage Office between the VIII and IX revisions

Волости	Ревизия		Между VIII и IX ревизиями								
	VIII, душ м. п.	IX, душ м. п.	Родилось			Убыло			Прирост		
			душ м. п.	%		душ м. п.	%		душ м. п.	%	
				всего	сред. за год		всего	сред. за год		всего	сред. за год
Верхнеподюжская	227	261	101	44,5	2,8	67	29,5	1,8	34	15,0	0,9
Верхнепуйская	290	310	124	42,8	2,7	104	35,9	2,2	20	6,9	0,4
Морозовская	739	884	376	50,9	3,2	231	31,3	2,0	145	19,6	1,2
Нижнеподюжская	114	127	42	36,8	2,3	29	25,4	1,6	13	11,4	0,7
Олюшинская	234	288	126	53,8	3,4	72	30,8	1,9	54	23,1	1,4
Тавренская вол. Завельской сотни	556	660	258	46,4	2,9	154	27,7	1,7	104	18,7	1,2
Тавренская вол. Настоящей сотни	524	688	306	58,4	3,6	142	27,1	1,7	164	31,3	2,0
Хмельницкая	478	520	211	44,1	2,8	169	35,4	2,2	42	8,8	0,5
Шабановская	244	294	122	50,0	3,1	72	29,5	1,8	50	20,5	1,3
Шеношская	92	127	60	65,2	4,1	25	27,2	1,7	35	38,0	2,4
Ширыхановская	141	177	78	55,3	3,5	42	29,8	1,9	36	25,5	1,6
Всего	3639	4336	1804	49,6	3,1	1107	30,4	1,9	697	19,2	1,2

Примечание. Среди убывших учтены души м. п.: умершие, призванные в рекруты, переселившиеся между волостями внутри приказа, ушедшие в монастырь, пропавшие без вести и сосланные в Сибирь.

Источник: здесь и в табл. 2, 4, 5 [23].

Note: Among those who have departed, the souls of men are taken into account: the deceased, conscripted, resettled between volosts within the Prikaz, became monks, disappeared and exiled to Siberia.

Sources: here and in Table 2, 4, 5 [23].

сительно учтенных мужчин по VIII ревизии. В общей сумме сокращения мужчин по приказу рекрутчина занимала 18,2 %. По волостям эти показатели колебались от 11,9 % в Ширыхановской вол. до 24 % в Шеношской вол. (табл. 2). Средний возраст рекрутов в приказе составлял 22,5 года с вариациями по волостям от 21,6 до 23,4 лет. При этом возраст 103 рекрутов, или почти 51 % всех призванных в целом по приказу, составлял 19–22 года, хотя 34 рекрута, или 17,3 %, оказались в возрасте от 26 лет и более [там же].

По иным причинам, кроме смертей и рекрутчины, между VIII и IX ревизиями в Тавренском удельном приказе убыло 14 душ м. п. Среди них оказались: в Морозовской вол. – два крестьянина ушли в монахи, столько же пропали «без известия» и пять крестьян «сослали по бунту» в Сибирь; в Олюшинской вол. – одного крестьянина «сослали по бунту» в Сибирь; в Хмельницкой вол. – два крестьянина «выкупились в купечество», один пропал без вести и один крестьянин был сослан в Сибирь [там же].

В результате довольно значительного общего сокращения душ м. п. и даже на фоне высокой рождаемости прирост населения в Тавренском приказе между VIII и IX ревизиями оказался достаточно умеренным и за 16 лет составил 697 душ м. п., или 19,2 %. В некоторых волостях прирост мужчин оказался и вовсе низким: в Хмельницкой вол. – 8,8 % (в среднем за год – немногим более 0,5 %), в Верхнепуйской вол. – всего 6,9 % (в среднем за год – 0,4 %). Напротив, в Морозовской, Олюшинской, Шабановской и Ширыхановской волостях прирост душ м. п. превышал показатель по приказу и равнялся 19,6–25,5 % (при среднегодовом уровне в 1,2–1,6 %), в Тавренской вол. Настоящей сотни достигал 31,3 % (при среднегодовом уровне в 2 %) и в Шеношской вол. – 38 % (при среднегодовом показателе в 2,4 %). В итоге по IX ревизии в Тавренском удельном приказе насчитывалось 4336 душ м. п. (см. табл. 1).

Материалы табл. 3 удостоверяют, что в Тавренском удельном приказе наибольшую часть учтенных по ревизиям крестьян составляли мужчины до 30 лет. На них по VIII ревизии приходилось 67,4 % всех душ м. п., по IX ревизии – 65,9 %. При этом, по всем возрастным интервалам

по мере старения крестьян прослеживалась однозначная тенденция по снижению доли мужчин. В интервале от 61 до 70 лет по VIII ревизии на мужчин приходилось 3,7 % от всех учтенных душ м. п., по IX ревизии – 2,8 %, в возрасте 71 года и старше – соответственно 0,9 и 1,4 %. В большинстве волостей отмеченные тенденции были аналогичными тенденциям в целом по приказу, хотя конкретные волостные процентные показатели по возрастным группам могли сильно разниться.

Средний возраст мужчин, учтенных по VIII ревизии, равнялся 24,5 годам. Примерно такой же уровень среднего возраста душ м. п. наблюдался в шести волостях (от 23,5 до 24,7 лет), тогда как в Шабановской вол. он был ниже и составлял 22,5 лет. Более высокий указанный показатель фиксировали в Хмельницкой, Шеношской, Шабановской волостях и Тавренской вол. Настоящей сотни, в которых он был в рамках от 25,3 до 25,6 лет. По IX ревизии относительно предыдущей «общей переписи» средний возраст в целом по Тавренскому приказу снизился до 24,1 года. Примерно столько же – от 23,5 до 24,9 лет, согласно IX ревизии, проживали мужчины в восьми волостях. В Олюшинской вол. средний возраст ограничился 22,5 годами, тогда как в Верхнепудюжской вол. возвышался до 25,2 года, а в Нижнепудюжской – до 26,1 (табл. 3).

В табл. 4 отражено, что по VIII ревизии удельные крестьяне Тавренского приказа проживали в 1193 дворах. Одним из значимых элементов политики попечительства, проводимой с начала 1830-х гг., стало препятствование удельным крестьянам разделять свои дворы. В малонаселенности дворов чиновники усматривали важную причину бедности удельных поселян [12]. В результате к IX ревизии количество дворов в Тавренском приказе осталось неизменным, что существенно отразилось на уровне их людности. Так, в приказе по VIII ревизии в среднем на двор приходилось 3,1 души м. п. (по волостям – от 2,6 до 3,4 души), по IX ревизии – уже 3,6 души (по волостям – от 3,4 до 4,2 души).

Между указанными ревизиями доля дворов с одним мужчиной снизилась с 12,8 до 9,5 %, с двумя – с 24,9 до 15,8 %, с тремя – с 26,7 до 22 %, но с четырьмя мужчинами осталась на уровне 19,9 %. Напротив, доля дворов с пятью душами м. п. увеличилась с 8,7 до 13,6 %, с шестью – с 2,4 до 4,8 % и семью мужчинами и более – с 2,2 до 7,6 %. Отражением стремления удельных чиновников сохранить количество дворов стал факт повышения доли дворов без мужчин с 1 до 3,2 % в рассматриваемый период. По волостям указанные показатели варьировали и не всегда строго следовали алгоритму, который проявлялся в целом по Тавренскому приказу (см. табл. 4).

Таблица 2

Table 2

Численность умерших и призванных в рекруты мужчин в Тавренском приказе Вологодской удельной канторы между VIII и IX ревизиями

Number of dead and conscripted men in the Tavrensky Prikaz of the Vologda Appanage Office between the VIII and IX revisions

Показатели	Волости											Всего по приказу
	Верхнепудюжская	Верхпуйская	Морозовская	Нижнепудюжская	Олюшинская	Тавренская вол. Настоящей сотни	Тавренская вол. Завельской сотни	Хмельницкая	Шабановская	Шеношская	Ширыхановская	
Умерло, душ м. п.	57	80	175	24	59	125	121	136	58	19	37	891
Рекруты, душ м. п.	10	24	47	5	12	29	21	29	14	6	5	202
Относительно VIII рев., в %	Умерло	25,1	27,6	23,7	21,1	25,2	22,5	23,1	28,5	23,8	20,7	24,5
	Рекруты	4,4	8,3	6,4	4,4	5,1	5,2	4,0	6,1	5,7	6,5	5,6
Относительно убывших, в %	Умерло	85,1	76,9	75,8	82,8	81,9	81,2	80,5	80,6	76,0	88,1	80,5
	Рекруты	14,9	23,1	20,3	17,2	16,7	18,8	17,2	19,4	24,0	11,9	18,2

Таблица 3

Распределение мужчин в Тавренском приказе Вологодской удельной конторы по возрастным группам по VIII и IX ревизиям

Table 3

The distribution of men in the Tavrensky Prikaz of the Vologda Appanage Office by age groups according to the VIII and IX revisions

Волости	Распределение душ м. п. по интервалам возраста, %								В среднем, лет
	10 и менее	11–20	21–30	31–40	41–50	51–60	61–70	71 и более	
VIII ревизия									
Верхнеподюжская	26,4	22,9	17,2	14,5	7,5	7,0	4,0	0,4	24,7
Верхнепуйская	31,0	20,7	16,9	12,1	6,6	7,9	3,4	1,4	23,9
Морозовская	28,7	20,2	20,0	13,4	5,7	7,7	3,2	1,1	24,2
Нижнеподюжская	30,7	21,9	12,3	16,7	7,9	7,0	3,5	0,0	23,5
Олюшинская	31,6	17,1	19,7	10,3	4,3	12,4	3,8	0,9	24,4
Тавренская вол. Завельской сотни	29,3	20,3	20,1	10,3	7,7	6,7	4,7	0,9	24,4
Тавренская вол. Настоящей сотни	27,5	19,5	17,4	13,2	9,0	9,0	3,8	0,8	25,4
Хмельницкая	29,9	18,4	16,9	11,7	10,5	6,7	4,8	1,0	25,3
Шабановская	34,4	21,3	15,2	11,5	6,6	9,0	1,2	0,8	22,5
Шеношская	22,8	22,8	19,6	10,9	10,9	12,0	1,1	0,0	25,6
Ширыхановская	22,7	24,1	17,7	17,0	5,7	9,2	3,5	0,0	25,5
Всего	29,1	20,2	18,1	12,5	7,4	8,1	3,7	0,9	24,5
IX ревизия									
Верхнеподюжская	28,0	18,4	14,2	16,1	13,4	6,5	2,7	0,8	25,2
Верхнепуйская	28,4	22,9	14,2	13,9	8,1	9,4	1,6	1,6	24,4
Морозовская	30,7	21,8	15,2	10,7	13,7	4,2	2,4	1,4	23,5
Нижнеподюжская	23,6	21,3	17,3	13,4	13,4	5,5	4,7	0,8	26,1
Олюшинская	34,4	18,1	16,7	13,9	10,4	2,4	2,1	2,1	22,5
Тавренская вол. Завельской сотни	28,6	18,6	16,8	14,4	10,0	6,2	3,6	1,7	24,9
Тавренская вол. Настоящей сотни	32,1	18,6	14,1	14,5	9,6	7,1	2,3	1,6	24,2
Хмельницкая	30,0	18,8	18,3	11,3	11,0	6,0	3,8	0,8	24,2
Шабановская	29,9	17,7	21,4	10,9	12,2	4,1	3,1	0,7	23,6
Шеношская	29,9	22,0	13,4	15,0	7,1	7,1	3,1	2,4	24,4
Ширыхановская	32,2	20,9	13,0	12,4	10,7	7,9	1,7	1,1	23,5
Всего	30,2	19,8	15,9	13,0	11,1	5,8	2,8	1,4	24,1

Источники: [10–21].
Sources: [10–21].

Обратим внимание, что по VIII ревизии в Тавренском удельном приказе было учтено 26 наиболее населенных дворов, среди которых в 17 дворах проживало по семь мужчин, в семи – по восемь душ м. п., в одном дворе – девять душ и во дворе крестьянина Н. Г. Пальцова (дер. Осташевская Хмельницкой вол.) обитало и вовсе 11 душ м. п. [23, л. 295 об.]. По IX ревизии был зафиксирован уже 91 многонаселенный двор, в том числе по семь мужчин обитало в 51 дворе, по восемь – в 26, по девять душ м. п. – в 10 дворах. Кроме них оказалось три двора с 10 мужчинами и во дворе удельного крестьянина Д. А. Матушкина (дер. Гора Грибанова Ширыхановской вол.) проживало 11 душ м. п. и 8 душ женского пола [23, л. 375 об.]. Удельные крестьяне, поняв бесперспективность попыток даже разумного разделения дворов, стали практиковать следующий подход: в рамках усадеб они строили дома для самостоятельных семей, но формально оставались одним двором (без разделения наделов, работ и податного обложения).

В табл. 5 отмечено, что по VIII ревизии в Тавренском удельном приказе насчитывалось 104 селения. Затем четыре деревни были слиты в два селения, и созданная в 1840–х гг. Морозовская образцовая усадьба стала счи-

таться самостоятельным поселением и по IX ревизии числилось 103 удельных сел и деревень. Как указывалось, численность населения в приказе между ревизиями возрастала, что и обеспечило рост средней людности удельных селений с 35 до 42,1 души м. п. При этом сокращалось количество селений, в которых обитало до 40 мужчин, и увеличивалось их число с людностью свыше 41 крестьянина. По VIII ревизии в приказе было только два селения, в которых проживал 91 мужчина, по IX ревизии таких оказалось только одно поселение, но еще в двух обитало по 99 душ м. п. и в дер. Доровской (Олюшинская вол.) насчитывался даже 101 мужчина [23].

По сравнению с людностью селений несколько иная ситуация складывалась с их дворностью. Прежде всего, между VIII и IX ревизиями уровень дворности удельных селений в Тавренском приказе возрос на мизерную часть – с 11,5 до 11,6 двора, что вполне было объяснимо консервацией количества дворов. При этом ненамного увеличилась доля селений в интервале с 1 до 5 и с 11 до 15 дворов. Наоборот, доля селений в остальных интервальных группах сократилась (см. табл. 5).

Таким образом, прибыль мужского населения в Тавренском удельном приказе между VIII и IX ревизиями осуществ-

Таблица 4

Людность дворов в Тавренском приказе Вологодской удельной конторы по VIII и IX ревизиям

Table 4

Population of households in the Tavrensky Prikaz of the Vologda Appanage Office according to the VIII and IX revisions

Волости	Дворов	Распределение душ м. п. на двор, в %								Душ в сред. на двор
		0	1	2	3	4	5	6	7 и более	
VIII ревизия										
Верхнеподюжская	73	-	16,4	17,8	28,8	19,2	13,7	1,4	2,7	3,1
Верхопуйская	89	-	13,5	25,8	19,1	25,8	2,2	7,9	5,6	3,3
Морозовская	243	-	10,3	28,4	31,7	16,0	7,8	3,3	2,5	3,0
Нижнеподюжская	36	-	5,6	25,0	36,1	19,4	8,3	5,6	-	3,2
Олюшинская	78	2,5	12,8	17,9	34,6	20,5	3,8	7,7	-	3,0
Тавренская вол. Завельской сотни	178	0,6	10,1	28,7	20,2	25,3	9,6	3,9	1,7	3,1
Тавренская вол. Настоящей сотни	184	0,5	15,8	28,8	25,0	17,4	9,8	1,6	1,1	2,8
Хмельницкая	152	0,7	14,5	23,7	25,7	16,4	10,6	5,3	3,3	3,1
Шабановская	82	2,4	14,6	15,9	34,1	20,7	8,5	2,4	1,2	3,0
Шеношская	36	-	27,8	22,2	22,2	22,2	5,5	-	-	2,6
Ширыхановская	42	-	7,1	26,2	23,8	23,8	11,9	2,4	4,8	3,4
Всего	1193	1,0	12,8	24,9	26,7	19,9	8,7	3,9	2,2	3,1
IX ревизия										
Верхнеподюжская	73	4,1	13,7	12,3	12,2	17,8	13,7	13,7	5,5	3,6
Верхнепуйская	89	-	20,2	15,7	16,9	20,2	13,5	5,6	7,9	3,5
Морозовская	243	3,3	9,5	15,6	20,2	22,6	12,8	9,9	6,2	3,6
Нижнеподюжская	36		2,8	25,0	33,3	19,4	5,6	2,8	11,1	3,5
Олюшинская	78	6,4	7,2	11,5	20,5	16,7	23,1	7,7	6,4	3,7
Тавренская вол. Завельской сотни	178	2,2	6,7	15,2	25,3	19,1	14,6	12,4	4,5	3,7
Тавренская вол. Настоящей сотни	184	1,1	10,3	15,8	22,3	17,4	17,9	6,0	9,2	3,7
Хмельницкая	152	4,6	8,6	13,8	27,0	22,4	12,5	5,9	5,3	3,4
Шабановская	82	4,9	9,8	20,7	15,9	20,7	7,3	8,5	12,2	3,6
Шеношская	36	11,1	2,8	16,7	22,2	19,4	11,1	8,3	8,3	3,5
Ширыхановская	42	2,4	4,8	21,4	21,4	19,0	2,4	4,8	23,8	4,2
Всего	1193	3,2	9,5	15,8	22,0	19,9	13,6	8,4	7,6	3,6

Таблица 5

Людность и дворность сел и деревень Тавренского приказа Вологодской удельной конторы по VIII и IX ревизиям

Table 5

Population and number of households in the villages of the Tavrensky Prikaz of the Vologda Appanage Office according to the VIII and X revisions

Душ м. п. на селение, абс.						Душ м. п. на селение, %						В среднем на селение
1-10	11-20	21-30	31-40	41-50	Более 51	1-10	11-20	21-30	31-40	41-50	Более 51	
VIII ревизия, 104 селения												
7	22	20	19	13	23	6,7	21,2	19,2	18,3	12,5	22,1	35,0
IX ревизия, 103 селения												
6	18	15	18	18	28	5,8	17,5	14,6	17,5	17,5	27,2	42,1
Дворов на селение, абс.						Дворов на селение, %						В среднем на селение
1-5	6-10	11-15	16-20	21-25	Более 26	1-5	6-10	11-15	16-20	21-25	Более 26	
VIII ревизия, 104 селения												
20	29	30	15	6	4	19,2	27,9	28,8	14,4	5,8	3,8	11,5
IX ревизия, 103 селения												
22	25	31	13	7	5	21,4	24,3	30,1	12,6	6,8	4,9	11,6

влялась сугубо за счет рождаемости, которая составляла почти 50 %. Однако существенная часть рождаемости поглощалась высоким уровнем смертности в совокупности с убылью мужчин в ходе рекрутских наборов, переходом крестьян в другие категории населения и наказанием в виде ссылки в Сибирь. В итоге прибыль душ м. п. за исследуемые 16 лет не достигла 20 % и ограничивалась 1,2 %

в год. Средний возраст мужчин в приказе с VIII по IX ревизии немного сократился и до двух третей их находилось в возрасте до 30 лет. В Тавренском приказе в анализируемый период людность дворов и удельных селений возросла, тогда как дворность сел и деревень почти не изменялась.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. – СПб., 1830. – Т. XXIV. – № 17906. – С. 525–569.
2. ПСЗРИ-1. – Т. XXIV. – № 17907. – С. 569.
3. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. В 3-х т. – СПб., 1901–1902. – Т. 1. – 733 с.; – Т. 2. – 581 с.
4. Гриценко, Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки) / Н. П. Гриценко. – Грозный, 1959. – 585 с.
5. Котов, П. П. Проблемы изучения уровня земледелия на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии / П. П. Котов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2012. – № 1 (9). – С. 83–88.
6. Котов, П. П. Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX в. / П. П. Котов // Хозяйство северного крестьянства в XVI – начале XX вв.: межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар, 1987. – С. 21–29.
7. Красникова, Ю. Н. Удельное хозяйство в первой половине XIX века: почему стоит уделить этому внимание в школьном курсе / Ю. Н. Красникова // Преподавание истории в школе. – 2022. – № 6. – С. 24–28.
8. Караханян, Т. Н. Промысловые занятия во Владимирской удельной конторе (на примере Ковровского и Судогодского уездов) / Т. Н. Караханян // Научное пространство: актуальные вопросы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2020. – С. 47–49.
9. Котов, П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2012. – № 3. – С. 149–155.
10. Гриценко, Н. П. Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами / Н. П. Гриценко // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. – 1958. – № 10. – С. 249–287.
11. Завитаев, А. Н. Попечительная политика в удельной деревне Саратовского Поволжья и ее результаты / А. Н. Завитаев // Казанская наука. – 2015. – № 6. – С. 35–38.
12. Котов, П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2012. – № 3. – С. 103–107.
13. Котов, П. П. Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828–1861 гг.) / П. П. Котов // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период): межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1986. – С. 86–95.
14. Красникова, Ю. Н. Организация общественной запашки в удельной деревне в первой половине XIX века / Ю. Н. Красникова, Т. В. Емельянова // Современная научная мысль. – 2021. – № 5. – С. 13–19.
15. Богатикова, Г. И. Реформа 26 июня 1863 г. в удельной деревне / Г. И. Богатикова // Исторические записки. – 1958. – Т. 63. – С. 81–123.
16. Котов, П. П. Наделение землей удельных крестьян Европейского Севера России по реформе 1863 года (на материалах Сольвычегодского уезда Вологодской губернии) / П. П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2012. – № 1. – С. 32–40.
17. Котов, П. П. Отмена крепостного права в удельной деревне по реформе 26 июня 1863 года в русской историографии // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2017. – № 4 (32). – С. 79–87.
18. Кабузан, В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1971. – 190 с.
19. Шайхисламов, Р. Б. Удельные крестьяне Южного Урала в дореформенный период / Р. Б. Шайхисламов, Н. С. Мысляева // Современная научная мысль. – 2018. – № 6. – С. 52–56.
20. Котов, П. П. Изменение количества удельных поселений в Шенкурском уезде Архангельской губернии в 1797–1863 годах / П. П. Котов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2024. – № 6 (72). – С. 9–16. DOI 10.19110/1994-5655-2024-6-9-16.
21. Котов, П. П. Удельные поселения и крестьяне Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в конце XVIII – середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2024. – № 2 (68). – С. 9–17. DOI 10.19110/1994-5655-2024-2-9-17.
22. Котов, П. П. Удельные селения и крестьяне юго-западных уездов Вологодской губернии в конце XVIII – середине XIX века / П. П. Котов // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2024. – № 4 (35). – С. 16–22.
23. Вельский краеведческий музей. – № 1483. – Л. 1–487.
24. Котов, П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 4. – С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616.
25. Котов, П. П. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 годах / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2021. – № 4 (50). – С. 46–54. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54.
26. Котов, П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2019. – № 3 (39). – С. 65–71. DOI 10.19110/1994-5655-2019-3-65-71.
27. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 16. Д. 832. Л. 1 об. – 472.
28. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 833. Л. 1 об. – 778.
29. РГИА. Ф. 515. Оп. 34. Д. 128. Л. 1 об. – 54.
30. РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 2411. Л. 1.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sbranie Pervoe. [Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection] – St.Petersburg, 1830. (Further – PSZRI-1). – Vol. XXIV. – No. 17906. – P. 525–569.
2. PSZRI-1. – Vol. XXIV. – No. 17907. – P. 569.
3. Istorija udelov za stoletie ih sushhestvovaniya. 1797 – 1897. V 3-h tomah [The history of appanages during the

- century of their existence. 1797-1897. In 3 volumes]. – St. Petersburg, 1901-1902. – Vol. 1. – 723 p.; – Vol. 2. – 581 p.
4. Gritsenko, N. P. Udel'nye krest'yane Srednego Povolzh'ya (Ocherki) [Tsar family peasants of the middle Volga region. Essays] / N. P. Gritsenko. – Grozny, 1959. – 585 p.
 5. Kotov, P. P. Problemy izucheniya urovnya zemledeliya na primere Shenskurskogo uezda Arkhangel'skoi gubernii [The problems of studying the level of agriculture on the example of Shenskursky Uyezd of the Arkhangel'sk Province] / P. P. Kotov // Izvestiya Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – 2012 – No. 1 (9). – P. 83-88.
 6. Kotov, P. P. Khozyaistvo udel'nykh krest'yan Severa sere-diny XIX v. [The household of Tsar family peasants of the North in the mid-XIX century] / P. P. Kotov // Khozyaistvo severnogo krest'yanstva v XVI – nachale XX vv. [The economy of the northern peasantry in the XVI – early XX centuries]. Interuniversity collection of sci. papers. – Syktyvkar, 1987. – P. 21-29.
 7. Krasnikova, Yu. N. Udel'noe khozyaistvo v pervoi polovine XIX veka: pochemu stoit udelit' etomu vnimanie v shkol'nom kurse [Appanage economy in the first half of the XIX century: why it is worth paying attention to in the school course] / Yu. N. Krasnikova // Prepodavanie istorii v shkole [Teaching history at school]. – 2022. – No. 6. – P. 24-28.
 8. Karakhanyan, T. N. Promyslovye zanyatiya vo Vladimirskoi udel'noi kontore (na primere Kovrovskogo i Sudogodskogo uezdov) [Fishing activities in the Vladimir Appanage Office (on the example of Kovrov and Sudogod Uyezds)] / T. N. Karakhanyan // Nauchnoe prostranstvo: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Scientific space: current issues of theory and practice]. Materials of the All-Russian Sci. Pract. Conf.]. – Cheboksary, 2020. – P. 47-49.
 9. Kotov, P. P. Osobennosti otkhodnichestva udel'nykh krest'yan Evropeiskogo Severa Rossii [Peculiarities of seasonal work of Tsar family peasants in the European North of Russia] / P. P. Kotov // Bull. of St. Petersburg Univ. History. – 2012. – No. 3. – P. 149-155.
 10. Gritsenko, N. P. Politika feodal'nogo «popechitel'stva» udel'nogo vedomstva nad krest'yanami [The policy of feudal “patronage” of the Appanage Department over the peasants] / N. P. Gritsenko // Sci. notes of the Chechen-In-gush Pedag. Inst. – 1958. – No 10. – P. 249-287.
 11. Zavitaev, A. N. Popechitel'naya politika v udel'noi derevne Saratovskogo Povolzh'ya i ee rezul'taty [Trusteeship policy in the appanage village of the Saratov Volga region and its results] / A. N. Zavitaev // Kazanskaya nauka [Kazan Science]. – 2015. – No. 6. – P. 35-38.
 12. Kotov, P. P. Politika popechitel'stva udel'noi derevni na primere Evropeiskogo Severa Rossii [Trusteeship policy in the appanage village and its results: the example of the European North of Russia] / P. P. Kotov // Bull. of Udmurt Univ. Series: History and Philology. – 2012. – No 3. – P. 103-107.
 13. Kotov, P. P. Obshchestvennaya zapashka udel'nykh krest'yan Severa Rossii (1828-1861 gg.) [Public plowing of state peasants of the North of Russia (1828-1861)] / P. P. Kotov // Istoriya i kul'tura Arkhangel'skogo Severa (Dosovetskii period [History and Culture of the Arkhangel'sk North (Pre-Soviet period)]). Interuniversity collection of sci. papers. – Vologda, 1986. – P. 86-95.
 14. Krasnikova, Yu. N. Organizatsiya obshchestvennoi zapashki v udel'noi derevne v pervoi polovine XIX veka [Organization of public plowing in an appanage village in the first half of the XIX century] / Yu. N. Krasnikova, T. V. Emelyanova // Sovremennaya nauchnaya mysl' [Modern Scientific Thought]. – 2021. – No. 5. – P. 13-19.
 15. Bogatikova, G. I. Reforma 26 iyunja 1863 g. v udel'noi derevne [The reform of June 26. 1863 in a Tsar family village] / G. I. Bogatikova // Historical notes. – 1958. – Vol. 63. – P. 81-123.
 16. Kotov, P. P. Nadelenie zemlei udel'nykh krest'yan Evropeiskogo Severa Rossii po reforme 1863 goda (na materialakh Sol'vychevodskogo uezda Vologodskoi gubernii) [Land allotment of the Tsar family peasants in the European North of Russia by the reform of 1863 (from the Solvychevodsk Uyezd of the Vologda Province archives)] / P. P. Kotov // Bull. of Udmurt Univ. Series: History and Philology. – 2012. – No. 1. – P. 32-40.
 17. Kotov, P. P. Otmena krepostnogo prava v udel'noi derevne po reforme 26 iyunja 1863 goda v russkoi istoriografii [The abolition of serfdom in the Tsar family villages by the reform of June 26, 1863 in the Russian historiography] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2017. – No. 4 (32). – P. 79-87.
 18. Kabuzan, V. M. Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Changes in the distribution of the population of Russia in the XVIII – first half of the XIX centuries] / V. M. Kabuzan. – Moscow: Nauka Publ., 1971. – 190 p.
 19. Shaikhislamov, R. B. Udel'nye krest'yane Yuzhnogo Urala v doreformennyi period [Appanage peasants of the Southern Urals in the pre-reform period] / R. B. Shaikhislamov, N. S. Myslyaeva // Sovremennaya nauchnaya mysl' [Modern scientific thought]. – 2018. – No. 6. – P. 52-56.
 20. Kotov, P. P. Izmenenie kolichestva udel'nykh poselenii v Shenskurskom uezde Arkhangel'skoi gubernii v 1797-1863 godakh [Change in the number of appanage settlements in the Shenskursk Uyezd of the Arkhangel'sk province in 1797-1863] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2024. – No. 6 (72). – P. 9-16. – DOI 10.19110/1994-5655-2024-6-9-16.
 21. Kotov, P. P. Udel'nye poseleniya i krest'yane Sol'vychevodskogo uezda Vologodskoi gubernii v kontse XVIII–se-re-dine XIX veka [The Tsar family's settlements and peasants of the Solvychevodsk Uyezd of the Vologda province at the end of the XVIII-mid-XIX centuries] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2024. – No. 2 (68). – P. 9-17. – DOI 10.19110/1994-5655-2024-2-9-17.
 22. Kotov, P. P. Udel'nye poseleniya i krest'yane yugo-zapadnykh uezdov Vologodskoi gubernii v kontse XVIII – se-re-dine XIX veka [Appanage villages and peasants in the south-western uyezds of the Vologda province at the end of the XVIII – mid-XIX centuries] / P. P. Kotov // Bull. of Vologda State Univ. Series History and Philology. – 2024. – No 4 (35). – P. 16-22.

23. Vel'skii kraevedcheskii muzei (VKM) [The Velsk Museum of Local History]. – No. 1483. – L. 1–487.
24. Kotov, P. P. Rasshirenie udel'nykh vladenii v Vologodskoi gubernii v pervoi chetverti XIX veka [Expansion of appanages in the Vologda province in the first quarter of the XIX century] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2021. – Vol. 43, No 4. – P. 39–46. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616
25. Kotov, P. P. Kharakteristika pomeshchich'ikh imenii Vologodskoi gubernii, priobretennykh udel'nym vedomstvom v 1804 i 1824 godakh [Characteristics of the landlords' estates of the Vologda province obtained by the Appanage Department in 1804 and 1824] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2021. – No. 4 (50). – P. 46–54. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54.
26. Kotov, P. P. Izmenenie granits Velskogo i Kadnikovskogo uezdov Vologodskoy gubernii v seredine XIX veka [Change of boundaries of the Velsky and Kadnikovsky Uyezds of the Vologda Province in the mid-XIXth century] / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2019. – No 3 (39). – P. 65–71. – DOI 10.19110/1994-5655-2019-3-65-71.
27. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive] (RGIA). F. 515. Op. 16. D. 832. L. 1ob.–472.
28. Ibid. F. 515. Op. 16. D. 833. L. 1ob.–778.
29. Ibid. F. 515. Op. 34. D. 128. L. 1ob.–54.
30. Ibid. F. 515. Op. 71. D. 2411. L. 1.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в регионах Европейского Севера России» (номер государственного учета 122040800166–0).

Acknowledgements (state task):

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic “Transformations of society, government and economy in the European North-East of Russia” (state registration No. 122040800166–0).

Информация об авторе:

Котов Петр Павлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0000-0002-7641-2437 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: kotovpetr55@mail.ru).

Author:

Petr P. Kotov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Sector of National History, Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID 0000-0002-7641-2437 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation, e-mail: kotovpetr55@mail.ru).

Для цитирования:

Котов, П. П. Удельные крестьяне Тавренского приказа Вологодской губернии между VIII–IX ревизиями / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 24–32.

For citation:

Kotov, P. P. Appanage peasants of the Tavrensky Prikaz of the Vologda Province between the VIII–IX revisions / P. P. Kotov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2025. – No. 8 (84). – P. 24–32.

Дата поступления статьи: 23.06.2025

Прошла рецензирование: 20.06.2025

Принято решение о публикации: 27.07.2025

Received: 23.06.2025

Reviewed: 20.06.2025

Accepted: 27.07.2025

Зарождение абхазской интеллигенции в начале XIX века

И. Х. Дамения

ООО «Издательство "Юридический центр"»,
г. Санкт-Петербург
damenia@rambler.ru

Аннотация

В статье проанализированы условия возникновения и становления абхазской интеллигенции. Показано, что необходимым условием развития интеллигенции явились политические, экономические, социальные и духовные факторы развития абхазского общества в XIX в. Первоначально абхазская интеллигенция была дворянская. Абхазы, выходцы из дворянских семей, выезжавшие на обучение за пределы Абхазии, включались в процессы межкультурного взаимодействия. Главной особенностью формирования абхазской интеллигенции было растущее публичное влияние на абхазское общество. Первые ее представители в области истории и образования – Николай Шакрыл и Соломон Званба.

Ключевые слова:

абхазская интеллигенция, дворянство, владетельные князья Абхазии, владетельный князь, Российское государство

Интеллигенция – это профессиональная группа людей, которая может принадлежать к различным социальным группам и политическим движениям, но имеет общую духовно-нравственную основу. Существует большое количество тезисов и мнений по определению данного понятия, каждое из которых дает справедливую оценку и полную характеристику интеллигента и интеллигенции в целом.

Первоисточником слова «интеллигенция» является греческое слово «*noesis*» – сознание, понимание их высшей степени. На латинском языке «*intelligentia*» – понимание, познавательная сила, знание. Словарь С. И. Ожегова определяет «интеллигенцию» как «людей умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры; общественный слой людей, занимающихся таким трудом» [1]. По мнению В. Даля, «интеллигенция – разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [2].

Генезис слова «интеллигенция» (*intelligence/Intelligence*) относится к 1830-м гг. во Франции, к 1848 г. ко времени революции в Германии, к 1860-м гг. в Российской империи. Термин «интеллигенция» стал обозначением общественной группы людей, являвшихся главными носителями «интеллектуальной способности». XIX век харак-

The emergence of the Abkhazian intelligentsia in the early XIX century

I. Kh. Damenia

LLC «Publishing House «Law Center»,
St. Petersburg
damenia@rambler.ru

Abstract

The paper analyzes the conditions of the emergence and formation of the Abkhazian intelligentsia. It is shown that political, economic, social and spiritual factors of the development of the Abkhazian society in the XIX century were a necessary condition for the development of the intelligentsia. Initially, the Abkhaz intelligentsia was noble. Abkhazians, who came from noble families who went to study outside Abkhazia, were involved in the processes of intercultural interaction. The main feature of the formation of the Abkhaz intelligentsia was the growing public influence on the Abkhaz society. Its first representatives in the field of history and education were Nikolai Shakryl and Solomon Zvanba.

Keywords:

Abkhazian intelligentsia, nobility, sovereign princes of Abkhazia, sovereign prince, Russian State

теризуется развитием капиталистических отношений. Это было время, когда совершенствование производительных сил общества ставило требования в развитии образования и науки. По оценкам исследователей, могущественное государство, каким являлась Российская империя, нуждалось в образованных людях, которые смогли бы служить на различных должностях по всей территории империи [3]. Это и стало основным двигателем формирования интеллигенции. По мнению В. И. Ленина, к интеллигенции следует относить всех образованных людей, представителей свободных профессий, всех представителей умственного труда «в отличие от представителей труда физического» [4, с. 309].

В Абхазии термин «интеллигенция» получил распространение с середины XIX в. С этим обстоятельством следует связывать политические, экономические, социальные и духовные факторы развития абхазского общества. Исследователь истории формирования абхазской интеллигенции Г. А. Дзидзария указывал, что исходным моментом этого процесса было начало XIX в., которое связало судьбу абхазского народа, как и многих других народов, с Россией. Далее он отмечает: «Плодотворное влияние русской культуры во взаимодействии с местными культурными традициями было решающим специфическим

фактором образования дореволюционной абхазской интеллигенции, развития передовой общественно-политической мысли края. Мы уже не говорим о значении в этом процессе факта вовлечения края в орбиту всероссийского рынка. Здесь, как и в других областях Закавказья, происходило формирование капиталистического уклада, особенно в предреформенный период» [5, с. 4]. Современные исследователи отмечают политический и образовательный факторы развития абхазской интеллигенции – окончательная инкорпорация Абхазского княжества в состав Российской империи и относительная стабилизация образовательной политики [6–9].

При этом следует отметить, что абхазская интеллигенция, в отличие от российской и западной, является уникальной в своем единстве мнений и взглядов по всем проблемам политического, социально-экономического и культурного развития абхазского народа. Если главным признаком российской интеллигенции являлось повышенное состояние гражданской ответственности, стремление к социальной критике своего отечества и, в первую очередь, существующего на тот период правительства, то абхазская интеллигенция была изначально едина в оценке всех сторон жизни абхазского общества. Она определялась как группа людей, имеющих определенный уровень самообразования или образования, полученного в высшем или среднем учебном заведении. Профессиональная деятельность выражалась в реализации функций интеллектуального труда, направленного на созидание личностно-ориентированных основ общественной деятельности, обогащение и развитие социокультурной среды. К ним относятся как лица высокообразованные, так и лица, не имевшие высшего образования, но активно и продуктивно занимавшиеся интеллектуальным трудом. В оценке существования культурного пространства характерны адаптация к природным условиям, среде обитания, социальная организация. Повышенное состояние гражданской ответственности, критика и оценка существовавших проблем были едны среди представителей абхазской интеллигенции вне зависимости от их социального происхождения и уровня образования. По оценкам современных ученых, она отличалась от других аналогичных культурных поколений своею оригинальностью, своеобразием и самобытностью. Это выражалось прежде всего в структурной организации жизни социума, системе ценностей, ориентации человека и его менталитете и ментальности [7, с. 5].

Отличительная особенность абхазской интеллигенции заключалась также в том, что она не была изолирована от остальной части абхазского общества. Наоборот, место интеллигенции в структуре общества играло большую социальную значимость, ее представители были в особом почете и уважении. Этой своей самобытностью национальная абхазская интеллигенция связана с такими важными внешними и внутренними факторами, как географическое положение страны, ее история, религия, политика, культура и традиции.

О присутствии в Абхазии в более ранние времена представителей абхазского населения, которых можно назвать интеллигентами, говорят многочисленные ар-

хивные, археологические, этнографические данные. Уже с первых веков нашей эры происходит формирование абхазской нации, большое распространение получает народное творчество в виде мифологии, языческих культов, преданий, сказаний. Принятие с VI в. православной религии имеет широкое распространение по всей территории Абхазии и представлено в древней архитектуре, живописи, скульптуре, прикладном искусстве. По всей территории Абхазии строилось множество церквей, многие из которых сохранились и в нынешнее время. Средневековая абхазская церковь, имевшая широкие связи с Византией, в свою очередь «повышала уровень цивилизованности абхазской народности» [10]. Сохранившиеся свидетельства средневековых памятников архитектуры, искусства также являются показателем существования абхазской интеллигенции в тот период времени.

И все же, несмотря на наличие большого количества средневековых памятников, зарождение абхазской интеллигенции началось в начале XIX в. и формировалось на протяжении всего XIX столетия. Главная особенность становления абхазской интеллигенции связана с быстро растущим публичным влиянием на все абхазское общество. Сформированная уже к концу XIX в. абхазская интеллигенция стала носителем именно культурной публичности, в первую очередь, в сфере просвещения и образования. Постепенно критерии абхазского интеллигента менялись в зависимости от роста политических, социально-экономических особенностей страны. Уже к началу XX в. благодаря внешним и внутривнутриполитическим факторам происходит переход интеллигенции от культурной особенности к массовой политической общественной публичности. Абхазская интеллигенция становится той частью образованного класса, которая играет активную роль в формировании общественного политического мнения. Главными проблемами были озабоченность судьбами своего народа, стремление к социальной критике, борьбе с тем, что мешает национальному развитию абхазского народа. Эти вопросы продолжали тревожить умы абхазской мысли на протяжении XX в.

Предтечей абхазской интеллигенции необходимо считать представителей высшего сословия Абхазии – абхазских дворян. Они занимались непосредственно своими прямыми обязанностями управления страной. Однако занятие внутренним управлением, а также для ведения внешнеполитических задач, которые стояли перед Абхазским княжеством, требовали от них и собственного обучения. Представители княжеского рода Абхазии – Чачба, Маршания, Инал-ипа и мн. др. свободно владели, помимо своего родного, турецким, грузинским языками. Владелец князь Абхазии Келешбей Чачба также использовал в переписке и переговорах турецкий язык, который еще в 1806 г. в «Просительных пунктах» писал о том, что в случае принятия подданства Российской империи, своего 16-летнего сына отправит в Санкт-Петербург для обучения военной службе, а также «выучить грамоте и другим российским наукам» [11, с. 27–29].

В 1808 г. сын Келешбея, Сефербей (Георгий) Чачба, составляет новые «Просительные пункты» о принятии

Александром I Абхазии под свое покровительство. В них он указывал пункт об отправке детей абхазов на обучение в Санкт-Петербург. «Просительные пункты» о принятии Александром I Абхазии под свое покровительство были составлены 12 августа 1808 г. на грузинском языке в Мегрелии и записаны священником Иоанном Иоселиани [12, с. 8].

Основным показателем интеллигентности является образованность индивида. В начале XIX в. возможность получения образования имели в первую очередь представители социальной элиты. В значительной степени зарождающаяся абхазская интеллигенция состояла именно из них – выходцев из дворянских и княжеских семей, выезжавших за пределы Абхазии в Санкт-Петербург и Москву. Они с легкостью включились в процессы межкультурного взаимодействия, стали первыми представителями абхазской интеллигенции. С целью дальнейшего несения культурного и образовательного уровней владетельные князья постепенно приобщали к этому все абхазское население. В дальнейшем, по мере развития экономических, социальных отношений, обязательными признаками человека умственного труда стало наличие максимально полного образования для всех сословий Абхазии.

В результате вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи встали задачи политического, экономического и культурного развития Абхазии. Как известно, российская администрация прежде всего проявляла заинтересованность в налаживании контактов именно с привилегированными сословиями, в которых видела посредников между собой и всем населением. Российское государство нуждалось в образованных людях как раз среди местного населения, которые должны были служить на различных должностях. Вполне естественно, что занятие такой деятельностью подразумевало наличие образования. Эта задача была возложена в первую очередь на служилое сословие Абхазии. Появляется потребность в изучении русского языка. В первые годы при решении многих внутренних и внешнеполитических проблем владетельного князя Абхазии, а также других представителей дворянского рода сопровождали переводчики.

Население Абхазии говорило на абхазском языке. В Самурзаканской (южной) части Абхазии жители изъяснялись на абхазском и мегрельском языках. По оценкам современников, «везде здесь рассеяны руины и следы древней культуры – остатки греческих колоний и древнего абхазского царства» [13, с. 82, 95–97, 112–118, 155–158].

Практика обучения молодых абхазов, представителей высшего сословия, в Санкт-Петербурге и Москве была связана и с тем обстоятельством, что собственных школ в Абхазии еще не существовало. Задача же получения образования ставилась важной и актуальной как местной знатью, так и российским правительством. Служба являлась естественной повинностью дворянства – служилого сословия, «поэтому на него и была возложена задача культурного развития» [3]. В связи с этим, в первую очередь обучение представителей абхазской знати проходило в военных учебных заведениях Российской империи [7, с. 15]. Так, сын Сефербея (Георгия) Чачба-Шерваши-

дзе Дмитрий с 1812 г. воспитывался в Санкт-Петербурге в Пажеском корпусе. Отправлен он был туда на обучение вместе с двумя «благородными молодыми людьми для образования их в Санкт-Петербурге приличным воспитанием в полезных науках» [5, с. 25]. В 1821 г., после смерти своего отца, Дмитрий вернулся в Абхазию в чине полковника и принял владительство Абхазии. Перед отъездом из Санкт-Петербурга, 07.08.1821, он был принят в Павловском дворце императрицей Марией Федоровной [11, с. 53]. Дмитрий уже к этому времени хорошо владел русским языком. По оценкам современников, он отчаянно взялся за управление краем и стремился «создать вокруг себя нечто подобное величию владетельных особ Европы» [14, с. 406]. Однако его планам не удалось сбыться, через год после своего княжения Дмитрий заболел и умер.

В 1826–1831 гг. в Пажеском корпусе обучался младший сын того же владетеля Константин Георгиевич Чачба. В Петербурге он оказался после восстания декабристов. Пребывание Константина там оказало важное влияние на формирование его общественно-политических взглядов.

После смерти Дмитрия Чачба владетелем Абхазского княжества стал Михаил Георгиевич Чачба. Он получил горское воспитание у убыхского князя Хаджи Берзека Дагумоко. По оценкам современников, знание природы родного племени и умение ладить с русскими дали ему возможность править страной в течение 44 лет [15, с. 262].

До 1827 г. Михаил Чачба находился в Тифлисе в штабе главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. Здесь он обучился русской грамоте, «научился хорошо говорить по-русски и даже писать» [16, с. 158]. Владетельный князь проводил большую работу по экономическому и культурному развитию страны, осуществлял военные операции и мероприятия по вхождению горных районов в состав Российской империи, принимал законы, которые положительно оценивались местным населением, а также российским правительством. В рапорте А. И. Будберга Главнокомандующему отдельного Кавказского корпуса М. С. Воронцову от 7 сентября 1946 г. отмечается: «Нововведенные владетелем Абхазии в подвластном ему крае постановления взамен старых известных законов и обычаев, имели благоприятное влияние в народе, особенно в низшем классе, который принял их с восторгом... Учреждением судов и сельских старшин из дворян вроде земской полиции и постановление строгих наказаний за нарушение новых законов дает возможность к действительному их применению. <...> Самурзаканцы начинают увлекаться примером Абхазии и по предложению начальника 3-го отделения генерал-майора Гогенбаха намерены составить народное собрание о принятии новых абхазских постановлений...» [11, с. 181].

До 1840-х гг. интеллигенция формировалась, в основном, из дворянской среды. Постепенно в ряды интеллигенции влились и представители других слоев населения. Так, в 1849 г. владетельный князь Абхазии Михаил Чачба направился в Санкт-Петербург с большой свитой, в которую входили князья, дворяне, а также представители крестьянского населения Абхазии [там же, с. 195–196].

Однако практика обучения абхазских детей в учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы не всегда приводила к положительным результатам. Плохие погодные условия, слабое здоровье отправленных на обучение детей, неприспособленность к климату и мн. др. факторы во многом способствовали неблагоприятному, а порой и трагичному исходу. Во многих отчетах отмечалось, что отправленные в Петербург дворяне так и не достигли своей цели [там же, с. 161]. В рапорте от 01 апреля 1844 г. от общества Псху говорится, что «для отправки в Санкт-Петербург были подготовлены 21 детей, из которых 7 княжеского рода, 12 дворянского, и 2 из крестьян». Однако по причине опасения погодных условий и плохого здоровья дети были оставлены для получения образования в «значительнейших домах Абхазии по выбору владельца», другая часть – в местности Бамбора для получения воспитания. Среди детей двое были женского пола [там же, с. 168].

Со временем перед абхазской знатью и местной администрацией встала задача развития собственной сети школ в Абхазии для обучения грамотности всего абхазского населения [7, с. 35]. В рапорте исполняющего дела начальника Черноморской береговой линии А. И. Будберга командиру отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарту за 1944 г. об учреждении школ отмечается важность развития сети школ для получения образования среди абхазского населения: «... Со своей стороны я имею честь докладывать <...>, что, по мнению моему, это единственное средство, которое мы с пользою употребить можем, чтобы образовать между горцами новое поколение, могущее принести в дела народные понятия менее дикие, большую доверенность и видам правительства и менее шаткую признательность за полученные beneficia». Чиновники были убеждены в необходимости этой меры «хотя на учреждение школ на береговой линии не получено еще разрешения, но я пользуюсь сим случаем, чтоб возобновить о сем ходатайства моего предместника, и всепокорнейшее просить ваше высокопреосвященство об испрошении высочайшего соизволения, чтоб аманатов как псхувских, так и тех, кои впредь будут взяты от племен восточного берега, оставлять в этих школах для воспитания, отправляя в Санкт-Петербург только достойнейших, в виде особой награды, по достижении известного возраста и не иначе, как с согласия родителей» [11, с. 168–169].

Система образования, введенная российским правительством в Абхазии, стала основополагающим фактором в процессе становления абхазской интеллигенции. Постепенное развитие образования оказало влияние на развитие всех сфер жизни абхазского общества – проникнувшихся идеей всеобщего распространения грамотности и образованности, постоянно работавших над собой и расширявших свой кругозор.

Первая школа в Абхазии была открыта в Сухуме в 1852 г. для воспитания детей туземцев, «в котором предполагалось обучать детей, приготавливающихся и не для духовного звания...» [17, с. 233, 237, 238].

После получения начального образования в школах Абхазии молодые абхазы продолжали обучение в учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга, других городах

Кавказского и Закавказского краев. В Отчете за 1852 г. говорится об отправке детей для воспитания в Россию или училища, находящиеся в Закавказском крае [11, с. 222]. В собственно Абхазии высокой концентрации абхазской интеллигенции достигают г. Сухум и восточная часть Абхазии. Здесь было сосредоточено наибольшее количество школ.

Что касается обучения абхазов за границей, то следует отметить, что это оказалось наиболее тяжелым видом получения образования для абхазского населения, в том числе и для высшего сословия. Это было связано, в первую очередь, с большими расходами. Данный вид обучения мог существовать только при исключительном и преимущественном существовании на доходы в виде оплаты своего умственного труда. Эта возможность была реализована отдельными представителями абхазской интеллигенции уже в значительно поздний период абхазской истории. С конца XIX – начала XX столетия уже ставшие известными абхазские художники, работники образования проходили обучение и даже работали на европейских культурных площадках, представляя свое творчество.

Первыми представителями абхазской интеллигенции начала XIX в., которые работали непосредственно в области развития народного образования и науки, были Николай Шакрыл и Соломон Званба.

Николай (Эмин) Шакрыл родился в с. Лыхны. В 1824 г. начальник Абхазского отряда А. Г. Пацовский отправил его на учебу в Пажеский корпус г. Санкт-Петербурга, где он оказался свидетелем важных событий, происходивших в Российской империи. После окончания учебы Н. Шакрыл прошел службу при дворе абхазского владетельного князя и вместе с Соломоном Званба работал в качестве переводчика и проводника.

В 1834–1835 гг. по поручению командующего войсками в Абхазии А. Г. Пацовского прапорщик Черноморского Личейного 5-го батальона Н. Шакрыл постоянно находился при бароне Ф. Ф. Торнау во время сбора физико-географических, историко-этнографических, лингвистических, статистических данных об Абхазии, а также сведений с «языками и наречиями, находящимися в употреблении за Кубанью» [7, с. 34]. Им были подготовлены письма на турецком языке абазинским князьям Лоо с предложением посредничества при их вхождении в состав Российской империи.

По воспоминаниям Ф. Ф. Торнау Николай Шакрыл служил «как нельзя лучше» [18, с. 23–49]. Он пишет о деятельности Николая Шакрыл и Соломона Званба: «Шакрылов (Н. Шакрыл. – И. Д.) говорил равно хорошо по-русски, по-абхазски и по-турецки, знал основательно свою родину, и к этим качествам <...> присоединял еще и большую смелость... Он и другой абхазец, Цонбай (С. Званба. – И. Д.), первые решились вступить еще молодыми людьми в русскую военную службу. Пацовский, желая этим способом составить новую связь с абхазцами, <...> в несколько лет образовал из них прекрасных офицеров, не в чем не отстававших от своих русских товарищей...» [11, с. 98].

После трагической смерти Н. Шакрыл в 1835 г. работу по изучению Абхазии Ф. Ф. Торнау продолжил его старший

брат Мута Шакрыл. По сведениям Ф. Ф. Торнау, в исследованиях помогала и вдова Николая Шакрыл, владевшая русским языком. Ф. Ф. Торнау продолжил изучение «языков и наречий, находившихся в употреблении за Кубанью». Его «учителями» были один из братьев абазинских князей Лоо – Мамат-Кире, а также, как мы уже упоминали, большую помощь оказывал и брат Николая Мута Шакрыл.

Николай Шакрыл вошел в историю как один из первых интеллигентов Абхазии. Следует отметить его неоценимую заслугу при сборе физико-географических, историко-этнографических, лингвистических, статистических сведений об Абхазии.

Соломон Теймурович Званба – первый абхазский ученый, этнограф, представитель абхазской интеллигенции начала XIX в. С целью сбора этнографических материалов, он объездил всю территорию Абхазии. Помимо русского, турецкого и абхазского языков С. Званба свободно читал и писал на французском.

С. Т. Званба родился в с. Дранда в дворянской семье, в 1824 г. он был взят на воспитание начальником Абхазского отряда полковником А. Г. Пацовским, а в 1826 г. отправлен в г. Санкт-Петербург вместе со старшим сыном абхазского владетеля Константином Георгиевичем Шервашидзе (Чачба). В 1828 г. С. Т. Званба был определен в Дворянский полк.

На развитие общественно-политических взглядов и научной мысли С. Т. Званба решающее значение сыграло его пребывание в г. Санкт-Петербурге и общение с представителями передовой русской общественности. Позже, в 1832 г., во время службы на Кавказе на Черноморской береговой линии его непосредственным командиром был Н. Н. Раевский (младший), здесь же служили декабристы А. И. Одоевский, Н. И. Лорер, М. М. Нарышкин. С. Т. Званба был знаком с А. А. Бестужевым-Марлинским, сыгравшим большую роль в развитии русского кавказоведения.

С 1833 г. С. Т. Званба, достаточно подготовленный, равно знающий абхазский и русский языки, стал личным секретарем абхазского владетеля для помощи в переписке с российскими властями. В мае 1842 г. С. Т. Званба сопровождал в г. Санкт-Петербург представительную делегацию садзских (джигетских) князей, направленную указанными горскими сообществами для личных переговоров с Российским императором Николаем I. После поездки, в 1843 г., С. Т. Званба стал приставом Джигетии, а затем возглавил войсковые части и милицейские подразделения в Цецельде. В 1848 г. в силу «служебной опытности и знания воинского дела» С. Т. Званбу произвели в чин подполковника. Вскоре после этого, он стал участником в качестве посредника в сложных переговорах между российской военной администрацией и горскими сообществами, угрожавшими прибрежному Навагинскому форту. В дальнейшем он командовал несколькими отдельными линейными батальонами, которые были задействованы в активной борьбе с морскими контрабандистами и местными работниками. Успешная деятельность С. Т. Званба была отмечена российскими государственными наградами (орден Св. Владимира IV степени, орден Св. Станислава IV степени, орден Св. Георгия IV степени, орден Св. Анны III сте-

пени), также именной золотой шпагой. Блестящая карьера талантливого офицера трагически оборвалась в 1855 г. во время командования им 11-м Михайловским крепостным пехотным батальоном. Соломон Званба участвовал в ожесточенном сражении с десантом Омер паши на р. Ингур в период Крымской войны, в котором получил смертельное ранение.

Военные заслуги С. Т. Званба, проявившего себя храбрым и талантливым военачальником во время Крымской войны, были официально признаны главнокомандующим Кавказской армии Н. Н. Муравьевым (Карсским) и руководителем военных операций в Западной Грузии генералом И. К. Багратион-Мухранским.

В силу своего служебного положения С. Т. Званба приходилось часто разъезжать по Абхазии. Это давало ему возможность близко общаться с населением, изучать его быт, нравы и обычаи, накапливать этнографический материал.

Первые очерки С. Т. Званба были опубликованы в газете «Кавказ». Он являлся знатоком абхазских обычаев и вдумчивым исследователем национальной духовной культуры, что отразилось в целом ряде исторических и этнографических произведений: «О Гагре и джигетах» (середина 40-х гг. XIX в.), «Зимние походы убыхов на Абхазию» (1852), «Обряд жертвоприношения Святому Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазами» (1852), «Поцелуй за занавесом» (1853), «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии» (1855). Позднее его труды вошли в сборник «Абхазские этнографические этюды». Последовательный интерес к родной истории и национальной культуре, наряду с несомненной образованностью и неизменным стремлением действовать в общественных интересах, позволяют рассматривать С. Т. Званба как своеобразного предшественника региональной этнической интеллигенции. К. А. Бороздин, хорошо знавший С. Т. Званба, писал, что он был «очень начитанным и развитым человеком». По словам М. О. Косвена, «этнографические сведения С. Т. Званба составили значительный вклад в абхазоведение» [9, с. 41–44].

Важнейшим фактором, существенно ускорившим последовательное формирование интеллигентского сообщества в Абхазии, стало издание литографированной грамматики абхазского языка в 1862 г., осуществленное на основе бзыбского диалекта П. К. Усларом. По мнению выдающегося абхазского писателя и общественного деятеля Д. И. Гулиа, учебное пособие «сохранило речь абхазского народа и сделало ее доступной ученому миру <...> труд Услара, как первый шаг в области абхазского языковедения» [19, с. 3]. В том же 1862 г. особой комиссией на основе буквенных начертаний П. К. Услара с небольшими изменениями был составлен «Абхазский букварь» с параллельным переводом на русский и грузинский языки. Он был издан в Тифлисе в 1865 г. Особую комиссию возглавлял И. А. Бартоломей (руководитель «Общества восстановления православного христианства на Кавказе»), в нее входили Д. П. Пурцадзе (чиновник по особым поручениям при наместнике Кавказа и заведующий делопроизводством

«Общества восстановления православного христианства на Кавказе»), В. Г. Трирогов, а также И. Гегия, Г. Курцикидзе и С. Эшба.

Работы С. Т. Званба по этнографии абхазов сыграли важную роль в деле изучения этнографического быта абхазского народа и знакомства русского читателя с этим бытом и представляют интерес и ныне при изучении мифологии, религии, этнографии, обычаев, народных праздников и обрядов абхазов.

Таким образом, распространение в среде абхазского населения грамотности путем развития сети школ привело к увеличению численности образованных людей, что, в свою очередь, способствовало повышению культурных потребностей всех слоев абхазского общества и демократизации культуры [20, с. 4]. Распространение просвещения и образования среди местной княжеской знати, начавшееся с вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи, привело к формированию национальной интеллигенции. Абхазы, выезжавшие на обучение за пределы Абхазии в Санкт-Петербург и Москву, с легкостью включались в процессы межкультурного взаимодействия. После обучения они продолжали деятельность в Абхазии по изучению и распространению образования, культуры и социально-экономического развития Абхазии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Ожеров, С. И. Толковый словарь. – URL: <http://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 23.09.2024).
2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. – URL: www.slovardzlja.net (дата обращения: 23.09.2024).
3. Туган-Барановский, М. И. Интеллигенция и социализм / М. И. Туган-Барановский. Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 419–439.
4. Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад / В. И. Ленин. полн. собр. соч. Т. 8. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – С. 185–414.
5. Дзидзария, Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции / Г. А. Дзидзария. – Сухум: Изд-во «Алашара», 1979. – 354 с.
6. Дамения, О. Н. Беседы о культуре / О. Н. Дамения. – Сухум: Абгосиздат, 2017. – 350 с.
7. Дамения, И. Х. Россия. Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений 19–нач. 20 вв. / И. Х. Дамения. – СПб.: Общество «Знание России», 1994. – 72 с.
8. Лакоба, С. З. Из века в век: историко-культурные очерки / С. З. Лакоба. – Сухум: АБИГИ, 2022. – 416 с.
9. Трапш, Н. А. Формирование абхазской этнической интеллигенции во второй половине XIX – начале XX столетия / Н. А. Трапш // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. – 2011. – № 2. – С. 41–44.
10. www.apsuaga.info (дата обращения: 23.04.2025).
11. Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859): сб. документальных материалов. Т. 2. – Сухум: АБИГИ им Д. И. Гулиа, 2011. – 292 с.

12. Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. – Венден, 1913. – 112 с.
13. Дюбуа де Монперэ, Ф. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. / Ф. Дюбуа де Монперэ. – Сухум: АБГИЗ, 1937. – 180 с.
14. Антелава, И. Г. Из истории крестьянской реформы в Абхазии / И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария, А. А. Олонецкий // Исторический архив. Т. V. – М., 1950. – С. 392–453.
15. Филиппсон, Г. И. Воспоминания / Г. И. Филиппсон. – М.: В Университетской тип. (М. Катков), 1885. – 361 с.
16. Дьячков-Тарасов, А. Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии / А. Н. Дьячков-Тарасов // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. – 1909–1910, Т. 20, вып. 2. – С. 149–210.
17. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В XIII т., т. X, ч. I. – Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1885. – 982 с.
18. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера / Ф. Ф. Торнау. – М.: «АИРО – XXI», 2008. – 456 с.
19. Гулиа, Д. И. Материалы по абхазской грамматике / Д. И. Гулиа. – Сухум: Издание Наркомпроса ССР, 1927. – 40 с.
20. Фадеев, А. В. Идеиные связи и культурная жизнь народов дореформенной России / А. В. Фадеев. – М.: Наука, 1966. – 154 с.

References

1. Ozhegov, S. I. Tolkovii slovar' [Explanatory Dictionary]. – URL: <http://slovarozhegova.ru> (accessed: 23.09.2024).
2. Dahl, V. Tolkovii slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. – URL: www.slovardzlja.net (accessed: 23.09.2024).
3. Tugan-Baranovsky, M. I. Intelligentsiya i socialism [The Intelligentsia and Socialism] / M. I. Tugan-Baranovsky. Milestones; Intelligentsia in Russia: Collection of papers from 1909–1910. – Moscow: Molodaya Gvardiya. 1991. – P. 419–439.
4. Lenin, V. I. Shag vpered, dva shaga nazad [Step forward, two steps back] / V. I. Lenin. Complete Works. Vol. 8. – Moscow: Political Literature Publishing House, 1967. – P. 185–414.
5. Dzidzaria, G. A. Formirovanie dorevolyutsionnoi abkhazskoi intelligencii [Formation of the pre-Revolutionary Abkhazian Intelligentsia] / G. A. Dzidzaria. – Sukhumi: Alashara Publishing House, 1979. – 354 p.
6. Damiya, O. N. Besedy o kulture [Conversations on Culture] / O. N. Damiya. – Sukhumi: Abgosizdat, 2017. – 350 p.
7. Damiya, I. Kh. Rossiya. Abkhaziya. Iz istorii kulturnih vzaimootnoshenii 19-nach. 20 vv. [Russia. Abkhazia. From the history of cultural relations in the XIX-early XX centuries] / I. Kh. Damiya. – St. Petersburg: Znanie Society of Russia, 1994. – 72 p.
8. Lakoba, S. Z. Iz veka v vek. Istoriko-kulturnie ocherki [From century to century. Historical and cultural essays]

- / S. Z. Lakoba. – Sukhum: AbIGI [Abkhazian Institute of Humanitarian Research], 2022. – 416 p.
9. Trapsh, N. A. Formirovanie abkhazskoi etnicheskoi intelligencii vo vtoroi polovine XIX-nachale XX stoletiya [Formation of the Abkhazian ethnic intelligentsia in the second half of the XIX-early XX centuries] / N. A. Trapsh // Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region [News of universities. North Caucasus Region]. – 2011. – No. 2. – P. 41–44.
 10. www.apsuara.info (дата обращения: 23.04.2025).
 11. Materialy po istorii Abkhazii XVIII-XIX veka [Materials on the history of Abkhazia in the XVIII-XIX centuries]. (1762–1859). Collection of documentary materials. Vol. 2. – Sukhum: Abkhazian Inst. of Humanitarian Research named after D. I. Gulia, 2011. – 292 p.
 12. Materialy i zapiski po voprosu o vladatelskikh i imuschestvennykh pravakh potomkov svet. Knyazya Mikhgaila Shervashidze, poslednego vladatelya Abkhazii [Materials and notes on the issue of the possessory and property rights of the descendants of Prince Mikhail Shervashidze, the last ruler of Abkhazia]. – Venden, 1913. – 112 p.
 13. Dubois de Montpere F. Puteshetvie vokrug Kavkaza [A Journey around the Caucasus], Vol. I. / Dubois de Montpere F. – Sukhumi: AbGIZ, 1937. – 180 p.
 14. Antelava, I. G. Iz istorii krestyanskoi reformy v Abkhazii [From the history of the Peasant Reform in Abkhazia] / I. G. Antelava, G. A. Dzidzaria, A. A. Olonetsky. Historical Archive. Vol. V. – Moscow, 1950. – P. 392–453.
 15. Filipson, G. I. Vospominaniya [Memories] / G. I. Filipson. – Moscow: University Printing House (M. Katkov), 1885. – 361 p.
 16. Dyachkov-Tarasov, A. N. Abkhaziya i Sukhum v XIX stoletii [Abkhazia and Sukhum in the XIX century] / A. N. Dyachkov-Tarasov // Proc. of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. – 1909–1910, Vol. 20, Issue 2. – P. 149–210.
 17. Akty sobrannye Kavkazskoi arheografichskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. In XIII volumes, Vol. X, part I. – Tiflis: Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1885. – 982 p.
 18. Tornau, F. F. Vospominaniya kavkazskogo oficera [Memoirs of a Caucasian officer] / F. F. Tornau. – Moscow: ALRO-XXI, 2008. – 456 p.
 19. Gulia, D. I. Materialy po abkhazskoi grammatike [Materials on Abkhaz Grammar] / D. I. Gulia. – Sukhum: Publishing House of the People's Commissariat of Education of the SSR, 1927. – 40 p.
 20. Fadeev, A. V. Ideinie svyazi i kulturnaya zhizn' narodov doreformennoi Rossii [Ideological connections and cultural life of the peoples of Pre-Reform Russia] / A. V. Fadeev. – Moscow: Nauka, 1966. – 154 p.

Информация об авторе:

Дамения Ирина Хухутовна – кандидат исторических наук, ООО «Издательство "Юридический центр"», генеральный директор; ORCID iD 0009-0005-7712-5682 (191124, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Тверская, д. 20, кв. 99; e-mail: damenia@rambler.ru).

Author:

Irina H. Damenia – Cand. Sci. (History), General Director of LLC "Publishing House "Law Center" (20, Tverskaya st., flat 99, St. Petersburg 191124, Russian Federation. e-mail: damenia@rambler.ru).

Для цитирования:

Дамения, И. Х. Зарождение абхазской интеллигенции в начале XIX века / И. Х. Дамения // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 33–39.

For citation:

Damenia, I.Kh. The emergence of the Abkhazian intelligentsia in the early XIX century / I. Kh. Damenia // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 33–39.

Дата поступления статьи: 07.07.2025

Прошла рецензирование: 10.07.2025

Принято решение о публикации: 18.07.2025

Received: 07.07.2025

Reviewed: 10.07.2025

Accepted: 18.07.2025

Организация волостей временнообязанных крестьян Вологодской губернии в 1861 году

С. А. Попов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу процесса организации волостной структуры бывших крепостных крестьян в Вологодской губернии в 1861 г. Источниковую базу исследования составили законодательные акты и делопроизводственные материалы. Последние были выявлены в фондах Российского государственного архива и Государственного архива Вологодской области. Исследование показало, что процесс организации волостей и утверждения их состава завершился к сентябрю. Он включал в себя два этапа: первый заключался в разработке и утверждении проектов распределения селений на волости, второй – в непосредственном открытии волостей с формированием в них правлений. Региональные особенности расселения временнообязанных крестьян и преобладание здесь мелкопоместных помещиков повлияли на исследованный процесс. Так, особые комиссии, которым поручалось составление проектов, функционировали только в трех юго-западных уездах, на остальной территории их обязанности исполняли уездные исправники. По инициативе мировых посредников второй период анализируемых мероприятий начался до согласования проектов волостей губернским присутствием. Первоначально эти действия не встретили одобрения со стороны губернской власти. Однако уездные чиновники аргументированно отстаивали свою точку зрения. В результате региональная власть утверждала уже окончательно сформированный состав местных административных единиц.

Ключевые слова:

Европейский Север России, Вологодская губерния, волость, сельское общество, крестьянская реформа, крестьянство, трансформация, крепостное население, особая комиссия

Великие реформы 1860-х гг. запустили процесс модернизационных трансформаций в административно-территориальном и социально-экономическом устройстве сельского общества, в хозяйственном и культурном быту крестьян, а существовавшие ранее три крупнейшие категории сельского населения стали развиваться в едином направлении и по единым законам. Последовательно проводившиеся преобразования в помещичьей (1861), удельной (1863) и государственной (1866) деревнях включали

Organization of volosts of temporarily obligated peasants of the Vologda province in 1861

S. A. Popov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktывkar
serj_popov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The paper deals with the analysis of the process of organizing the volost structure of former serfs in the Vologda province in 1861. The source base of the study was legislative acts and office materials. The latter were identified in the funds of the Russian State Archives and the State Archives of the Vologda Region. The study showed that the process of organizing volosts and approving their composition was completed by September. It included two stages: the first one was the development and approval of projects for the distribution of villages into volosts, the second one was the direct opening of volosts with the formation of boards in them. Regional features of the settlement of temporarily obligated peasants and the predominance of small landowners there influenced the process studied. Thus, special commissions entrusted with drawing up projects functioned only in three southwestern Uyezds, in the rest of the territory their duties were performed by Uyezd police officers. On the initiative of conciliators, the second period of the analyzed activities began before the approval of the volost projects by the provincial office. Initially, these actions were not approved by the provincial government. However, the Uyezd officials argued their point of view. As a result, the regional government approved the already finalized composition of local administrative units.

Keywords:

European North of Russia, Vologda Province, volost, rural society, peasant reform, peasantry, transformation, serf population, special commission

в себя комплекс мероприятий, где первоочередными задачами, стоявшими перед местной властью, являлись реформирование волостной структуры и формирование в ней аппарата крестьянского самоуправления. Базовые принципы ее реорганизации закреплялись Именным Высочайшим указом, данным Сенату [1, с. 136–137]. На начальном этапе они распространялись на территории проживания вышедшего из крепостной зависимости населения. Последовавшие затем законодательные акты, устанавли-

вая дополнительные условия и правила, расширили его нормы на удельных и государственных крестьян [2, 3].

Преобразование волостной структуры временнообязанных крестьян Вологодской губернии, как и на всем Европейском Севере России, протекало в рамках общероссийских тенденций. В отечественной историографии этот вопрос не привлек пристального внимания специалистов, хотя ими накоплен значительный опыт в изучении эволюции уездной власти и крестьянского самоуправления в 1860-х гг. Исследователи дореволюционного периода лишь констатировали объединение сельских обществ в волость, именую последнюю административной или административно-судебной единицей [4–6]. Основной акцент они направили на описание общей концепции комплектования волостных правлений, развития их функционала, взаимодействия с сельским управлением и мировыми посредниками.

В советское время изучение вопроса продолжилось в рамках направлений, выделенных на предыдущем этапе. Административное переустройство сельской местности, как правило, рассматривалось в контексте рассуждений о деятельности мировых посредников и обеспечения крестьян землей как в целом по стране [7–9], так и на региональном уровне [10]. Привлекая статистические источники и законодательные акты, исследователи представили отдельные данные о размерах вновь создававшихся волостей; определили хронологию как этого процесса, так и организации на местах органов крестьянского самоуправления. Правда, авторы не ставили цель раскрыть ход трансформации волостной организации ни в масштабах всей страны, ни в региональном аспекте.

В конце XX–начале XXI в. вектор изучения организации волостной структуры расширился, в том числе и касаясь административно-территориального устройства крестьян [11, с. 109–120, 144–153; 12], а исследования приобрели не только региональный, но и локальный характер [13, 14]. Авторы выделили и обосновали местные особенности реализации законодательства, регламентировавшего процессы данных преобразований; представили статус волости в вертикали административно-территориального устройства и административно-государственного управления; проследили взаимодействие правительства и губернской власти по разрешению возникавших затруднений. Одновременно с этим в трудах по-прежнему преобладал анализ реорганизации и функционирования института общественного самоуправления. Развитию волостной организации посвящены единичные научные сочинения, при чем только на материалах государственной деревни [15, 16]. Отдельно отметим монографию М. Е. Неёловой, в которой автор в рамках отдельной главы раскрыла процесс организации распределения селений на волости и сельские общества у временнообязанных крестьян Олонецкой губернии [11, с. 110–120]. Заметим, что отсутствие массового изучения темы наблюдается и по другим регионам страны. Так, например, нам известна только статья, в которой рассмотрена проблема формирования сельских обществ и волостей на территории Поволжья [17].

Резюмируя, отметим, что проблема реформирования волостной организации бывших крепостных крестьян Вологодской губернии заслуживает дальнейшего изучения, а ряд моментов нуждается в дополнительном анализе. К ним относятся: выявление процедуры проектирования и согласования структуры волостей и объединения в них сельских обществ; обоснование общих и отличительных черт в этих мероприятиях как на землях бывших трех основных категорий крестьянства, так и с соседними регионами Европейского Севера России. В настоящей работе проанализирован процесс организации волостной структуры бывших крепостных крестьян в 1861 г. на материалах Вологодской губернии.

Для реализации поставленной задачи использованы законодательные акты, устанавливавшие общие правила и требования к организации волостной структуры и распределению в них селений, а также права и обязанности губернской и уездной властей в этом процессе. Основным комплекс источников составили делопроизводственные материалы, выявленные в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Вологодской области (ГАО). Они представлены циркулярами министерства внутренних дел (МВД), журналом Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия, отношениями губернатора и иными документами. Заявленная проблема рассмотрена с позиции «центр – периферия», т. е. в рамках изучения взаимодействия высшей власти с губернскими органами управления и уездных – с волостными.

В процессе организации волостной структуры в губернии, как и в целом по стране, условно можно выделить два этапа. Подготовительный период, заключающийся в составлении проектов распределения селений на волости. Эта задача поручалась специально создававшимся в уездах особым комиссиям. Его завершением можно считать, согласно закону, утверждение представленных списков губернским по крестьянским делам присутствием и передача их мировым учреждениям для последующего исполнения на местах. Второй период – непосредственное открытие волостей с формированием в них правлений, что входило в обязанности мировых посредников. При этом уже на первом этапе губернские власти должны были распорядиться об образовании сельских обществ и избрании в них крестьянских должностных лиц. Для реализации этих мероприятий местным губернским присутствием устанавливались конкретные сроки [1, с. 136–137]. В итоге на территориях проживания временнообязанных крестьян создавались практически новые местные административно-территориальные единицы.

В анализируемом регионе их основная масса концентрировалась в трех юго-западных уездах¹. 24 марта 1861 г. губернское присутствие после получения Высочайших положений о крестьянах распорядилось об открытии сельских обществ и избрании в них должностных лиц в уездах, где проживали временнообязанные крестьяне, за исклю-

¹ Не будем подробно рассматривать этот вопрос, так как ему посвящена отдельная статья автора [18].

чением Яренского и Усть-Сысольского уездов. В последних находились крепостные, приписанные к частным заводам, но присутствие не обладало подробными сведениями о них. Распоряжение о начале мероприятий по открытию здесь сельских обществ и образованию волостей последовало 12 июля, когда были получены необходимые сведения о заводских крестьянах и разъяснения министра финансов [19, л. 1].

В этот же день в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском уездах были сформированы особые комиссии для составления проектов распределения селений на волости. Согласно законодательству, в них вошли: уездный предводитель дворянства, земский исправник, один из местных помещиков, а также при ней должен был находиться особый землемер [1, с. 137]. Имеющиеся в распоряжении автора источники не позволяют воссоздать состав каждой комиссии. Однако, согласно делопроизводственным материалам губернатора, можно утверждать, что возглавляли их местные предводители дворянства [20, л. 1, 4]. Так, по Вологодскому уезду это был отставной штабс-капитан Дмитрий Константинович Грязев, по Грязовецкому – отставной штабс-ротмистр Алексей Александрович Левашев и по Кадниковскому – отставной капитан-лейтенант Александр Михайлович Косаткин [21, с. 24, 27, 30].

В отличие от этих территорий, в Никольском и Тотемском уездах, где также проживали бывшие крепостные, обязанности комиссии были возложены на местных земских исправников [19, л. 1]. В первом случае это был коллежский асессор Николай Алексеевич Городецкий, а во втором – отставной поручик Иван Александрович Кошкин [21, с. 35, 40]. Причина указанного отличия – отсутствие здесь дворянских обществ, право на создание которых помещикам было предоставлено Жалованной грамотой 1785 г. [22]. Более того, в марте 1861 г. губернатор В. Ф. Пфелер в отношении, поданном министру С. С. Ланскому, указал на отсутствие в Никольском и Тотемском уездах помещиков [23]. Следовательно, сформировать здесь полноценный состав комиссий было невозможно. Аналогичная картина наблюдалась и в двух северо-восточных уездах губернии: Яренском и Усть-Сысольском, где на исправников было возложено не только составление проектов, но и открытие сельских обществ. По первому уезду – на титулярного советника Павла Андриановича Кочиева, и по второму – на отставного поручика Константина Васильевича Ласкевича [21, с. 44, 46].

Таким образом, с конца марта на территориях проживания временнообязанных крестьян начался процесс организации волостной структуры, который заключался в разработке проектов распределения селений на волости и образования сельских обществ с формированием в них сельских управлений. К 20 апреля проекты по Вологодскому, Грязовецкому и Кадниковскому уездам были составлены и переданы на ознакомление землевладельцам, в то время как по Никольскому и Тотемскому уездам этот процесс затянулся. Причину данной медлительности губернатор объяснил министру внутренних дел их исключительным положением, «по которому возбуждены исправниками некоторые вопросы, требовавшие особых

разрешений» [20, л. 1 об.–2]. При этом суть вопросов он не раскрыл.

На согласование проектов с помещиками и представление их для окончательного утверждения Вологодским губернским по крестьянским делам присутствием был установлен срок 20 июня 1861 г. [там же, л. 4]. Заметим, что только после этого, согласно п. 9. Высочайшего указа 19 февраля 1861 г., мировые посредники могли приступить к непосредственному образованию волостей и формированию в них правлений [1, с. 137]. Однако во время ознакомления с материалами комиссий вскрылось наличие в них значительного числа ошибок. Для их устранения, как сообщали уездные предводители дворянства, по Вологодскому уезду необходимо было получить замечания от всех мировых посредников по всем волостям, а по Кадниковскому – проект исправлялся по просьбам владельцев и замечаниям мировых посредников [20, л. 4]. Следовательно, к установленному сроку их окончательные варианты в губернское присутствие не поступили, а значит, процесс организации волостей мог затянуться на неопределенное время. Фактически же ситуация в регионе с формированием волостной структуры на землях временнообязанных крестьян обострялась иначе.

Анализ делопроизводственных материалов показал, что мировые посредники, вступив в должность, незамедлительно приступили не только к открытию сельских обществ, но и к формированию волостей с их правлениями. Подчеркнем, что это была непростая задача. Во-первых, на реализацию всех мероприятий отводился незначительный промежуток времени: шесть месяцев со дня получения Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Во-вторых, и самое главное, нужно было объединить селения конкретной категории крестьян, соблюдая предписания закона и учитывая такие особенности местности, как разбросанность общин по территории и соседство дворов помещичьих крестьян с другими категориями сельского населения. Правительство, как верно отметила М. М. Зинина, со своей стороны требовало от уездного начальства при создании сельских обществ и волостей, чтобы решения были своевременными, а сами крестьянские объединения – компактными и удобными в управлении [17, с. 114].

В результате в апреле сельские общества были открыты в Тотемском и Никольском уездах, а в мае и июне – в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском [19, л. 1]. В то же время уже в конце мая 1861 г. в губернское присутствие поступили первые уведомления мировых посредников об открытии волостных правлений. 28 мая посредник Вологодского уезда сообщил об одном таком факте, а в начале июня были получены еще два отношения мировых посредников из Грязовецкого и Кадниковского уездов об открытии в их участках всех 14 волостных правлений [20, л. 3–3 об.]. На полученные известия последовала моментальная реакция со стороны региональной власти. Напомним, что к этому моменту проекты распределения селений на волости не только не были утверждены, но даже и не были представлены в губернское присутствие, а значит действия уездных чиновников противоречили

закону. Поэтому 31 мая губернатор разослал по мировым участкам предупреждение о недопустимости преждевременных распоряжений об открытии волостных правлений, одновременно затребовав от посредников объяснений. Его реакция наглядно показывает, как власть, не вникнув в причинно-следственные связи самостоятельно принятого на местах решения и не разобравшись в преследуемых ими целях, моментально потребовала прекратить противоречащие закону действия. Хотя еще 4 мая 1861 г. Земским отделом МВД был направлен губернаторам циркуляр за № 28. В нем министр П. А. Валуев просил губернаторов и губернские по крестьянским делам присутствия «принять все законные меры к скорейшему образованию сельского и волостного общественного управления» [24].

Мировые посредники мотивировали свои действия необходимостью скорейшего формирования крестьянских органов самоуправления. Они указали, что избранные волостные власти располагают доверием населения. Поэтому крестьянские должностные лица, своевременно предотвращая всякое уклонение местных жителей от закона, могли содействовать посредникам в исполнении возложенных на них обязанностей [19, л. 1–1 об.]. Ознакомившись с приведенными доводами, губернатор признал крайнюю необходимость немедленного образования одновременно как сельского, так и волостного управлений. Изменив свое первоначальное решение, он передал право принятия окончательного распоряжения губернскому присутствию. В итоге последнее определило: «...разрешить мировым посредникам ныне же приступить к образованию волостей, на основании установленных для этого правил и применяясь к составленным уездными комиссиями проектам распределения помещичьих селений на волости, с тем, чтобы по мере образования волостей и открытия управлений, они тот час же сообщили губернскому присутствию проекты о образованных волостях, по данной форме, для рассмотрения и окончательного утверждения их» [20, л. 4–4 об.]. Следовательно, утверждение составленных особыми комиссиями проектов волостей осуществлялось губернским органом уже после фактического формирования в сельской местности новых административных единиц. Отметим, что описанная ситуация была характерна только для Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов, т. е. где основную долю сельского населения составляли временнообязанные крестьяне. В Тотемском и Никольском уездах открытие волостей и их правлений происходило в соответствии с утвержденными проектами, о чем 11 и 15 июля соответственно последовало распоряжение губернского присутствия [19, л. 1 об.].

Таким образом, первоначально проявив инициативу, мировые посредники трех юго-западных уездов продолжили организацию волостей и их правлений, одновременно направляя в губернское присутствие сведения о ходе дела. Так, например, 5 июля такая информация была представлена мировым посредником третьего участка Грязовецкого уезда Александром Шарыгиным [25, л. 3]. В итоге, ссылаясь на поступившие с мест данные, 3 июля В. Ф. Пфелер известил МВД, что «волостные общества открыты по Вологодскому уезду в одном мировом участ-

ке окончательно – в числе 8, по Грязовецкому уезду по двум мировым участкам в числе 5 и по Кадниковскому уезду в двух же участках окончательно в числе 23» [20, л. 7–7 об.]. Далее он уточнил, что в соответствии с проектами распределения селений на волости оставалось открыть: в Вологодском уезде 16 волостей, Грязовецком – 4, Кадниковском – 23, Тотемском – 2 и такое же число в Никольском уезде.

Распределяя селения на волости, посредники должны были опираться на имеющиеся в их распоряжении проекты особых комиссий. Однако, сравнив их с поступившими с мест формами, губернское по крестьянским делам присутствие обнаружило, что некоторые из них образованы с отступлением от первоначальных планов. Причину подобных отклонений уездные чиновники не поясняли. Поэтому, прежде чем утвердить итоговый состав волостей, оно распорядилось, чтобы «те и другие сведения о образовании волостей были рассмотрены всеми Посредниками подлежащих уездов в присутствии Местных Уездных Предводителей Дворянства и доставлены на утверждение непременно к 1 Августа, вместе с объяснениями о причине сделанных отступлений от первоначально составленных проектов» [19, л. 1 об.].

В соответствии с процитированным условием уездным предводителям дворянства поступали отношения губернатора, с требованием рассмотреть представленные посредниками сведения об образованных ими волостях на мировом съезде и разъяснить причины произошедших отступлений от проектов особых комиссий [25, л. 4, 7, 8]. Анализ постановлений этих съездов показал, что в большинстве случаев причины и характер изменений в регионе были идентичными. Свои действия мировые посредники мотивировали местными условиями и считали, что принятые ими правки являлись «нужными и необходимыми» [там же, л. 7 об.]. Своими действиями они стремились учесть пожелания крестьян и повысить эффективность функционирования волостных правлений.

Так, по Кадниковскому уезду отступления состояли в переводе волостных правлений из одной деревни в другую. Предводитель дворянства А. М. Косаткин особо подчеркнул, что произошло это «от того, что гг. мировые посредники при открытии волостей нашли более удобным и согласным с желанием крестьян по местным условиям помещения волостных управлений» [там же, л. 4 об.]. По Вологодскому уезду посредники произвели более существенные изменения в составах местных административных единиц [там же, л. 9 об.–11 об.]. В частности, по первому мировому участку Александр Владимирович Волоцкий, во-первых, ряд селений и деревень перевел из одной волости в другую, а также включил в волости пропущенные особой комиссией населенные пункты. Осуществляя данные мероприятия, он учитывал как просьбы землевладельцев, так и ближайшее расстояние деревень от волостных правлений. Во-вторых, он исключил из Шихинской волости деревню Чанниково землевладелицы Засодимской, передав ее во второй мировой участок. Целью этого было объединить в одном месте и в составе одной волости все селения помещицы. Помимо указанных

обстоятельств, произведенные изменения были обусловлены аналогичными с соседним уездом обстоятельствами, а также по просьбе самих крестьян для примерного соотношения волостей по общей численности землепользователей. Что касается второго и третьего мировых участков, то здесь были зафиксированы аналогичные как изменения, так и их причины [там же, л. 11 об.–13 об.]. Одновременно с этим посредники данных участков переименовали некоторые из волостей, сохранив их состав. Свои решения они аргументировали двумя фактами. Новые названия давались в соответствии с именованием прихода, на основании которого создана волость, или с наименованием центрального селения, где располагалось правление.

В целом, изменения, внесенные посредниками в проекты распределения селений на волости, были не только направлены на повышение эффективности деятельности волостных правлений и соблюдения интересов крестьян и землепользователей, но и в соответствии с нормами Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Заметим, что, рассмотрев на мировых съездах представленные губернским по крестьянским делам присутствием материалы, участники заседаний не давали оценку действий посредников. Зафиксировав отличия итоговых результатов формирования волостей от проектов комиссий и объяснив обстоятельства последовавших изменений, они отражали их в постановлении. Последний направлялся в губернское присутствие для окончательного утверждения.

Таким образом, процесс формирования волостей временнообязанных крестьян растянулся до сентября 1861 г. 13 сентября губернатор В. Ф. Пфелер проинформировал министра П. А. Валуева, что, во-первых, по всем уездам, в которых есть помещичьи имения, проекты распределения селений на волости губернским присутствием утверждены. Исключение составил Велико-Устюгский уезд, где по малому числу душ их образование признано невозможным. Во-вторых, они открыты повсеместно, за исключением по одной в Никольском, Яренском и Усть-Сысольском уездах [20, л. 8, 9]. В то же время этот месяц нельзя назвать окончательным в формировании волостной структуры на территориях проживания временнообязанных крестьян. Этот процесс продолжился, так как, знакомясь с отредактированными проектами распределения селений на волости по трем юго-западным уездам, губернское присутствие обнаружило нарушения норм Общего Положения о крестьянах. Это выражалось в следующем: некоторые сельские общества были образованы из разнопоместных имений, в которых числилось более 20 душ, а при образовании некоторых волостей в состав их населения были включены дворовые люди, находящиеся в обязательных отношениях к владельцам [там же, л. 8 об.–9]. Поэтому оно предписало мировым посредникам исправить выявленные недочеты.

Подводя общий итог, отметим, что в процессе организации волостей в Вологодской губернии условно можно выделить два периода. Первый этап – составление проектов распределения селений на волости и образование сельских обществ. Второй этап – организация волостей

в соответствии с утвержденными проектами и формирование в них правлений. Представленная последовательность мероприятий закреплялась законом, а значит была применима для всей территории страны. Однако региональные особенности, связанные с расселением временнообязанных крестьян и преобладанием здесь мелкопоместных помещиков, зачастую не проживавших в регионе, повлияли на исследованный процесс. Во-первых, особые комиссии, которым поручалось составить проекты, функционировали только в трех юго-западных уездах. На остальной территории их обязанности исполняли уездные исправники. Во-вторых, организация волостей и формирование в них правлений началось задолго до окончательного согласования планов по их составу губернским присутствием. В результате региональная власть утверждала уже окончательно сформированный состав местных административных единиц.

Проявленная мировыми посредниками инициатива преждевременного начала кампании по организации волостной структуры первоначально не встретила одобрения со стороны губернской власти. Однако уездные чиновники аргументированно отстаивали свою точку зрения и продолжили начатые ими действия. С другой стороны, последний факт внес коррективы в установленную законом процедуру. Итоговому принятию губернским присутствием решения о составе волостей предшествовал этап согласования внесенных посредниками в проекты особых комиссий изменений на уездном мировом съезде.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (Далее – ПСЗРИ-2). Т. 36. Ч. 1. 1861. – СПб.: Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1863. – № 36652. – С. 135–138.
2. ПСЗРИ-2. Т. 38. Ч. 1. 1863. – СПб.: Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1866. – № 39792. – С. 680, 681–682.
3. ПСЗРИ-2. Т. 41. Ч. 1. 1866. – СПб.: Тип. II Отд. с.е.и.в.к., 1868. – № 42899. – С. 36.
4. Корнилов, А. А. Деятельность мировых посредников / А. А. Корнилов // Великая реформа [19 февраля 1861–1911]: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. 5. – М.: Товарищество И. Д. Сытина, 1911. – С. 245.
5. Муравьев, В. Н. Мелкая единица самоуправления в русском законодательстве / В. Н. Муравьев. – Новгород: Губернская тип., 1912. – С. 28–29.
6. Чарушин, А. А. Крестьянские сходы в бытовом их освещении / А. А. Чарушин. – Архангельск: Губернская тип., 1911. – С. 4.
7. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1954. – С. 134–139, 168–173.
8. Зайончковский, П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. / П. А. Зайончковский. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – С. 94–99.

9. Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. / Н. М. Дружинин. – М.: Наука, 1978. – С. 28–37.
10. Филиппов, Р. В. Реформа 1861 г. в Олонецкой губернии / Р. В. Филиппов. – Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1961. – С. 82–83, 112–113.
11. Неёлова, М. Е. Реформа и реформаторы: создание и деятельность новых местных органов государственного управления социально-экономической жизнью крестьянства России в 60–70-х гг. XIX в. (на материалах Олонецкой губернии) / М. Е. Неёлова. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. – 256 с.
12. Чупров, В. И. Крестьянская община Коми края во второй половине XIX – начале XX вв. (1861 – февраль 1917 гг.) / В. И. Чупров, В. В. Шаньгина. – Сыктывкар: ООО «Изд-во "Кола"», 2013. – С. 39–40, 56–58.
13. Неёлова, М. Е. К истории института мировых посредников (на примере Олонецкой губернии) / М. Е. Неёлова // Кижский вестник: сб. статей. Вып. 9. – Петрозаводск, 2004. – С. 65–78. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/314.html> (дата обращения: 16.07.2025).
14. Котов, П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2013. – № 1 (130). – С. 19, 21.
15. Кораблев, Н. А. Эволюция административно-территориального устройства Карелии в XVIII – начале XX века / Н. А. Кораблев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2013. – № 1 (130). – С. 15.
16. Попов, С. А. Критерии образования волостей в государственной деревне по законодательным источникам конца XVIII – второй половины XIX века / С. А. Попов // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 4 (27). – С. 28–32.
17. Зинина, М. М. Деятельность мировых посредников Поволжья по созданию сельских обществ и волостей / М. М. Зинина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – № 2 (46). – С. 113–116.
18. Попов, С. А. Численность и размещение крепостных крестьян на Европейском Севере России в конце 1850-х годов / С. А. Попов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2024. – № 10 (76). – С. 20–23. DOI 10.19110/1994-5655-2024-10-18-25
19. РГИА. Ф. 1181. Оп. 2. Д. 17.
20. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861 г. Д. 30.
21. Адрес-календарь служащих в губернии // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 год. – Вологда: Тип. губернского правления, 1861. – С. 5–55.
22. Савицкий, И. В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX–начале XX вв. (По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Иван Владимирович Савицкий; Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск, 1998. – С. 154–155.
23. РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1861 г. Д. 6. Л. 1 об.
24. РГИА. Ф. 1286. Оп. 22. Д. 1162. Л. 1.
25. ГАО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1743.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie Vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 36. Part. I. 1861. – St. Petersburg: Printing House of the II Department of Her Imperial Majesty's own Chancellery, 1863. – № 36652. – P. 135–138.
2. Ibid. Vol. 38. Part. I. 1863. – St. Petersburg: Printing House of the II Department of Her Imperial Majesty's own Chancellery, 1866. – № 39792. – P. 680, 681–682.
3. Ibid. Vol. 41. Part. I. 1866. – St. Petersburg: Printing House of the II Department of Her Imperial Majesty's own Chancellery, 1868. – № 42899. – P. 36.
4. Kornilov, A. A. Deyatel'nost' mirovykh posrednikov [Activity of conciliators] / A. A. Kornilov // Velikaya reforma [19 fevralya 1861–1911]: Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vopros v proshlom i nastoyashchem. Yubileinoe izdanie [The Great Reform [February 19, 1861–1911]: Russian society and the peasant question in the past and present. Anniversary edition]. Vol. 5. – Moscow: I. D. Sytin Publ. House, 1911. – P. 245.
5. Muravyev, V. N. Mel'kaya edinit'sa samoupravleniya v russkom zakonodatel'stve [Small unit of self-government in Russian legislation] / V. N. Muravyev. – Novgorod: Governorate Printing House, 1912. – P. 28–29.
6. Charushin, A. A. Krest'janskije shody v bytovom ih osveshchenii [Peasant gatherings in their everyday coverage] / A. A. Charushin – Arkhangelsk: Governorate Printing House, 1911. – P. 4.
7. Zayonchkovsky, P. A. Otmena krepostnogo prava v Rossii [Abolition of serfdom in Russia] / P. A. Zayonchkovsky. – Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1954. – P. 134–139, 168–173.
8. Zayonchkovsky, P. A. Provedenie v zhizn' krest'janskoy reformy 1861 g. [Implementation of the peasant reform of 1861] / P. A. Zayonchkovsky. – Moscow: Publ. House of Social and Economic Literature, 1958. – P. 94–99.
9. Druzhinin, N. M. Russkaya derevnya na perelome 1861–1880 gg. [Russian village at the turn of 1861–1880] / N. M. Druzhinin. – Moscow: Nauka Publ., 1978. – P. 28–37.
10. Filippov, R. V. Reforma 1861 g. v Olonetskoj gubernii [The reform of 1861 in the Olonets province] / R. V. Filippov. – Petrozavodsk: State Publ. House of Karelian ASSR, 1961. – P. 82–83, 112–113.
11. Neyolova, M. E. Reforma i reformatory: sozdanie i dejatel'nost' novykh mestnykh organov gosudarstvennogo upravleniya social'no-jekonomicheskoy zhizn'ju krest'janstva Rossii v 60–70-h gg. XIX v. (na materialah Oloneckoj gubernii) [Reform and reformers: the creation and activities of new local bodies of state administration of the socio-economic life of the peasantry of Russia in the 1860–1870s of the XIX century (based on materials from the Olonets province)] / M. E. Neyolova. – Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Publ. House, 2012. – 256 p.

12. Chuprov, V. I. Krest'yanskaya obshchina Komi kraya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (1861 – fevr. 1917 gg.) [Peasant community of Komi territory in the second half of XIX–beginning of XX century (1861 – February 1917)] / V. I. Chuprov, V. V. Shangina. – Syktyvkar: LLC Kola Publ. House, 2013. – P. 39–40, 56–58.
13. Neyolova, M. E. K istorii instituta mirovykh posrednikov (na primere Olonetskoi gubernii) [To the history of the Institute of conciliators (on the example of Olonets province)] / M. E. Neyolova // Kizhskii vestnik [Kizhi Bull.]: collection of papers. Issue 9. – Petrozavodsk, 2004. – P. 65–78. – URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-9/314.html> (accessed: 16.07.2025).
14. Kotov, P. P. Udel'nye krest'jane na Evropejskom Severe Rossii: razmeshhenie i demograficheskie process [Tsar family peasants in the European North of Russia: distribution and demographic processes] / P. P. Kotov // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2013. – № 1 (130). – P. 19, 21.
15. Korablev, N. A. Evoljucija administrativno-territorial'nogo ustrojstva Karelii v XVIII – nachale XX veka [Evolution of administrative-territorial system of Karelia in XVIII – early XX century] / N. A. Korablev // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Sci. notes of Petrozavodsk State Univ.]. – 2013. – № 1 (130). – P. 15.
16. Popov, S. A. Kriterii obrazovaniya volostej v gosudarstvennoj derevne po zakonodatel'nym istochnikam konca XVIII – vtoroj poloviny XIX veka [Criteria for the formation of volosts in the state village according to legislative sources of the end of the XVIII – second half of the XIX centuries] / S. A. Popov // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki [Bull. of Vologda State Univ.. Series History and Philology]. – 2022. – № 4 (27). – P. 28–32.
17. Zinina, M. M. Dejatel'nost' mirovykh posrednikov Povolzh'ja po sozdaniyu sel'skih obshchestv i volostej [Role of conciliators in establishing rural communities and volosts in the Volga region] / M. M. Zinina // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta [Bull. of Saratov State Social and Economic Univ.]. – 2013. – № 2 (46). – P. 113–116.
18. Popov, S. A. Chislennost' i razmeshhenie krest'jan na Evropejskom Severe Rossii v konce 1850-h godov [The number and location of serfs in the European North of Russia in the late 1850-s] / S. A. Popov // Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – 2024. – № 10 (76). – P. 20–23. – DOI 10.19110/1994-5655-2024-10-18-25
19. RGIA. F. 1181. Op. 2. D. 17.
20. Ibid. F. 1291. Op. 36. 1861. D. 30.
21. Adres-kalendar', sluzhashchih v gubernii [Address calendar of employees in the province] // Pamjatnaja knizhka dlja Vologodskoj gubernii na 1861 god [Memorable book for the Vologda province for 1861]. – Vologda: Provincial Printing House, 1861. – P. 5–55.
22. Savitsky, I. V. Dvoryanstvo Evropejskogo Severa Rossii v sereдинe XIX – nachale XX vv. (Po materialam Olonetskoi, Vologodskoi i Arkhangel'skoi gubernii) [The nobility of the European North of Russia in the mid-XIX–early XX centuries (on materials of the Olonets, Vologda and Arkhangelsk provinces)]: diss. ... Cand. Sci. (History): 07.00.02 / Ivan Vladimirovich Savitsky, Petrozavodsk State Univ. – Petrozavodsk, 1998. – P. 154–155.
23. RGIA. F. 1291. Op. 36. 1861. D. 6. L. 1 ob.
24. Ibid. F. 1286. Op. 22. D. 1162. L. 1.
25. GAVO. F. 18. Op. 1. D. 1743.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме: «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI – XX веках» (Пер. № ЕГИСУ НИОКТР 1024072600006-8-6.1.1).

Acknowledgements (state task):

The study was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic: «State policy for the development of the European North of Russia: actual problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI – XX centuries» (subject code: FUUU-2025- 0026).

Информация об авторе:

Попов Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID 0009-0009-4181-9577 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Sergei A. Popov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID 0009-0009-4181-9577 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: serj_popov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Попов, С. А. Организация волостей временнообязанных крестьян Вологодской губернии в 1861 году / С. А. Попов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. – 40–47.

For citation:

Popov, S. A. Organization of volosts of temporarily obligated peasants of the Vologda province in 1861 / S. A. Popov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 40–47.

Дата поступления статьи: 02.09.2025

Прошла рецензирование: 05.09.2025

Принято решение о публикации: 12.09.2025

Received: 02.09.2025

Reviewed: 05.09.2025

Accepted: 12.09.2025

Взаимное страхование от пожаров монастырских строений в 1910–1917 годы (по материалам Вологодской губернии)

А. В. Рожина

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург
arojina@bk.ru

Аннотация

В Российской империи с 1911 г. вводилось обязательное страхование церковной недвижимости от огня, организованное Святейшим Синодом на принципах взаимности. В статье автор раскрывает исторический опыт страхования недвижимого имущества православных монастырей на территории Вологодской губернии после введения в действие «Положения о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства». Организация и процесс взаимного страхования монастырского имущества разделены на три этапа: 1904–1909 гг. – утверждение нормативно-правовых документов; 1910 г. – осуществление страховой оценки построек и утверждение размера страховых взносов; 1911–1917 гг. – реализация страхования. Анализ законодательных актов и архивных источников позволяет воссоздать особенности страхования монастырской недвижимости. По материалам Вологодской епархии сопоставлены оценка монастырских построек, объем страховых премий и размер страховых выплат в случаях пожаров.

Ключевые слова:

взаимное страхование, страхование от огня, пожар, монастырь, Вологодская губерния, Вологодская епархия

В конце XX–начале XXI в. в отечественной историографии были подготовлены фундаментальные научные труды по истории православного монашества [1–11], но взаимное страхование недвижимого имущества иноческих обитателей, организованное с 1911 г. в духовном ведомстве, не стало предметом отдельного изучения до настоящего времени. К обзору практик взаимного страхования церковного имущества в Российской империи обращались ранее исследователи, не затрагивая особенности страхования монастырских построек [12–17]. Рассмотрение этой темы представляется важным для понимания хозяйственно-экономической деятельности православных иноческих обитателей в дореволюционный период.

Во второй половине XIX в. имущество духовного ведомства страховалось на добровольных началах. В 1897 г. в Вологодской епархии была сделана попытка организа-

Mutual Fire Insurance of monastic buildings in 1910–1917 (based on materials from the Vologda Province)

A. V. Rozhina

North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg
arojina@bk.ru

Abstract

In the Russian Empire, mandatory fire insurance for church property was introduced in 1911, organized by the Holy Synod on the principles of reciprocity. The paper reveals the historical experience of insuring the real estate of Orthodox monasteries in the Vologda Province after the enactment of "Regulations on Mutual Fire Insurance of buildings of the Religious Department". The organization and process of mutual insurance of monastic property were divided into 3 stages: 1904–1909 – approval of regulatory documents; 1910 – implementation of insurance assessments of buildings and approval of insurance premiums; 1911–1917 – implementation of insurance. The analysis of legislative acts and archival sources allows us to reconstruct the specifics of monastic property insurance. Using the materials from the Vologda Diocese, the valuation of monastery buildings, the amount of insurance premiums and insurance payments in case of fires were compared.

Keywords:

mutual insurance, fire insurance, fire, monastery, Vologda Province, Vologda Diocese

ции взаимного страхования церковного имущества, в том числе монастырских построек [18, л. 1–6; 19, л. 1–8]. В начале XX в. страхование от добровольного перешло в обязательную форму. После сбора статистических данных о пожарах в церковных постройках Святейший Синод подготовил законодательное основание для введения страхования на принципах взаимности. В истории взаимного страхования строений духовного ведомства в России с 1904 до 1917 г. можно выделить три этапа.

Первый этап: утверждение нормативно-правовых документов (1904–1909). 6 июня 1904 г. в Общем собрании Государственного Совета император Николай II с резолюцией «быть по сему» утвердил «Положение о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства». По согласованию с Министерством внутренних дел Святейший Синод утвердил страховой тариф (отдельно для горо-

дов и сельской местности) и после проведения подготовительной работы планировал осуществить повсеместное обязательное страхование церковного недвижимого имущества с 1 января 1907 г. Из-за событий Первой русской революции взаимное страхование строений не было начато по плану и откладывалось до особого распоряжения [20, с. 210–211].

В свете обсуждения в Государственной Думе аграрного вопроса были рассмотрены проблема нехватки земли и возможность передачи помещичьего и монастырского землевладения в пользу крестьян. Современник тех событий профессор, магистр богословия Н. Д. Кузнецов, выступая в защиту имущества духовного ведомства, обосновывал невозможность отчуждения церковной земли в связи тем, что это грозило бы существованию православных монастырей как таковых [21, с. 97–100]. В 1909 г. по инициативе депутатов Государственной Думы и епархиальных епископов Святейший Синод объявляет об открытии Страхового отдела в Хозяйственном управлении и о подготовке к введению обязательного страхования церковной недвижимости на принципах взаимности [20, с. 211].

Второй этап: осуществление страховой оценки построек и утверждение размера страховых взносов (1910). Для организации подготовки к страхованию и координации деятельности с епархиями с 1 января 1910 г. начал работу Страховой отдел, который подчинялся решениям Общего страхового присутствия – высшего руководящего органа по страхованию в духовном ведомстве. В Духовные консистории по епархиям были высланы инструкции, бланки для оценки строений и страховой тариф для расчета ежегодных страховых взносов. Работу по страховой оценке строений на местах выполняли благочинные по округам или заменявшие их священники, назначенные Духовной консисторией. Благочинные фактически были страховыми агентами, в их обязанности по страховому делу входил выезд в монастыри для осуществления страховых расчетов, а с 1911 г. (в страховом случае) – осмотр места пожара, составление пожарного акта и расчет убытков от огня [22, с. 614–620].

Отметим, что если страховая оценка приходских строений осуществлялась по уездам, в соответствии с благочинническими округами, то расчет стоимости недвижимости монастырей – в рамках как территориальных благочиний, так и монастырских округов. В течение 1910 г. была проведена оценка монастырских строений в епархиях по всей Российской империи (за исключением епархий Восточной Сибири, Туркестанского края, Грузинского экзархата и строений, находившихся в частной собственности духовенства) [20, с. 213].

Расчет страховой суммы монастырских построек и размер страховых взносов в Вологодской епархии осуществляли 12 благочиннических округов (табл. 1). Страховали все монастырские культовые постройки (храмы, часовни), жилые и хозяйственные строения. Оценка недвижимого имущества проводила комиссия, в которую входили благочинный, священники, настоятель и (или) представители иноческой обители, что подтверждают подписи на страховых документах. В бланке указывали

сведения о дате постройки, ее размерах и особенностях, материале, виде покрытия, количестве этажей, оценочной и страховой суммах каждого здания [23, л. 25–32].

С учетом страховой оценки благочинный по утвержденному Святейшим Синодом тарифу (в зависимости от расположения монастыря и категории постройки) делал расчет премии с тысячи рублей и размер годичного страхового взноса. Эти данные вносили в страховые карточки, после их утверждения управляющим и делопроизводителем Страхового отдела благочинные осуществляли сбор страховых взносов по округам и через консисторию направляли их в Святейший Синод [24, л. 115–122].

Третий этап: реализация страхования (1911–1917). В 1911 г. в результате сборов премий с церковного имущества по губерниям в Страховой отдел поступило свыше 601 тыс. руб., в 1916 г. в страховом фонде было наличными более 1,7 млн руб., более 2,4 млн руб. – билетами [25, л. 366 об.; 26, л. 106]. В Вологодской губернии с 1 января 1911 г. была застрахована недвижимость 23 иноческих обителей (в том числе 17 мужских, 6 женских) на общую сумму более 1,6 млн руб., назначены ежегодные взносы за страхование имущества в размере свыше 3,7 тыс. руб. (табл. 1).

По результатам оценки недвижимого имущества иноческих обителей в Вологодской епархии наибольший ежегодный страховой взнос (более 400 руб.) выплачивал Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь, находившийся в Усть-Сысольском уезде. Эта мужская обитель была основана во второй половине XIV в. Стефаном Пермским и после запустения возрождена в 1860 г. иноками Соловецкого монастыря. Троицко-Стефановский монастырь не был штатным и не получал финансирования от государства, содержался на церковные доходы, благотворительные средства и вел процветающее хозяйство. При этом его неокладные доходы в 1911–1917 гг. составляли около 30 тыс. руб. в год, что было выше среднегодового дохода монастырей епархии [37, л. 2–10 об.; 10, с. 197–198; 11, с. 186–188].

На территории Ульяновской иноческой обители располагалось 48 построек, в том числе Троицкий двухэтажный кирпичный собор (1875 г. постройки) на кирпичном фундаменте, оценочная сумма которого составляла 35 тыс. руб., а также две каменные и одна деревянная церкви, каменная колокольня, пять жилых корпусов, гостинный корпус, кузница, конюшня, каретник и другие хозяйственные строения. У монастыря была своя мукомольная мельница, при ней амбар, часовня и дом. В г. Усть-Сысольске при подворье Ульяновского монастыря была построена Стефановская деревянная церковь, братский каменный корпус, двухэтажный деревянный дом, амбары, ледник, баня, скотный двор и навес [36, л. 10–29].

В течение 1911–1917 гг. размер страховых премий менялся из-за включения в страховую оценку новых построек и исключения сгоревших или разрушенных по ветхости зданий. К примеру, в 1911 г. в Спасо-Суморинском мужском монастыре (Тотемский уезд) была застрахована на 3065 руб. водяная мельница и строения при ней в четырех верстах от г. Тотмы. В результате годичные страхо-

Страхование монастырских строений в Вологодской епархии в 1911 году

Insurance of monastic buildings in the Vologda Diocese in 1911

№	Название монастыря	Муж- ской / Женский	Оценка имущества на 1 января 1911 г., руб.	Размер страхо- вых годович- ных взносов с 1 янва- ря 1911 г., руб.	Благочиннический округ
Вологодский уезд					
1	Свято-Духов монастырь	Муж.	78 970,0	85,61	1-й округ г. Вологды
2	Вологодский Успенский монастырь	Жен.	65 635,0	83,79	2-й округ г. Вологды
3	Спасо-Прилуцкий монастырь	Муж.	97 355,0	138,37	2-й монастырский округ Вологодский уезд
4	Спасо-Каменный монастырь	Муж.	148 475,0	262,78	2-й монастырский округ Вологодский уезд
5	Владимирская Заоникиевская пустынь	Муж.	82 483,0	294,02	2-й монастырский округ Вологодский уезд
6	Богородице-Рождественский Сямский монастырь	Муж.	48 785,0	128,52	2-й монастырский округ Вологодский уезд
Великоустюгский уезд					
7	Михайло-Архангельский монастырь	Муж.	87 970,0	99,30	Городской округ Великий Устюг
8	Знамено-Филипповский монастырь	Жен.	25 185,0	49,79	Городской округ Великий Устюг
9	Николаево-Прилуцкий монастырь	Муж.	17 625,0	33,92	Городской округ Великий Устюг
10	Иоанно-Предтеченский монастырь	Жен.	97 395,0	181,39	Городской округ Великий Устюг
11	Троицко-Гледенский монастырь	Жен.	22 445,0	46,22	Городской округ Великий Устюг
12	Лальский Михайло-Архангельский монастырь	Муж.	14 680,0	23,48	3-й округ Великоустюгский уезд
Грязовецкий уезд					
13	Павло-Обнорский монастырь	Муж.	101 271,0	231,64	2-й округ Грязовецкий уезд
14	Никола-Озерская пустынь (приписанная к Вологодскому Успенскому монастырю)	Жен.	37 170,0	136,29	2-й округ Грязовецкий уезд
15	Арсениево-Комельский монастырь	Жен.	37 575,0	145,15	3-й округ Грязовецкий уезд
16	Корнилиево-Комельский монастырь	Муж.	82 307,0	210,07	3-й округ Грязовецкий уезд
Кадниковский уезд					
17	Григореево-Пельшемский Лопотов монастырь	Муж.	50 975,0	181,20	2-й монастырский округ Кадниковский уезд
18	Дионисиево-Глушицкий монастырь	Муж.	62 045,0	174,60	2-й монастырский округ Кадниковский уезд
19	Успенская Семигородская пустынь	Муж.	79 885,0	254,86	2-й монастырский округ Кадниковский уезд
Сольвычегодский уезд					
20	Введенский Сольвычегодский монастырь	Муж.	54 700,0	49,67	1-й округ Сольвычегодский уезд
21	Николаевский Коряжемский монастырь	Муж.	42 756,0	218,06	1-й округ Сольвычегодский уезд
Тотемский уезд					
22	Спасо-Суморин монастырь	Муж.	104 375,0	85,52	Городской округ Тотемский уезд
Усть-Сысольский уезд					
23	Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь	Муж.	157 500,0	407,51	1-й округ Усть-Сысольский уезд
24	Подворье Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря в г. Усть-Сысольский	Жен.	992,0	9,65	1-й округ Усть-Сысольский уезд
Яренский уезд					
25	Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь	Жен.	55 414,0	232,10	2-й округ Яренский уезд
	Итого	Муж. - 17 Жен. - 6	1 653 968,0	3 763,51	

Источники: здесь и табл. 2 [23, 24, 27–36].

Sources: here and in Table 2 [23; 24; 27–36].

вые взносы для монастыря были увеличены на 40,16 руб. [32, л. 46–50]. В 1914 г. во Владимирской Заоникиевской пустыни взносы по взаимному страхованию возросли на 37,09 руб. из-за включения во страхование деревянной ветряной шатровой мукомольной мельницы, а также 2-х этажного доходного дома и деревянной лавки с хозяйственными постройками в г. Вологде [30, л. 21–27].

Для оценки новых строений или ущерба от пожара в монастырь выезжал благочинный соответствующего округа. В страховом случае он оценивал убытки, составлял пожарный акт и предоставлял данные в Духовную

консисторию. Служащие консистории направляли пожарный акт и запрос на получение средств в Страховой отдел Хозяйственного управления при Синоде, где его проверял заместитель столоначальника. После рассмотрения документов по страховому случаю, на основании отношения и утвержденного Ober-Прокурором Святейшего Синода журнала Общего страхового присутствия на оборотной стороне страховой карточки фиксировались номер постройки, поврежденной пожаром, и размер страховых выплат [28, л. 6, 6 об.]. Для возмещения убытков от пожара денежные средства направлялись в Духовную

консисторию соответствующей епархии. Затем через благочинного деньги передавались по назначению в монастырь, который понес убытки «от огня» [38, л. 18, 18 об., 19, 19 об., 20].

С 1912 г. по застрахованным строениям духовного ведомства начали выплачивать суммы за возмещение убытков от огня. Страховые компенсации по взаимному страхованию из фонда Страхового отдела Хозяйственного управления при Святейшем Синоде по годам составили более, тыс. руб.: в 1912 г. – 823,4, в 1913 г. – 979,2, в 1914 г. – 802,8, в 1916 г. – 775,8. Смета по страховым выплатам за 1917 г. не сохранилась в архивных фондах, однако в источниках зафиксированы сведения, что работы по страховому делу в духовном ведомстве осуществлялись вплоть до мая 1918 г. [26, л. 1–106; 32 л. 2].

Анализируя страховые документы монастырей Вологодской епархии, были аккумулированы сведения по размерам страховых выплат в случаях пожаров в 1911–1917 гг., включая приписные обители, подворья и храмы, принадлежащие иноческим обителям. В течение периода взаимного страхования зафиксировано шесть случаев пожаров в мужских монастырях, три – в женских: в 1911, 1912, 1914, 1916, 1917 гг. – по одному пожару, в 1913 г. – четыре (табл. 2).

Сравнивая данные, приведенные в табл. 1 и 2, отметим, что страховые премии в монастырях Вологодской епархии в целом значительно превышали компенсации на возмещение убытков от пожаров. За семь страховых лет взносы монастырей составили около 26 тыс. руб., компенсации в случаях пожаров в целом были примерно в 2,5 раза меньше – около 10,5 тыс. руб. С 1911 по 1917 г. страховые компенсации получили восемь монастырей.

В период взаимного страхования первое возгорание в монастырских постройках Вологодской губернии произошло в Иоанно-Предтеченской женской обители (Великоустюгский уезд). Этот православный монастырь основался в 1262 г. первоначально как мужской, а в 1764 г. был преобразован в женский 3 класса с финансированием по штатам [39, л. 2–4; 40, л. 151]. В марте 1911 г. загорелся дере-

вянный дом (1882 г. постройки), предназначавшийся для рабочих сестер и оцененный по страховым документам в 226 руб. За причиненный ущерб женский монастырь получил страховую компенсацию в размере 73 руб. 50 коп. (около 33 % от оценочной суммы строения), что было в 2,5 раза меньше ежегодного страхового взноса [33, л. 125–127 об.].

В документах 3-классного Дионисиево-Глушицкого мужского монастыря (Кадниковский уезд), основанного в 1420 г. преподобным Дионисием (Дмитрием) [41, л. 1, 1 об.], есть записи о факте возгорания 15 августа 1912 г. По причине неисправности печи произошел пожар в домово-Трех-Святительской церкви (1852 г. постройки) в каменном 2-этажном корпусе. В церкви был иконостас высотой

Таблица 2
Страховые выплаты в случаях пожаров в монастырях Вологодской епархии (1911–1917)
Table 2
Insurance payments in cases of fires in monasteries of the Vologda Diocese in 1911–1917

№	Название монастыря	Мужской / Женский	Пожары	Размер страховых выплат, руб.
1	Вологодский уезд			
2	Свято-Духов монастырь	Муж.	нет	–
3	Успенский монастырь	Жен.	07.05.1913	151,70
4	Спасо-Прилуцкий монастырь	Муж.	06.11.1914	40,00
5	Спасо-Каменный монастырь	Муж.	нет	–
6	Владимирская Заоникиевская пустынь	Муж.	31.03.1913	875,80
			15.04.1916	нет сведений
7	Богородице-Рождественский Сямский монастырь	Муж.	нет	–
	Великоустюгский уезд			
8	Михайло-Архангельский монастырь	Муж.	нет	–
9	Знамено-Филипповский монастырь	Жен.	нет	–
10	Николаево-Прилуцкий монастырь	Муж.	нет	–
11	Иоанно-Предтеченский монастырь	Жен.	26.03.1911	73,50
12	Троицко-Гледенский монастырь	Жен.	нет	–
13	Лальский Михайло-Архангельский монастырь	Муж.	нет	–
	Грязовецкий уезд			
14	Павло-Обнорский монастырь	Муж.	нет	–
15	Никола-Озерская пустынь, приписанная к Вологодскому Успенскому монастырю	Жен.	нет	–
16	Арсениево-Комельский монастырь	Жен.	24.06.1913	71,00
17	Корнилиево-Комельский монастырь	Муж.	нет	–
	Кадниковский уезд			
18	Григореево-Пельшемский Лопотов монастырь	Муж.	нет	–
19	Дионисиево-Глушицкий монастырь	Муж.	15.08.1912	614,60
20	Успенская Семигородная пустынь	Муж.	25.04.1913	256,00
	Сольвычегодский уезд			
21	Введенский монастырь	Муж.	нет	–
22	Николаевский Коряжемский монастырь	Муж.	нет	–
	Тотемский уезд			
23	Спасо-Суморин монастырь	Муж.	04.06.1917	8 388,00
	Усть-Сысольский уезд			
24	Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь	Муж.	нет	–
25	Подворье Кытовского Крестовоздвиженского монастыря в г. Усть-Сысольский	Жен.	нет	–
	Яренский уезд			
26	Крестовоздвиженский женский монастырь	Жен.	нет	–
	Итого		В муж. – 6 В жен. – 3	10 470,60

4 аршина, длиной 10 аршин¹. Оценочная сумма церкви составляла 8100 руб., пожарный убыток был оценен в размере 614 руб. 40 коп. (7,6 % от оценочной суммы строения), что в 3,5 раза превышало размер ежегодного страхового взноса, выплачиваемого этой иноческой обителью. Соборной церковью монастыря считался Дионисиевский каменный храм (1893 г. постройки), и после пожара в домовый Трех-Святительской церкви она уже не использовалась по назначению, ее помещение было приспособлено для братской трапезы [30, л. 49–53; 38, л. 8].

В 1913 г. страховые случаи были зафиксированы в четырех православных обителях Вологодской губернии. Первый инцидент случился 31 марта во Владимирской Заоникиевской мужской пустыни (Вологодский уезд), основанной около 1588 г. преподобным Иосифом Заоникиевским (в миру – крестьянин Илларион Амвросимов). Священник Иоанн Верюжский, составивший в XIX в. описание этой обители, упоминал о многочисленных пожарах, произошедших там и ранее, особенно в период с 1612 по 1717 г., что привело к утрате письменных памятников о монастыре. После пожара в 1913 г. исполняющий обязанности настоятеля пустыни иеромонах Порфирий ходатайствовал в Вологодскую духовную консисторию и епископу Вологодскому и Тотемскому Александру о возмещении 1,5 тыс. руб. за сгоревшую деревянную ветряную мельницу, которая после была исключена из страхования. Было установлено, что мельница (по страховой оценке – 1 тыс. руб.) загорелась по причине «трения деревянных частей мельничного механизма» [30, л. 5, 5 об.; 38, л. 9, 10; 42, с. 607–608].

Для осмотра места пожара благочинный 2-го округа монастырей архимандрит Антонин совершил длинный путь: он добирался до Заоникиевской пустыни по железной дороге от станции Семигородной до г. Вологды, затем на лошадях. По запросу Вологодской Духовной консистории в рапорте благочинный сообщил о тратах на проезд и суточные, которые составили 7 руб. 32 коп. Согласно циркулярному отношению Страхового отдела от 6 июля 1911 г. за № 21749, благочинным в случае выезда к месту пожара выделялись прогонные и суточные деньги. При пересчете расходов благочинного с учетом поверстной платы по Вологодскому уезду из Страхового отдела было выслано 6 руб. С учетом акта о пожаре, составленного благочинным 2-го округа монастырей Вологодской епархии, Заоникиевская пустынь за сгоревшую мельницу получила страховые выплаты в размере 875 руб. 80 коп., что составило 87,6 % от ее страховой суммы. В 1913 г. ветряная мукомольная мельница была вновь построена в обители и на следующий год застрахована на 1 тыс. руб. [30, л. 21–22; 38, л. 11–12, 18–20, 28, 28 об., 29, 29 об., 39, 39 об., 41].

25 апреля 1913 г. возгорание случилось в Успенской Семигородской мужской заштатной пустыни (Кадниковский уезд), созданной в XV в. [43, с. 202]. Настоятель обители игумен Антонин сообщал в Вологодскую духовную консисторию, что в 4-м часу дня наверху крыши близ конька на полукаменном 2-этажном скотном доме начался пожар от искры, вынесенной порывом сильного ветра от дымовой трубы при топке печи в помещении для пе-

чения просфор. Огонь удалось потушить силами братии и монастырских рабочих. При пожаре пострадала лишь часть крыши, за причиненный ущерб пустынь получила страховую выплату в размере 256 руб. (8,5 % от оценочной суммы строения). В пожарных актах не зафиксировали сведения об ущербе скоту в связи с тем, что страхованию подлежало только недвижимое имущество [30, л. 2, 84–90 об.; 38, л. 13, 13 об.].

7 мая 1913 г. в женском 3-классном Горне-Успенском монастыре (Вологодский уезд), основанном в 1590 г. старицей Доминикией [44, с. 4–5], огнем был нанесен урон бревенчатому 2-этажному дому. Оценочная и страховая суммы постройки составляли 300 руб. В тот же день на место пожара прибыл благочинный 2-го округа г. Вологды священник Александр Садоков, причина возгорания не была выяснена. В рапорте в Вологодскую Духовную консисторию благочинный сообщал, что загорелась задняя стена дома, огонь проник на второй этаж, где обгорели потолки и стены, сгорел карниз, был поврежден чердак. Сгоревший дом не подлежал восстановлению и был исключен из страховых документов, но ущерб был оценен в размере 151 руб. 70 коп. (51 % от страховой суммы постройки), что было на 23 руб. 40 коп. меньше заявленной в пожарном акте суммы. При этом из Страхового отдела Хозяйственного управления Святейшего Синода в Вологодскую Духовную консисторию были направлены разъяснения о причинах понижения выплат. По расчету страхового инспектора перерасчет был сделан с учетом стоимости ремонтных работ и строительных материалов [24, л. 1, 115–122 об.; 38, л. 15, 24, 24 об., 25].

24 июня 1913 г. в Арсениево-Комельском монастыре (Грязовецкий уезд), который в 1904 г. был преобразован из мужского в женский [10, с. 55], произошло возгорание в 2-этажном каменном доме (1856 г. постройки). В документах зафиксировано, что для отопления там было предназначено 4 русских и 16 голландских печей, страховая оценка строения составляла 2 тыс. руб., за ущерб от огня компенсация составила 71 руб. (менее 4 % от оценочной суммы здания) [28, л. 3–6 об.].

В 1914 г. возгорание произошло в 2-классном Спасо-Прилуцком мужском монастыре (Вологодский уезд), основание которого в XIV в. связано с игуменом Дмитрием Прилуцким [45, с. 1–2]. Сгорела и была исключена из страховой карточки деревянная баня, застрахованная на 50 руб. Монастырь получил страховую выплату в размере 40 руб. (80 % от оценочной стоимости строения). Взамен сгоревшей была построена новая прочная деревянная баня. В декабре того же года благочинный произвел оценку строения, а с 1915 г. она уже была застрахована на 650 руб. [30, л. 75–78 об., 79, 80]. В 1915 г. страховые случаи в монастырях Вологодской губернии не зафиксированы в страховых документах, отложившихся в фондах архивов. В 1916 г. вновь произошел пожар во Владимирской Заоникиевской мужской пустыни (Вологодский уезд). Пострадал отапливаемый печью деревянный овин². Страховая оценка этого строения была определена в сумме 500 руб., но

¹ Один аршин равен 0,7112 м.

² Овин – хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьбой.

сведений о расчете и выплате страховых компенсаций в архивных документах не обнаружено [30, л. 3–5].

В 1917 г. серьезный инцидент произошел в Спасо-Суморином мужском монастыре (Тотемский уезд), основанном между реками Песьей Денгой и Ковдой преподобным Феодосием Тотемским в 1554 г. [46, л. 1]. В старинной иноческой обители из 19 построек сгорело семь, в том числе три каменные церкви, колокольня, дом для богомольцев, главный и братский корпуса. Не пострадали от огня церковно-приходская школа, гостиный корпус, изба для рабочих, баня, скотный двор, хозяйственные постройки и «красная изба». Страховые выплаты за поврежденные огнем здания были оценены в размере 8388 руб. – менее 10 % от стоимости зданий. После пожара в монастыре не осталось ни одной культовой постройки, все сгоревшие строения были исключены из страховой оценки по документам. В 1918 г. процесс взаимного страхования был прекращен и в отложившихся архивных документах нет никаких сведений о том, были ли осуществлены выплаты по страховому случаю в Тотемском уезде. Ремонтно-реставрационные работы древних построек Спасо-Суморина монастыря *начались только после 1995 г., когда он был отнесен к категории объектов культурного наследия федерального значения (в настоящее время Вознесенский и Спасо-Преображенский соборы)* [17, с. 71].

Подводя итоги исследования, отметим, что взаимное страхование с целью компенсации ущерба от огня монастырских строений, организованное Святейшим Синодом, оказалось важной экономической мерой по защите имущества в связи с фактами многочисленных пожаров в Российской империи и Вологодской губернии в частности. Страховые премии вносили все обители в общий фонд Страхового отдела Святейшего Синода, из которого в случаях пожаров выплачивались компенсации. Факты пожаров в 1911–1917 гг. были зафиксированы в 35 % монастырей изученного региона.

Для половины православных обителей Вологодской епархии, которым был нанесен урон огнем в период обязательного взаимного страхования, выплаты оказались весьма существенны. Компенсации в Успенской Семигородной пустыни были примерно равны сумме годичной премии, размер начисленных выплат за пожары превышал ежегодные премии во Владимирской Заоникиевской пустыни в 3 раза, в Дионисиево-Глушицком монастыре – в 3,5, в Спасо-Суморином монастыре – в 98 раз. Страхование монастырской недвижимости на условиях взаимности демонстрирует принцип взаимопомощи и является ценным опытом, который был получен в России в дореволюционный период.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Русские монастыри: центральная часть России / К. П. Михайлов [и др.]; гл. ред. А. А. Феокистов; пер.: И. В. Шумова и Д. П. Верма. – М., 1995. – Т. 1: Центральная часть России. – 400 с.
2. Федоров, В. А. Правовое положение русского монашества в XVIII–XIX вв. / В. А. Федоров // Церковь в истории России. – М., 1997. – С. 151–154.
3. Смолич, И. К. Русское монашество, 988–1917: 850-летию основания Москвы посвящается / И. К. Смолич. – М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 1997. – 606, [1] с., [16] л. ил.: портр.
4. Зырянов, П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П. Н. Зырянов. – М., 2002. – 320 с.
5. Иванов, А. Свет миру. Книга о монашестве и монастырях на Руси / А. Иванов. – М., 2002. – 440 с.
6. Монашество и монастыри в России, XI–XX века: ист. очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына. – М.: Наука, 2005. – 346 с.
7. Есеева, О. В. Пинежские монастыри Архангельской губернии в XVII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / О. В. Есеева. – Сыктывкар, 2006. – 288 с.
8. Стикина, Н. В. Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: на материалах Вологодской епархии: дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Стикина. – Вологда, 2007. – 275 с.
9. Третьякова, С. В. Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белозерья: вторая половина XIX – первая четверть XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / С. В. Третьякова. – Архангельск, 2007. – 174 с.
10. Рожина, А. В. Монастыри и церковная власть в Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Рожина. – Ижевск, 2012. – 244 с.
11. Котов, П. П. Монастыри в системе церковных властей в конце XVIII–начале XX века: по материалам Вологодской губернии / П. П. Котов, А. В. Рожина. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 238 с.
12. Николаева, Т. Л. К вопросу о практическом осуществлении церковного страхования в начале XX века. – URL: <http://www.religare.ru>.
13. Кокарев, М. С. Страхование церковной недвижимости в Российской империи в начале XX в. / М. С. Кокарев // Модернизация культуры: диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве, образовании: материалы IX Международной научно-практической конференции, Самара, 25–26 мая 2023 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2023. – С. 44–47.
14. Рожина, А. В. К вопросу о взаимном страховании строений духовного ведомства в России в период думской монархии / А. В. Рожина // Вестник Удмуртского университета. – 2024. – № 5 (34). – С. 1055–1063.
15. Рожина, А. В. Взаимное страхование недвижимого имущества духовного ведомства в России в 1910–1917 гг. (по документам Вологодской епархии) / А. В. Рожина / Карамзинские чтения / РГИА. Вып. 5: Памяти императора Александра III. – СПб.: РГИА, Издательство «Аврора», 2024. – С. 303–309.
16. Рожина, А. В. Реализация взаимного страхования «от огня» строений духовного ведомства в России в 1910–1917 гг. (по материалам Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии) / А. В. Рожина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской

- ской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72). – С. 29–36.
17. Рожина, А. В. Пожары и взаимное страхование «от огня» церковных построек в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1910–1917 годах / А. В. Рожина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 67–75.
 18. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 17166. Л. 1–6.
 19. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17168. Л. 1–8.
 20. Объяснительная записка к смете доходов и расходов специальных средств ведомства Святейшего Синода на 1916 год. – Петроград: Синодальная Типография, 1915. – 261 с.
 21. Кузнецов, Н. Д. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России: (Докл. [присяж. пов. Н. Д. Кузнецова] 4 Отд. Предсобор. присутствия) / Н. Д. Кузнецов. – Сергеев Посад, 1907. – 142 с.
 22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Т. XXIV. – № 24.712. – СПб., 1904. – С. 614–809.
 23. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 799. Оп. 33. Д. 102. Л. 25–32.
 24. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 103. Л. 115–123.
 25. РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 195. Л. 366 об.
 26. РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 251. Л. 1–106 об.
 27. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 113. Л. 5–67.
 28. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 114. Л. 3–7.
 29. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 117. Л. 1–2.
 30. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 122. Л. 2–103.
 31. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 128. Л. 19–37.
 32. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 133. Л. 4–50.
 33. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 140. Л. 142–249.
 34. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 143. Л. 29–35.
 35. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 145. Л. 7–29.
 36. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 152. Л. 3–16.
 37. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–10.
 38. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19406. Л. 8–41.
 39. Муниципальное казенное архивное учреждение Великоустюгского муниципального района «Великоустюгский центральный архив». Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–4.
 40. Описание Великоустюжского Иоанно-Предтечева девичья монастыря // Вологодские епархиальные ведомости. – 1877. Неофициальная часть. № 9. – С. 144–153.
 41. ГАВО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 1, 1 об.
 42. Свящ., Иоанн Верюжский. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею Церковью и местно чтимых / Священник Иоанн Верюжский. – Вологда, 1880. – [8], 692, [2], III, [2] с.
 43. Савваитов, П. И. Описание Семигородней Успенской пустыни и упраздненного Катромского Николаевского монастыря / П. И. Савваитов // Вологодские епархиальные ведомости. – 1870. Неофициальная часть. № 6. – С. 201–220.
 44. Лебедев, А. К. Успенский женский монастырь в г. Вологде и приписанная Николаевская Озерская пустынь / А. К. Лебедев. – Вологда, 1899. – 49 с.
 45. Савваитов, П. И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря / П. И. Савваитов. – СПб., 1902. – 58 с.
 46. ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

References

1. Russkiye monastiri: tsentral'naya chast' Rossii [Russian monasteries: the central part of Russia] – Moscow, 1995. Vol. 1: Tsentral'naya chast' Rossii [The central part of Russia]. – 400 p.
2. Fedorov, V. A. Pravovoye polozheniye russkogo monashestva v XVIII-XIX vv. [Legal status of Russian monasticism in the XVIII-XIX centuries] / V. A. Fedorov // Tserkov' v istorii Rossii [The Church in the history of Russia]. – Moscow, 1997. – P. 151–154.
3. Smolich, I. K. Russkoye monashestvo, 988–1917: 850-letiyu osnovaniya Moskvyy posvyashchayetsya [Russian monasticism, 988–1917: dedicated to the 850th anniversary of the foundation of Moscow] / I. K. Smolich. – Moscow: Church Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”, 1997. – 606, [1] p., [16] p. ill.: portr.
4. Zyryanov, P. N. Russkiye monastiri i monashestvo v XIX i nachale XX veka [Russian monasteries and monasticism in the XIX and early XX centuries] / P. N. Zyryanov. – Moscow, 2002. – 320 p.
5. Ivanov, A. Svet miru. Kniga o monashestve i monastiryakh na Rusi [Light to the World. A Book about monasticism and monasteries in Rus'] / A. Ivanov. – Moscow, 2002. – 440 p.
6. Monashestvo i monastiri v Rossii, XI-XX veka: ist. ocherki [Monasticism and monasteries in Russia, XI-XX centuries: historical essays] / Ed. N. V. Sinitsyna. – Moscow: Nauka, 2005. – 346 p.
7. Eseeva, O. V. Pinezhskiy monastir Arkhangel'skoy gubernii v XVII – nachale XX veka [Pinega monasteries of the Arkhangelsk Province in the XVII-early XX centuries]: diss... Cand. Sci. (History) / O. V. Eseeva. – Syktyvkar, 2006. – 288 p.
8. Stikina, N. V. Povsednevnyaya zhizn' russkogo pravoslavnogo monastirya vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX vv.: na materialakh Vologodskoy yeparkhii [Everyday life of a Russian Orthodox monastery in the second half of the XIX – first quarter of the XX centuries: based on materials from the Vologda Diocese]: diss... Cand. Sci. (History) / N. V. Stikina. – Vologda, 2007. – 275 p.
9. Tretyakova, S. V. Osnovateli monastirey v istoricheskoy pamyati i religioznom uklade Belozer'ya: vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv. [Founders of monasteries in the historical memory and religious structure of Belozerye: second half of the XIX – first quarter of the XX centuries]: diss... Cand. Sci. (History) / S. V. Tretyakova. – Arkhangelsk, 2007. – 174 p.
10. Rozhina, A. V. Monastiri i tserkovnaya vlast' v Vologodskoy gubernii v kontse XVIII – nachale XX veka [Monasteries and church authorities in the Vologda Province at the end

- of the XVIII – beginning of the XX century]: diss... Cand. Sci. (History) / A. V. Rozhina. – Izhevsk, 2012. – 244 p.
11. Kotov, P. P. Monastyri v sisteme tserkovnoy vlasti v kontse XVIII – nachale XX veka: po materialam Vologodskoy gubernii [Monasteries in the system of church authorities at the end of the XVIII– early XX century: based on the materials of the Vologda province] / P. P. Kotov, A. V. Rozhina. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 238 p.
 12. Nikolaeva, T. L. K voprosu o prakticheskom osushchestvlenii tserkovnogo strakhovaniya v nachale XX veka [On the problem of practical implementation of church insurance at the beginning of the XX century] / T. I. Nikolaeva // URL: <http://www.religare.ru>.
 13. Kokarev, M. S. Strakhovaniye tserkovnoy nedvizhimosti v Rossiyskoy imperii v nachale KHKH v. [Insurance of church real estate in the Russian Empire at the beginning of the XX century] M. S. Kokarev // Modernizatsiya kul'tury: dialogi o proshlom i nastoyashchem v nauke, iskusstve, obrazovanii [Modernization of culture: dialogues about the past and present in science, art, education]: Materials of IX Intern. Sci.-Pract. Conf., Samara, May 25–26, 2023. – Samara: Samara State Inst. of Culture. – 2023. – P. 44–47.
 14. Rozhina, A. V. K voprosu o vzaimnom strakhovanii stroyenyi dukhovnogo vedomstva v Rossii v period dumskoy monarkhii [On the issue of mutual insurance of buildings of the ecclesiastical department in Russia during the period of the Duma monarchy] / A. V. Rozhina // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bull. of Udmurt Univ. Series History and Philology]. – 2024. – No. 5 (34). – P. 1055–1063.
 15. Rozhina, A. V. Vzaimnoye strakhovaniye nedvizhimogo imushchestva dukhovnogo vedomstva v Rossii v 1910–1917 gg. (po dokumentam Vologodskoy yeparkhii) [Mutual insurance of real estate of the ecclesiastical department in Russia in 1910–1917 (according to documents of the Vologda Diocese)] / A. V. Rozhina / Karamzinskiye chteniya [Karamzin readings] / RGIA [Russian State Historical Archive]. Issue 5: Pamyati imperatora Aleksandra III [In memory of Emperor Alexander III]. – St. Petersburg: RGIA, Izdatel'stvo «Aurora» [RGIA, Aurora Publ. House], 2024. – P. 303–309.
 16. Rozhina, A. V. Realizatsiya vzaimnogo strakhovaniya «ot ognya» stroyenyi dukhovnogo vedomstva v Rossii v 1910–1917 gody (po materialam Ust'-Sysol'skogo uyezda Vologodskoy gubernii) [Implementation of mutual fire insurance of religious department in Russia in 1910–1917 (based on materials from the Ust-Sysolsk Uyezd of the Vologda Province)] / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2024. – No. 6(72). – P. 29–36.
 17. Rozhina, A. V. Pozhary i vzaimnoye strakhovaniye «ot ognya» tserkovnykh postroyek v Totemskom uyezde Vologodskoy gubernii v 1910–1917 godakh [Fires and mutual insurance "against fire" of church buildings in the Totem Uyezd of the Vologda province in 1910–1917] / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – 2025. – No. 2(78). – P. 67–75.
 18. Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti [State Archive of the Vologda region (hereinafter GAVO)]. F. 496. Op. 1. D. 17166. L. 1–6.
 19. Ibid. F. 469. Op. 1. D. 17168. L. 1–8.
 20. Obyasnitelnaya zapiska k smete dokhodov i raskhodov spetsial'nykh sredstv vedomstva Svyateyshego Sinoda na 1916 god [Explanatory note to the estimate of income and expenses of special funds of the department of the Holy Synod for 1916]. – Petrograd: Sinodal'naya Tipografiya [Synodal Printing House], 1915. – 261 p.
 21. Kuznetsov, N. D. K voprosu o tserkovnom imushchestve i otnoshenii gosudarstva k tserkovnym nedvizhimym imeniyam v Rossii [On the issue of church property and the attitude of the state towards church real estate in Russia: (report [attorney N. D. Kuznetsova] 4 Dept. Pre-Council presence) / N. D. Kuznetsov. – Sergeev Posad, 1907. – 142 p.
 22. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 3-ye [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collectrion 3]. Vol. XXIV. = No. 24.712. – St. Petersburg. – 1904. – P. 614–809.
 23. RGIA [Russian State Historical Archive]. F. 799. Op. 33. D. 102. L. 25–32.
 24. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 103. L. 115–123.
 25. Ibid. F. 799. Op. 29. D. 195. L. 366 ob.
 26. Ibid. F. 799. Op. 29. D. 251. L. 1–106 ob.
 27. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 113. L. 5–67.
 28. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 114. L. 3–7.
 29. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 117. L. 1–2.
 30. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 122. L. 2–103.
 31. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 128. L. 19–37.
 32. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 133. L. 4–50.
 33. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 140. L. 142–249.
 34. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 143. L. 29–35.
 35. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 145. L. 7–29.
 36. Ibid. F. 799. Op. 33. D. 152. L. 3–16.
 37. GURK «Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi» [National Archive of the Komi Republic (hereinafter GURK NARK)]. F. 232. Op. 1. D. 20. L. 2–10.
 38. GAVO [State Archive of the Vologda region]. F. 496. Op. 1. D. 19406. L. 8–41.
 39. Municipal state archival institution of the Veliky Ustyug municipal region «Veliky Ustyug central archive». F. 23. Op. 1. D. 19. L. 2–4.
 40. Opisaniye Velikoustyuzhskago Ioanno-Predtecheva devich'ya monastyrya [Description of the Veliky Ustyug St. John the Baptist Convent] // Vologodskiye yeparkhial'nyye vedomosti [Vologda Diocesan Gazette]. – 1877. Unofficial part. № 9. – P. 144–153.
 41. GAVO. F. 523. Op. 1. D. 157. L. 1, 1 ob.
 42. Priest, Ioann Veryuzhsky. Istoricheskiye skazaniya o zhizni svyatykh, podvizavshikhsya v Vologodskoy yeparkhii, proslavlyayemykh vseyu Tserkoviyu i mestno chtimyykh [Historical tales about the live of saints who labored in the Vologda Diocese, glorified by the whole Church and locally venerated] / Priest Ioann Veryuzhsky. – Vologda, 1880. – [8], 692, [2], III, [2] p.

43. Savvaitov, P. I. Opisaniye Semigorodney Uspenskoj pustyni i uprazdnennogo Katromskogo monastyrya [Description of the Semigorodny Assumption Hermitage and the abolished Katromsky Monastery] / P. I. Savvaitov // Vologodskiye yeparkhial'nyye vedomosti [Vologda Diocesan Gazette]. – 1870. Unofficial part. № 6. – P. 201-220.
44. Lebedev, A. K. Uspenskiy zhenskiy monastyr' v g. Vologde i pripisannaya Nikolayevskaya Ozerskaya pustyn' [Assumption Convent in Vologda and the assigned Nikolaev Ozerskaya Hermitage] / A. K. Lebedev. – Vologda, 1899. – 49 p.
45. Savvaitov, P. I. Opisaniye Vologodskogo Spaso-Prilutskogo monastyrya [Description of the Vologda Spaso-Prilutsky Monastery] / P. I. Savvaitov. – St. Petersburg, 1902. – 58 p.
46. GAVO. F. 526. Op. 1. D. 149. L. 1.

Информация об авторе:

Рожина Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Северо-Западного института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; e-mail: arojina@bk.ru).

Author:

Anastasiya V. Rozhina – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences of the North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; (Sredny ave. V.O., 57/43, St. Petersburg 199178, Russian Federation, e-mail: arojina@bk.ru).

Для цитирования:

Рожина, А. В. Взаимное страхование от пожаров монастырских строений в 1910–1917 годы (по материалам Вологодской губернии) / А. В. Рожина // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 48–56.

For citation:

Rozhina, A. V. Mutual Fire Insurance of monastic buildings (based on materials from the Vologda Province in 1910–1917) / A. V. Rozhina // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2025. – No. 8 (84). – P. 48–56.

Дата поступления статьи: 05.05.2025

Прошла рецензирование: 12.05.2025

Принято решение о публикации: 16.05.2025

Received: 05.05.2025

Reviewed: 12.05.2025

Accepted: 16.05.2025

«Неполный обхват лесорубческой массы»: жилищное строительство на лесозаготовках в Великоустюгском леспромхозе в начале 1930-х годов

Н. М. Игнатова

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
ignatova11@rambler.ru

Аннотация

В статье представлен материал на основе впервые введенных в научный оборот данных, выявленных в МКАУ «Великоустюгский центральный архив», о жилищном строительстве на местах лесозаготовок в начале 1930-х гг. в Великоустюгском леспромхозе. Описан имеющийся и планируемый к строительству жилищный фонд на месте лесозаготовок. Представлена информация о бытовых условиях, в которых проживали лесозаготовители. Планы форсированного увеличения объема лесозаготовок требовали ускоренных темпов формирования кадров и жилищного строительства на местах лесозаготовок, но возведение жилых и административных зданий шло медленно, как правило, без соблюдения всех необходимых требований. Ситуация с вербовкой рабочей силы для работы в лесу, которая в начале 1930-х гг. была провальной, в том числе из-за отсутствия надлежащих условий труда и быта, наглядно показывает, что без вливания рабочей силы из внерегиональных источников выполнение растущих в ускоренном темпе планов лесозаготовок было невозможно.

Ключевые слова:

Северный край, Северо-Двинский округ, Великоустюгский леспромхоз, планы строительства, жилищное строительство, бараки, условия на лесозаготовках, уровень заболеваемости

Лесозаготовительная промышленность в период индустриализации была одной из главных отраслей, от развития которой находились в зависимости другие отрасли, прежде всего железнодорожная, строительная и горнорудная. Первые научные работы о лесопользовании и лесозаготовках в Северном крае в конце 1929 – начале 1930-х гг. были опубликованы в 1931 г. [1, 2]. В советское и постсоветское время исследования лесозаготовительной отрасли охватывают не только вопросы производственных показателей и расширения производственной базы, но и формирования рабочей силы [3–5]. Из современных авторов необходимо выделить работы Е. В. Воейкова и И. В. Зыкина, в которых они уделяют большое внимание

«Incomplete coverage of the logging area»: housing construction at the logging sites in the Veliky Ustyug timber industry enterprise in the early 1930s

N. M. Ignatova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
ignatova11@rambler.ru

Abstract

The paper presents data, collected in the Veliky Ustyug Central Archive, on housing construction at logging sites in the Veliky Ustyug Forestry Enterprise in the early 1930s, based on newly introduced scientific data. It describes the existing and planned housing stock at logging sites and provides information on the living conditions of loggers. Plans for an accelerated increase in logging volumes required accelerated personnel development and housing construction at logging sites, but the construction of residential and administrative buildings proceeded slowly, usually without meeting all necessary requirements. The situation with labor recruitment for forestry work, which was a failure in the early 1930s, in part due to the lack of adequate working and living conditions, clearly demonstrates that without the infusion of labor from non-regional sources, the rapidly expanding logging plans could not be met.

Keywords:

Northern Territory, Northern Dvina area, Veliky Ustyug timber industry enterprise, construction plans, housing construction, barracks, logging conditions, morbidity rate

мание социально-бытовым условиям на лесозаготовках [6–8]. Из интернет-ресурсов стоит отметить коллекцию фотографий Российского этнографического музея, посвященную лесозаготовкам в 1920–1930-е гг., которые отражают не только труд, но и бытовую сторону, в частности обстановку внутри жилых помещений [9].

В рамках форсированной индустриализации перед северными регионами ставились задачи значительно увеличить объемы лесозаготовок. В конце 1920-х гг. основная рабочая сила на заготовке леса была сезонная, жильем для них являлись лесные избышки без каких-либо удобств. Так как условия напрямую влияли на производительность труда и выполнение планов, то после формирования в лес-

ной промышленности леспромхозов началась работа по созданию жилищной базы для лесозаготовителей.

Великоустюгский леспромхоз под управлением Государственного лесопромышленного треста «Северолес» был создан в августе 1929 г. на базе четырех лесных организаций: Богоявленского, Нюксенского, Симоновского лесничеств и Устюгского лесхоза. Лесной массив состоял из пяти лесных дач: Ерогодской, Мало-Двинской, Орловской, Стреленской и Шарденгской. В конце 1929 г. в составе леспромхоза были сформированы семь подразделений: Богоявленский, Ерогодский, Малодвинский, Симоновский, Сухонский, Уфтыгский, Шемогодский лесоучастки и Шевденгский учлесхоз [10].

Леспромхоз располагался в Великоустюгском районе, входившем в 1929–1930 гг. в Северо-Двинский округ Северного края. В 1930 г. Северо-Двинский округ был упразднен, Великоустюгский район (райисполком) стал непосредственно подчиняться Северному крайисполкому. В статье проанализированы директивные, плановые и отчетные документы, включающие информацию краевого и регионального уровней из фондов Великоустюгского леспромхоза (Фонд Р-59), Исполнительного комитета Великоустюгского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (райисполком) (Фонд Р-147), Северо-Двинского окружного отдела здравоохранения (Фонд Р-47) и Великоустюгского райздравотдела (Фонд Р-418).

Лесной отдел треста «Северолес» в документе № 83/084 от 12 декабря 1929 г. запрашивал от Великоустюгского леспромхоза сведения об имеющихся жилых и нежилых строениях, расположенных в леспромхозе, и планируемых к постройке. В адрес треста от леспромхоза в феврале 1930 г. были направлены сведения в виде двух таблиц. Первая содержала данные об имеющихся строениях, вторая – о планируемых. В сопроводительной записке директор леспромхоза просил правление Гостреста «Северолес» сообщить, какие денежные суммы будут отпущены на строительство, а также направить типовые проекты и сметы для зданий для того, чтобы «сейчас же приступить к заготовке лесоматериалов». Также директор леспромхоза просил «обеспечить хотя бы одним техником-строителем для руководства жилстроительством и выполнения его, в противном случае работы не могут быть выполнены» [11].

В первой таблице были отражены имеющиеся на территории леспромхоза жилые и хозяйственные помещения для лесников. (Помещения для лесозаготовителей не были указаны, но характеристика зданий для лесников дает общую картину состояния построек в 1929 г., на момент создания леспромхоза). Строения имелись в трех лесоучастках – Богоявленском, Симоновском и Ерогодском, семь жилых помещений (контора с квартирой в с. Богоявленск, три «дома для стражи» и три «лесные избышки») и хозяйственные постройки. Кроме строения в с. Богоявленск, все дома требовали ремонта, были с тесовыми крышами или крышами «из пластин». Состояние домов характеризовалось как «неудовлетворительное, но для жилья пригодное», избышек – «удовлетворительное». Во второй

таблице был представлен план строительства семи новых домов, а также бань, амбаров и других хозяйственных построек, определялся ремонт имеющихся зданий. В плане показывались размер строений, их стоимость, в графе «кем утвержден проект» во всех пунктах было указано «проекта нет». Жилое строительство было запланировано на лето 1930 г. с окончанием в этом же году. Отмечалось, что сведений о местности и грунте «не представляется возможным точно указать, так как обследования усадеб не было». Суммы затрат были приведены приблизительные по причине «отсутствия проекта жилых зданий, технического персонала». Стоимость определялась ориентировочно на основе типовых проектов построек для лесничеств 1928 г. [12].

В адрес Государственного лесопромышленного треста «Северолес» Великоустюгским леспромхозом 27 февраля 1930 г. был направлен документ, в котором сообщалось, что леспромхоз в 1930 г. предполагает строительство 80 барачных для рабочих в лесу на месте лесозаготовок, а также четыре гаража для тракторных баз, один дом и склад в г. Великом Устюге. Предполагался ремонт 40 старых барачных и семи кордонов (домов) для лесной стражи [13]. План по строительству в Великоустюгском районе на 1930/31 гг. был составлен по лесопунктам. До июля 1930 г. Устюгский ЛПХ существовал на территории Нюксенского и Устюгского районов, а с июля 1930 г. – на территории только Устюгского района. В 1930/31 гг. в Великоустюгском ЛПХ-зе учлеспромхозы были разбиты на лесопункты: Ерогодский учлеспромхоз (В-Ерогодский, Н-Ерогодский, Лодейский, Красавинский лесопункты); Стреленский учлеспромхоз (Воломский, Стреленский, Тоземский); Шемогодский учлеспромхоз (Малодвинский, Шемогодский лесопункты и тракторная база); Устюгский учлеспромхоз включал Луженгский лесопункт.

Планово-экономический отдел треста «Северолес», отметив, что «успешный ход развития лесозаготовок и выполнение производственных заданий в значительной мере зависят от степени обеспечения рабочих на лесозаготовке и сплаве жилищами, а равно и тех бытовых условий в обстановке которых протекает жизнь рабочих», затребовал от директоров леспромхозов, в том числе от Великоустюгского леспромхоза, в письме от 30 марта 1930 г. представить «подробный план жилищного и коммунального строительства для рабочих лесозаготовок и сплава на 1930/31 гг., уделив при этом особое внимание создаваемому вновь постоянному кадру рабочих». При начислении жилплощади необходимо было принять норму для постоянных рабочих в 5 кв. м. на человека, для сезонных – 2,5 кв. м. Кроме жилых построек необходимо было запланировать культурные и социально-бытовые объекты (клубы, театры, школы, больницы, медпункты, столовые, бани, прачечные, лавки, ларьки и т. д.). К документу прилагался рисунок в разных ракурсах типового барака для рабочих на лесозаготовках. Рисунок сопровождался пояснением: размер для жилых барачных – 4 кв. м. пола, высота – 2 м., расчет барака на 30 чел. – 120 кв. м., на 60 чел. – 240 кв. м. [14] (рис. 1).

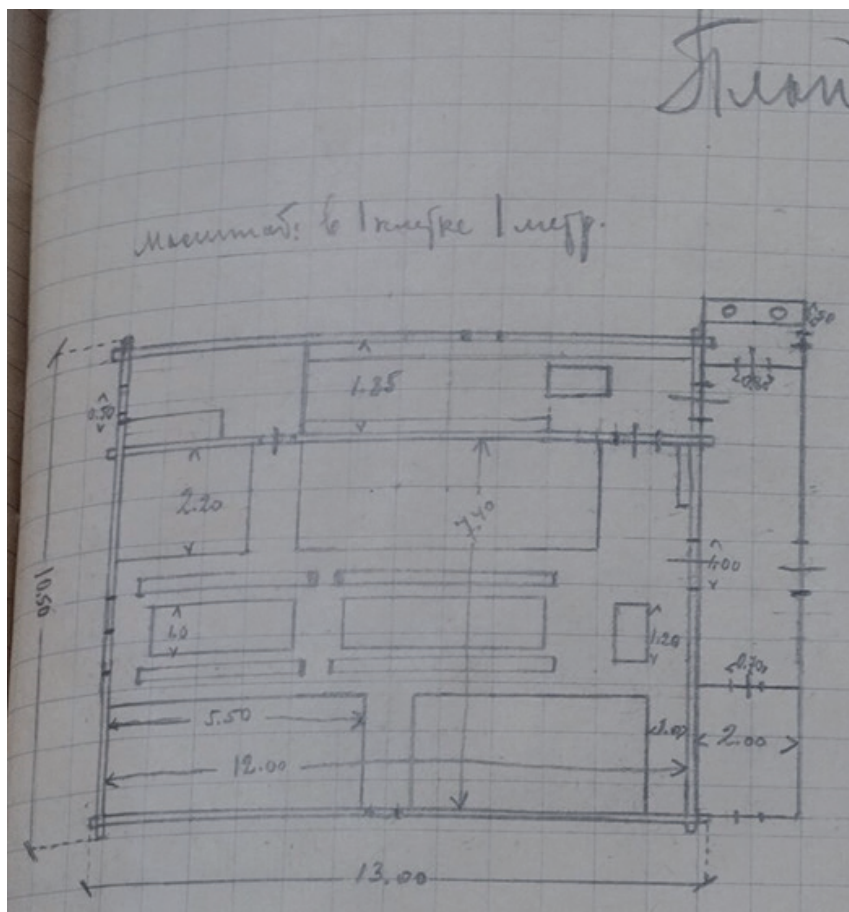

Рисунок 1. Рисунок типового барака для рабочих на лесозаготовках. Фрагмент 1.
Источник. [14, Л. 28–29].
Pic. 1. Drawing of the typical barrack for logging workers. Fragment 1.
Source. [14, Л. 28–29].

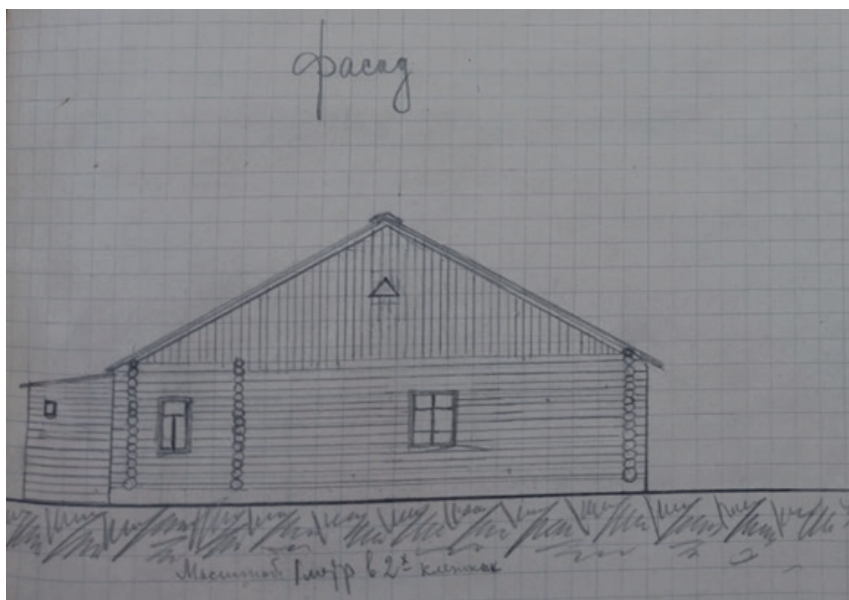

Рисунок 1. Фрагмент 2.
Pic. 2. Fragment 2.

Подробный план строительства в Великоустюгском леспромхозе был составлен по девяти лесопунктам. Наибольшее число – 11 новых бараков – было запланировано построить в Луженгском лесопункте. Общее число планируемых к постройке новых бараков снизилось с 80 до 38.

Исходя из итоговых цифр, пригодными для проживания на лесозаготовках было три жилых барака и 40 требовали ремонта. Из социальных объектов наибольшее число запланированных приходилось на бани, ларьки и столовые (табл. 1). По Нюксенскому учлеспромхозу, который до середины 1930 г. входил в состав Великоустюгского леспромхоза, на лесозаготовительные сезон не планировалось какого-либо нового строительства, только ремонт старых строений (табл. 2).

Строительство в период начала 1930-х гг. было осложнено проблемой дефицита строительных материалов, в частности кирпича, необходимого для печей и фундаментов. По плану строительства от 27 февраля 1930 г. леспромхоз определял общую потребность в кирпиче в 110 тыс. шт. При составлении планов необходимо было, по замечанию планово-экономического отдела треста «Северолес», для своевременной «заброски дефицитных строительных материалов» учитывать и сезонность, которая обуславливала состояние транспортных путей. Для Великоустюгского леспромхоза основными поставщиками кирпича были Котласский кирпичный завод (г. Котлас) и Коромысловский кирпичный завод (дер. Коромыслово, с 1939 г. включена в городскую черту г. Великого Устюга). Так как кирпича было недостаточно, то на заседании Комиссии по распределению стройматериалов (Сройком) при Северо-Двинском Управлении Строительной комиссии (УСК) от 26 октября 1930 г., где слушался вопрос о необходимом количестве кирпича на «первоочередные строительства», рекомендовалось, в частности, использовать для строительства Севдвинстрою 25 тыс. шт. кирпичей от «разломки церкви Покрова» и заводу «Новатор» для фундаментов под машины 20 тыс. шт. кирпичей от «разломки церкви» Яковлевского монастыря. Для леспромхоза, по решению Комиссии, «Промсоюз» должен был изыскать «потребное количество кирпича» – 26 тыс. шт. через перераспределение из других лесозаготовительных организаций либо самостоятельно, для чего «Промсоюзу» предоставлялось право заготавливать кирпичи «по частям на месте» [17].

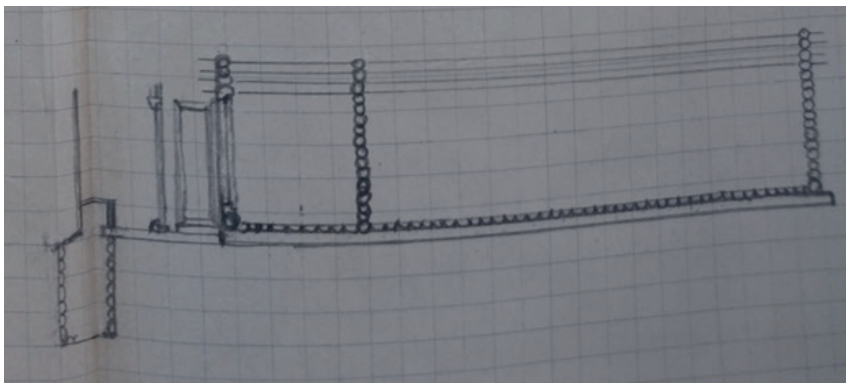

Рисунок 1. Фрагмент 3.
Pic. 1. Fragment 3.

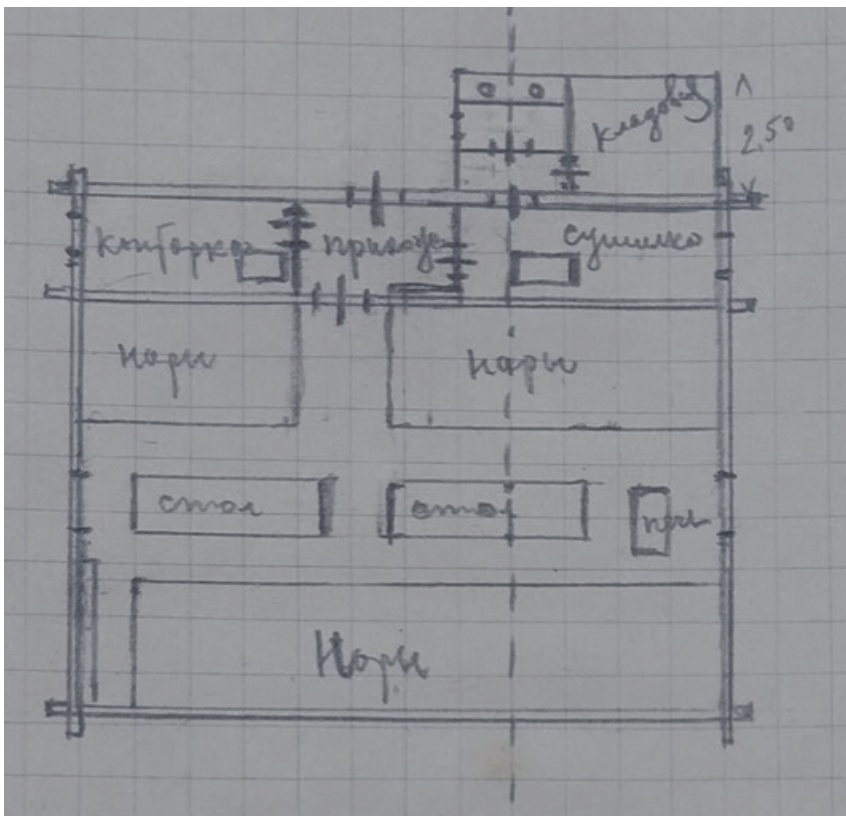

Рисунок 1. Фрагмент 4.
Pic. 1. Fragment 4.

При проверке работы на лесозаготовках в В-Буреломе В-Ерогодского (В. Ерга) сельсовета в октябре 1930 г. было выявлено, что подготовительные работы проходили плохо, бараки для рабочих не были подготовлены. В отчете отмечалось, что «печей нет, нет труб, рам, кирпич не там, где следовало, а за 39 км в деревне Илатовское». В имеющихся жилых бараках печи были сделаны из глины, поэтому «все расщилились». Одежду сушили в жилых помещениях «над столами, где рабочие обедают». Также было указано: «В бараках дым. Люди спят друг на друге, битком набито. Помещение ларька холодное, хлеб мерзнет, пекарня холодная, срублено плохо. Снабжение товарами происходит с перебоями. Пищу варят лесорубы под открытым небом. Кухня срублена, но не оборудована. Помещения под красный уголок не сделано, красноугольца нет, а народу масса. На участке Ломоватовка дело худо,

старые бараки не отремонтированы, к постройке нового не приступлено. Скоро возка леса, а жить будет плохо» [18]. Аналогичную ситуацию отмечает исследователь Е. В. Воейков на примере региона Средней Волги: «С учетом хронических перебоев с завозом продовольствия в торговые точки на местах лесозаготовок и сложных условий проживания в ряде случаев приготовление обедов и ужинов становилось проблемой и для постоянных рабочих леспрома. Возникали проблемы с затвердевшим от мороза хлебом» [19].

Условия, в которых проживали лесозаготовители не соответствовали ни санитарным, ни жилищным нормам, установленным для работающих в лесу. В декабре 1930 г. в Северо-Двинском округе Северного края было проведено всеобщее обследование санитарных условий на лесозаготовках. Заведующий санитарно-профилактической группой окружного здравотдела составил подробный и достаточно эмоциональный отчет о проверке жилищно-бытовых условий рабочих. Отчет о состоянии медобслуживания лесозаготовок по Северо-Двинскому округу на 1 января 1930 г. включал пять страниц машинописного текста. Материал охватывал 10 районов Северо-Двинского округа. За декабрь месяц 1929 г. было обследовано 117 мест лесозаготовок, в восьми районах (Великоустюгский, Никольский, Котласский, Вилегодский, Лальский, Красноборский, Подосиновский, Рослятинский) произведен осмотр непосредственно заведующим и по двум районам, Черевковско-

му и Кич-Городецкому, информация была представлена «медперсоналом райцентра Черевково». Были обследованы 200 избушек-жилищ лесорубов, помещения красных уголков, кооперативов, контор, столовых, бань и пр.

В отчете указывалось: «Как правило, все избушки, за исключением единиц, находятся в вопиющем антисанитарном состоянии. Большинство построено из сырораствующего леса, что вместе с плохой топкой печей и сушкой сырой одежды обуславливают постоянную сырость в избушке и образование плесени иногда таких размеров, что нельзя прислониться к стене или что-либо повесить на нее. Кирпичные печи есть в сравнительно немногих избушках, в некоторых старых остались прежние печи-коптилки с "дымовым окном" над печкой в потолке или стене. В момент топки такой печи-дымарки вместе с дымом летят и искры, дым заполняет верхнюю половину помещения,

Таблица 1. Часть 1

План строительства и ремонта по лесопунктам Великоустюгского леспромхоза треста «Северолес» на 1930/31 годы

Table 1. Part 1

The plan of construction and repair for the logging stations of the Veliky Ustyug forestry enterprise of the "Severoles" Trust for 1930/31

	Требуется по плану	Тоземский л/п				Водомский л/п				Стреленский л/п			
		Всего	Из них			Всего	Из них			Всего	Из них		
			Отре- монт.	Постр. новых	Старые годн.*		Отре- монт.	Постр. новых	Старые годн.		Отре- монт.	Постр. новых	Старые годн.
1	Барак для рабочих	1	-	1	-	7	2	5	-	17	9	6	2
2	Лесных изб	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Столовых	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	Столовых с кр. уголком	-	-	-	-	1	-	1	-	3	1	1	1
5	Канторок	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Фельдшер. пунктов	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-
7	Ларьков	-	-	-	-	1	-	1	-	4	3	1	-
8	Ларьков со складом	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-
9	Складов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Складов с овощехр.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Овощехран.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	Ледников	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2
13	Хлебопекарен	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1
14	Кухонь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15	Бань	-	-	-	-	1	-	1	-	1	-	1	-
16	Конюшен	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	Кузниц	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
18	Всего	2	-	1	1	11	2	9	-	29	13	10	6

Примечание. *Старые строения («старые годные»), не требующие ремонта.

Источники. [15].

*Old buildings («usable») that do not require repair.

Sources. [15].

Таблица 1. Часть 2

Table 1. Part 2

	Требуется по плану	В-Ерогодский л/п				Н/Ерогодский л/п				Лодейский л/п			
		Всего	Из них			Всего	Из них			Всего	Из них		
			Отре- монт.	Постр. новых	Ста- рые годн.		Отре- монт.	Постр. новых	Ста- рые годн.		Отре- монт.	Постр. новых	Ста- рые годн.
1	Барак для рабочих	15	11	4	-	13	10	3	-	11	6	5	-
2	Лесных изб	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Столовых	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	Столовых с кр. уголком	-	-	-	-	1	-	1	-	1	-	1	-
5	Канторок	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-
6	Фельдшер. пунктов	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	Ларьков	2	2	-	-	1	1	-	-	1	-	-	1
8	Ларьков со складом	1	-	1	-	1	-	1	-	1	-	1	-
9	Складов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Складов с овощехр.	2	1	1	-	1	-	1	-	1	-	1	-
11	Овощехран.	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-
12	Ледников	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Хлебопекарен	1	-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-
14	Кухонь	2	-	2	-	1	-	1	-	1	-	1	-
15	Бань	2	1	-	1	-	-	-	1	2	-	2	-
16	Конюшен	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-
17	Кузниц	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	27	16	10	1	22	13	7	2	19	6	12	1

Таблица 1. Часть 3.
Table 1. Part 3

	Требуется по плану	Луженгский л/п				Шемогодский л/п				Красногорский л/п			
		Всего	Из них			Всего	Из них			Всего	Из них		
			Отре- монт.	Постр. новых	Старые годн.		Отре- монт.	Постр. новых	Старые годн.		Отре- монт.	Постр. новых	Старые годн.
1	Барак для рабочих	11	-	11	-	3	2	1	-	3	-	2	1
2	Лесных изб	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Столовых	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	Столовых с кр. уголком	1	-	1	-	1	-	1	-	1	-	1	-
5	Канторок	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	Фельдшер. пунктов	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	Ларьков	1	-	1	-	1	-	-	1	1	-	1	-
8	Ларьков со складом	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9	Складов	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Складов с овощехр.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Овощехран.	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	Ледников	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Хлебопекарен	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
14	Кухонь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15	Бань	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	Конюшен	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17	Кузниц	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	22	-	22	-	5	2	2	1	5	-	4	1

Таблица 1. Часть 4.
Table 1. Part 4

	Требуется по плану	Всего			
		Всего	Из них		
			Отре- монт.	Постр. новых	Старые годн.
1	Барак для рабочих	81	40	38	3
2	Лесных изб	2	-	1	1
3	Столовых	1	1	-	-
4	Столовых с кр. уголком	9	1	7	1
5	Канторок	1	1	-	-
6	Фельдшер. пунктов	2	-	2	-
7	Ларьков	13	6	5	2
8	Ларьков со складом	4	-	4	-
9	Складов	1	-	1	-
10	Складов с овощехр.	4	1	3	-
11	Овощехран.	3	-	2	1
12	Ледников	2	-	-	2
13	Хлебопекарен	4	1	2	1
14	Кухонь	4	-	4	-
15	Бань	9	1	6	2
16	Конюшен	2	-	2	-
17	Кузниц	1	-	1	-
	Всего	143	52	78	13

обычно открывают в это время дверь на улицу. Дым ест глаза, а копоть плавает сверху. Что делается в это время на нарах разглядеть трудно, а непривыкшему человеку и невозможно. Жители такого сорта избушек напоминают трубочистов. Есть печи и из глины» [20].

В отчете отмечались скученность и антисанитария, которые влияют («составляют угрозу») на возможность распространения эпидемиологических заболеваний:

«В избушках живет 60–80 чел. Установленный размер площади 3 кв. м. не соблюдается, доходит до менее кв. метра на одного человека. Вследствие крайней тесноты и недостаточного оборудования, естественно трудно соблюдение чистоты. Обычный вид избушек таков: пол черный от грязи, он никогда не моется, замусорен окурками и прочим сором, грязные нары и стол, грязные закопченные стены, часто заплесневелые стены, воздух насыщен табачным дымом. Керосиновые лампы в большинстве без стекол. Ночью сырость и духота, так как тут же производится сушка обуви и одежды, складывается упряжь. Холодно, лежанки отсутствует, всюду дует. Загрязненность и вокруг избушек, окружность избушек загажена до крайности» [21].

Условия при этом были вполне типичными для лесозаготовительных регионов. По результатам обследования лесозаготовок Темниковского района Мордовской автономной области в 1930/31 гг. было выявлено, что рабочие размещаются скученно в землянках по 15–20 чел. и в бараках по 80 чел. вместо 50, что приводило к «скверным» санитарным условиям. Бараки строили из некачественных материалов, они были сырыми, стоял постоянный угар от печей [22].

При обследовании в Северо-Двинском округе кооперативных ларьков на лесозаготовках их состояние отмечалось как удовлетворительное, «есть продукты и хлеб, недостаточно мяса и жиров». Столовых практически нигде не было, в основном они были в стадии строительства. Рабочие готовили еду самостоятельно, «индивидуально или объединяются в группы по 2–4 человека». Горячая пища готовилась в котлах, тазах, ведрах на открытом воздухе или в избях. Водоснабжение осуществлялось из речек, колодцев и ключей, отмечалось, что в целом оно удовлетворительное за исключением отдельных единич-

**Сведения о подготовительных работах к лесозаготовкам 1930/31 годов
по строительству Нюксенского учлеспромхоза**

Таблица 2

Table 2

Information about preparatory work for logging in 1930/31 on the construction of the Nyuksen logging enterprise

	Название строительства	Количество строений			
		Отремонтировано старых	Построено новых	Годных старых без ремонта	Примечание
1	Конторы для десятников	-	-	3	
2	Помещения для механиков и трактористов	-	-	-	
3	Баракы для возчиков и рубщиков	-	-	16	Из них 4 нужно отремонтировать
4	Баракы для рабочих	-	-	9	Из них 4 нужно отремонтировать
5	Красных уголков	-	-	2	
6	Лесных изб	-	-	-	
7	Столвых	-	-	1	
8	Хлебопекарен	-	-	2	
9	Фельдшерских пунктов	-	-	1	
10	Ларьков	-	-	3	
11	Гаражей	-	-	-	
12	Кузниц	-	-	-	
13	Складов	-	-	3	
14	Ледников	-	-	-	
15	Складов под жидкое топливо	-	-	-	
16	Бань	-	-	3	
17	Конюшен	-	-	2	
18	Уборных	-	-	-	
19	Кухонь	-	-	2	
	Итого	-	-	47	

Источник. [16].

Source. [16].

ных случаев. К неблагополучной была отнесена ситуация в тракторной базе: «Пицкая тракторная база (д. Пица, Котласский район) берет воду из речки, на берегу которой в нескольких км выше по течению находится база УСЕВЛОНА в 700 чел. с прачечной и баней. Рассчитывать возможность на самоочищение речки не приходится, и есть угроза появления желудочно-кишечных заболеваний». Заведующему тракторной базой было предложено обеспечить рабочих кипяченой водой и вывесить плакаты-объявления: «Не пейте сырой воды!» [23].

Еще в 1931 г. А. И. Лешкевич в книге «Лесозаготовки на Севере» отмечал, что в Северном крае основная масса лесорубов «питается в индивидуальном порядке, самостоятельно, готовя для себя пищу». Он считал, что такой способ приготовления еды отнимает у лесоруба время и энергию и «пища получается сравнительно низкого качества», поэтому настаивал на том, что необходимо повсеместно на лесозаготовках организовывать столовые и «организации котлового довольствия», а также «параллельно с мероприятиями, выдвинутыми выше, должны быть созданы на лесозаготовках культурно-бытовые условия для лесорубов: жилища, баня, красные уголки и т. д.» [24].

В рамках санитарно-просветительской работы за декабрь санитарными врачами в округе была проведена 101 беседа в лесных избушках с лесорубами, главными темами

которых были: «Первая помощь», «Разъяснение памятки лесорубу», «Вошь как внутренний враг и борьба с ним», «Значение коллективного питания», «Важность лесозаготовок для государства». Окрздравом была напечатана особая санитарная памятка для лесорубов, которыми были «снабжены каждая избушка».

В заключении отчета заведующий санитарно-профилактической группой Окрздрава указал на то, что скученность в избушках, загрязненность почв вокруг помещений на лесозаготовках, недостаточность питания, отсутствие бань, редкая смена белья могут привести к вспышкам сыпного тифа и желудочно-кишечных заболеваний и что борьба с сыпным тифом в данных условиях будет весьма затруднительна [25]. Эпидобстановка в Северо-Двинском округе была крайне напряженной, опасения санитарного врача были обоснованы. В данных о состоянии здравоохранения в Великоустюгском районе отмечаются рост заболеваний в 1930/31 гг. и «неблагополучная» обстановка по сыпному тифу в конце 1931 г. (табл. 3).

В конце 1931 г. часть лесопунктов Великоустюгского леспромхоза была реорганизована, на 27 декабря 1932 г. в его состав входило восемь лесопунктов: Будринский, В-Ерогодский, Н-Ерогодский, Луженгский, Малодвинский, Стреленский, Тоземский, Шемогодский. По состоянию на 20 апреля 1932 г. в Великоустюгском леспромхозе было построено 16 новых бараков при плане 15. (В начале 1930 г. планировалось построить 80 новых барак, затем план снизился до 38, в 1931 г. – до 15). В отчете, направленном

Таблица 3

**Уровень заболеваемости в Великоустюгском районе
в 1928-1931 годы**

Table 3

The incidence rate in the Veliky Ustyug region in 1928-1931

№	Заболевания	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
1	Тиф брюшной	52	86	186	252
2	Тиф сыпной	46	128	40	1174
3	Тиф возвратный	1	-	-	-
4	Паратиф	-	173	-	94
5	Малярия	511	301	144	94
6	Оспа	-	-	2	-
7	Корь	203	329	472	226
8	Туберкулез	Не указ.	1630	1886	2510

Источник. [26].

Source. [26].

в адрес треста «Северолес», отмечалось: «Мы видим, что хотя данная работа и была выполнена на 118,5 %, но признать удовлетворительной таковую нельзя по следующим мотивам: плохое производство ремонта и возведение некоторых построек, а также неполный обхват лесорубческой массы жилищами, вследствие чего в бараках тесно» [27] (табл. 4).

В Шемогодском лесопункте самостоятельно изготавливали кирпич для строительства, в частности, в 1931 г. было изготовлено 3 тыс. кирпичей [29]. Тем не менее строительство шло медленно. Как видно из табл. 5, за год, с 1930 по 1931 г., из жилых помещений был построен один барак, один отремонтирован и еще два находились в стадии строительства. Не сильно изменилась ситуация и за 10 лет. В 1941 г. в Шемогодском лесопункте было учтено шесть барачков, три бани, два магазина, пять школ, пять детских учреждений, две пекарни, две столовые, один красный уголок [31].

На фоне несозданных жилищно-бытовых условий в лесопунктах существовала проблема с кадровым ресурсом. Рабочих было трудно завербовать, и после того, как они начинали работать, многие уходили обратно в свои села и деревни. В Тоземском, Стреленском и Лодейском лесопунктах в январе 1930 г. отмечалось, что имеет место массовый уход рабочих с лесозаготовок и жалобы «со стороны лесозаготовительного аппарата о том, что сельские советы им пользу не оказывают». В октябре 1930 г. необходимо было завербовать 75 чел. из Марденского сельсовета для Великоустюгского леспромхоза, в итоге на 17 ноября 1930 г. из завербованных работало три человека [32].

Схожая ситуация наблюдалась и в других районах. В Тотемском районе рабочая сила была сформирована на 75 %, наблюдалась текучесть кадров. Секретарь Тотемского районного комитета в июле 1930 г. о летних лесозаготовках указывал: «Темп слаб. По договорам работают мало, а отсюда переменность состава рабочих и приливы-отливы зависят от того, как работают наши светские и парторганизации в сельсоветах. Нажмут – рабочая сила прибывает, ослабят внимание вербовке – сразу отлив» [33].

В приказе треста «Северолес» по Великоустюгскому ЛПХ-зу от 20 января 1931 г. определялось: «Результаты хода работ по лесозаготовкам говорят о преступном отношении к выполнению программы со стороны лесопунктов и всего лесозаготовительного аппарата. Задание ударного квартала сорвали. На 15 января имеем позорные показатели работ заготовлено 39,3 % (вместо запланированных 80 %), вывезено 9,6 % (вместо 50 %). Рабски позорные темпы выработки в среднем 1,5 кубм в дух лесопунктах – ниже кубометра, Тоземском и Н-Ерогодском» [34].

Таблица 4
Строительство и ремонт в Великоустюгском леспромхозе в 1931 – начале 1932 года
Table 4
Construction and repair at the Veliky Ustyug forestry enterprise in 1931 – early 1932

№	Наименование строений	Требовалось		Отремонтировано		Построено	
		Отремонтировать	Построить	Количество	%	Количество	%
1	Домов постоянного кадра	-	-	-	-	-	-
2	Баракы	67	15	67	-	16	106,6
3	Дезокамеры	-	3	-	-	9	300,0
4	Ларьки со складами	16	9	16	-	10	111,1
5	Склады	8	1	8	-	1	100,0
6	Ледники	6	-	6	-	-	-
7	Столовые с красн. уголками	6	1	6	-	1	100
8	Кухни	10	7	10	-	7	100
9	Хлебопекарни	7	2	7	-	2	100
10	Овощехранилища	6	2	6	-	2	100
11	Бани	10	9	10	-	9	100
12	Конюшни	1	4	1	-	6	150
13	Фельдш. пункты	1	1	1	-	1	100
	Итого	140	59	140	100	70	118,5

Источник. [28].
Source. [28].

Таблица 5
Шемогодский учлесхоз Великоустюгского ЛПХ
Table 5
Shemogodsk forestry enterprise of Veliky Ustyug timber industry

№	Квартал	Июнь-август 1930 г.	Август 1931 г.
1	68 квартал	Ремонтирован старый барак на 50 чел.	
		Сдана плотницкая работа и распиловка леса по постройке нового барака	Барак в 68 квартале на 50 чел. 1930/31 гг. постройки требует частичной конопатки
		Ремонт ларька и кухни	Кухня готова
			Три старых избы требуют перекладки печей
			Подготовлена баня (надо перевезти из 66 квартал)
			Начато строительство дезокамеры
2	67 квартал		Строится барак
3	66 квартал		Строится барак, кухня, пекарня, ларек
4	33 квартал	Производится заготовка леса для постройки нового барака	

Составлено по: [30].
Compiled by: [30].

В постановлении Великоустюгского райисполкома от 24 января 1931 г. среди недостатков отмечалась плохая работа в лесопунктах с кадровыми рабочими: «Недооценка в комплектовании постоянного кадра для лесозаготовок, на 10 января 1931 г. по ЛПХ-зу имеется 160 чел. вместо 200 по плану. Отсутствие сколь-нибудь более лучших условий против сезонных рабочих, отсутствие с ними работы, в результате чего и среди них отсталые настроения к внедрению социалистических форм труда (Луженьга)» [35].

На 1 апреля 1931 г. в Великоустюгском леспромхозе (То-земский, Воломский, Стреленский, В-Егородский, Н-Его-родский, Лодейский, Луженский, Шемогодский, Красавин-ский, М-Двинский лесопункты) работало около 5 тыс. чел., число кадровых рабочих снизилось до 120 чел. (3677 – еди-ноличников, 435 чел. – в лесоартелях, 230 – в бригадах, 120 – постоянный кадр, 29 – колхозников, прочие – 152 чел., всего – 4843 чел.). В большинстве лесопунктов суточное выполнение «далеко не достигало» установленных зада-ний, что объяснялось исключительно низкой производи-тельностью труда. К апрелю 1932 г. число кадровых рабо-чих в леспромхозе увеличилось до 217 чел. [36].

Планы на заготовке и вывозке леса стремительно рос-ли. На заседании Президиума Севкрайисполкома 27 янва-ря 1931 г. утвердили программу лесозаготовок на 1 квартал 1931 г. по Северному краю в «плотных кубометрах» (заго-товка – 21 550 тыс. кбм, вывозка – 26 984 тыс. кбм), где на долю треста «Северолес» приходилось 61 % по заготовке и 63 % по вывозке. Рост плана по сравнению с 1 кварта-лом 1930 г. составил 75 %, численность работающих долж-на была вырасти на 35 %. Предполагалось, что общее число сезонных и кадровых рабочих на лесозаготовках, включая «переселенцев внекраевой вербовки» (спецпе-реселенцев), должно было составить около 240 тыс. чел. (239 632 чел.). Предлагалось, «учитывая острый недоста-ток в мужской рабсиле, органам труда и РИКа при вер-бовке обратить особое внимание на дополнительное при-влечение на лесозаготовки женщин и подростков» [37].

Проблемы с рабочей силой на лесозаготовках не спо-собствовали выполнению планов. На заседании малого президиума Севкрайисполкома 6 марта 1931 г., где рассма-тривался вопрос о ходе лесозаготовок по состоянию на 1 марта 1931 г., отметили, что «тревога на лесном фронте в крае не только не устранена, но положение ухудшилось».

На 1 марта в Северном крае было заготовлено 52,1 % сезонного задания, вывезено 30,9 %. При этом число рабо-чих не увеличилось, как предписывали директивы о 100 % выводе в лес рабочей и гужевой силы, а уменьшилось (убыло лесорубов 9896 чел. и 4127 подвод). На заседании был объявлен строгий выговор с занесением в личное дело председателю семи районных исполнительных ко-митетов, в том числе Великоустюгского [38].

К осени 1931 г. ситуация с выполнением плана усугу-билась, прежде всего, по причине недостатка рабочей силы. На заседании Президиума Великоустюгского райис-полкома 18 октября 1931 г. ход лесозаготовок был признан «неудовлетворительным с угрозой срыва». Было обозна-чено, что «вывод в лес рабочей силы проведен на 55,6 %, в частности комсомольская бригада имеет 17 % рабочей силы, колхозный сектор 30 %» [39]. В приказе № 12611 лесо-сырьевого треста «Севлес» (в состав которого в сентябре 1931 г. вошли все леспромхозы треста «Северолес») от 6 ноября 1931 г. указывалось: «Лесозаготовки в нашем крае являются основной хозяйственно-политической задачей, а лесозаготовительная компания 1931/32 гг. должна слу-жить решающей при выполнении пятилетнего плана в че-тыре года, как заключительная компания для пятилетки; поэтому все хозяйственные организации должны напрячь

всю энергию и волю на разрешение поставленных перед ними задач, и добиваться не только выполнения заданий по лесозаготовкам и сплаву древесины, но и перевыпол-нения» [40]. Однако ситуация с наличием рабочей силы на местах лесозаготовок не улучшилась. Как отмечал заместитель управляющего трестом «Севлес» в письме директору Великоустюгского леспромхоза, «несмотря на категорические указания о форсировании вербовки и вы-хода рабгужсилы в лес, директивные распоряжения не выполнены, поражает громадная текучесть рабочей силы. Увеличивается разрыв между завербованными и работа-ющими. Леспромхоз в В. Устюге завербовал 3098 чел., тру-довые договора (из них) заключили 1933 чел.» [41].

В заключение следует отметить, что масштабные пла-ны увеличения лесозаготовок в начале 1930-х гг. и раз-вития лесозаготовительной промышленности в Велико-устюгском леспромхозе в рамках индустриализации не выполнялись, так как для этого не было условий на местах. В леспромхозах, созданных в 1929 г., отсутствовали жилые помещения для рабочих в лесу и какая-либо социаль-но-культурная база. Основную рабочую силу составляли сезонные рабочие, кадровых рабочих не было, их состав начал формироваться в 1930-е гг. и из местного насе-ления был крайне малочисленным. Строительство жилых бараков на лесозаготовках осложнялось дефицитом стро-ительных материалов и специалистов по строительству. Изначальные планы по строительству со временем зани-жались, и проблема жилищного фонда не решалась. Рабо-тавшие на лесозаготовках находились в избушках и бара-ках в состоянии скученности, антисанитарии, отсутствия налаженного питания, что вело к текучести и недостатку кадров на работах в лесу. В итоге в начале 1930-х гг. для решения кадрового вопроса в лесозаготовительных се-верных регионах, в местах лесозаготовок, были организо-ваны спецпоселки, куда были заселены спецпереселен-цы, которые стали основными постоянными кадровыми рабочими в лесу и способствовали выполнению планов пятилеток. В Великоустюгском районе спецпереселенцы были расселены в начале 1940-х гг. В 1940-е гг. на тер-ритории района действовало несколько спецкомендатур (объединяли территориально спецпоселки, населенные пункты и производственные участки, где работали спецпе-реселенцы), в том числе в лесозаготовительных поселках Приводино, Молодых и Полдарса. В 1949 г. в районе было 12 пунктов расселения спецпереселенцев, включая горо-да Великий Устюг и Красавино.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Лешкевич, А. И. Лесозаготовки на Севере / А. И. Лешке-вич. – М.; Л.: Сельколхозгиз, 1931. – 139 с.
2. Макаренко, А. И. Лесное хозяйство Северного края и лесозаготовка. – Архангельск: ОГИЗ РСФСР: Се-верное краевое издательство, 1931. – 140 с.
3. Безнин, М. А. Повинности российского крестьян-ства в 1930-1960-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони,

- Л. В. Изюмова. – Вологда: Волог. НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. – 141 с.
4. Зыкин, И. В. Лесопромышленная деятельность исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа ОГПУ-НКВД СССР в конце 1920-х гг. – 1937 г. / И. В. Зыкин // *Genesis: исторические исследования*. – 2022. – № 7. – С. 21–32.
 5. Шубин, С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы / С. И. Шубин. – Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000. – 460 с.
 6. Воейков, Е. В. Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации / Е. В. Воейков // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 69–81.
 7. Воейков, Е. В. Общественное питание на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы довоенных пятилеток / Е. В. Воейков // *Историко-экономические исследования*. – 2024. – Т. 25, № 1. – С. 90–116.
 8. Зыкин, И. В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. / И. В. Зыкин. – М.: Новый хронограф, 2022. – 432 с.
 9. Лесная промышленность в 1920–30-е гг. в СССР. Российский этнографический музей. Коллекции онлайн. – URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2541?index=33>
 10. Историческая справка. «Акционерное общество открытого типа (АООТ) «Великоустюгский леспромхоз» лесопромышленной холдинговой компании «Устюглес» за 1929–2007 годы пос. Полдарса Великоустюгского района Вологодской области». Фонд № 93. Великоустюгский центральный архив. – URL: <https://gosarchive.gov35.ru/archive6/funds/41407>
 11. Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 16, 17.
 12. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 18, 19.
 13. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
 14. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–29.
 15. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 157.
 16. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 99.
 17. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 23, 27, 146.
 18. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 13. Л. 108.
 19. Воейков, Е. В. Общественное питание на лесозаготовках Среднего Поволжья в годы довоенных пятилеток / Е. В. Воейков // *Историко-экономические исследования*. – 2024. – Т. 25, № 1. – С. 93, 94.
 20. ВУЦА. Ф.Р.–47. Оп. 1. Д. 396 Л. 78 об.
 21. ВУЦА. Ф.Р.–47. Оп. 1. Д. 396 Л. 79.
 22. Воейков, Е. В. Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации / Е. В. Воейков // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. – 2024. – Т. 16, № 2. – 74 с.
 23. ВУЦА. Ф.Р.–47. Оп. 1. Д. 396 Л. 79 об.
 24. Лешкевич, А. И. Лесозаготовки на Севере / А. И. Лешкевич. – URL: <https://litbit.ru/edition/leshkevich/lesozagotovki-na-severe>
 25. ВУЦА. Ф.Р.–47. Оп. 1. Д. 396. Л. 78.
 26. ВУЦА. Ф.Р.–418. Оп. 1. Д. 10. Л. 11, 12.
 27. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 20. Л. 113, 114.
 28. ВУЦА. Ф.Р.–59. Ф. 59. Оп. 1. Д. 20. Л. 113.
 29. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 13. Л. 207.
 30. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 2. Л. 89. Л. 104; Д. 13. Л. 207.
 31. ВУЦА. Ф.Р.–148. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.
 32. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 13. Л. 142, 143, 108.
 33. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1855 Оп. 1. Д. 302. Л. 44.
 34. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.
 35. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 8. Л. 116–117.
 36. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 16. Л. 38; Д. 20. Л. 51.
 37. ВУЦА. Ф.Р.–147. Оп. 1. Д. 407. Л. 77.
 38. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 8. Л. 121.
 39. ВУЦА. Ф.Р.–147. Оп. 1. Д. 407. Л. 165.
 40. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
 41. ВУЦА. Ф.Р.–59. Оп. 1. Д. 20. Л. 166.

References

1. Leshkevich, A. I. Lesozagotovki na Severe [Logging in the North] / A. I. Leshkevich. – Moscow; Leningrad: Sel'kolkhozgiz, 1931. – 139 p.
2. Makarenko, A. I. Lesnoye khozyaystvo Severnogo kraya i lesoekspluatatsiya [Forestry of the Northern Territory and forest exploitation] / A. I. Makarenko. – Arkhangelsk: OGIZ RSFSR: Severnoye krayevoye izdatel'stvo [Northern Regional Publ. House], 1931. – 140 p.
3. Beznin, M. A. Povinnosti rossiyskogo krest'yanstva v 1930–1960-kh godakh [Duties of the Russian peasantry in the 1930–1960s] / M. A. Beznin, T. M. Dimoni, L. V. Izyumova. – Vologda: Vologodskiy nauchno-koordinatsionnyy tsentr Tsentral'nogo ekonomiko-matematicheskogo instituta RAN [Vologda Scientific Coordination Center of the Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences], 2001. – 141 p.
4. Zykin, I. V. Lesopromyshlennaya deyatel'nost' ispravitel'no-trudovykh lagerey GULAGA OGPU-NKVD SSSR v kontse 1920-kh gg. – 1937 g. [Forestry activities of the correctional labor camps of the GULAG OGPU-NKVD of the USSR in the late 1920s – 1937] / I. V. Zykin // *Genesis: historical research*. – 2002. – № 7. – P. 21–32.
5. Shubin, S. I. Severnyy kray v istorii Rossii. Problemy regional'noy i natsional'noy politiki v 1920–1930-ye gody. [Northern Territory in the history of Russia. Problems of regional and national policy in the 1920–1930s] / S. I. Shubin. – Arkhangelsk : M. V. Lomonosov Pomor State Univ., 2000. – 460 p.
6. Voeikov, E. V. Zhilishchnaya problema na lesozagotvках natsional'nykh respublik Povolzh'ya v gody predvoyennoy industrializatsii [Housing problem in logging areas of the national republics of the Volga region during the years of pre-war industrialization] / E. V. Voeikov // *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bull. of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. – 2024. – Vol. 16. № 2. – P. 69–81.

7. Voeikov, E. V. «Obshchestvennoye pitaniye na lesozagotovkakh Srednego Povolzh'ya v gody dovoyennykh pyatiletok» [Public catering in logging areas of the Middle Volga region during the pre-war five-year plans] / E. V. Voeikov // Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya [Historical-economic research]. – 2024. – Vol. 25, № 1. – P. 90–116.
8. Zykin, I. V. Sotsiokul'turnyy oblik rabotnikov lesopromyshlennogo kompleksa Sovetskogo Soyuz v kontse 1929 g. – pervoy polovine 1941 g. [Sociocultural appearance of workers in the forestry complex of the Soviet Union in late 1929 – first half of 1941] / I. V. Zykin. – Moscow: Novyy khronograf [New chronograph], 2022. – 432 p.
9. Lesnaya promishlennost' v 1920–30e gg. v SSSR. Rossiiskiy etnograficheskii muzei. Kollekcii on-line [Forestry industry in the 1920–1930s in the USSR. Russian Ethnographic Museum. Collections online]. – URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2541?index=33>
10. Istoricheskaya spravka. “Arcionernoe obschestvo otrytogo tipa (AOOT) “Velikoustyugskii lespromhoz” leso[promishlennoi holdingovoi kompanii “Ustyugles” za 1929–2007 godu pos. Poldarsa Velikoustyugskogo raiona Vologodskoi oblasti” Fond No. 93. Valikoustyugskii centralnii arhiv [Historical background. “Open joint-stock company “Veliky Ustyug forestry enterprise” of the timber industry holding company “Ustyugles” for 1929–2007 Poldarsa settlement, Veliky Ustyug area of the Vologda region”. Collection No. 93. Veliky Ustyug Central Archive]. – URL: <https://gosarchive.gov35.ru/archive6/funds/41407>
11. Veliky Ustyug Central Archive. F.P.–59. Op. 1. D. 2. L. 16, 17.
12. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 2. L. 18, 19.
13. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 2. L. 23.
14. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 2. L. 27–29.
15. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 2. L. 157.
16. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 2. L. 99.
17. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 2. L. 23, 27, 146.
18. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 13. L. 108.
19. Voeikov, E. V. Obshchestvennoye pitaniye na lesozagotovkakh Srednego Povolzh'ya v gody dovoyennykh pyatiletok» [Public catering in logging areas of the Middle Volga region during the pre-war five-year plans] / E. V. Voeikov // Historical-economic research. – 2024. – Vol. 25, № 1. – P. 93, 94.
20. Veliky Ustyug Central Archive. F.P.–47. Op. 1. D. 396. L. 78 ob.
21. Ibid. F.P.–47. Op. 1. D. 396. L. 79.
22. Voeikov, E. V. Zhilishchnaya problema na lesozagotovkakh natsional'nykh respublik Povolzh'ya v gody predvoyennoy industrializatsii» [Housing problem in logging areas of the national republics of the Volga region during the years of pre-war industrialization] / E. V. Voeikov // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bull. of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. – 2024. – Vol. 16, № 2. – 74 p.
23. Veliky Ustyug Central Archive. F.P.–47. Op. 1. D. 396. L. 79 ob.
24. Leshkevich, A. I. Lesozagotovki na Severe [Logging in the North] / A. I. Leshkevich. – URL: <https://litbit.ru/edition/leshkevich/lesozagotovki-na-severe>
25. Veliky Ustyug Central Archive. F.P.–47. Op. 1. D. 396. L. 78
26. Ibid. F.P.–418. Op. 1. D. 10. L. 11, 12.
27. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 20. L. 113, 114.
28. Ibid. F.P.–59. F. 59. Op. 1. D. 20. L. 113.
29. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 13. L. 207.
30. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 2. L. 89. L. 104; D. 13. L. 207.
31. Ibid. F.P.–148. Op. 1. D. 22. L. 23.
32. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 13. L. 142, 143, 108.
33. State Archives of the Vologda Region. (SAVR). F. 1855. Op. 1. D. 302. L. 44.
34. Veliky Ustyug Central Archive. F.P.–59. Op. 1. D. 23. L. 7.
35. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 8. L. 116–117.
36. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 16. L. 38; D. 20. L. 51.
37. Ibid. F.P.–147. Op. 1. D. 407. L. 77.
38. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 8. L. 121.
39. Ibid. F.P.–147. Op. 1. D. 407. L. 165.
40. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 8. L. 17.
41. Ibid. F.P.–59. Op. 1. D. 20. L. 166.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме НИР «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI–XX вв.». Регистрационный номер 1024072600006–8–6.1.1.

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the research topic «State policy for the development of the European North of Russia: current problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI–XX centuries». Registration No. 1024072600006–8–6.1.1.

Информация об авторе:

Игнатова Надежда Максимовна – ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, заведующий сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Author:

Nadezhda M. Ignatova – Cand. Sci. (History), leading researcher, Head of the Sector of Historical-Demographic and Historical-Geographical Research of the Russian North of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Для цитирования:

Игнатова, Н. М. «Неполный обхват лесорубческой массы»: жилищное строительство на лесозаготовках в Великоустюгском леспромхозе в начале 1930-х годов / Н. М. Игнатова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 57–68.

For citation:

Ignatova, N. M. «Incomplete coverage of the logging area»: housing construction at the logging sites in the Veliky Ustyug timber industry enterprise in the early 1930s / N. M. Ignatova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 57–68.

Дата поступления статьи: 11.09.2025

Прошла рецензирование: 22.10.2025

Принято решение о публикации: 31.10.2025

Received: 11.09.2025

Reviewed: 22.10.2025

Accepted: 31.10.2025

Медицинская деятельность Дзэнрин кёкай во Внутренней Монголии (1933–1947)

Бао Линсюн

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Белорусия
linsiun@yandex.by

Аннотация

В статье автор рассматривает медицинскую деятельность во Внутренней Монголии Ассоциации Дзэнрин кёкай – квазиофициальной организации, созданной японским военным министерством для продвижения своей экспансионистской политики во время Второй мировой войны. Автор полагает, что Ассоциация, с одной стороны, оказывала медицинскую помощь населению Внутренней Монголии, а с другой – имела тесные связи с японскими военными и Кwantунской армией, которые использовали Ассоциацию для продвижения своих стратегических целей во Внутренней Монголии. Хотя медицинская деятельность во Внутренней Монголии проходила под гуманитарным флагом «добрососедства и культурного подъема», по сути, она носила колониальный характер.

Дзэнрин кёкай – главный инструмент японской «дипломатии» во Внутренней Монголии (Китай).

Ключевые слова:

Япония, Маньчжоу-Го, колониальная медицинская помощь, Дзэнрин кёкай, больница Хоухэ

Введение

Дзэнрин кёкай – полуофициальная японская организация, служила важным инструментом «мягкой дипломатии» для продвижения континентальной политики страны во время Второй мировой войны. Она занимает важное место в изучении региональной истории Китая и Японии. Прежде чем приступить к изучению Ассоциации, важно понять цель ее создания и глубинные намерения. Она сыграла важную роль в планах Японии по кооптации монгольского народа во Внутренней Монголии (Китай) и в определенной степени изменила систему здравоохранения и статус-кво во Внутренней Монголии того времени. Сегодня траектория деятельности Дзэнрин кёкай во Внутренней Монголии в период 1933–1947 гг. мало исследована в отечественной и зарубежной историографии. На основе «Истории Дзэнрин кёкай: культурная деятельность во Внутренней Монголии», составленной Дзэнрин кёкай и архивами Японского музея иностранных дел, в данной статье проясняется траектория медицинской деятельности Дзэнрин кёкай во Внутренней Монголии на примере больницы Хоухэ.

Medical activities of Zenrin Kyokai in Inner Mongolia (1933–1947)

Bao Lingxiong

Belarusian State University,
Minsk, Belarus
linsiun@yandex.by

Abstract

The paper considers the medical activities of the Zenrin Kyokai Association in Inner Mongolia, a quasi-official organization established by the Japanese Ministry of War to promote its expansionist policies during World War II. The author believes that while the Association, on the one hand, provided medical care to the population of Inner Mongolia, and on the other hand, had close ties with the Japanese military and the Kwantung Army, which used the Association to promote their strategic goals in Inner Mongolia. Although medical activities in Inner Mongolia were carried out under the humanitarian banner of “good neighborliness and cultural upliftment,” in fact they were colonial in nature.

Zenrin Kyokai is the main instrument of Japanese “diplomacy” in Inner Mongolia (China).

Keywords:

Japan, Manchukuo, colonial medical care, Zenrin Kyokai, Houhe Hospital

В конце XX–начале XXI в. изучение Дзэнрин кёкай рассматривалось в историческом сообществе с разных точек зрения и под разными определениями. Китайский ученый Рен Ци-Бонни в своей книге «Дзэнрин кёкай и ее культурная агрессия во Внутренней Монголии» [1] отмечал, что Дзэнрин кёкай имела ярко выраженную агрессивную окраску, и что ее деятельность во Внутренней Монголии была культурной агрессией. Китайский историк Ли Широнг в статье «О Монголь-Дзэнрин кёкай» [2] дает обзор Дзэнрин кёкай в форме личных воспоминаний. Монгольская исследовательница Ирина в своей работе «Медицинская политика Японии в Монгольских территориях (Мэнцзян) и Хинган-Монголии на примере выездных медицинских обследований» [3] фокусирует свое внимание на анализе японской колониальной медицинской политики в регионе Мэнцзян (подконтрольные Японии в 1937–1945 гг. территории Чахара, Суйюаня и северной части Шаньси) и сравнивает ее с системой выездных медицинских обследований в марионеточном государстве Маньчжоу-го (современный восток Внутренней Монголии).

Японская историография демонстрирует существенный прогресс в исследовании деятельности Дзэнрин кёкай и ее роли в японской колониальной политике. Так, Иидзима Ватару (Iijima Wataru) в книге «Развитие концепции "гигиены" в современном Китае: политика здравоохранения Японии в Гуаньчжоу и Маньчжурии в начале XX века» [4] анализирует роль японской медико-санитарной политики в Квантунской области [5] и Маньчжурии (1905–1945) в формировании современных систем общественного здравоохранения Китая и ее значение как фактора колониального воздействия. Хадзима Наоки (Hazama Naoki) в шестой главе «Об Дзэнрин кёкай: на примере Окамото Кансукэ» своего труда «Историческое исследование раннего азиатизма» [6] раскрывает идеологические основы создания Дзэнрин кёкай, анализируя деятельность Окамото Кансукэ для определения ее места в идеологии японского азиатизма и практических целей организации.

В зарубежной историографии исследования Дзэнрин кёкай крайне немногочисленны. Однако историк Джеймс Бойд (James Boyd) в своей монографии «Вера, раса, стратегия: Японо-Монгольские отношения, 1873–1945» [7] предлагает уникальную интерпретацию целей создания Ассоциации. Он выдвигает гипотезу, что «лаборатория инфекционных заболеваний» больницы Хоухэ (1938–1945) предположительно поставляла данные экспериментов над людьми для Отряда 731 в Маньчжурии, однако признает, что цепь доказательств остается неполной.

Создание Дзэнрин кёкай

В июле 1924 г. японец Сасамэ Цунэо (Sasame Tsuneo) прибыл в Китай для обследования регионов Маньчжоу-Го, Даляня, Чанчуна и прилегающих степей Внутренней и Внешней Монголии. К концу 1925 г. в Иокогаме (Япония) Сасамэ основал предшественника Дзэнрин кёкай — школу Дайтэн дзикуку (戴天義塾), первый набор составил шесть монгольских юношей [8, с. 10]. В 1926 г. Сасамэ вновь посетил Хулунбуир и Фэнтянь (современный Шэньян), доставив в Японию вторую группу из семи монгольских студентов [9]. Согласно архивным данным, все учащиеся в обеих группах были детьми монгольской знати или чиновников. 26 марта 1927 г. школа «Дайтэн дзикуку» была переведена из Иокогамы в Токио с одновременным расширением масштабов деятельности.

С 1925 по 1930 г. в общей сложности 36 монгольских юношей приехали в Японию, чтобы получить образование за рубежом [10]. Очевидно, что Сасамэ был крайне заинтересован в монгольском образовании, и это еще больше проявилось в Дзэнрин кёкай несколько лет спустя. После Маньчжурского инцидента 1931 г. он закрыл школу, а некоторые студенты вернулись на родину и заняли определенные должности в Маньчжоу-Го, или монгольском режиме. В марте 1933 г. Сасамэ при поддержке видных японских деятелей — Хаяси Сэндзюро (Hayashi Senjūrō), Мацуи Иванэ (Matsui Iwane) и Ямамото Дзётаро (Johtaro Yamamoto) — основал в Токио «Нити-Мо: Кёкай» (日蒙協会), которая заменила школу Дайтэн дзикуку. В декабре того же года, чтобы способствовать развитию Ассоциации, ее название было официально изменено на Ассоциацию добрососедства, а в Синкюне (современный Чанчунь,

Китай) было создано отделение Монгольской ассоциации добрососедства для выполнения «внутримонгольской работы» на территории Маньчжоу-Го [8, с. 10–20]. С тех пор цели этой организации также изменились, и она стала заниматься выделением чисто монгольского района (к северу от гор Иньшань) в провинциях Чахар и Суйюань Китая, граничащих с Маньчжоу-Го, в качестве непосредственного района деятельности, и содействовать исследованиям в монгольском регионе [8, с. 10].

12 января 1934 г. Министерство внутренних дел официально утвердило ее в качестве корпоративного фонда, председателем совета директоров которого стал японец Иноуэ Акира (Inoue Akira), а президентом — Итидзё Санэ-така (Ichijō Sanetaka) [8, с. 253]. Ассоциация предложила повысить культурный уровень «соседних народов» с «гуманной точки зрения» и создала отделы по общим вопросам, исследованиям и монгольским студентам, сосредоточив свою деятельность в первую очередь на монголах, проживающих в провинциях Чахар и Суйюань, и осуществляя следующие мероприятия. Проводилась политика «образования, медицинского обслуживания и руководства животноводством».

За время своего существования Дзэнрин кёкай действовала в монгольских районах Японии и Китая более 10 лет, и ее деятельность номинально носила гуманитарный характер, но фактически существовала как «мягкий» инструмент японского военного экспансионизма, который должен был «смягчить» монголов азиатчиной для достижения антикоммунистических целей». На этой основе она была создана. Но несомненно, что Ассоциация принесла существенную помощь и изменения во Внутреннюю Монголию, где не хватало медицинской помощи и образования.

Предмедицинская деятельность

С 1934 г. Ассоциация проводила ряд гуманитарных мероприятий на территории Маньчжоу-Го в монгольских поселениях, контролируемых ханьцами. В первую очередь Ассоциация сосредоточила свою деятельность на монголах, проживающих в провинциях Чахар и Суйюань, и проводила политику «образования и лечения». Ее офис находился в Синкё (ныне Чанчунь), а возглавлял его Эдзакэ Икуро (Ezaki Ikurō). Историк Джеймс Бойд пишет, что перемещение японских гражданских лиц из Дзэнрин кёкай через границу между Маньчжоу-Го и Внутренней Монголией, находившейся в то время под контролем республиканского Китая, осуществлялось в гуманитарных целях. Правительство Китайской Республики, находившееся под контролем Республиканского Китая, было тем, против чего ханьские власти, как можно предположить, вряд ли стали бы сильно возражать [11].

После того, как Дзэнрин кёкай была признана в качестве фонда, во Внутреннюю Монголию были направлены две рабочие группы. Одна из них — «Абага», первая медицинская команда, возглавляемая Фудзинака Бенсукэ (Fujinaka Bensuke) и состоящая из восьми человек, включая врача, ассистента, ветеринара, двух клерков, переводчика и разнорабочего. Вторая — «Сисунит», вторая медицинская команда, возглавляемая Маэкава Танкити

(Maekaw Tankichi) и состоящая из 10 чел., включая врача, ассистента, ветеринара, двух клерков, переводчика и трех разнорабочих¹.

Обе команды отправились из Токио одновременно в апреле 1934 г. Подготовив припасы и проведя переговоры с Квантунской армией в Синкэ (Чанчунь), 20 июня прибыли в Долунор (современный уезд Долун), Внутренняя Монголия. На переговорах о вступлении в Западное Сунитское Знамя им помог войти в районы Внутренней Монголии Морисима Кадофуса, который находился в Чжанцзякоу и занимался секретной деятельностью. Разрешение на вступление в районы Внутренней Монголии дали глава Лиги Силинь-гол король Суо (Сотенаму Лабутан) и заместитель главы Лиги король Дэ (Демчук Дунгруппе). Медицинская команда также оказывала ветеринарную помощь лошадям полицейских сил Чжадуна [12] и, наконец, 24 июля успешно вошла в Знамя Сисунита для проведения медицинского тура.

Примечательно, что князь Дэ Ван, являвшийся ключевым лидером движения за автономию Монголии, несмотря на необходимость поддержания политического баланса – а именно, демонстрации лояльности правительству Китайской Республики через отсутствие прояпонской направленности движения и тесных связей с японцами, – тем не менее признавал необходимость современных медико-санитарных мероприятий Дзэнрин кёкай для местного кочевого населения и в итоге допустил деятельность ее медицинских бригад.

Согласно документальным свидетельствам, выездное медицинское обслуживание, осуществляемое двумя упомянутыми бригадами во Внутренней Монголии, продолжалось с июля по декабрь 1934 г. Эта деятельность носила не только продолжительный, но и экстенсивный географический характер. Согласно статистическим данным, в рамках медицинских мероприятий была оказана помощь 2222 пациентам [там же]. Основную нозологическую структуру терапевтических и хирургических случаев составляли заболевания пищеварительной системы, паразитарные инвазии, патологии дыхательных путей, невралгии, ревматические заболевания, туберкулез, травмы и сифилис. В офтальмологической практике преобладал трахоматоз; среди оториноларингологических патологий наиболее часто диагностировался отит; в дерматовенерологии отмечалась высокая распространенность венерических заболеваний (преимущественно сифилиса) [там же].

В октябре 1934 г. бригада Западного Сунита была передислоцирована для усиления бригады «Абага». В марте 1935 г. на ее базе была открыта Абагинская амбулатория, ставшая первым учреждением стационарного типа в системе здравоохранения Внутренней Монголии [13].

Таким образом, первостепенная цель данной гуманитарной деятельности Дзэнрин кёкай, по мнению автора,

заключалась в систематической демонстрации плачевного состояния местной системы здравоохранения посредством сбора информации о заболеваниях. Данная доказательная база служила ключевым инструментом обоснования последующего открытия институционализированных современных медицинских учреждений (амбулаторий и больниц) на территории Внутренней Монголии, в особенности в стратегически важных районах, находившихся под контролем князя Дэ Вана – ключевой фигуры региональной политики. Представленная медицинская статистика таким образом выполняла роль пропагандистского и идеологического прикрытия, закладывая основу для дальнейшего расширения японского влияния в регионе под предлогом развития здравоохранения.

В районах, где медицина была примитивной, а болезни свирепствовали, даже самая элементарная медицинская помощь могла значительно улучшить жизнь простых людей. То, что такую помощь оказывали японские организации, несомненно, повлияло на отношение князей, дворян и жителей Внутренней Монголии. Историк Арунтана так комментирует это: «Медицинская деятельность, включая образовательную, была очень плодотворной и успешной в решении проблем медицинского обслуживания в регионе» [14].

К 1936 г. передвижная клиника была расширена, и в Бандид Геген Зюм (Bandid Gegen Süm) в Западном Сунитском Знамени и районе Чахар были открыты стационарные клиники, где медицинская деятельность велась на систематической основе.

Больница Хоухэ

С началом японо-китайской войны, 14 октября 1937 г., г. Гуйсуй (ныне Хух-Хото, Автономный район, Внутренняя Монголия) перешел под контроль японских войск. В том же году правительство Автономной Монгольской Федерации переименовало его в «Хоухот». В дояпонский период в Гуйсуй функционировала «Католическая больница Гуйсуя» (归绥公教医院) [1], основанная в 1923 г. бельгийскими и голландскими католическими миссиями. Будучи многопрофильным учреждением, она располагала развитой материально-технической базой и высоким уровнем медицинских технологий. Помимо нее, в городе существовали частные лечебницы, такие как «Больница Сайбэйгуань» (塞北医院), «Больница Цинсяо» (清晓医院), «Больница Гунхэ» (共和医院), «Больница Тунжэнь» (同仁医院), «Больница Сехэ» (协和医院). Однако эти учреждения в большинстве своем представляли собой небольшие по масштабу частные клиники традиционной китайской медицины.

На момент оккупации данные клиники оказались не способны эффективно оказывать помощь в случаях военно-полевой хирургии, необходимой японской армии. Дополнительными факторами, ограничивавшими их использование, стали языковой барьер и крайне ограниченная пропускная способность. Вследствие этого они не могли удовлетворить медицинские потребности оккупационных сил. Таким образом возникла насущная необходимость в создании новой больницы, находящейся под полным японским контролем и функционирующей исключительно

¹ Чатонгская охранная армия (яп. さとうけいびぐん, пом. Sattō Keibigun) – марионеточная армия, созданная японской Квантунской армией в 1930–х гг. в Северном Китае, действовавшая в основном в восточной части Чахара (современная Внутренняя Монголия, Хэбэй). В 1937 гг. она была включена в состав «Монгольской армии» (вооруженные силы Монгольского правительства) под командованием Деоуна, а в 1945 г. распалась после поражения Японии.

в рамках западной (европейской) системы медицинского обслуживания.

В конце 1937 г. Ассоциация учредила «Больницу Дзэнрин кёкай» (善邻协会医院) [8, с. 413]. В августе того же года учреждение было переименовано в «Больницу Хоухэ» (厚和医院) и перебазировалось в двухэтажное здание бывшей гостиницы «Суйюань». На первом этаже по восточной и западной сторонам располагались кабинеты терапевтического, хирургического, акушерско-гинекологического и дерматовенерологического профилей. Также были оборудованы аптека, клиническая лаборатория и процедурный кабинет. На втором этаже был кабинет главного врача, административные офисы, палаты для пациентов и жилые помещения для врачей [8, с. 131–132]. Согласно воспоминаниям первого главного врача, Ёсифуку Итиро (Yoshifuku Ichiro, занимал пост в 1937–1939 гг.), штат больницы комплектовался из выпускников Японского медицинского университета, медсестер как местных, монгольских, так и японских и врачей, переведенных из Маньчжурского медицинского университета [15]. Ключевой характеристикой административной системы больницы являлась жесткая этническая сегрегация: весь управленческий персонал, включая администратора, секретаря, бухгалтера и даже повара, состоял исключительно из японских граждан. Китайские сотрудники привлекались только на подсобные работы.

Поскольку больница Ацува, переоборудованная из бывшего отеля «Суйюань», уже не справлялась с потоком пациентов, Дзэнрин кёкай за свой счет построила новую, более крупную больницу Хоухэ. Согласно статье о строительстве новой больницы, в декабре 1940 г. японское правительство инвестировало 1,3 млн иен в строительство общественной больницы Хоухэ в центре города [там же]. На первом этаже главного здания находились клиники дерматологии и антропологии, оториноларингологии, офтальмологии, хирургии, внутренних болезней, гинекологии, радиологии, а также аптека и регистратура. На втором этаже располагались первое стационарное отделение, второе стационарное отделение и кабинет декана, в котором находились только японские пациенты. Рядом с главным зданием больницы было расположено бунгало, где жили привратник и персонал. Рядом с ним находилась еще одна пристройка, это аудитория на 400 чел. и класс для учебного центра для врачей.

Оборудование и медицинские приборы больницы в основном импортировали из Японии и Германии. Операционная, кабинет осмотра, стерилизационная, изолятор и аптека были полностью оборудованы. Благодаря современному оборудованию, полному набору лекарств и отличной квалификации врачей в больнице Хоухэ число амбулаторных пациентов, ежедневно обращающихся в больницу, достигало 200 чел. За семь лет, предшествовавших поражению Японии, здесь сменились три директора. Вторым директором был доктор медицины, хирург Мори Кэничи (Mori Kenichi, 1939–1941), третьим – доктор медицины Мабути Ото (Mabuchi Otoh, 1941–1945).

Создавая в регионе медицинские учреждения такого масштаба, японские власти пытались устранить «недове-

рие населения к научной медицине». Этот план не ограничивался строительством больниц, но также включал в себя проект систематической идеологической трансформации медицины: одновременное создание «Курсов повышения квалификации для врачей монгольской и китайской медицины» и «Института подготовки медсестер» [там же]. В декабре 1940 г. журнал «Монголия» (『蒙古』), освещая завершение строительства Больницы Хоухэ, особо акцентировал внимание на функционировании при ней Курсов медицина лам (喇嘛医养成所) [16]. Учебное заведение Институт Кокурин (興亞院) (японская культурная организация военного времени в Китае) взял на себя инициативу по подготовке «стажеров монгольской медицины». Учебная программа: интеграция современных медицинских теорий и традиционных монгольских медицинских техник. Цель: приоритет отдается студентам, имеющим опыт работы в ламаистской медицине.

После поражения Японии в 1945 г. архивы больницы были сожжены, а весь японский персонал эвакуирован. Известная как «храм монгольской медицины», больница просуществовала всего 8 лет, после чего сошла со сцены истории. В 1946 г. больница была переименована в «Провинциальную больницу Суйюань», а в 1949 г. коммунистическое правительство переименовало ее в «Народную больницу провинции Суйюань». В 1954 г. с образованием автономного района Внутренняя Монголия больница была переименована в «Больницу автономного района Внутренняя Монголия».

В 1930–1940-х гг. режим Мэнцзяна, осуществляя политику расширения доступности медицинских услуг, одновременно трансформировал деятельность Дзэнрин кёкай, направив ее на пропаганду основ здравоохранения и подготовку медицинских кадров в качестве ключевых векторов развития системы здравоохранения. Данная стратегия обуславливалась осознанием руководством Ассоциации устойчивой тенденции среди монгольского населения к недоверию, сопротивлению и бойкоту амбулаторной медицинской помощи несмотря на установленный японский оккупационный контроль над западной частью Внутренней Монголии.

Помимо больницы Хоухэ за время своего существования Дзэнрин кёкай создала во Внутренней Монголии целый ряд крупных и мелких медицинских учреждений. Таблица составлена на основе исторических материалов, хранящихся в коллекции Японского музея дипломатической истории – Н-0745 [17], и «Хронологии Дзэнрин кёкай», «Истории Дзэнрин кёкай – культурная деятельность во Внутренней Монголии», составленной Японской монгольской ассоциацией [8, с. 209–321] (таблица).

В начале XX в. регион Внутренней Монголии переживал социальные потрясения. Дзэнрин кёкай, как квазиофициальная организация, представляющая японскую сторону, во-первых, популяризировала японскую культуру и современную японскую медицину и здравоохранение в оккупированных районах Внутренней Монголии, а во-вторых, способствовала расширению колониальной легитимации Японии в азиатском регионе. Дзэнрин кёкай, сотрудничая с японским правительством, военными и секретными

Медицинская деятельность Дзэнрин кёкай во Внутренней Монголии (1935–1939)

Таблица

Table

Medical activities of Zenrin Kuokai in Inner Mongolia (1935–1939)

Годы	Даты	Название	Деятельность
1935	03.05–31.08	Медицинская амбулатория при монастыре Бандид-Гэгэна (Bandiin Gegeen Süme)	Создание первого временного диспансера для проведения медицинского обследования состояния здоровья паствы
	01.05–30.09	Амбулатория Западного Суннита	Создание статических клиник, ориентированных на пастухов и военнослужащих монгольской армии
	26.10–30.09 следующего года	Передвижной медицинский отряд сомона Буллаг-Эри (Чахар)	Зимний стационар, экспериментальные двуязычные консультации на монгольском и китайском языках, обследования здоровья местного населения и скота
1936	21.03–31.03	Амбулатория Чахар	Весенняя туристическая клиника, расширяющаяся вокруг Белого флага
	01.04–30.04	Бандид-Гэгээнский передвижной медицинский отряд	Краткосрочные контрольные визиты для оценки результатов лечения за предыдущий год
	01.04–09.05	Курс передвижной клиники Знамя Сивучжумцин	Экстренное реагирование на вспышки инфекционных заболеваний после снежных бурь
1937	Август	Баотоуская амбулатория	Изначально занималась хирургией военных ран, а затем стала госпиталем.
	С октября и далее	Больница Хоухэ	Первый современный госпиталь, в котором первоочередное внимание уделялось японским раненым.
1938	Июль	Медицинская амбулатория при монастыре Байлинмяо	Создание опорных пунктов в религиозных центрах, чтобы заручиться поддержкой ламаистского сословия
	Сентябрь	Больница Баотоу	Модернизирована в больницу общего профиля с добавлением отделения бактериологических исследований
1939	второй месяц (лунного года)	Мусульманская амбулатория Баотоу	Медицина направлена против мусульманского сообщества
	Март	Мусульманская амбулатория Салацзи	Усиление контроля над северо-западным районом Хуэй
	Август	Клиника Хоухэ Хуэй Минь	Сотрудничество с политикой «мусульманской работы», проводимой японской армией

службами в области медицины, при содействии японской колониальной власти проводила обследования, диагностику, лечение и обучение с целью детального изучения ситуации в регионе Внутренней Монголии и успешного осуществления стратегии продвижения на юг континента и предотвращения коммунизма. Проведенные мероприятия сыграли определенную роль в развитии японского колониального здравоохранения в современную эпоху.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Жень, Ции. Культурная агрессия японского империализма во Внутренней Монголии (1931–1945): дис. ... канд. ист. наук / Ции Жень. – Хух-Хото, 2006. – 189 с. (на кит. яз.).
2. Ли, Шижун. О ситуации с Монгольской Дзэнрин кёкай / Шижун Ли // Историко-культурные материалы Внутренней Монголии. – 1989. – № 29. – С. 113–116 (на кит.яз.).
3. Ирина. Медицинская политика Японии в Мэнцзяне и Хинганской Монголии через призму выездных обследований: дис. ... канд. ист. наук / Ирина. – Осака, 2007. – 396 с. (на япон. яз.).

4. Иидзима, Ватару. Развитие «гигиены» в современном Китае – в центре внимания Маньчжурия в начале XX века / Ватару Иидзима // Исторические исследования. – 1997. – № 703. – С. 123–132 (на япон. яз.).
5. Квантонгская область (1898–1945) – южная часть полуострова Ляодун (нынешние районы Далянь и Люшун), площадью около 3500 км², полученная Японией по договору об аренде Ляодуня.
6. Наоки, Хама. Об Дзэнрин кёкай — на примере Окамото Кансу / Хама Наоки // Восточная Азия. – 2002. – № 415. – С. 68–77 (на япон. яз.).
7. James Boyd, Japanese-Mongolian relations, 1873–1945: faith, race and strategy. – Folkestone, Kent, Global Oriental, 2010. – 271 p.
8. Дзэнринкай. «Истории Дзэнрин кёкай: культурная деятельность во Внутренней Монголии» / Дзэнринкай. – Токио, 1981.
9. JACAR (Японский центр исторических документов Азии) Ref: B05015402900 <https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&ID=F2006092116311225799&ID=M2006092116311525869&REFCODE=B05015402900>
10. Ци, Цзяньминь. Дзэнрин кёкай и образование студентов из Внутренней Монголии в новое время / Токио, 2009. – С. 195–212 (на япон. яз.).
11. Ху, Хасычимэг. Исследование внедрения и адаптации медико-санитарных практик во Внутренней Монголии в новое время: на примере деятельности Конгрегации Святого Сердца Марии, Дзэнрин кёкай и Хинганского комитета: дис. ... канд. ист. наук / Хасычимэг Ху. – Университет Уцуми, 2002. – С. 74–75. (на япон.яз.).
12. JACAR (Японский центр исторических документов Азии) Ref: B05015957100. – URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&ID=F2006092116403936872&ID=M2006092116404036885&REFCODE=B05015957700>
13. Ажунтана. Исследование агрессивной деятельности Дзэнрин кёкай в регионе Шилин-Гол: дис. ... канд. ист. наук / Ажунтана. – Хух-Хото, 2022. – С. 27.
14. Лю, Чэнфа. Больница Хоухэ / Чэнфа Лю // Исторические материалы Хух-Хото. – 1986. – № 7. – С. 256. (на кит. яз.).

15. Больница Хоухэ близка к завершению: при ней также открыт институт подготовки лама-врачей // Журнал «Мэнцзян» (Монголия). – 1940. – С. 166.
 16. JACAR (Японский центр исторических документов Азии) Ref: B05015957700. – URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F2006092116403936872&ID=M2006092116404036885&REFCODE=B05015957700>
 17. JACAR (Японский центр исторических документов Азии) Ref: H-0745 https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&REFCODE=B05015957200&BID=F2006092116403936872&ID=&NO=1&TYPE=PDF&DL_TYPE=pdf
- ## References
1. Qi Yi, Ren. Kulturnaya agressiya yaponskogo imperializma v Vnutrennei Mongolii (1931-1945) [Cultural Aggression of Japanese Imperialism in Inner Mongolia (1931-1945)]: diss... Cand. Sci. (History) / Qi Yi Ren. – Hohhot: Inner Mongolia University, 2006. – 189 p. (in Chinese)
 2. Shirong Li. O situacii s Mongolskoi Zenrin Kyokai [On the Situation of the Mongolia Zenrin Kyokai] / Shirong Li // Inner Mongolia Historical and Cultural Materials. – 1989. – Vol. 29. – P. 113–116.
 3. Irina. Medicinskaya politika Yaponii v Mengjiang i Xing'an Mongolia cherez prizmu vyezdnih obsledovanii [Japan's Medical Policy in Mengjiang and Xing'an Mongolia Through Field Surveys]: diss... Cand. Sci. (History) / Irina. – Osaka: St. Andrew's University, 2007. – 396 p. (in Japanese).
 4. Iijima Wataru. Razvitie gigieny v sovremennoe Kitae – v centre vnimeniya Manchuria v nachale XX v. [The Development of 'Hygiene' in Modern China: Focusing on Manchuria in the Early 20th Century. Historical Research] / Iijima Wataru. – No. 703 (1997): 123–132. (in Japanese).
 5. The Kwantung Leased Territory (Japanese: 関東州; 1898–1945) was a Japanese colonial possession comprising the southern Liaodong Peninsula (modern Dalian/Lüshun), established through the 1898 Russo-Japanese treaty and later expanded via the Treaty of Portsmouth (1905).
 6. Hama Naoki. Ob Zenrin Kyokai – na primere Okamoto Kansuke [On the Zenrin Kyokai: A Case Study of Okamoto Kansuke. East Asia] / Hama Naoki. – 2002. № 415. – P. 68–77. (in Japanese)
 7. James Boyd. Japanese–Mongolian relations, 1873–1945: faith, race and strategy / James Boyd. – Folkestone, Kent, Global Oriental, 2010. – 271 p.
 8. Zenrinkai. Istoriya Zenrin Kyokai: kulturnaya deyatelnost' vo Vnutrennei Mongolii [History of the Zenrin Kyokai: Cultural Activities in Inner Mongolia]. Tokyo: Zenrinkai. – 1981. (in Japanese)
 9. JACAR. Yaponskii centr istoricheskikh dokumentov Azii (Japan Center for Asian Historical Documents). Ref: B05015402900 <https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F2006092116311225799&ID=M2006092116311525869&REFCODE=B05015402900>
 10. Jianmin Qi. Zenrin Kyokai i obrazovanie studentov iz Vnutrennei Mongoloo v novoe vremya [The Zenrin Kyokai and Modern Inner Mongolian Student Education] / Jianmin Qi. – Tokyo, 2009. – P. 195–212. (in Japanese)
 11. Haschimeg Hu. Issledovanie vnedreniya i adaptatsii medik-sanitarnykh praktik vo Vnutrennei Mongoloo v novoe vremya: na primere deyatelnosti Kongregatsii Svyatogo Serdca Marii, Zenrin Kyokai i Xing'anskogo Komiteta [A Study on the Introduction and Adaptation of Medical-Sanitary Practices in Modern Inner Mongolia: Focusing on the Activities of the Congregation of the Sacred Heart of Mary, Zenrin Kyokai, and the Xing'an Committee]: diss... Cand. Sci. History / Hu Haschimeg. Utsunomiya University. – 2002. – P. 74–75. (in Japanese)
 12. JACAR. Yaponskii centr istoricheskikh dokumentov Azii (Japan Center for Asian Historical Documents). – Ref: B05015957100 <https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F2006092116403936872&ID=M2006092116404036885&REFCODE=B05015957700>
 13. Arongtana. Issledovanie agressivnoi deyatelnosti Zenrin Kyokai v regione Shilingol [A Study of the Zenrin Kyokai's Aggressive Activities in the Shilingol Region]: diss... Cand. Sci. History / A. Arongtana. – Hohhot, 2022. – P. 27.
 14. Chengfa Liu. Bolnitsa Houhe [Houhe Hospital] / Liu Chengfa // Hohhot Historical Materials, № 7. – 1986. – P. 256. (in Chinese)
 15. Bolnitsa Houhe blizka k zaversheniyu: pri nei takzhe ot-kryt institut podgotovki lama-vrachei [Houhe Hospital Nears Completion: Lama-Physician Training Institute Also Established] // Mengjiang (Mongolia) J. – Tokyo, 1940. – P. 166.
 16. JACAR. Yaponskii centr istoricheskikh dokumentov Azii (Japan Center for Asian Historical Documents). – Ref: B05015957700 <https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&BID=F2006092116403936872&ID=M2006092116404036885&REFCODE=B05015957700>
 17. JACAR. Yaponskii centr istoricheskikh dokumentov Azii (Japan Center for Asian Historical Documents) Ref: H-0745 https://www.jacar.archives.go.jp/aj/meta/listPhoto?LANG=default&REFCODE=B05015957200&BID=F2006092116403936872&ID=&NO=1&TYPE=PDF&DL_TYPE=pdf

Информация об авторе:

Бао Линсюн (Китайская Народная Республика) – кандидат исторических наук, кафедра истории России Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: linsiun@yandex.by).

Author:

Bao Lingxiong (People's Republic of China) – Cand. Sci. (History), Department of Russian History of the Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: linsiun@yandex.by)

Для цитирования:

Бао, Линсюн. Медицинская деятельность Дзэнрин кёкай во Внутренней Монголии / Линсюн Бао // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 69–75.

For citation:

Bao, Lingxiong. Medical activities of Zenrin Kyokai in Inner Mongolia (1933–1947) / Lingxiong Bao // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2025. – No. 8 (84). – P. 69–75.

Дата поступления статьи: 21.07.2025

Прошла рецензирование: 25.07.2025

Принято решение о публикации: 01.08.2025

Received: 21.07.2025

Reviewed: 25.07.2025

Accepted: 01.08.2025

Заочное обучение в системе среднего специального образования на Европейском Севере России в 1950–1960-е годы

А. М. Мацук

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
almmatsuk@gmail.com

Аннотация

В статье освещен процесс развития заочной формы обучения в средних специальных учебных заведениях на Европейском Севере России в 1950–1960-е гг. Анализ указанного процесса проведен на основе данных региональных статистических сборников и отчетов учебных заведений системы среднего специального образования. Период исследования совпадает с проводимой в эти годы в СССР реформой образования, одной из ключевых линий которой стало развитие заочной формы обучения. За исследуемый период увеличилось не только количество учебных заведений, в которых действовала заочная форма обучения, но и значительно возросла численность учащихся-заочников, что положительно сказалось на росте общего числа учащихся изучаемой системы и, соответственно, на приросте подготавливаемых специалистов среднего звена.

Ключевые слова:

среднее специальное образование, Европейский Север России, техникумы, заочное обучение, 1950–1960-е гг.

Созданная в СССР в 1920–1930-е гг. система вечернего и заочного высшего и среднего специального образования показала свою эффективность в подготовке специалистов для экономики и социальной сферы страны. На территории Европейского Севера, как и во всей стране, с конца 1930-х гг. в средние специальные учебные заведения начали принимать учащихся, желающих обучаться без отрыва от производства. Так, в 1940/41 учебном году в техникумах Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Карельской и Коми АССР уже были учащиеся-заочники. Причем их число было довольно значительным: в Архангельской области учащиеся заочных отделений – 1439 чел. – составляли 16,45 % от общего числа учащихся техникумов и училищ области; в Вологодской области – 1,2 тыс. чел., или 12,4 %; в Карелии – 0,4 тыс., или 25 %; в Коми АССР – 0,4 тыс. чел., или 16 %. Из общего контекста выбивалась только Мурманская область, где число учащихся на заочных отделениях было незначительным – 45 чел., или 2,5 % от общего числа учащихся [1–5].

Correspondence education in the system of secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950–1960s

A. M. Matsuk

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
almmatsuk@gmail.com

Abstract

The paper covers the development of correspondence education in secondary specialized educational institutions in the European North of Russia in the 1950–1960s. The analysis of this process was carried out on the basis of data from regional statistical collections and reports from educational institutions of the secondary specialized education system. The research period coincides with the educational reform carried out in the USSR during these years, one of the key lines of which was the development of correspondence education. During the period under study, not only the number of educational institutions that offered correspondence courses increased, but also the number of correspondence students increased significantly, which had a positive effect on the growth of the total number of students in the system under study and, accordingly, on the increase in trained mid-level specialists.

Keywords:

secondary specialized education, European North of Russia, technical schools, correspondence education, 1950–1960s

В послевоенный период в средних специальных учебных заведениях ряда министерств были несколько расширены возможности заочного образования специалистов-практиков. Так, в конце 1940-х гг. в училищах Министерства просвещения РСФСР учителя и воспитатели-практики могли получить среднее специальное образование на заочных отделениях и в экстернатах школьных и дошкольных педагогических училищ. В 1951 г. «приказом Министерства высшего образования экстернат при педучилищах упразднен» и вместо него были созданы особые группы (классы) с 2-годичным сроком обучения для лиц со средним образованием, не имеющих специального педагогического образования (работники детских садов, детских домов, учителя без специального образования) на заочных отделениях педучилищ [6].

6 августа 1949 г. было выпущено Постановление Совета Министров СССР № 3361 «О мерах по улучшению заочного сельскохозяйственного образования», в котором, в частности, устанавливался план приема заочников для

конкретных техникумов указанного профиля. Выполняя данное Постановление, Министерство сельского хозяйства РСФСР создало в 1949/50 учебном году заочные отделения как минимум в шести техникумах: Армавирском зооветеринарном техникуме, Георгиевском техникуме механизации сельского хозяйства, Ленинградском, Красноуфимском, Тюменском и Пашковском сельскохозяйственных техникумах [7]. Примеры можно продолжить по другим министерствам и средним специальным учебным заведениям. Были открыты всесоюзные заочные техникумы связи, железнодорожного транспорта и другие, которые являлись базовыми для заочных отделений подобных техникумов в регионах.

В начале изучаемого периода заочная и вечерняя формы обучения в системе среднего специального образования поначалу существовали в пределах, близких к довоенному уровню. Однако ситуация с тем, что масса руководящих кадров в различных сферах народного хозяйства (руководители сельскохозяйственных предприятий – колхозов, совхозов; подсобных предприятий: заведующие фермами, гаражами, мастерскими, строительными подразделениями; руководители цехов, прорабы, мастера, технологи и др.) имела лишь среднее школьное образование, что тормозило процесс освоения новых технологий и механизмов и грамотное внедрение их в народное хозяйство, поставила в приоритет задачу повышения их образовательного уровня. Для одной группы управленцев-практиков – председателей колхозов – были созданы особые сельскохозяйственные двух и трехгодичные школы, что было, скорее, исключением из правил [8]. Весьма затруднительно было оторвать всю массу нуждавшихся в повышении образовательного уровня управленцев от производственной деятельности и наладить процесс их обучения. Однако Правительство СССР нашло выход в приоритетном развитии вечерней и заочной форм обучения в средних специальных учебных заведениях.

Вопрос развития заочной формы обучения в системе среднего специального образования на изучаемой территории частично затронут в ряде работ как по истории системы образования в целом и отдельных ее ветвей, в частности, так и в работах, посвященных истории отдельных республик и областей Европейского Севера России, изданиях энциклопедического формата (в статьях, посвященных конкретным учебным заведениям) и др. [9–17 и др.]. Тем не менее на текущий момент отсутствуют исследования, в которых был бы освещен процесс развития заочной формы обучения в системе среднего специального образования на всей территории Европейского Севера России, как в контексте проведения реформы образования в СССР, так и в предреформенные годы.

В статье о развитии вечернего обучения в 1950–1960-х гг. в системе среднего специального образования мы обозначили основные грани проведения в жизнь реформы народного образования в стране в целом и массового внедрения вечерней и заочной форм обучения в системе высшего и среднего специального образования, в частности, на примере Европейского Севера России [18]. Кратко повторим эти тезисы.

Постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС № 1863 от 30 августа 1954 г. «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием» было принято первое масштабное решение, приравнявшее по своему статусу вечернюю и заочную формы обучения к дневной форме. В структуру данного Постановления также были включены приложения: «Мероприятия по развитию и улучшению заочного и вечернего высшего и среднего специального образования» и «Об установлении дополнительных оплачиваемых отпусков студентам вечерних и заочных высших и средних специальных учебных заведений и о порядке оплаты некоторых категорий работников высших учебных заведений» [19].

В конце 1958 г. был принят Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», в котором не только подчеркивалось «особое значение» подготовки специалистов путем заочного и вечернего обучения, позволяющего повысить квалификацию и образовательный уровень без отрыва от производства, но также обозначались и конкретные шаги по развитию этих форм обучения [20]. Так, 25 статья Закона, декларируя расширение и улучшение заочного и вечернего образования как основной формы подготовки специалистов среднего звена, предписывала укреплять существующие заочные и вечерние техникумы и организовывать новые отделения данных форм обучения в прочих средних специальных учебных заведениях. Это решение можно подкрепить тем фактом, что, например, на Европейском Севере РСФСР далеко не во всех средних специальных учебных заведениях были заочные отделения. К примеру, в Архангельской области на начало 1956/57 учебного года из существовавших 31 учебного заведения лишь в четырех (Архангельское мореходное училище, Архангельский электротехникум связи, Архангельское педагогическое училище и Архангельский техникум советской торговли) были заочные отделения [21]. В техникумах Мурманской области в 1954/55 – 1956/57 учебных годах полностью отсутствовали учащиеся-заочники [3].

Помимо указанных моментов, Законом предписывались разработка и осуществление ряда мероприятий Советам Министров СССР и союзных республик для реализации его положений, в том числе по предоставлению дополнительных льгот для студентов, обучающихся без отрыва от производства, а также по укреплению материально-технической базы вечернего и заочного образования с использованием современных научно-технических средств. В 42 статье Закона был определен временной отрезок для его реализации — предполагалось осуществить перестройку высшего и среднего специального образования в течение 3–5 лет начиная с 1959/60 учебного года, с обязательным условием постоянного повышения ежегодной численности выпускаемых специалистов.

После прошедшего 27 января – 5 февраля 1959 г. внеочередного XXI съезда КПСС, объявившего, что «в 1959–1965 гг. намечается значительное <...> расширение вечернего и заочного высшего и среднего специального образования» [22], численность учащихся вечерних и за-

очных отделений средних специальных учебных заведений резко увеличилась, в том числе и на Европейском Севере России. Так, уже в 1960/61 учебном году в Архангельской области число учащихся на заочных и вечерних отделениях техникумов и училищ достигло 4292 чел., или 37,1 % от общего числа учащихся, в Вологодской области – 3100 чел., или 27,4 %, в Мурманской области – 1403 чел. только заочников, или 32,8 %, в Коми АССР – 1800 чел., или 33,3 % от общей численности учащихся [1; 2; 23; 24]. В Карельской АССР, по данным 1965/66 учебного года, число учащихся заочных и вечерних отделений составляло 5 тыс. чел., или 38,5 % от общего числа учащихся [25].

Этому способствовало и принятие 2 июля 1959 г., на основании решения съезда КПСС, Постановления Совета Министров СССР № 720 «О льготах для студентов вечерних и заочных вузов и учащихся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений», в котором уже с 1959/60 учебного года для данных категорий учащихся на период сдачи зачетов и экзаменов, выполнения лабораторных работ, а также подготовки и защиты дипломных проектов предполагалось предоставление дополнительных отпусков с сохранением заработной платы. Кроме того, Постановлением вводились дополнительные выходные дни для учащихся в период первых 10 учебных месяцев перед началом выполнения дипломного проекта или сдачи государственных экзаменов с сохранением 50 % от заработной платы [26].

Перейдем к рассмотрению положения с заочным обучением в средних специальных учебных заведениях областей и республик Европейского Севера России в обозначенный период.

В 1950/51 учебном году в Архангельской области насчитывалось 860 учащихся техникумов и училищ на заочной форме обучения, в Вологодской области – 1,1 тыс. чел. [27, 28]. В Мурманской области обучалось лишь 64 заочника, однако известно, что, например, в этом же 1950/51 учебном году в средних специальных учебных заведениях Карело-Финской ССР насчитывалось 0,4 тыс. заочников [3, 4]. В Коми АССР число учащихся заочной формы обучения равнялось также 0,4 тыс. чел. [29]. Всего на Европейском Севере РСФСР на заочной форме обучения получали образование около 2,8 тыс. учащихся средних специальных учебных заведений.

В 1953/54 учебном году на Европейском Севере РСФСР действовало 12 заочных отделений в средних специальных учебных заведениях. Приведем их перечень с числом учащихся-заочников в зависимости от ведомственной подчиненности:

По Министерству здравоохранения РСФСР: в школе медицинских сестер г. Вельска Архангельской области обучалось 154 чел.; в школе медицинских сестер г. Котласа Архангельской области – 129 чел.; в школе медицинских лаборантов г. Архангельска – 59 чел.; в фармацевтической школе г. Архангельска – 150 чел.; в техникуме физической культуры г. Архангельска – 240 чел.

По Министерству просвещения РСФСР: в школьном педагогическом училище г. Сольвычегодска Архангельской области обучалось 70 чел.; в школьном педагогическом

училище г. Вологда – 228 чел.; в школьном педагогическом училище г. Сыктывкара – 128 чел.; в дошкольном педагогическом училище г. Архангельска – 358 чел. (там действовали дошкольная и школьная группы подготовки); в дошкольном педагогическом училище г. Сокол Вологодской области – 196 чел.; в дошкольном педагогическом училище г. Сыктывкара – 134 чел.

По Министерству сельского хозяйства РСФСР: в Великоустюгском сельскохозяйственном техникуме Вологодской области обучалось 97 чел. [30].

Итак, в Архангельской области функционировало семь заочных отделений, в Вологодской области – три и в Коми АССР – два. Напомним, что в упомянутом списке отсутствуют данные по Карельской АССР, которая в указанном году являлась союзной Карело-Финской республикой и в нашем распоряжении отсутствуют данные о сети средних специальных учебных заведений на этой территории в 1953/54 учебном году. Всего в 1953/54 учебном году в указанных 12 заочных отделениях обучалось суммарно 1943 чел.

В последующие годы сеть заочных отделений в областях и республиках Европейского Севера РСФСР постепенно расширяется, хотя этот процесс не везде имел плавную динамику. Так, в Архангельской области после 1953/54 учебного года были открыты заочные отделения в Архангельском мореходном училище, Архангельском электротехникуме связи и Архангельском техникуме советской торговли. В то же время происходит временное сужение сети заочных отделений в Архангельской области во второй половине 1950-х гг. В 1956/57 учебном году лишь четыре средних специальных учебных заведения области имели заочные отделения: Архангельское мореходное училище (255 учащихся), Архангельский электротехникум связи (114), Архангельское педагогическое училище (247) и Архангельский техникум советской торговли (188 учащихся) [21]. Закрыты были заочные отделения средних специальных учебных заведений, подведомственных Министерству здравоохранения РСФСР (пять учебных заведений), в том числе и в результате ликвидации некоторых из них. Сократилось число заочников в педагогическом училище, а Сольвычегодское педагогическое училище было закрыто. Всего на заочных отделениях в Архангельской области в 1956/57 учебном году обучалось 804 чел. а в 1953/54 учебном году – 1160 чел.).

Схожая картина наблюдается и в Коми АССР. В 1954/55 учебном году было открыто заочное отделение в Сыктывкарском лесотехническом техникуме [31], в 1955/56 учебном году – в Ухтинском горно-нефтяном техникуме [32]. Однако в то же время заочное отделение Сыктывкарского дошкольного педагогического училища было переведено в подчинение Сыктывкарского школьного педагогического училища и объединено с уже действовавшим в нем собственным заочным отделением. В результате, в Коми АССР, несмотря на открытие двух вышеуказанных заочных отделений в Сыктывкарском лесотехническом и Ухтинском горно-нефтяном техникумах, в 1955/56 учебном году суммарно действовало только три таких отделения.

В Карело-Финской ССР – Карельской АССР (с 1956 г.) в средних специальных учебных заведениях на заочной форме обучалось: в 1954/55 учебном году – 0,7 тыс. чел.; в 1955/56 учебном году – 0,6; в 1956/57 учебном году – 0,5 тыс. чел. [33].

В конце 1950-х гг. расширение сети заочных отделений в средних специальных учебных заведениях на Европейском Севере РСФСР становится более заметным как в разрезе количества данных отделений, так и численности учащихся. Приведем показатели на начало 1958/59 учебного года.

В Архангельской области заочные отделения действовали в шести средних специальных учебных заведениях: Архангельском лесотехническом техникуме (496 учащихся), Архангельском мореходном училище (292), Архангельском техникуме связи (241), Вельском сельскохозяйственном техникуме (9), Архангельском педагогическом училище (199) и Архангельском техникуме советской торговли (357 учащихся) [34, л. 2–3]. Всего на заочных отделениях обучалось 1594 чел.

В Вологодской области заочные отделения действовали также в шести техникумах: Сокольском целлюлозно-бумажном (170 учащихся), Череповецком лесомеханическом (227), Вологодском техникуме железнодорожного транспорта (519), Вологодском кооперативном (286), Сокольском дошкольном педагогическом (104) и Великоустюгском библиотечном (148) техникумах [там же, л. 9–10]. Всего в этом году в Вологодской области на заочных отделениях обучалось 1454 чел. Необходимо отметить, что были закрыты функционировавшие в 1953/54 учебном году заочные отделения в Великоустюгском сельскохозяйственном техникуме и Вологодском школьном педагогическом училище.

В Мурманской области заочные отделения функционировали в двух средних специальных учебных заведениях: Мончегорском горно-металлургическом техникуме (180 учащихся) и Мурманском среднем мореходном училище (439) [35]. Всего в Мурманской области на заочных отделениях техникумов обучалось 619 чел.

В Карельской АССР заочные отделения действовали в шести техникумах и училищах: Петрозаводском лесотехническом техникуме (138 чел. учащихся), Сортавальском техникуме советской торговли (315), Петрозаводском медицинском училище (7), Петрозаводском школьном педагогическом училище (16), Петрозаводском дошкольном педагогическом училище (32) и Петрозаводском библиотечном техникуме (174 учащихся) [36, л. 10–13]. Суммарно в Карельской АССР в системе среднего специального образования на заочных отделениях обучалось 682 чел. Необходимо отметить, что в Петрозаводских медицинском, школьном педагогическом и дошкольном педагогическом училищах набор новых учащихся не производился и 1958/59 учебный год был годом финального выпуска оставшихся учащихся.

В Коми АССР заочные отделения работали в трех средних специальных учебных заведениях: Ухтинских горно-нефтяном (30 учащихся) и лесотехническом (114) техникумах и Сыктывкарском педагогическом училище

(117 учащихся) [там же, л. 14]. По неизвестной нам причине в официальном статистическом отчете Статистического управления РСФСР отсутствуют сведения о заочных отделениях двух техникумов: заочном отделении Печорского техникума железнодорожного транспорта, начавшем работать с 1958/59 учебного года (508 учащихся), и об отделении стажистов Печорского речного техникума, работавшем к тому времени уже третий год, с 1956/57 учебного года (в 1958/59 учебном году там обучалось 58 чел.) [37–39]. Всего, по официальному отчету Статистического управления РСФСР, в Коми АССР на заочных отделениях в 1958/59 учебном году обучался 261 чел., однако, если прибавить данные по Печорскому речному техникуму и Печорскому техникуму железнодорожного транспорта, то получается сумма, равная 827 учащимся.

Всего на Европейском Севере РСФСР в 1958/59 учебном году заочные отделения действовали в 25 средних специальных учебных заведениях, в которых обучалось (с учетом приведенных нами данных о двух техникумах Коми АССР – железнодорожном и речном) 6176 учащихся.

В 1959/60 учебном году в Архангельской области действовали заочные отделения в 12 средних специальных учебных заведениях: Архангельском лесотехническом (401 учащийся), Архангельском лесопильно-деревообрабатывающем (91), Архангельском строительном (30), Северодвинском судостроительном (163) техникумах, Архангельском электротехникуме связи (281), Архангельском мореходном училище (353), Котласском речном (62), Вельском сельскохозяйственном (73), Архангельском кооперативном (147) техникумах, Архангельском техникуме советской торговли (468), Архангельском педагогическом училище (369), Архангельской культурно-просветительной школе (50 чел.) [40, л. 8, 9, 83, 86, 87, 90, 96, 120, 130, 131, 153, 167].

В Вологодской области заочные отделения были в девяти техникумах и училищах: Сокольском целлюлозно-бумажном (214 чел.), Вологодском строительном (60), Тотемском лесотехническом (42), Череповецком лесомеханическом (275) техникумах, Вологодском техникуме железнодорожного транспорта (527), Великоустюгском автодорожном (31), Великоустюгском сельскохозяйственном (125), Вологодском кооперативном (281) техникумах и Сокольском дошкольном педагогическом училище (143 учащихся) [там же, л. 10, 11, 72, 73, 88, 97, 121, 153].

В Мурманской области заочные отделения функционировали в двух учебных заведениях: Мончегорском горно-металлургическом техникуме (306 учащихся) и Мурманском среднем мореходном училище (707 учащихся) [там же, л. 37].

В Карельской АССР заочные отделения действовали в пяти средних специальных учебных заведениях: Петрозаводском лесотехническом (205 учащихся), Сортавальском сельскохозяйственном (174) техникумах, Сортавальском техникуме советской торговли (304), Петрозаводском дошкольном педагогическом училище (109) и Петрозаводской культурно-просветительной школе (162 учащихся) [там же, л. 53, 116, 136, 164, 172].

В Коми АССР заочные отделения работали в четырех средних специальных учебных заведениях: Ухтинском горно-нефтяном (40 учащихся), Ухтинском лесотехническом (207) техникумах, Печорском техникуме железнодорожного транспорта (521) и Сыктывкарском педагогическом училище (107 учащихся) [там же, л. 53, 80, 81, 164].

Таким образом, всего в начале 1959/60 учебного года в областях и республиках европейского севера РСФСР заочные отделения были в 32 средних специальных учебных заведениях. На этих отделениях обучалось: в Архангельской области – 2488 чел.; в Вологодской области – 1698; в Мурманской области – 1013; в Карельской АССР – 954; в Коми АССР – 875; всего по европейскому северу России – 7028 чел.

Итак, динамика заочного обучения в средних специальных учебных заведениях в 1950-х гг. не была однозначной. Если в начале 1950-х гг. практиковалось заочное обучение в средних специальных учебных заведениях Министерства здравоохранения РСФСР и Министерства просвещения РСФСР, то во второй половине 1950-х гг. заочные отделения стали открываться в техникумах, готовивших специалистов для сфер промышленности, строительства и транспорта. Также большое внимание стало уделяться подготовке через систему заочного обучения специалистов для сферы торговли. В то же время заочные отделения, действовавшие в начале 1950-х гг. в ряде училищ, ко второй половине 1950-х гг. были закрыты. В целом, за вторую половину 1950-х гг. произошел существенный рост числа как заочных отделений, так и учащихся в них.

Рассмотрим положение с заочным обучением в системе среднего специального образования на Европейском Севере России в следующем десятилетии.

В Архангельской области в средних специальных учебных заведениях обучалось заочников: в 1960/61 учебном году – 2,9 тыс. чел.; в 1961/62 – 3,8 [41]; в 1962/63 – 4,3 [42, л. 33], в 1963/64 – 4,7 [43, л. 26]; в 1965/66 – 6,1 [44]; в 1966/67 учебном году – 5,8 тыс. чел. [45].

В Вологодской области в 1961/62 учебном году на заочных отделениях изучаемых учебных заведений обучалось 3425 чел. [46, л. 42], в 1962/63 – 4363 [42, л. 60], в 1963/64 учебном году – уже 5683 чел. [43, л. 44].

В Мурманской области в 1960/61 учебном году в средних специальных учебных заведениях обучалось на заочных отделениях 1403 чел. [23], в 1961/62 учебном году – 1761 чел. [46, л. 106], в 1962/63 – 2232 [42, л. 156], в 1963/64 – 2380 [43, л. 107], в 1965/66 – 3093, в 1966/67 учебном году – 3255 чел. [47].

В Карельской АССР в техникумах и училищах на заочных отделениях обучалось: в 1962/63 учебном году – 2,6 тыс. чел. [48], в 1963/64 – 2,9 [49], в 1965/66 – 3,9, в 1966/67 учебном году – 4,1 тыс. чел. [50].

В Коми АССР в 1960/61 учебном году на заочных отделениях средних специальных учебных заведений обучалось 1089 чел. [51, л. 31], в 1961/62 – 1564 [52, л. 40], в 1962/63 – 1948 [53, л. 59], в 1963/64 – 2316 [54, л. 43], в 1964/65 – 3114 [55, л. 41], в 1965/66 – 3736 [56, л. 39], в 1966/67 – 4370 [57], в 1967/68 – 4956 [58], в 1968/69 – 4886 [59], в 1969/70 учебном году – 5037 чел. [60].

Численность учащихся заочных отделений изучаемых учебных заведений к максимально приведенным показателям середины 1960-х гг. по сравнению с 1959/60 учебным годом в Архангельской области увеличилась в 2,5 раза, в Мурманской области – в три, в Карельской АССР – в четыре, в Коми АССР – более чем в четыре раза. В Вологодской области уже в 1963/64 учебном году численность заочников возросла по сравнению с 1959/60 учебным годом более чем в три раза.

Приведенные цифры указывают на стремительный рост в 1960-х гг. численности заочников, получающих среднее специальное образование в учебных заведениях европейского севера РСФСР. Данные по Коми АССР показывают, что этот процесс продолжался до конца 1960-х гг. Он происходил не только за счет увеличения набора на заочные отделения, но и за счет открытия таких отделений в других средних специальных учебных заведениях областей и республик изучаемой территории. Проиллюстрируем высказанный тезис на примере Коми АССР.

Так, в 1960/61 учебном году в республике, как и ранее, заочные отделения действовали в четырех средних специальных учебных заведениях: Печорском техникуме железнодорожного транспорта, Сыктывкарском педагогическом училище, Ухтинских горно-нефтяном и лесотехническом техникумах [51, л. 32–35]. В 1961/62 учебном году заочные отделения действовали уже в шести техникумах и училищах республики (открыты в Сыктывкарских кооперативном и сельскохозяйственном техникумах) [52, л. 41–43, 45–48]. В 1962/63 учебном году общее количество заочных отделений оставалось прежним, однако заочное отделение Сыктывкарского педагогического училища было переведено во вновь открытое Сыктывкарское дошкольное педучилище [53, л. 60]. В 1963/64 учебном году заочные отделения работали в девяти средних специальных учебных заведениях Коми АССР (открыты в Коми республиканском культурно-просветительном и Сыктывкарском школьном педагогическом училищах, Сыктывкарском техникуме советской торговли [54, л. 44–52]. В 1964/65 учебном году изучаемые отделения функционировали в 10 учебных заведениях (открыто в Печорском речном училище) [55, л. 42–52]. В 1965/66 учебном году заочные отделения работали в 11 средних специальных учебных заведениях республики (открыто в Сыктывкарском музыкальном училище) [56, л. 50]. Это количество действовавших заочных отделений сохранялось до конца изучаемого периода.

Несмотря на то, что развитие заочного обучения являлось одной из приоритетных задач проводимой в стране реформы образования, в разных средних специальных учебных заведениях одной области (республики) РСФСР численность учащихся-заочников и их доля в общем числе учащихся были далеко не одинаковы. Это касается также и соотношения с числом учащихся дневной формы обучения. Так, в Коми АССР в начале 1960/61 учебного года: в Печорском техникуме железнодорожного транспорта на дневном отделении обучалось 349 чел., на вечернем – 0, на заочном отделении – 542 чел. [51, л. 82, 98]. Всего – 891 чел. Доля заочников к общей численности учащихся-

ся составила 60,8 %, к числу учащихся дневной формы обучения – 155,3 %.

В Ухтинском горно-нефтяном техникуме на дневном отделении обучалось 463 чел., на вечернем – 230, на заочном – 45 [там же, л. 80, 93, 95]. Всего – 738 чел. Доля заочников к общей численности учащихся – 6,1 %, к числу учащихся дневной формы обучения – 9,7 %.

В Ухтинском лесотехническом техникуме на дневном отделении обучалось 414 чел., на вечернем – 0, на заочном – 360 чел. [там же, л. 81, 96]. Всего – 774 чел. Доля заочников к общей численности учащихся – 46,5 %, к числу учащихся дневной формы обучения – 86,9 %.

В Сыктывкарском педагогическом училище на дневном отделении обучалось 544 чел., на вечернем – 0, на заочном – 142 чел. [там же, л. 88, 99]. Всего – 686 чел. Доля заочников к общей численности учащихся – 20,7 %, к числу учащихся дневной формы обучения – 26,1 %.

В других средних специальных учебных заведениях республики заочных отделений в указанном году не было. То есть доля заочников в них равнялась 0. В итоге из общей численности заочников в 1089 чел. в 1960/61 учебном году в Печорском техникуме железнодорожного транспорта насчитывалось 542 заочника (49,8 %), в Сыктывкарском педагогическом училище – 142 чел. (13 %), в Ухтинском горно-нефтяном техникуме – 45 (4,1 %), в Ухтинском лесотехническом техникуме – 360 заочников (33,1 %).

В целом по Европейскому Северу России в исследуемый период динамика численности учащихся заочных отделений средних специальных учебных заведений была положительной, хотя ее вектор, особенно в середине – второй половине 1950-х гг., не был однозначным. Тем не менее задачи по повышению образовательного уровня многочисленной группы специалистов-практиков, занятых на производстве и в управлении различных сфер народного хозяйства, поставленных Правительством страны в ряд приоритетных, решались. Этот процесс сказался и на увеличении общей численности учащихся средних специальных учебных заведений, положительная динамика которой прослеживается в изучаемый период. Так, если в 1950-е гг. на исследуемой территории вектор изменения общей численности учащихся менялся от положительного – до середины десятилетия (в 1950 г. – 30,4 тыс. чел. учащихся изучаемой системы на Европейском Севере РСФСР, в 1955 г. – 39,8 тыс. чел.), к отрицательному – во второй половине 1950-х гг. (в 1959 г. – 36,1 тыс. чел.), то в 1960-е гг. отмечен стабильный рост данного показателя (в 1960 г. – 39 тыс. чел., в 1965 г. – 76,9, в 1969 г. – 88,4 тыс. чел.) [подсчитано по: 61–65].

Таким образом, за исследуемый период на изучаемой территории явно прослеживается процесс реализации государственной политики развития народного хозяйства страны, одним из аспектов которой было повышение уровня образования специалистов-практиков без отрыва от производства. Данная задача решалась посредством претворения в жизнь одной из ключевых линий реформы образования — развития заочной формы обучения, в том числе в системе среднего специального образования. Реализация поставленных Правительством страны задач

позволила увеличить как количество учебных заведений, в которых работали заочные отделения, так и значительно нарастить численность учащихся-заочников, что благоприятно сказалось на динамике роста массы специалистов среднего звена, занятых в различных сферах народного хозяйства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Архангельской области 60 лет. Краткий статистический справочник. – Архангельск, 1997. – С. 31, 32.
2. Народное хозяйство Вологодской области в восьмой пятилетке. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1971. – С. 170.
3. Народное хозяйство Мурманской области: статистический сборник. – Мурманск, 1957. – С. 84.
4. Народное хозяйство Карельской АССР: статистический сборник. – Петрозаводск: «Карелия», 1985. – С. 89.
5. Коми АССР 60 лет: статистический сборник. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1981. – С. 95.
6. Национальный архив Республики Коми (далее – ГУРК НАРК). Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4251. Л. 67, 71.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А310. Оп. 1. Д. 539. Л. 41.
8. Мацук, А. М. Реализация государственной программы подготовки председателей колхозов в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы (на примере Коми АССР) / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2025. – № 2 (78). – С. 92–98. – DOI 10.19110/1994-5655-2025-2-92-98.
9. Безносиков, Я. Н. Развитие народного образования в Коми АССР / Я. Н. Безносиков. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1973. – 176 с.
10. Золотарёв, О. В. Народное образование в Республике Коми (1941–2009 годы) / О. В. Золотарёв. – Сыктывкар: КГПИ, 2009. – 133 с.
11. Мацук, А. М. Среднее специальное образование на Европейском Севере России в 1950–1980-е годы: историография и источники / А. М. Мацук; отв. ред. д.и.н., проф. А. А. Попов. – Сыктывкар: ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 172 с.
12. Котов, П. П. Дошкольные учреждения в Коми в начале XX века – середине 1940-х годов / П. П. Котов, Т. А. Мартыничук; отв. ред. д.и.н. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. – 312 с. – DOI 10.19110/978-5-89606-668-2.
13. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева [и др.]. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – С. 743.
14. Очерки истории Карелии / редкол.: В. И. Машезерский (отв. ред.) [и др.]. – Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1964. – Т. 2. – С. 472.
15. История Сыктывкара / гл. ред. И. Б. Берхин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1980. – С. 257.

16. Республика Коми: энциклопедия / гл. ред. М. П. Рощевский. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. – Т. 3. – С. 121, 232.
17. Вологодская энциклопедия / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, Издательство «Русь», 2006. – С. 443.
18. Мацук, А. М. Развитие вечернего обучения в системе среднего специального образования на Европейском Севере России в 1950–1960-е гг. / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2024. – № 6 (72) – С. 72–80. – DOI 10.19110/1994-5655-2024-6-72-80.
19. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост.: В. Н. Малин и А. В. Коробов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – Т. 4. – С. 295–308, 308–309, 310.
20. Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. – М.: Известия, 1958. – 31 с.
21. Народное хозяйство Архангельской области: статистический сборник. – Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1957. – С. 131–132.
22. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. изд. 9, доп. и испр. – М.: Издательство политической литературы, 1986. – Т. 9. – С. 394.
23. Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. – Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1967. – С. 89.
24. Коми АССР за 50 лет: статистический сборник. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1971. – С. 149.
25. Народное хозяйство Карельской АССР: статистический сборник к 50-летию образования СССР. – Петрозаводск: Карельское отделение В/О «Союзучетиздат», 1972. – С. 119.
26. Собрание постановлений правительства СССР за 1959 г. № 1–20 / Упр. делами Совета Министров СССР. – М.: Госюриздат, б. г. – № 14, – С. 367–369.
27. Архангельской области 65 лет: статистический сборник. – Архангельск, 2002. – С. 36.
28. Народное хозяйство Вологодской области: статистический сборник. – Вологда: Государственное статистическое издательство, 1960. – С. 117.
29. Народное хозяйство Коми АССР: статистический сборник. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1957. – С. 142.
30. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 30. Д. 3292. Л. 3, 6, 8, 9 об., 35, 35 об., 39, 40, 40 об., 46.
31. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 4268. Л. 14.
32. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5193. Л. 22.
33. Народное хозяйство Карельской АССР. Статистический сборник. – Петрозаводск, 1957. – С. 117.
34. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 1762.
35. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 1764. Л. 1.
36. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 1760.
37. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5206. Л. 18, 71.
38. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5194. Л. 63.
39. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5197. Л. 73.
40. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 31. Д. 4800.
41. Народное хозяйство Архангельской области: статистический сборник. – Вологда: Госстатиздат, 1962. – С. 138.
42. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 32а. Д. 6873.
43. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 32а. Д. 11052.
44. Народное хозяйство Архангельской области в цифрах: статистический сборник. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1972. – С. 185.
45. Архангельская область в цифрах: статистический сборник. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1967. – С. 78.
46. ГАРФ. Ф. А374. Оп. 32а. Д. 2772.
47. Народное хозяйство Мурманской области за 60 лет со дня образования СССР: статистический сборник. – Мурманск, 1982. – С. 119.
48. ГАРФ. Ф. А374 Оп. 32а. Д. 6874. Л. 117.
49. ГАРФ. Ф. А374 Оп. 32а. Д. 11051. Л. 73.
50. Карельская АССР за 50 лет: статистический сборник. – Петрозаводск: Карельское отделение издательства «Статистика», 1967. – С. 126.
51. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5916.
52. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5927.
53. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 5938.
54. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 6927.
55. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 6955.
56. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 6976.
57. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 8418. Л. 17.
58. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 8424. Л. 32.
59. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 8429. Л. 30.
60. ГУРК НАРК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 8435. Л. 18.
61. Народное хозяйство РСФСР: статистический сборник. – М.: Государственное статистическое издательство, 1957. – С. 326.
62. Народное хозяйство РСФСР в 1959 году: статистический ежегодник. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. – С. 523.
63. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: статистический ежегодник. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. – С. 496.
64. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: статистический ежегодник. – М.: ЦСУ РСФСР, 1966. – С. 471.
65. Народное хозяйство РСФСР в 1969 году: статистический ежегодник. – М.: Издательство «Статистика», 1970. – С. 409.

References

1. Arkhangel'skoi oblasti 60 let. Kratkii statisticheskii spravochnik [Arkhangelsk Region is 60. Brief statistical reference book]. – Arkhangelsk, 1997. – P. 31, 32.
2. Narodnoe khoziaistvo Vologodskoi oblasti v vos'moi piatiletke [National economy of the Vologda region in the 8-th five-year plan]. – Vologda: North-Western Book Publ. House, 1971. – P. 170.
3. Narodnoe khoziaistvo Murmanskoi oblasti: Statisticheskii sbornik [National economy of the Murmansk region: Statistical collection]. – Murmansk, 1957. – P. 84.

4. Narodnoe khoziaistvo Karel'skoi ASSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the Karelian ASSR. Statistical collection]. – Petrozavodsk: "Karelia" Publ., 1985. – P. 89.
5. Komi ASSR 60 let. Statisticheskii sbornik [Komi ASSR 60 years. Statistical collection]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1981. – P. 95.
6. GURK «Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi» [National Archive of the Komi Republic (hereinafter GURK NARK)]. F. P-140. Op. 2. D. 4251. L. 67, 71.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation (hereinafter GARF)]. F. A310. Op. 1. D. 539. L. 41.
8. Matsuk, A. M. Realizatsiia gosudarstvennoi programmy podgotovki predsedatelei kolkhozov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i pervye poslevoennye gody (na primere Komi ASSR) [Implementation of the state program for training collective farm chairmen during the Great Patriotic War and the first post-war years (case study of the Komi ASSR)] / A. M. Matsuk // Izvestiia Komi nauchnogo tsentra UrO RAN. Serii «Istoriia i filologii» [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «History and Philology»]. – 2025. – No 2 (78). – P. 92–98. – DOI 10.19110/1994-5655-2025-2-92-98.
9. Beznosikov, Ya. N. Razvitie narodnogo obrazovaniia v Komi ASSR [Development of public education in the Komi ASSR] / Ya. N. Beznosikov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1973. – 176 p.
10. Zolotaryov, O. V. Narodnoe obrazovanie v Respublike Komi (1941–2009 gody) [Public education in the Komi Republic (1941–2009)] / O. V. Zolotaryov – Syktyvkar: Komi State Pedagog. Inst., 2009. – 133 p.
11. Matsuk, A. M. Srednee spetsial'noe obrazovanie na Evropeiskom Severe Rossii v 1950–1980-e gody: istoriografiia i istochniki [Secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950s–1980s: historiography and sources] / A. M. Matsuk; Ed. Dr. Sci. (History), Prof. A. A. Popov. – Syktyvkar: Inst. of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – 172 p.
12. Kotov, P. P. Doshkol'nye uchrezhdeniia v Komi v nachale XX veka – seredine 1940-kh godov [Preschool institutions in Komi at the beginning of the XX century – mid-1940s] / P. P. Kotov, T. A. Martynchuk; Ed. Dr. Sci. (History) I. L. Zharebtsov. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2025. – 312 p. – DOI 10.19110/978-5-89606-668-2.
13. Istoriia Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Karelia from ancient times to the present day]. – Petrozavodsk: Periodika Publ., 2001. – P. 743.
14. Ocherki istorii Karelii [Essays on the history of Karelia]. – Petrozavodsk: Karelian Book Publ. House, 1964. – Vol. 2. – P. 472.
15. Istoriia Syktyvkara [History of Syktyvkar]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1980. – P. 257.
16. Respublika Komi: Entsiklopediia [Komi Republic: Encyclopedia] / Ed. M. P. Roshchevsky. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 2000. – Vol. 3. – P. 121, 232.
17. Vologodskaiia entsiklopediia [Vologda Encyclopedia] / Ed. G. V. Sudakov. – Vologda: Vologda State Pedagog. Univ., "Rus" Publ., 2006. – P. 443.
18. Matsuk, A. M. Razvitie vechernego obucheniia v sisteme srednego spetsial'nogo obrazovaniia na Evropeiskom Severe Rossii v 1950–1960-e gg. [Development of evening education in the system of secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950–1960s] / A. M. Matsuk // Izvestiia Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. Serii «Istoriia i filologii» [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology»]. – 2024. – No 6 (72) – P. 72–80. – DOI 10.19110/1994-5655-2024-6-72-80.
19. Direktivy KPSS i Sovetskogo Pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam. Sbornik dokumentov [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues. Collection of documents]. – Moscow: State Publ. House of Political Literature, 1958. – Vol. 4. – P. 295–308, 308–309, 310.
20. Zakon SSSR ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn'iu i odal'neishem razvitii sistemy narodnogo obrazovaniia v SSSR ot 24.12.1958 g. [The Law on strengthening the connection of school with life and on the further development of the public education system in the USSR]. – Moscow: Izvestiia Publ., 1958. – 31 p.
21. Narodnoe khoziaistvo Arkhangel'skoi oblasti. Statisticheskii sbornik [National economy of the Arkhangel'sk region. Statistical collection]. – Arkhangel'sk: Arkhangel'sk Book Publ. House, 1957. – P. 131–132.
22. Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuzu v rezoliutsiiakh i resheniiakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 9, edition 9, revised and updated. – Moscow: Publ. House of Political Literature, 1986. – P. 394.
23. Narodnoe khoziaistvo Murmanskoi oblasti za 50 let Sovetskoi vlasti [National economy of the Murmansk region during 50 years of Soviet power]. – Murmansk: Murmansk Book Publ. House, 1967. – P. 89.
24. Komi ASSR za 50 let. Statisticheskii sbornik [Komi ASSR for 50 years. Statistical collection]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1971. – P. 149.
25. Narodnoe khoziaistvo Karel'skoi ASSR. Statisticheskii sbornik k 50-letiiu obrazovaniia SSSR [National economy of the Karelian ASSR. Statistical collection for the 50th anniversary of the formation of the USSR]. – Petrozavodsk: Karel'skoe otdelenie V/O «Soyuzuchetizdat» [Karelian Branch of the All-Russian Society of Publishers "Soyuzuchetizdat"], 1972. – P. 119.
26. Sbranie postanovlenii pravitel'stva SSSR za 1959 g. № 1–20 [Collection of resolutions of the USSR government for 1959 No. 1–20] / Administration of the Council of Ministers of the USSR. – Moscow: Gosyurizdat [State Legal

- Publ. House]. – No. 14. – P. 367–369.
27. Arkhangel'skoi oblasti 65 let: Statisticheskii sbornik [Arkhangel'sk region is 65: Statistical collection]. – Arkhangel'sk, 2002. – P. 36.
 28. Narodnoe khoziaistvo Vologodskoi oblasti: Statisticheskii sbornik [National economy of the Vologda region: Statistical collection]. – Vologda : Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo [State Stat. Publ. House], 1960. – P. 117.
 29. Narodnoe khoziaistvo Komi ASSR: Statisticheskii sbornik [National Economy of the Komi ASSR: Statistical collection]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1957. – P. 142.
 30. GARF. F. A374. Op. 30. D. 3292. L. 3, 6, 8, 9 ob., 35, 35 ob., 39, 40, 40 ob., 46.
 31. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 4268. L. 14.
 32. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5193. L. 22.
 33. Narodnoe khoziaistvo Karel'skoi ASSR. Statisticheskii sbornik [National Economy of the Karelian ASSR. Statistical collection]. – Petrozavodsk, 1957. – P. 117.
 34. GARF. F. A374. Op. 31. D. 1762.
 35. Ibid. F. A374. Op. 31. D. 1764. L. 1.
 36. Ibid. F. A374. Op. 31. D. 1760.
 37. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5206. L. 18, 71.
 38. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5194. L. 63.
 39. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5197. L. 73.
 40. GARF. F. A374. Op. 31. D. 4800.
 41. Narodnoe khoziaistvo Arkhangel'skoi oblasti. Statisticheskii sbornik [National economy of the Arkhangel'sk region. Statistical collection]. – Vologda: Gosstatizdat [State Stat. Publ. House], 1962. – P. 138.
 42. GARF. F. A374. Op. 32a. D. 6873.
 43. Ibid. F. A374. Op. 32a. D. 11052.
 44. Narodnoe khoziaistvo Arkhangel'skoi oblasti v tsifrakh. Statisticheskii sbornik [National economy of the Arkhangel'sk region in figures. Statistical collection]. – Arkhangel'sk: North-Western Book Publ. House, 1972. – P. 185.
 45. Arkhangel'skaia oblast' v tsifrakh. Statisticheskii sbornik [Arkhangel'sk region in figures. Statistical collection]. – Arkhangel'sk: North-Western Book Publ. House, 1967. – P. 78.
 46. GARF. F. A374 Op. 32a D. 2772.
 47. Narodnoe khoziaistvo Murmanskoi oblasti za 60 let so dnia obrazovaniia SSSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the Murmansk region for 60 years since the formation of the USSR. Statistical collection]. – Murmansk, 1982. – P. 119.
 48. GARF. F. A374. Op. 32a D. 6874. L. 117.
 49. Ibid. F. A374. Op. 32a D. 11051. L. 73.
 50. Karel'skaia ASSR za 50 let. Statisticheskii sbornik [Karelian ASSR for 50 years. Statistical collection]. – Petrozavodsk: Karelian Branch of "Statistics" Publ. House, 1967. – P. 126.
 51. GURK NARK. F. P-140. Op. 2. D. 5916.
 52. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5927.
 53. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 5938.
 54. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 6927.
 55. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 6955.
 56. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 6976.
 57. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 8418. L. 17.
 58. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 8424. L. 32.
 59. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 8429. L. 30.
 60. Ibid. F. P-140. Op. 2. D. 8435. L. 18.
 61. Narodnoe khoziaistvo RSFSR. Statisticheskii sbornik [National economy of the RSFSR. Statistical collection]. – Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo [State Stat. Publ. House], 1957. – P. 326.
 62. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1959 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1959. Statistical Yearbook]. – Moscow: Gosstatizdat TsSU SSSR [State Stat. Publ. House of the Central Stat. Office under the Council of Ministers of the USSR], 1960. – P. 523.
 63. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1960 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1960. Statistical Yearbook]. – Moscow: Gosstatizdat TsSU SSSR [State Stat. Publ. House of the Central Stat. Office under the Council of Ministers of the USSR], 1961. – P. 496.
 64. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1965 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1965. Statistical Yearbook]. – Moscow: TsSU RSFSR [Central Stat. Office under the Council of Ministers of the RSFSR], 1966. – P. 471.
 65. Narodnoe khoziaistvo RSFSR v 1969 godu. Statisticheskii ezhegodnik [National economy of the RSFSR in 1969. Statistical Yearbook]. – Moscow: Statistika Publ., 1970. – P. 409.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Мацук Александр Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного

центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-9072-3904 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Author:

Aleksandr M. Matsuk – Cand. Sci. (History), Head of the Laboratory of Archaeography and Publication of Documents on the History of the Development of the European North of Russia of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0001-9072-3904 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation. e-mail: almmatsuk@gmail.com).

Для цитирования:

Мацук, А. М. Заочное обучение в системе среднего специального образования на Европейском Севере России в 1950–1960-е годы / А. М. Мацук // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 76–85.

For citation:

Matsuk, M. A. Correspondence education in the system of secondary specialized education in the European North of Russia in the 1950–1960s / A. M. Matsuk // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2025. – No. 8 (84). – P. 76–85.

Дата поступления статьи: 02.09.2025

Прошла рецензирование: 19.08.2025

Принято решение о публикации: 05.09.2025

Received: 02.09.2025

Reviewed: 19.08.2025

Accepted: 05.09.2025

Документальные фонды Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН об изучении арктических зон Российской Федерации (Усть-Цилемский район Республики Коми)

А. А. Бровина, К. А. Попова

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
brovina@frc.komisc.ru
popova@frc.komisc.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексной характеристике фондов Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН об изучении Усть-Цилемского района Республики Коми. Изучение архивных фондов в контексте современных вызовов, связанных с освоением Арктической зоны Российской Федерации, направлено на сохранение исторической памяти, развитие науки и обеспечение устойчивого развития Европейского Северо-Востока России, имеющего стратегическое значение для будущего страны. В статье отражены усилия представителей различных научных направлений, чьи исследования, зафиксированные в документах, представляют собой ценный источник для дальнейшего изучения истории науки и освоения северных территорий России. Архивные материалы позволяют проследить эволюцию научных подходов, оценить вклад отдельных ученых и коллективов ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в изучение данной территории, а также выявить перспективные направления для современных исследований.

Ключевые слова:

Научный архив, документальные фонды, арктические зоны РФ, история науки, ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Научные архивы Российской академии наук аккумулировали сегодня в своих собраниях документы по истории отечественной науки, составившие ее Архивный фонд объемом несколько миллионов единиц хранения. Своевременное комплектование и изучение документального наследия академической науки в регионах – актуальное направление исследования, связанное с современным

Documentary collections of the Scientific Archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the study of the Arctic zones of the Russian Federation (Ust-Tsilma region of the Komi Republic)

A. A. Brovina, K. A. Popova

Department of Humanitarian Interdisciplinary Research,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
brovina@frc.komisc.ru
popova@frc.komisc.ru

Abstract

The paper provides a comprehensive description of the collections of the Scientific Archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, dedicated to the study of the Ust-Tsilma region of the Komi Republic. The study of archival collections in the context of contemporary challenges associated with the development of the Arctic zone of the Russian Federation aims to preserve historical memory, advance of science, and ensure the sustainable development of the European Northeast of Russia, which is of strategic importance for the future of the country. The paper reflects the efforts of representatives of various scientific fields, whose research, recorded in documents, represents a valuable source for further study of the history of science and the development of the northern territories of Russia. Archival materials allow us to trace the evolution of scientific approaches, evaluate the contribution of individual scientists and teams of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, to the study of this territory, and identify promising directions for modern research.

Keywords:

Scientific Archive, documentary funds, Arctic zones of the Russian Federation, history of science, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS

процессом создания документальных комплексов, использованием информационных технологий для их сохранения, использования в научных практиках и популяризации. В последние годы наглядно проявилась установка на полный охват фондов с целью информирования общественности и введения в научный оборот документов по истории науки. Особую актуальность данные изыскания

приобретают сегодня применительно к территориям Европейского Северо-Востока России, в связи с усилением внимания государства к развитию Арктики и прилегающих регионов, как имеющих стратегическое значение для экономики страны. Результаты историко-архивных исследований важны для осмысления уникальности и перспектив этих территорий. Как отмечается в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», утвержденной Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645, развитие науки и технологий является одним из приоритетных направлений государственной политики в Арктике. В этой связи исторический опыт, зафиксированный в архивных документах, может быть использован для разработки научно обоснованных решений в области устойчивого развития, рационального природопользования и сохранения культурного наследия арктических территорий. Фонды Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН содержат богатый материал для изучения отдельных направлений фундаментальной науки, деятельности научных институтов, достижений выдающихся ученых в познании северных районов и местностей. Данная статья посвящена до сих пор неизученному собранию документальных источников Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО по изучению одного из районов Республики Коми, входящего в Арктическую зону Российской Федерации.

Любое упоминание про Усть-Цилемский район Республики Коми, расположенный на северо-востоке европейской части России в бассейне р. Печоры, вызывает первые ассоциации с хорошо известным специалистам заповедным районом традиционной севернорусской культуры.

Открытие уникальной фольклорной традиции состоялось в XX в. благодаря первой экспедиции Н. Е. Ончукова по заданию Русского Географического общества в 1901–1902 гг. и др. [1–3]; комплексным экспедициям Государственного института истории искусств, возглавляемых А. М. Астаховой; Печорской экспедиции Карело-Финского университета и Коми пединститута под руководством В. Г. Базанова и И. А. Василенко [4]; профессиональным обследованиям филологов Института русской литературы АН СССР во главе с Н. П. Колпаковой, Московского государственного университета (под руководством Ф. В. Селиванова и Н. И. Савушкиной и др.). Исследователи стремились представлять свои находки в публикациях, сопровождая их профессиональным описанием (характеристикой). Из материалов таких обследований формировались фольклорные фонды ИРЛИ, МГУ, Союза композиторов РФ, университетов. Одна из самых богатых коллекций аудио- и фотоматериалов сформирована филологами Сыктывкарского государственного университета [5]. Богатейшей истории и самобытной культуре одного из самых старейших сел на Европейском Севере России Усть-Цильме посвящено немало научных и научно-популярных работ [6–8].

Для научного сообщества Усть-Цилемский район ассоциируется с деятельностью А. В. Журавского и первым научным стационаром на Европейском Северо-Востоке России – Печорской естественноисторической станцией.

Создание опытных сельскохозяйственных станций для выяснения возможностей занятия земледелием в каждом регионе приобрело к началу XX в. серьезный размах. В 1905 г. А. В. Журавским в с. Усть-Цильме основана Зоологическая станция Академии наук. С 1906 г. она стала Печорской естественноисторической и собирала материалы по флоре и фауне болот, тундр и водоемов Печорского края. При станции были созданы отделения для проведения опытов и энтомологических сборов в селах Пустозерске, Усть-Кожве, Усть-Вашке и Аранце. В 1905 г. под эгидой Академии наук и при содействии Русского географического общества состоялась экспедиция в Большеземельскую тундру, в результате которой были собраны богатейшие коллекции разных видов насекомых, гербарии растительности тундры, геологические образцы минералов и горных пород с предгорий Северного Урала, составлена первая топографическая карта ее восточной части. В последующие годы сотрудники станции занимались поиском земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения. С 1 января 1911 г. в Усть-Цильме на месте Зоологической была учреждена Печорская сельскохозяйственная опытная станция Императорской Санкт-Петербургской академии наук. В разных местах Печорского края были заложены опытные площадки, где проводили опыты по возделыванию пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи, льна, картофеля, капусты, гороха и др. культур в условиях сурового климата. Результаты опытов были представлены в правительственные учреждения, на сельскохозяйственных выставках. Печорская сельскохозяйственная опытная станция Российской академии наук – первое в истории Российского государства приполярное научное учреждение, ставшее форпостом науки и культуры на Севере страны. К ее деятельности в создании научно обоснованной системы сельскохозяйственного производства на Севере многие годы обращались и обращаются исследователи [9–13]. Основные свидетельства о деятельности А. В. Журавского сохранились в фондах МБУ «Усть-Цилемский историко-мемориальный музей А. В. Журавского». Документальные материалы отложились в основном в Государственном архиве Архангельской области, Архиве Русского географического общества и Государственном архиве Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». В Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН также есть несколько документов, посвященных этому сюжету.

Обращает внимание подборка документов о подготовке книги об А. В. Журавском, которую в 1949 г. запланировало руководство Научно-исследовательской Базы АН СССР в Коми АССР. Написать ее было поручено сотрудникам филиала А. С. Быстрозорову, А. С. Баранову, И. С. Хантимеру и В. Г. Макарову. Возглавил этот коллектив заместитель председателя Базы к. геогр. н. И. И. Шишкин. Главная цель работы заключалась в возможности дать более полную биографию А. В. Журавского, осветить важнейшие этапы его деятельности по изучению Печорского края в целом и условий северного земледелия в частности. Для решения поставленной задачи ученые обратились к супруге А. В. Журавского О. В. Карабановой, художнику С. Г. Писахову, его друзьям и соратникам [14]. Кроме

того, сотрудники филиала активно использовали материалы архивов и библиотек. В результате поисковой работы в 1949–1950 гг. были собраны воспоминания и другие интересные материалы, на основе которых И. С. Хантимер и П. Ф. Рокицкий написали очерки о жизни и деятельности ученого [15]. Однако сведений об издании запланированной книги нам найти не удалось. Своеобразным итогом этого периода поисков и описаний жизнедеятельности энтузиаста северных широт стала публикация П. П. Вавилова в журнале «Советская агрономия» [9].

Между тем Усть-Цилемский район, знаменитый своей уникальной народной культурой, памятниками фольклора и старинной книжностью, обладатель богатейших природных ресурсов, привлекал и привлекает не меньшее внимание ученых (геологов, биологов, экономистов, археологов).

Как известно, в 1920–1930-е гг. Академия наук СССР совместно с различными государственными учреждениями и научными сообществами занималась интенсивной экспедиционной деятельностью на территории Европейского Северо-Востока СССР. Это было связано, в первую очередь, с поставленными государством задачами, ориентированными на потребности экономической модернизации страны, развитие ее производительных сил. Исследовательская работа Академии наук привела к ряду открытий, ценных для познания географии, природы и населения северных территорий страны и решения прикладных проблем.

Важную роль в освоении и комплексном изучении этой северной территории сыграла деятельность ученых Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН». Об этом свидетельствуют документальные материалы Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, в фондах которого сохранен уникальный комплекс документов по истории академической науки на Европейском Северо-Востоке. В фондах представлен интересный и многогранный материал по истории исследования территории и направлениям научно-исследовательских работ в Усть-Цилемском районе, проведенных в первой половине XX – начале XXI в.

В фондах Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН выявлено более 50 ед. хр. за 1930–2010-е гг., которые содержат первичные свидетельства современников, их отчеты, очерки, обобщения, оценки и выводы. В них отражена история развития исследовательских направлений, вклад того или иного ученого в научные изыскания на территории Усть-Цилемского района. Богатейшие фактические данные дают планово-отчетная, научная документация, экспедиционные дневники, обзоры отчетного и информационного характера об исследовательской и экспедиционной деятельности. Сохранившиеся в фондах фотодокументы, являясь наиболее выразительным видом архивных источников, позволяют наглядно ощутить исторический колорит. Анализ данного комплекса документов показал приоритетные направления исследований, по которым ученые Научно-исследовательской базы АН СССР в Коми АССР (затем – Коми научного центра УрО РАН) в разные годы проводили свою работу.

Стремление связать науку с жизнью, подчинить теоретические исследования решению важнейших задач, нацеленных на подъем экономики страны, являлось наиболее перспективным направлением деятельности Академии наук в первой половине XX в. В этот период Усть-Цилемский район оставался слабо изученным, вместе с тем имел определенные перспективы как в промышленном, так и сельскохозяйственном отношении. Ученые считали, что выявленные огромные запасы нефти и газа в районе Большеземельской тундры, а также проектируемое строительство Усть-Ижемской плотины и электростанции вызовут резкий рост народонаселения, а это, в свою очередь, неизбежно потребует освоения новых территорий для снабжения растущего населения продуктами сельскохозяйственного производства – мясом, молоком и овощами. Освоение новых земель будет невозможно без учета почвенных условий территорий. Прогнозы развития данной территории, таким образом, определяли направления научных поисков ученых академического учреждения республики.

Комплексная характеристика Усть-Цилемского района явилась частью общей работы по изучению развития производительных сил Печорского промышленного района. В документах Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН зафиксировано, что уже в 1937 г. учеными Коми филиала была дана общая характеристика Усть-Цилемского промышленного узла. Эта работа проводилась в рамках технико-экономического обследования районов Коми АССР в отношении возможных точек строительства предприятий бумажной промышленности [16]. В 1949 г. сотрудник отдела энергетики В. Г. Макаров работал над схемой использования местных энергетических ресурсов для электрификации сельского хозяйства Усть-Цилемского района Коми АССР. Он описал промышленность района, сельское хозяйство и перспективы их развития, дал характеристику колхозов, провел расчет потребности электроэнергии [17].

По материалам Коми филиала АН СССР, Госплана и других ведомств Коми АССР, отделов Райисполкома, предприятий и организаций района, научным сотрудником промышленно-экономического сектора Коми филиала АН СССР В. Н. Осиповым была составлена экономическая характеристика Усть-Цилемского района. Целевая установка данной работы была связана с предполагаемым строительством Урало-Печорской угольно-металлургической базы, первоочередной задачей которой являлось строительство железной дороги для соединения Печорского угольного бассейна с Уральским рудоносным районом. В этой связи промышленно-экономический сектор Коми филиала АН СССР проводил исследования экономики районов Коми АССР, относящихся к западному варианту железнодорожной линии Печора–Урал. Экономическая характеристика Усть-Цилемского района – составная часть общей работы по комплексному изучению развития производительных сил Печорского промышленного района. Работа, написанная в 1952 г. в рамках темы «Комплексное исследование экономики районов Коми АССР,

тяготеющих к западному варианту Урало-Печорской железной дороги», стала первым опытом по обобщению характеристики района. В. Н. Осипов подробно представил общие сведения о районе, природных условиях, населении, народном хозяйстве, промышленности, лесном хозяйстве и лесной промышленности, сельском хозяйстве, об электрификации, рыболовном промысле и охоте, транспорте, торговле, культуре [18]. Автор отчета, занимая в Коми филиале АН СССР должность младшего научного сотрудника, имел достаточно большой опыт работы в различных областях местной промышленности. Уроженец г. Сыктывкара В. Н. Осипов до прихода в науку работал в Областном союзе коммунальных работников; в 1935 г. после окончания Ленинградского института инженеров промышленного строительства был направлен в Областной отдел местной промышленности, где руководил работой и строительством предприятий в республике; в 1938–1941 гг. в Наркомате коммунального хозяйства Коми АССР в должности заместителя наркома руководил строительством коммунальных предприятий и жилых домов. После демобилизации из рядов Красной Армии в 1946 г. поступил в Коми филиал АН СССР, где занимался вопросами развития капитального строительства и промышленных строительных материалов, вплоть до выхода на пенсию в 1962 г. [19]. Его рекомендации относительно развития промышленности, сельского хозяйства и транспорта сформулированы в отчете довольно оптимистично. Несмотря на суровые природные условия Усть-Цилемского района, В. Н. Осипов не видел особых затруднений для развития промышленности и выделял наиболее перспективные: лесозаготовительную (обработка и переработка древесины) и сельскохозяйственную (замшевая, сыро-маслодельное производство) отрасли промышленности. Высоко оценивал перспективы развития сельского хозяйства (мясо-молочного, овоще-картофельного и зернового направлений) и отметил благоприятные условия для развития охотничьего промысла, рыболовства, заготовок дикоросов. Безусловно, данный документ отражает конкретный период и характеризует вклад ученых в познание производительных сил района. Изученные показатели подвержены временным изменениям, поэтому мониторинг современного уровня развития и сравнительный анализ этих показателей будут актуальны для экономистов, историков и др. исследователей.

Значимый блок материалов об исследованиях Усть-Цилемского района **создан геоботаниками, гидрологами и почвоведами** ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. В составе архивного фонда № 1 «Президиум Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук» сохранились подробные и краткие отчеты с приложением карт о проведении исследований в районе.

С целью составления Обзорной геоботанической карты республики и полного геоботанического описания района Научно-исследовательская база АН СССР в Коми АССР в 1947 г. сформировала Цилемский геоботанический отряд, который провел исследования в бассейне р. Цильмы Усть-Цилемского района Коми АССР. Сотрудники сектора геоботаники Ю. П. Юдин, А. Н. Лашенкова и Л. Н. Холопов

провели маршрутное обследование растительности в бассейне р. Цильмы и описали растительность, ее изменения в пространстве и ее сравнение с имеющимися данными, произвели разнообразные наблюдения над почвами, геологическим строением, геоморфологией и реками района. Отряд проводил маршрутное исследование по рекам Цильме и Косме с 20 июня по 21 сентября 1947 г. с целью сбора материалов для использования их при написании монографий «Растительность Коми АССР» и «Флора Коми АССР». Одновременно маршруты являлись проверочными для картографического материала по листу Q-39 геоботанической карты республики. Ученые охватили исследованием 18 тыс. кв. км, выполнили 209 полных геоботанических описаний, собрали около 600 листов гербария. Кроме маршрутного описания растительности и ее изменений, произведены некоторые наблюдения за почвами, геологическим строением и гидрографией района. В исследованном районе были собраны многочисленные представители реликтового флористического комплекса известняков, являющиеся реликтами приледниковой флоры последнего оледенения и проливающие свет на историю флоры и растительности всего лесного Северо-Востока европейской части СССР [20]. Достигнутые результаты тем не менее не позволяли ученым сделать выводы о хозяйственной ценности описанных групп ассоциаций, продуктивности лугов и потенциальных сельскохозяйственных землях. Исследования были продолжены, и в архиве отложились материалы следующих экспедиций в виде полевых дневников и отчетов, которые позволяют воссоздать историю геоботанических исследований района и в целом Республики Коми [21].

В 1943 г. сотрудник сектора гидрологии и гидробиологии Н. А. Остроумов провел работу по описанию состояния рыбного промысла на р. Печоре (от сел Кожвы до Усть-Цильмы), обозначил меры к его развитию. В отчете Н. А. Остроумов подчеркнул значительность сырьевой базы рыбного промысла в районе, проанализировал орудия и технологию лова рыбы, профессиональную подготовку специалистов Рыбтреста и непосредственно рыбаков, методы обработки и хранения рыбы [22]. Отметим, что работа была проведена в условиях военного времени, когда вопросы использования местных производительных сил были наиболее актуальны для любого уголка страны. В последующие годы эта тематика была отражена в комплексных обследованиях северных районов республики [23].

В начале 1950-х гг. сотрудники отдела леса (ранее – сектора лесного хозяйства) и лаборатории почвоведения Коми филиала АН СССР вели большую работу по теме «Типы леса и лесовозобновление на вырубках в связи с механизацией лесозаготовок на территории Усть-Цилемского лесхоза», о чем свидетельствуют полевые дневники и научные отчеты ученых. Лесной комплексный отряд в составе В. А. Артемова, А. С. Дмитриева, А. Н. Лашенковой, Н. А. Лазарева, В. А. Попова, А. Н. Романова, В. В. Турьевой проводил свою работу в подзоне северной и крайне-северной тайги, в районе расположения Усть-Цилемского и Пижемского лесничеств, а также частично и в подзоне средней тайги. По результатам исследований был состав-

лен Определитель главнейших типов лесов Усть-Цилемского лесхоза, который позволял специалистам лесхозов и лесничеств ознакомиться с главнейшими типами лесов и характеристикой почв, встречающихся под основными группами типов леса. Помимо Определителя к научному отчету приложены карта и объяснительная записка к ней, которые дают представление о вертикальном размещении в пределах Усть-Цилемского лесхоза 12 групп типов леса. Кроме этого, учеными были собраны гербарий и реликтовые растения, изучено состояние возобновления, обследованы заболоченные участки леса и гари. Собран материал по характеристике промысловых животных, питанию птиц и энтомофауне, добыто 656 экземпляров млекопитающих. Научный отчет о работе сектора леса был заслушан на производственно-техническом совещании Управления лесного хозяйства Коми АССР 10 июня 1954 г. и рекомендован к использованию для проведения лесохозяйственных мероприятий как в Усть-Цилемском, так и в других районах республики [24]. Немного позднее, в 1961 г., была разработана Рабочая программа экспедиционных исследований Усть-Цилемского отряда комиссии по охране природы Коми филиала АН СССР с перечнем необходимых лесохозяйственных мероприятий по предотвращению отрицательного влияния хозяйственной деятельности человека на окружающие леса [25].

В связи с активным промышленным освоением района и прогнозируемым, в связи с этим, ростом народонаселения остро стоял вопрос поиска новых земель для сельскохозяйственного производства. Эти обстоятельства актуализировали работу ученых-почвоведов. С 1961 по 1968 г. ученые Коми филиала АН СССР В. А. Попов, А. Н. Лашенкова, И. В. Забоева и С. В. Беляев вели работу над Почвенной картой Усть-Цилемского района в рамках темы «Составление государственной почвенной карты СССР». Почвенно-географический отряд совместно с геоботаническим отрядом Коми филиала АН СССР маршрутным методом изучал почвенный покров и растительность в бассейне р. Цильмы почти на всем ее протяжении. В разных элементах рельефа было заложено 76 почвенных разрезов, взято 380 почвенных образцов. Ученые выявили основные закономерности распространения почвенного покрова и растительности в равнинной части, на восточных склонах и других территориях Усть-Цилемского района. За полевые периоды с 1961 по 1968 г. было заложено около 320 почвенных разрезов и взято более 1200 послойно почвенных образцов. Нельзя не отметить, что работу по геоботаническому описанию лугов, составлению характеристики кормовой базы животноводства проводили совместно с сотрудниками Печорской опытной станции им. А. В. Журавского. Кроме того, в 1965 г. на базе Печорского опытного поля был организован стационар лаборатории генезиса и географии почв Коми филиала АН СССР по изучению сезонной динамики свойств целинных и пахотных глееподзолистых почв в подзоне крайнесеверной тайги, где проводили химические и физико-химические анализы. По итогам работ на почвенной карте Усть-Цилемского района выделено 29 названий почв, сгруппированных в восемь типов почв: подзолистый, болотно-подзолистый,

болотный, пойменный, тундровый глеевый, тундровый болотный, горные подзолистые, горные редколесные [26].

Исследования по геологии представлены в документах фонда Института геологии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Предметно к описываемому району относятся полевые дневники В. И. Чалышева и Э. И. Лосевой с описанием экспедиций в Усть-Цилемский район 1961 и 1962 гг. [27, 28]. Выявлен достаточно обширный перечень научных работ геологических отрядов под руководством таких ученых-геологов, как В. В. Беляев, В. Г. Гецен, В. В. Лихачев, Б. А. Остащенко, И. Н. Бурцев и др., отражающий результаты полевых и научно-исследовательских работ по изучению Тимано-Печорского региона, начиная с 1959 г. и заканчивая 2021 г. Определено, что фокус исследований концентрируется на достаточно широком географическом ландшафте, захватывающем территорию Усть-Цилемского района, и различных аспектах геологии, минералогии и ресурсного потенциала территории, включая стратиграфию четвертичных отложений, тектонику, генетические типы редкометальных концентраций, закономерности формирования бокситов, а также особенности кор выветривания. Особое внимание в исследованиях уделено Среднему Тиману, что прослеживается в работах В. А. Разницына, Э. И. Лосевой, В. В. Беляева и др. Помимо детального изучения геологического строения, активно исследовались перспективы нефтегазоносности региона [29] и минеральные ресурсы, включая бокситы [30], рудные формации [31] и колумбиты [32]. Современный этап исследований представлен отчетами Н. П. Юшкина и И. Н. Бурцева [33], в которых ученые акцентируют внимание на разработке научных основ прогнозирования развития минерально-сырьевой базы и рациональном освоении минеральных ресурсов Тимано-Печорского региона. Приоритетными направлениями для ученых-геологов всегда остается оценка ресурсного потенциала стратегических полезных ископаемых и разработка инновационных технологий глубокого обогащения и переработки, что свидетельствует о переходе к прикладному этапу исследований, направленному на эффективное недропользование в регионе.

Особый интерес для исследователей представляет комплекс документов, описывающих *археологические и этнографические экспедиции ученых Коми филиала АН СССР*.

Надо отметить, что самой ранней этнографической работой об Усть-Цильме, хранящейся в Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, является научная статья, написанная в 1898 г. в г. Архангельске неким Вячеславом Монаковым. По нашим предположениям, он был членом Архангельского общества изучения Русского Севера [34]. Статья содержит сведения об истории возникновения села Усть-Цильмы, его расположении, о составе населения и устройстве быта, социальном, политическом, административном устройстве, культуре. В ней упоминаются Первая и Вторая жалованные грамоты «Царя и Великого князя Ивана Васильевича всея Руси». Статья была предназначена для публикации, поскольку содержала просьбу к издателю, включить в текст историю церкви селения Усть-Цильмы. Об этом мы узнаем по приписке в конце документа от 11 ноября 1899 г. Скорее всего, этот документ был привезен

учеными из экспедиции, а затем его вместе с другими документами приняли на хранение в архив.

В Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН сохранились документальные материалы об этнографических экспедициях в Усть-Цилемский район начиная с 1950-х гг. Используя метод опроса (массового анкетирования) местного населения, ученые Коми филиала АН СССР изучали историю и современное состояние старообрядчества, религиозную и гражданскую обрядность семейного и общественного быта. В научном отчете за 1969 г. описана этнографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР сотрудников отдела этнографии и археологии Коми филиала АН СССР – Ю. В. Гагарина, Н. И. Дукарт, Г. Н. Климовой, А. Ф. Булышевой, Т. Н. Безносиковой, А. В. Пархачева, – которая проводила исследования по теме «История религии и атеизма в Коми АССР». Учеными охарактеризованы уровень религиозности, социально-демографические характеристики верующих, колеблющихся и неверующих, мировоззренческие установки и степень их обоснованности в обыденном сознании населения, характер влияния религиозного сознания на общественное поведение, отношения населения к религиозной обрядности, характер обрядов и праздников, причины сохранения старообрядческой идеологии и обрядности. Ученые обращали внимание на постановку антирелигиозной пропаганды учреждениями культуры, атеистическое воспитание в школе, использование разнообразных форм атеистической работы, внедрение новых безрелигиозных обрядов. Опросом было охвачено население сел, поселков и деревень Усть-Цилемского района, таких как Коровий ручей, Ермица, Трусово, Замежная, Кирпичный завод, Филипповская, Степановская, Скитская, Усть-Цильма, Замшевый завод, Новый Бор, Медвежка [35]. В 1970-х гг. полевые исследования по данной тематике были продолжены. В рамках конкретно-социологических исследований составлены сводные таблицы по результатам опроса информаторов. К представленным научным отчетам подготовлены альбомы с богатейшими фотоиллюстрациями из жизни и быта усть-цилемов периода 1960–1970-е гг. Эти фотоальбомы – потрясающий наглядный и информативный материал, запечатленный этнографами Коми филиала АН СССР.

С 1980-х гг. вплоть до настоящего времени исследования по традиционной культуре староверов Усть-Цильмы продолжили ученые этнографы Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН: Ю. П. Шабаетов, Н. Д. Конаков, Т. И. Дронова, В. В. Власова, Ю. И. Бойко, В. Н. Денисенко. Зафиксированы традиционные народные знания, закрепленные в исторических преданиях, заговорах по теме «Традиционная медицина». Рассмотрен сложный комплекс религиозных представлений, иногда восходящих к разным историческим эпохам, по теме «Почитаемые сельские святыни» (обетные, охранительные кресты, источники, природные объекты, часовни и церкви, памятники). В рамках темы «Традиционная одежда» проведена выверка этнокультурной лексики, рассмотрены виды крестьянской одежды, народные представления, связанные с ней, а также ее развитие примерно за полтора века до настоящего времени жизни русских староверов-беспо-

повцев (поморцев), проживающих в Усть-Цилемском районе Республики Коми. За этот период бытования народной одежды выявлено 42 ее вида и свыше 80 наименований костюма и его элементов, включая головные уборы, рукавицы и обувь, большая часть которых представлена севернорусской одеждой. С целью проследить развитие народной одежды за столетний период учеными осуществлен сбор фотографий начала XX в. Проведен опрос информантов-старожилов по теме «Традиционная свадьба», в ходе которого выверены ключевые термины и их значения по исследуемой тематике, представлены обширные речевые фрагменты информантов, повествующие о свадьбе. Помимо этого, зафиксированы сведения о погребальном и родильном обрядах, фольклор. Результаты обследования населенных пунктов представлены в научных отчетах о работе этнографических отрядов, сохраненных в фонде Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН [36]. По материалам экспедиций сотрудниками Института языка, литературы и истории подготовлено большое количество публикаций.

Археологические исследования в Усть-Цилемском районе отражены в документах Научного архива начиная с 1968 г., когда был проведен полевой семинар по стратиграфии антропогена и палеолиту Печорского Приполярья, проходивший по маршруту стоянка Бызовая – с. Усть-Цильма Коми АССР. Ученые-археологи Коми филиала АН СССР совместно с коллегами из Москвы, Ленинграда, Киева, Уфы, Сыктывкара, Ухты и Воркуты произвели широкие раскопки, осмотр местонахождений каменных орудий и фауны близ дер. Бызовая в Печорском районе и у дер. Коровий ручей в Усть-Цилемском районе, ознакомились с разрезами кайнозойских отложений, генезис и стратиграфия которых вызывали острые дискуссии [37]. Начиная с 1980-х гг. на территории Усть-Цилемского района вели изыскания ученые-археологи А. М. Мурыгин, В. С. Стоколос, И. О. Васкул, П. Ю. Павлов. Под руководством И. О. Васкула проводились полевые исследования на территории Шиховского археологического комплекса, близ дер. Гаревое Усть-Цилемского района РК, где были произведены раскопки могильника с целью получения сведений об этнокультурных контактах населения различных природно-географических и историко-культурных зон, а также получения сведений, позволяющих более аргументированно определить хронологию и культурную принадлежность памятника, выявить характерные особенности погребального обряда [38]. Под руководством А. М. Мурыгина Северный археологический отряд проводил раскопки городища Новый Бор III и поселения Денисовский Шар, расположенных на территории выявленного объекта археологического наследия «Комплекс Новый Бор III». Найдены вещевой инвентарь и крупные фрагменты отходов железнотермического и бронзолитейного производства, предположительно XII–XIII вв. н. э. [39]. Современное состояние известных объектов археологического наследия на территории Усть-Цилемского района проанализировано сотрудником ИЯЛИ Е. В. Поповым. Определены местоположение памятников и состав мероприятий по их сохранению по состоянию на 2016, 2020 гг. [40].

Не претендуя на исчерпывающую полноту и не ставя задач полного аннотирования фондов Научного архива по Усть-Цилемскому району, мы постарались выделить наиболее масштабные исследования ученых Коми научного центра, которые подчеркнули уникальность и самобытность данного района. Фонды Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН содержат представительный корпус документов по истории академической науки в обозначенном арктическом районе республики. Анализ документальных источников показал приоритетные направления научных исследований и вклад ученых – экономистов, биологов, геологов, археологов и этнографов – в освоение этой северной территории. Благодаря работе ученых-исследователей получены ценные знания о природных ресурсах, хозяйственной деятельности, традиционной народной культуре населения Усть-Цилемского района Республики Коми, выполненные в контексте экономического развития европейского Севера России. Сохранение исторического прошлого науки через документы играет важную роль в процессе понимания истории освоения и развития той или иной территории. Документы ученых дают ценный материал о научных исследованиях и открытиях, составляют документальное научное наследие Российской академии наук на европейском Севере России и могут быть использованы для дальнейших научных исследований в области истории академической науки, для оценки вклада ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в изучении арктических зон РФ, подготовки лекционных курсов, при написании монографий, научных и научно-популярных статей. Но, что особенно важно, в архивных документах заключена информация об удивительных людях – тружениках науки, неутомимых исследователях, искателях, которые выполняли важную, значимую и трудную работу по освоению и изучению северных территорий.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Ончуков, И. Е. Печорские былины / И. Е. Ончуков. – СПб., 1904. – 424 с.
2. Печорские стихи и песни / предисл. И. Е. Ончукова // Живая старина. – 1907. – Вып. 1. – С. 10–24; Вып. 2. – С. 51–54; Вып. 3. – С. 73–82; Вып. 4. – С. 100–110.
3. Ончуков, И. Е. Северные сказки / И. Е. Ончуков. – СПб., 1909. – 646 с.
4. Рощевская, Л. П. Документы В. Г. Базанова в Научном архиве Коми научного центра Уральского отделения РАН / Л. П. Рощевская // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. – 2014. – Т. 2013. – С. 37–48.
5. Фольклорный архив Сыктывкарского университета: Опыт научного описания. Систематический указатель. Вып. 1. Песенный фольклор Печоры. – Сыктывкар, 2000. – 170 с.
6. Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / сост.: Т. С. Канева, А. Н. Власов, А. Н. Захарова [и др.]. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. – 352 с.
7. Усть-Цилемская слободка в письменных источниках / сост. Л. К. Рочева. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2017. – 192 с.
8. Дронова, Т. И. Религиозный канон и народные традиции староверов Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция / Т. И. Дронова. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2019. – 280 с.
9. Вавилов, П. П. Пионер северного земледелия [А. В. Журавский] / П. П. Вавилов // Советская агрономия. – 1951. – № 4. – С. 82–84.
10. Гагиев, Г. И. Государственная сельскохозяйственная опытная станция Коми АССР им. А. В. Журавского / Г. И. Гагиев. – Сыктывкар, 1982. – 88 с.
11. Вехов, Н. В. Студент, мечтатель, исследователь / Н. В. Вехов // Химия и жизнь. – 2001. – № 5. – С. 45–51.
12. Кочедыкова, М. М. Зоологическая станция Императорской Академии наук в с. Усть-Цильма Архангельской губернии / М. М. Кочедыкова, Л. П. Рощевская // Клио. – 2016. – № 114. – С. 101–108.
13. Кочедыкова, М. М. Научно-организационная и исследовательская деятельность А. В. Журавского (1882–1914 гг.) на территории Европейского Северо-Востока России: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. М. Кочедыкова. – М., 2022. – 18 с.
14. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (далее – НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) Ф. 1. Оп. 1. Д. 197. Л. 34.
15. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Ф. 1. Оп. 2. Д. 227. 85 л.
16. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 14. 172 л.
17. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 79. 73 л.
18. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 127. 77 л.
19. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 454. 40 л.
20. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 195. 19 л.
21. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 194. 19 л.; Д. 198. 287 л.; Д. 230. 99 л.
22. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 62. 4 л.
23. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 96. 109 л.; Д. 170а. 38 л.
24. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 119. 96 л.; Д. 121. 65 л.; Д. 122. 225 л.
25. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 690. 3 л.
26. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 172. 217 л.
27. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 838. 78 л.; Д. 847. 94 л.
28. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 707. 119 л.; Д. 708. 57 л.; Д. 709. 127 л.; Д. 710. 122 л.; Д. 711. 154 л.
29. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 250. 355 л.
30. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 646. 252 л.; Д. 647. 220 л.
31. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 987. 215 л.; Д. 988. 4 л.
32. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 320. 12 л.
33. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 535. 103 л.; Д. 791. 166 л.; Д. 844. 53 л.; Д. 950. 257 л.
34. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 6. 11 л.
35. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 188. 103 л.
36. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 566. 42 л.; Д. 568. 44 л.; Д. 573. 12 л.; Д. 696. 57 л.; Д. 721. 31 л.; Д. 739.

40 л.; Д. 754. 18 л.; Д. 778. 58 л.; Д. 795. 117 л.; Д. 844. 38 л.; Д. 870. 32 л.; Д. 912. 34 л.

37. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 183а. 99 л.

38. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 555. 142 л.; 587. 39 л.

39. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 822. 108 л.; Д. 839. 65 л.; Д. 864. 104 л.

40. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 889. 205 л.; Д. 925. 150 л.

References

1. Onchukov, I. E. Pechorskie byliny [Pechora Bylinas] / I. E. Onchukov. – St. Petersburg, 1904. – 424 p.
2. Pechorskie stikhi i pesni [Pechora Poems and Songs] / predisl. I. E. Onchukova [Introduction by I. E. Onchukov] // Zhivaya starina [Living Antiquity]. – 1907. – Issue 1. – P. 10–24; Issue 2. – P. 51–54; Issue 3. – P. 73–82; Issue 4. – P. 100–110.
3. Onchukov, I. E. Severnye skazki [Northern Tales] / I. E. Onchukov. – St. Petersburg, 1909. – 646 p.
4. Roshchevskaya, L. P. Dokumenty V. G. Bazanova v Nauchnom arkhive Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya RAN [Documents of V. G. Bazanov in the Scientific Archives of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences] / L. P. Roshchevskaya // Trudy Ob"edinennogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu [Proc. of the United Scientific Council on Humanitarian Problems and Historical and Cultural Heritage]. – 2014. – Vol. 2013. – P. 37–48.
5. Fol'klornyj arkhiv Syktyvorskogo universiteta: Opyt nauchnogo opisaniya. Sistemacheskij ukazatel'. Vyp. 1. Pesennyj fol'klor Pechory [Folklore Archives of Syktyvkar University: Experience at scientific description. Systematic Index. Issue 1. Song Folklore of Pechora]. – Syktyvkar, 2000. – 170 p.
6. Tradicionnaya kul'tura Ust'-Cil'my. Liricheskie pesni [Traditional culture of Ust-Tsilma. Lyrical songs] / Comp.: T. S. Kaneva, A. N. Vlasov, A. N. Zakharova [et al.]. – Moscow: Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora [State Republican Center of Russian Folklore], 2008. – 352 p.
7. Ust'-Cilemskaya slobodka v pis'mennykh istochnikakh [Ust-Tsilma settlement in written sources] / Comp. L. K. Rocheva. – Syktyvkar: OOO «Komi respublikanskaya tipografiya» [Komi Republican Printing House LLC], 2017. – 192 p.
8. Dronova, T. I. Religioznyj kanon i narodnye tradicii staroverov Ust'-Cil'my: formirovanie, sokhranenie, eh-volyuciya [Religious canon and folk traditions of the old believers of Ust-Tsilma: formation, preservation, evolution] / T. I. Dronova. – Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya [Komi Republican Printing House], 2019. – 280 p.
9. Vavilov, P. P. Pioneer severnogo zemledeliya [A. V. Zhuravskij] [Pioneer of northern agriculture [A. V. Zhuravsky] / P. P. Vavilov // Sovetskaya agronomiya [The Soviet agronomy]. – 1951. – No. 4. – P. 82–84.
10. Gagiev, G. I. Gosudarstvennaya sel'skokhozyajstvennaya opyt'naya stancii Komi ASSR im. A. V. Zhuravskogo [State Agricultural Experimental Station of the Komi ASSR named after A. V. Zhuravsky] / G. I. Gagiev. – Syktyvkar, 1982. – 88 p.
11. Vekhov, N. V. Student, mechtatel', issledovatel' [Student, Dreamer, Researcher] / N. V. Vekhov // Khimiya i zhizn' [Chemistry and Life] – 2001. – No. 5. – P. 45–51.
12. Kochedykova, M. M. Zoologicheskaya stanciya Imperatorskoj Akademii nauk v s. Ust'-Cil'ma Arkhangel'skoj gubernii [Zoological Station of the Imperial Academy of Sciences in the village of Ust-Tsilma, Arkhangelsk Province] / M. M. Kochedykova, L. P. Roshchevskaya // Klio. – 2016. – No. 114. – P. 101–108.
13. Kochedykova, M. M. Nauchno-organizacionnaya i issledovatel'skaya deyatel'nost' A. V. Zhuravskogo (1882–1914 gg.) na territorii Evropejskogo Severo-Vostoka Rossii [Scientific, organizational and research activities of A. V. Zhuravsky (1882–1914) in the territory of the European North-East of Russia]: abstract of diss...Cand. Sci (History) / M. M. Kochedykova. – Moscow, 2022. – 18 p.
14. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 1. D. 197. 34 L.
15. Ibid. F. 1. Op. 2. D. 227. 85 L.
16. Ibid. F. 1. Op. 4. D. 14. 172 L.
17. Ibid. F. 1. Op. 8. D. 79. 73 L.
18. Ibid. F. 1. Op. 9. D. 127. 77 L.
19. Ibid. F. 1. Op. 19. D. 454. 40 L.
20. Ibid. F. 1. Op. 2. D. 195. 19 L.
21. Ibid. F. 1. Op. 2. D. 194. 19 L.; D. 198. 287 L.; D. 230. 99 L.
22. Ibid. F. 1. Op. 5. D. 62. 4 L.
23. Ibid. F. 1. Op. 5. D. 96. 109 L.; D. 170a. 38 L.
24. Ibid. F. 1. Op. 4. D. 122. 225 L.; D. 119. 96 L.; D. 121. 65 L.
25. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 690. 3 L.
26. Ibid. F. 3. Op. 2. D. 172. 217 L.
27. Ibid. F. 2. Op. 2. D. 838. 78 L.; D. 847. 94 L.
28. Ibid. F. 2. Op. 3. D. 707. 119 L.; D. 708. 57 L.; D. 709. 127 L.; D. 710. 122 L.; D. 711. 154 L.
29. Ibid. F. 2. Op. 2. D. 250. 355 L.
30. Ibid. F. 2. Op. 2. D. 646. 252 L.; D. 647. 220 L.
31. Ibid. F. 2. Op. 2. D. 987. 215 L.; D. 988. 4 L.
32. Ibid. F. 2. Op. 3. D. 320. 12 L.
33. Ibid. F. 2. Op. 3. D. 535. 103 L.; D. 791. 166 L.; D. 844. 53 L.; D. 950. 257 L.
34. Ibid. 1. Op. 12. D. 6. 11 L.
35. Ibid. F. 1. Op. 13. D. 188. 103 L.
36. Ibid. F. 5. Op. 2. D. 566. 42 L.; D. 568. 44 L.; D. 573. 12 L.; D. 696. 57 L.; D. 721. 31 L.; D. 739. 40 L.; D. 754. 18 L.; D. 778. 58 L.; D. 795. 117 L.; D. 844. 38 L.; D. 870. 32 L.; D. 912. 34 L.
37. Ibid. F. 1. Op. 13. D. 183a. 99 L.
38. Ibid. F. 5. Op. 2. D. 555. 142 L.; D. 587. 39 L.
39. Ibid. F. 5. Op. 2. D. 822. 108 L.; D. 839. 65 L.; D. 864. 104 L.
40. Ibid. F. 5. Op. 2. D. 889. 205 L.; D. 925. 150 L.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400019-4-6.1.1 «Научное изучение документального наследия академической науки на Европейском Северо-Востоке России».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the state task on the research theme No. 1022041400019-4-6.1.1 "Scientific study of the documentary heritage of academic science in the European Northeast of Russia".

Информация об авторах:

Бровина Александра Александровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: brovina@frc.komisc.ru).

Попова Кристина Александровна – ведущий редактор редакционно-издательского центра, младший научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований (до 2022 г.) Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: popova@frc.komisc.ru).

Authors:

Aleksandra A. Brovina – Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Head of the Department of Humanitarian Interdisciplinary Research at the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: brovina@frc.komisc.ru).

Kristina A. Popova – senior editor of the Editorial and Publishing Center, junior researcher of the Department of Humanitarian Interdisciplinary Research (until 2022) at the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: popova@frc.komisc.ru).

Для цитирования:

Бровина, А. А. Документальные фонды Научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН об изучении арктических зон Российской Федерации (Усть-Цилемский район Республики Коми) / А. А. Бровина, К. А. Попова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 86–94.

For citation:

Brovina, A. A. Documentary collections of the Scientific Archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the study of the Arctic zones of the Russian Federation (Ust-Tsilma region of the Komi Republic) / A. A. Brovina, K. A. Popova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 86–94.

Дата поступления статьи: 25.09.2025

Прошла рецензирование: 02.10.2025

Принято решение о публикации: 10.10.2025

Received: 25.09.2025

Reviewed: 02.10.2025

Accepted: 10.10.2025

Материалы Коми научного центра УрО РАН о научной деятельности члена-корреспондента АН СССР Б. П. Колесникова

Л. П. Рощевская*, М. П. Рощевский**

* Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

** ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

lp38rosh@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена проблеме научного изучения биологических ресурсов арктической и приарктической территорий России перед Великой Отечественной войной выдающимся российским исследователем доктором биологических наук, членом-корреспондентом АН СССР П. Б. Колесниковым. Поставлена задача выявить и включить в научный оборот документальное наследие инженера-лесохозяйственника и ботаника, члена-корреспондента АН СССР Б. П. Колесникова по изучению лесов Европейского Северо-Востока (территория Коми АССР) накануне Великой Отечественной войны. Акцент сделан на характеристике научной деятельности ученого и различных материалов о его научной деятельности по изучению лесов региона. Материалы хранятся в Федеральном исследовательском центре «Коми научный центр Уральского отделения РАН»: рукописи – в Научном архиве, публикации – в Научной библиотеке, гербарий – в Институте биологии.

Сделан вывод, что Б. П. Колесников в начале 1940-х гг. лично собрал разнообразные данные о лесных ресурсах приарктического региона Европейского Севера, предложил новый теоретический подход и методику их анализа и тем самым внес немалый вклад в обобщение полученных данных. Деятельность сотрудников Коми филиала АН СССР по сохранению научных трудов талантливого ученого способствовала сохранению исторической памяти и патристическому воспитанию новых поколений. Во второй четверти XXI в. проблема рационального использования древесных ресурсов, изложенная в сочинениях Б. П. Колесникова, приобретает особую ценность как часть современной защиты природы.

Ключевые слова:

Академия наук СССР, гербарий, документальное наследие, Европейский Север России, информационные ресурсы, история науки, лесоведение, научная библиотека, научный архив

Materials of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the scientific activities of the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences B. P. Kolesnikov

L. P. Roshchevskaya*, M. P. Roshchevsky**

* Department of Humanitarian Interdisciplinary Research, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktyvkar

** Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktyvkar

lp38rosh@gmail.com

Abstract

The paper deals with the problem of scientific study of biological resources of the Arctic and sub-Arctic territory of Russia before the Great Patriotic War by an outstanding Russian researcher, Doctor of Biological Sciences, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences P. B. Kolesnikov. The task was to identify and include in the scientific circulation the documentary heritage of forestry engineer and botanist, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences B. P. Kolesnikov on the study of forests of the European Northeast (the territory of the Komi ASSR) on the eve of the Great Patriotic War. The emphasis is on the characteristics of the scientist's scientific activity and various materials about his scientific work on the study of forests of the region. The materials are stored in the Federal Research Centre "Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences": manuscripts are kept in the Scientific Archive, publications - in the Scientific Library, and the herbarium is kept at the Institute of Biology.

It is concluded that B. P. Kolesnikov personally collected various data on the forest resources of the Arctic region of the European North in the early 1940s, proposed a new theoretical approach and methodology for their analysis, and thereby made a significant contribution to the generalization of the data obtained. The activities of the staff of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences to preserve the scientific works of this talented scientist contributed to the preservation of historical memory and the patriotic education of new generations. In the second quarter of the XXI century, the problem of the rational use of wood resources, as described in the works of B. P. Kolesnikov, acquires special value as part of modern nature protection.

Keywords:

USSR Academy of Sciences, herbarium, documentary heritage, European North of Russia, information resources, history of science, forestry, scientific library, scientific archive

300-летний юбилей главного научного учреждения страны – Российской академии наук, а также 80-летие Коми научного центра УрО РАН, которое отметили в конце 2024 г., побуждают обратиться к специфике формирования научных кадров. Актуальность темы изучения лесов северо-восточной части Европейской России ботаниками-лесоведами в конце 1930-х – начале 1940-х гг. определяется необходимостью показать наиболее важные документы, которые отражают синтез фундаментальной науки с глобальными государственными задачами. Документы одного из представителей этого поколения сохранены в Федеральном исследовательском центре «Коми научный центр Уральского отделения РАН». В предлагаемой статье охарактеризованы рукописи, комплекс научных публикаций и гербарные сборы одного из выдающихся представителей науки «лесоведение» в нашей стране члена-корреспондента АН СССР, доктора биологических наук, ректора Уральского государственного университета Бориса Павловича Колесникова (1909, Петербург – 1980, Симферополь).

Борис Павлович Колесников – геоботаник, географ, лесовед; доктор биологических наук, член-корреспондент АН СССР по Отделению общей биологии (1970), Заслуженный деятель науки РСФСР. Родился в семье военного фельдшера, в 1911 г. переведенного служить на Дальний Восток. Борис окончил Дальневосточный лесотехнический институт по специальности «инженер лесохозяйственник» (1931). Сильное влияние на него произвели признанные специалисты по изучению российских лесов ректор Дальневосточного лесотехнического института Б. А. Ивашкевич (1889–1936), который первым стал изучать последствия лесных вырубок, а также ботаник, географ и лесовед, директор Биологического института Дальневосточного филиала АН СССР В. М. Савич (1885–1965), составивший первую геоботаническую карту Дальневосточного края.

В 1932 г. Колесников поступил в аспирантуру Дальневосточного лесотехнического института, где на него обратил внимание будущий Президент АН СССР (1936–1945) В. Л. Комаров, занимавшийся организацией Дальневосточного филиала АН СССР. С 1934 г. Колесников работал в секторе почвоведения, геоботаники и флоры Дальневосточного филиала АН СССР, изучая растительные ресурсы региона. Кроме того, по словам одного из мемуаристов, в середине 1930-х гг. он «каждую зиму приезжал обрабатывать свои материалы в гербарий Б[отанического] Ин[ститута] и как бы стажироваться в отделе геоботаники» в Ленинграде.

Но весной 1939 г. Дальневосточный филиал АН СССР и Дальневосточный университет закрыли. Причинами считают обострившееся международное положение и политические репрессии, в том числе арест В. М. Савича [1]. Б. П. Колесников в это время в Ботаническом институте АН СССР готовился к защите кандидатской диссертации по теме «Растительность восточных склонов Среднего Сихотэ-Алиня».

В целом биография Б. П. Колесникова изучена обстоятельно, но для характеристики его вклада в исследование

лесов Коми АССР в статье сделан акцент на сохранение в Коми НЦ различных документов, публикаций и гербарных сборов ученого.

Методологическую основу работы составляет историзм, как совокупность базовых принципов проведения научного исторического исследования. Применяются основные общенаучные методы исследования: сравнение, обобщение, конкретизация и др. Для решения конкретных задач использованы методы сравнительно-исторического, системного исследования и структурно-функционального анализа.

Информация о документах ученого в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН доложена авторами в 1999 г. [2]; научное творчество Б. П. Колесникова отражено в справочных изданиях [3].

Так как начало жизни и творческой деятельности Б. П. Колесникова связано с Дальним Востоком, это предполагало наличие документальной базы именно там. Однако в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока в г. Владивостоке в фонде «Дальневосточный филиал Академии наук СССР. Владивосток» содержится всего 26 дел за 1932–1939 гг. К тому же в условиях сложного международного положения на востоке страны документы филиала вывезли в г. Томск. Там их хранили несколько десятилетий, но и после возвращения во Владивосток доступны не все документы.

В архиве РАН в Москве в фонде Президента АН СССР В. Л. Комарова имеются письма к Комарову сотрудника горно-таежной станции Дальневосточного филиала АН СССР только о финансовом обеспечении станции, где некоторое время работал Б. П. Колесников. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН имеется личный фонд Б. П. Колесникова. Документы поступали частями в 1984–1985 гг., преимущественно от родственников, но находятся в научно-технической обработке [4]. После переезда Б. П. Колесникова в 1956 г. на Урал, его документы могли концентрировать в Институте биологии Уральского филиала АН СССР, где он заведовал отделом радиобиологии и биофизики.

При таких обстоятельствах возрастает значение материалов Б. П. Колесникова в Научном архиве Коми научного центра Уральского отделения РАН. Уникальность этого архива заключается в том, что в начале Великой Отечественной войны, в связи с эвакуацией академических учреждений из прифронтовой полосы, в Сыктывкар вывезли ведомственные документы Северной базы АН СССР из Архангельска. В 1944 г. при реэвакуации значительный массив документов возвратили в Архангельск. Но некоторые документы Колесникова остались в Сыктывкаре.

Б. П. Колесников был связан с Коми АССР служебными обязанностями недолго. Его личное дело в Сыктывкаре не сохранилось. Отложившиеся в фонде Президиума Коми НЦ УрО РАН документы содержат несколько научных текстов об изучении лесов Коми АССР до Великой Отечественной войны. Среди них рукописи за 1940–1941 гг. и одно письмо Б. П. Колесникова за 1951 г. Кроме того, преподаватель Дальневосточного университета, затем научный сотрудник Института биологии Коми филиала АН СССР В. М. Бо-

лотова преподавала ботанику в вузе, где учился Колесников, а М. П. Рощевский, тогда молодой научный сотрудник, имел деловые контакты с ректором Уральского университета Б. П. Колесниковым.

В статье поставлена задача выяснить, как в процессе профессионального изучения природы Европейского Северо-Востока у Б. П. Колесникова накапливались научные данные об уникальных кедровых лесах региона в начале 1940-х гг. и происходило научное осмысление их специфики. Для этого необходимо охарактеризовать сохраненные в Научном архиве, Научной библиотеке и Научном гербарии Института биологии Коми НЦ УрО РАН комплекс материалов о научной деятельности ученого на Европейском Северо-Востоке.

Б. П. Колесников защитил кандидатскую диссертацию по теме «Растительность восточных склонов Среднего Сихотэ-Алиня» в Ленинграде в 1939 г. Опубликованные сведения показывают, что Президент АН СССР В. Л. Комаров хорошо знал деловые качества молодого специалиста и после закрытия университета и академического института на Дальнем Востоке сыграл немалую роль в его назначении в Северную базу АН СССР в Архангельске [5].

Северная база АН СССР создана в 1935 г. К 1939 г. район ее исследований включал обширную Северную область, стационар Борки Ботанического института АН СССР в районе будущего Рыбинского водохранилища на Волге (1938–1945), а также Северную базу АН СССР (База) в Сыктывкаре. Директор Базы А. И. Толмачев признавал, что «бесспорным пробелом в прошлых работах Северной базы являлось отсутствие работ по вопросам лесного хозяйства и лесной промышленности» [6]. Колесников получил должность старшего научного сотрудника, так как имел ученую степень кандидата биологических наук и научный авторитет исследователя хвойных пород пихты, ели, лиственницы и корейского кедра на Дальнем Востоке [7].

Квалифицированную информацию о районе будущих исследований Колесников получил от нескольких специалистов в Архангельске, прежде всего от А. И. Толмачева, который не раз бывал в Коми крае и выделял главную задачу – определение размеров запаса и качества леса. Кроме того, он считал, что в Печорском районе необходимы комплексные стационарные исследования в области лесной промышленности на длительную перспективу. Разностороннюю информацию о лесной растительности Европейского Севера Колесников получил и от известного ботаника И. А. Перфильева, который руководил ботаническим сектором Северной базы. Доказательством служит их совместная публикация, которая сохранилась в личной библиотеке А. И. Толмачева, переданной владельцем в Сыктывкарский государственный университет [8].

Проблема лесоразработок на территории Коми АССР, отраженная в документах Научного архива Коми НЦ УрО РАН, обострилась в связи со строительством Северной железной дороги. Б. П. Колесников в Северной базе АН СССР сосредоточил свои научные лесоводственно-геоботанические исследования именно в этом районе перед угрозой полного истребления девственных лесов. В плане научной работы появилась тема «Основы лесохозяйственной клас-

сификации лесов бассейна р. Вычегды как предпосылки для рационального ведения лесного хозяйства» [9. Д. 42. Л. 1–2]. Была также подготовлена программа экспедиционных партий на 1940 г. «Типы лесов бассейна р. Вычегды в пределах Коми АССР и их лесохозяйственная характеристика». Следовательно, район исследования в Коми АССР был выбран не случайно.

Однако с лета 1940 г. тему «Лесные ресурсы реки Вычегды» в Северной базе вел заведующий кафедрой общего лесоводства Архангельского лесотехнического института И. С. Мелехов [10], который оценивал леса с позиции только качества древесины.

Колесников же ставил задачу построения классификационной схемы для сравнительного анализа разных лесов. Он писал, что 70 % выделенной для изучения площади составляют леса, занимающие 26 млн га. Запас спелой древесины и приспевающего древостоя, возраст которого предшествует возрасту спелости, составляет 1300 млн м³, из них 7,6 млн га приходился на бассейн р. Вычегды. Так как в 1934 г. объем промышленных лесозаготовок определяли в 4 млн м³, Колесников предполагал, что роль этого лесного района возрастет после завершения строительства железной дороги. В связи со столь масштабными перспективами Колесников считал первоочередной задачей выяснение особенностей лесов в бассейне р. Вычегды. Предполагалось подготовить в 1943 г. монографию четырех научных сотрудников. Б. П. Колесников стремился максимально сохранить девственные леса и задумался над определением типов леса и характеристикой темнохвойных боров.

Исследования по теме лесных ресурсов Вычегды вели с Колесниковым два студента. Н. А. Лазарев закладывал таксационные пробные площади, участвовал в полевых исследованиях и обработке материалов. С 1946 г. он стал сотрудником сектора лесного хозяйства в Сыктывкаре, а впоследствии – руководителем отдела лесоведения Коми филиала АН СССР.

Сказанное подтверждают отложившиеся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН научные рукописи Колесникова за 1940 г.: статья «Кедр в Коми АССР» (Д. 24), отчет о полевых работах «Лесная растительность юго-восточной части бассейна р. Вычегды» (Д. 25) и научный отчет о полевых работах лесотипологического отряда Вычегодской лесохозяйственной экспедиционной партии Северной базы АН СССР (Д. 26).

Итак, исследование лесов выбранного района поддерживали и проектная организация «Гипролестранс», и академическое учреждение Северной базы АН СССР.

Долгое время тип леса рассматривали в лесоведении как явление только пространственное, статическое. Появление еще в 1930 г. трудов ботаника и селекционера, впоследствии академика АН СССР, В. Н. Сукачева объективно требовало применения новых принципов анализа лесных биогеоценозов [11]. Но в Архангельске изучение лесной типологии по принципам, предложенным В. Н. Сукачевым, еще не было известно и не применялось практиками. Исследование Колесникова стало первым опытом использования принципов генетической классификации

типов леса при исследовании монодоминантных лесов Европейского Севера, т. е. была разработана «классическая эколого-фитоценотическая система рядов типов леса В. Н. Сукачева» [12].

Предварительный отчет Б. П. Колесникова о работах лесотехнического отряда Вычегодской лесохозяйственной экспедиционной партии Северной базы АН СССР содержит обширный текст «Лесная растительность юго-восточной части бассейна р. Вычегды по наблюдениям на правом берегу р. Нем и междуречье р. Нем и Лопь-Ю», преимущественно в районе с. Мыелдино. Визуальное восприятие текста в значительной степени увеличивали более 40 фотоснимков [9]. Но завершить все намеченное в 1940 г. Колесникову не удалось. Исследования продолжал И. С. Мелехов.

Начало Великой Отечественной войны круто изменило планы научной работы, а с ноября 1941 г. прекратилось финансирование Северной базы [там же]. Борис Павлович выехал из Коми АССР к ноябрю 1941 г., когда уже была завершена основная эвакуация Северной и Кольской баз АН СССР в Сыктывкар. Таким образом, Колесников работал на Европейском Севере с весны 1939 по ноябрь 1941 г.

Ученый вернулся на Дальний Восток, где выполнял государственные задания по мобилизации ботанических ресурсов для нужд обороны. В 1951 г. в Институте леса АН СССР он защитил докторскую диссертацию «Кедровые леса Приморского края», подготовил монографию «Кедровые леса Дальнего Востока». К этому времени разработанная Б. П. Колесниковым лесная типология стала основополагающей в отечественной науке.

В 1956 г. ученый переехал в Свердловск, где руководил лабораторией лесоведения Института биологии Уральского научного центра АН СССР. В 1963–1968 гг. Б. П. Колесников был ректором Уральского университета им. А. М. Горького и создал кафедру геоботаники, затем реорганизованную в кафедру биогеоценологии охраны природы (1968). К 1976 г. Б. П. Колесников стал одним из организаторов и руководителем Комиссии по охране природы Уральского научного центра АН СССР. Результаты деятельности комиссии отражают восемь сборников, три из них были посвящены растительности и промышленным загрязнениям, памятникам природы, охране природы и рациональному использованию природных ресурсов Урала.

Со Свердловским периодом научно-организационной деятельности Колесникова связан эпизод научной биографии автора данной статьи. Тогда молодой кандидат биологических наук заведовал отделом и был ученым секретарем Уральского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Один из сотрудников института, Михаил Филиппович Петров, снискал себе славу грамотного специалиста по кедровым лесам СССР, посвятив кедрю более 40 лет, опубликовал много обзорных и научно-популярных работ по кедру, большое внимание уделял сохранению кедровых богатств страны. В 1960 г. М. Ф. Петров подготовил аннотированный библиографический указатель отечественной литературы за 200 лет «Кедровые леса и их комплексное использование» за

1755–1957 гг. Научными редакторами этого справочника стали Б. П. Колесников и М. П. Рощевский [13].

Другую часть научного наследия Б. П. Колесникова составляет комплект его научных сочинений, собранных Научной библиотекой Коми НЦ УрО РАН.

Библиотека создана в 1944 г. Ее основой стала литература, оставленная в Сыктывкаре после эвакуации Северной и Кольской баз АН СССР. Научные сотрудники научного учреждения отмечали в декабре 1948 г. крайнюю необходимость «литературы по лесной и топливно-энергетической тематике». Появление таких сочинений Колесникова, как «Лиственничные леса Средне-Амурской равнины» (Труды Дальневосточной базы им. академика В. Л. Комарова. Сер. ботаническая / АН СССР. – Владивосток: Изд. и тип. Примиздата, 1947. – 104 с.) и Ливеровского Ю. А., Колесникова Б. П. «Природа южной половины советского Дальнего Востока: Физ.-геогр. характеристика» (М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1949. – 383 с.: ил., карт. (Природа СССР. Научно-популярные очерки / АН СССР. Ин-т географии; отв. ред. А. А. Григорьев) в Научной библиотеке Коми филиала АН СССР напрямую связано с созданием в 1947 г. отдела леса. К сожалению, в библиотеке к концу 2024 г. насчитывалось только около 40 его сочинений.

Основным источником комплектования этих книг были заказы по плановым темам исследований сектора лесного хозяйства (с 1962 г. – лаборатория лесоведения и лесоводства Института биологии Коми филиала АН СССР). Инициатором этих заказов являлся участник экспедиции П. Б. Колесникова 1940 г. Н. А. Лазарев, который в 1956–1967 гг. заведовал отделом леса Коми филиала АН СССР и много сделал для становления лесобиологических исследований в республике и комплексных биогеоценологических исследований отдела. Основными итогами научной деятельности коллектива стала монография «Леса и лесная промышленность Коми АССР» (1961), а также комплект лесных карт и карт растительности для «Атласа Коми АССР» (1964).

Со времени переезда П. Б. Колесникова в Свердловск новые публикации привозили в Научную библиотеку Коми филиала АН СССР участники научных конференций.

Труды Колесникова в Научной библиотеке Коми НЦ УрО РАН позволяют выделить некоторые особенности его публикационной активности Свердловского периода: появились работы, написанные в соавторстве [14], значительно расширена научно-редакционная деятельность, возрос авторитет ученого. Колесников выдвигал и обосновывал многие проблемы развития лесоведения, особенно в русле сохранения природы, а его публикации доказывали межрегиональные научные связи и межпоколенческую преемственность исследований природы лесов.

Тематическая подборка произведений Колесникова и публикаций под его редакцией в Научной библиотеке Коми НЦ УрО РАН оказала определенное влияние на развитие научных школ по лесоведению, содействовали разработке многих проблем лесоведения, а также развитию научного анализа библиотечеведческих проблем и библиотечного краеведения.

Изучение Б. П. Колесниковым лесов Коми АССР было непродолжительным, но он делал это умело и талантливо, выдвинув новые проблемы сохранения лесных ресурсов и методы изучения лесных массивов.

Научные отчеты Б. П. Колесникова о работе в Коми АССР постоянно привлекали внимание исследователей. По предложению заведующего сектором лесного хозяйства Коми филиала АН СССР Г. О. Голято опубликовать отчет Колесникова руководство филиала еще в начале 1950-х гг. отправило рукопись автору. Но Борис Павлович писал 15 января 1951 г., что «по ряду обстоятельств провести редакцию не успел», а в связи с возвращением на работу в Дальневосточный филиал АН СССР «возможность к этому еще более уменьшается» [9].

Исследователи по-прежнему активно изучали отчет, что подтверждают записи на листах использования в архивных делах. Одна из читательниц обработала все геоботанические списки Колесникова «и использовала при написании диссертации» (1976), другая «еще раз просмотрела для сообщения о творческом наследии Б. П. Колесникова» (1981).

В 1980 г. Научный совет АН СССР по проблеме «Биологические основы рационального использования, преобразования и охраны растительного мира» организовал научный симпозиум, посвященный памяти Б. П. Колесникова. Научный сотрудник Института биологии Коми филиала АН СССР из Сыктывкара Н. И. Непомилуева рассказала на симпозиуме о рукописи Б. П. Колесникова «Лесная растительность юго-восточной части бассейна р. Вычегды». Она акцентировала внимание на том, что отчет содержал богатую информацию о полевых работах лесотипологического отряда Вычегодской лесохозяйственной экспедиционной партии Северной базы АН СССР летом 1940 г. На симпозиуме рекомендовали опубликовать работу Колесникова.

Вернувшись в Сыктывкар Н. И. Непомилуева развернула активную работу по выверке рукописи, сопоставила его данные с уровнем науки 1980-х гг., выделила авторские новации и высочайшим образом оценила работу Колесникова по характеристике лесов бассейна р. Вычегды. Затем Непомилуева привлекла специалистов разных научных направлений для оценки научных позиций Б. П. Колесникова. Недаром редакционная группа выражала искреннюю благодарность сотрудникам Коми филиала АН СССР, геологам, географам, почвоведом и ботаникам Б. И. Гуслицеру, Э. И. Лосевой, Э. П. Галенко, А. М. Вяткиной, И. Б. Арчевой, В. Г. Казакову, А. Н. Лашенковой, которые «просмотрели рукопись в целом или отдельные ее главы и своими советами и замечаниями помогли подготовить ее к печати». Сама Непомилуева как редактор выполнила всю подготовку рукописи к публикации [15].

Большое значение получила еще одна часть научного наследия Б. П. Колесникова в гербарии Института биологии Коми научного центра УрО РАН.

Гербарий основан в 1941 г. А. И. Толмачевым. В 1941–1949 гг. ботаники выполняли множество геоботанических работ с целью планомерного изучения флоры и растительности территории. Основная специализация Научного

гербария – документация флоры споровых и сосудистых растений, лишенобиоты и микобиоты Европейского Северо-Востока России. В настоящее время гербарий входит в состав отдела флоры и растительности Севера Института биологии Коми НЦ УрО РАН. Гербарий относят к числу крупнейших в России: он содержит 296 тыс. листов [17], причем, коллекции собраны на территории площадью свыше 1 млн км², в том числе Республики Коми и Архангельской области с Ненецким автономным округом.

Коллекция Колесникова поступила в Сыктывкар 20 сентября 1941 г. вместе с гербарием И. А. Перфильева. Их вывезли из Архангельска сотрудники эвакуированной Северной базы АН СССР. Основу гербария создавали крупные коллекторы И. А. Перфильев, А. И. Толмачев, А. П. Шенников, Н. В. Дылис, А. А. Корчагин, А. М. Леонтьев и др. Но наиболее крупной и ранней стала коллекция Б. П. Колесникова, собранная при обследовании Мыелдинской лесной дачи Усть-Куломского района Коми АССР. Как установила Н. И. Непомилуева, «определение лишайников выполнили В. П. Савич и Е. К. Штуксберг, мохообразных – Л. И. Савич-Любичкая и Р. Н. Шляков, трутовиков – Ю. В. Аф. Часть гербария высших сосудистых растений определили И. А. Перфильев [...] и А. И. Толмачев [...]».

Коллекция Северной базы содержала 15 062 образца сборов за 1920–1930-х гг. от десяти научных сотрудников Северной базы, в том числе Б. П. Колесникова.

Коллекцию сумели обработать много лет спустя, когда создали группу бриологов под руководством кандидата биологических наук, старшего научного сотрудника лаборатории геоботаники и систематики растений Института биологии Коми филиала И. Д. Кильдюшевского и выпускницы Ленинградского университета доктора биологических наук с 2004 г. Г. В. Железновой [16]. В 233 конвертах Б. П. Колесникова выделили грибы, печеночные мхи (печеночники), впервые выявленные на территории Коми АССР, а также сфагновые мхи, которые образуют верховые (сфагновые) болота и являются источником для образования торфа. Материалы гербария явились основой для написания «Определителя высших растений Коми АССР» (1962). Ботанические сборы Б. П. Колесникова из гербария использовали при составлении карт ареалов и для подготовки 4-томной «Флоры северо-востока европейской части СССР» под редакцией проф. А. И. Толмачева (1974–1977). К 2017 г. гербарий получил статус уникальной научной установки SYKO.

Таким образом, самую крупную коллекцию начала 1940-х гг. (3150 образцов, в которых представлено 209 видов) собрал Б. П. Колесников во время лесотипологического обследования Мыелдинской лесной дачи Усть-Куломского района. Недаром Б. П. Колесникова называют одним из основателей гербария Института биологии, а гербарий считают выдающимся. Уместно отметить еще одну заслугу Б. П. Колесникова. Он сумел привлечь для обработки гербария репрессированных ботаников страны.

Итак, накопленная в ФИЦ Коми НЦ УрО РАН часть научного наследия члена-корреспондента АН СССР, профессора, доктора биологических наук Б. П. Колесникова представляет собой триединый комплекс, включает

неопубликованные творческие документы, в том числе содержащие новые принципы обоснования проблемы исследований, научные исследования, делопроизводственную документацию и несколько писем по организации исследований в новом районе. Вторая часть – опубликованные научные работы Колесникова, которые отражают вклад крупного ученого в изучение территории Европейского Северо-Востока и Урала. Третья часть – гербарные, в том числе ботанические, сборы на территории Европейского Северо-Востока, учитывая опыт аналогичных дальневосточных исследований.

В совокупности выявленные части научного наследия Колесникова являются богатым источником для изучения исторического опыта познания естественной природы Севера России, преимущественно богатых лесов; позволяют дополнить и уточнить социальные и организационные аспекты истории науки в контексте биолого-природоохранных наук, а в рамках социокультурного регионоведения – осветить профессиональное взаимодействие и историю изучения растительных ресурсов Европейского Севера на основе аналогичных исследований по территории Дальнего Востока.

Таким образом, в ФИЦ Коми НЦ УрО РАН сформирован комплекс различных материалов научного наследия Б. П. Колесникова, имеющий большое историческое значение для составления карт восстановленной растительности, а его геоботанические описания типов леса могут быть расценены как естественно-историческая модель высокопродуктивных ценозов, которые существовали здесь в 1940-х гг. Над обработкой комплекса трудились несколько поколений научных работников Центра. Новые поколения исследователей продолжают опираться на эти данные.

Сотратники и последователи обработали и сохраняют различные материалы Б. П. Колесникова, проанализировали с точки зрения развития лесоведения и ресурсоведения и издали монографию Б. П. Колесникова. В подготовке к изданию участвовали до десяти научных сотрудников Коми филиала АН СССР разных специальностей. Они обратили внимание на разнообразие и глубину подхода мэтра лесоведения середины XX в. к профильному разнообразию и значению собранных материалов. Осмысление роли ученого в изучении природных ресурсов Севера, преимущественно лесной растительности, позже продолжили специалисты других наук при изучении гербарных коллекций Института биологии Коми филиала АН СССР. Выяснено, что собранный Б. П. Колесниковым гербарий представляет богатое разнообразие растительности региона, а его самого можно отнести к крупным специалистам гербарного дела.

В Коми научном центре многое сделано для сохранения исторической памяти, научного наследия члена-корреспондента АН СССР, доктора биологических наук Б. П. Колесникова.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Богатов, В. В. Дальневосточный филиал АН СССР (1932–1939): Страницы истории / В. В. Богатов // Вестник ДВО РАН. – 2017. – № 5.
2. Роцевский, М. П. Сыктывкар и Республика Коми в судьбе академиков и членов-корреспондентов АН СССР и РАН / М. П. Роцевский, Л. П. Роцевская, Г. Н. Береснева // Вестник Коми научного центра Уральского отделения Российской АН. Вып. 14: Архивы Уральского отделения Российской академии наук: материалы науч. конф. – Сыктывкар, 1999. – С. 164–180.
3. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] Т. 1–30 / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
4. Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: краткий биографический справочник / науч. ред. и сост.: Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. – СПб.: «Реноме», 2020. – 168 с. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 17). – ISBN 978-5-00125-398-3; DOI: 10.25990/archiveras.bs.d0y2-7315. – С. 84–86.
5. Ивашов, А. В. Колесников Борис Павлович – выдающийся ученый-лесовод и эколог / А. В. Ивашов, В. Б. Пышкин, Г. Е. Бойко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Биология, химия». Т. 21 (60). – 2008. – № 1. – С. 37–43.
6. Отчет о научно-исследовательских работах Северной базы Академии наук СССР за 1939 год / Академия Наук СССР, Северная база. – Архангельск: Правда Севера, 1941. – С. 6.
7. Колесников, Б. П. Растительность восточных склонов Среднего Сихотэ-Алиня / Б. П. Колесников // Труды Сихотэ-Алинского заповедника. Вып. 1. – М., 1938.
8. Колесников, Б. П. Новая кустарниковая береза Сихотэ-Алиня / Б. П. Колесников, И. А. Перфильев // Труды Дальневосточной горнотажной станции АН СССР. Т. 4. – М., 1941. – 8 с. – URL: <http://library.syktu.ru/images/files/tolmachev.pdf>.
9. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–2; Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61а. Л. 8. Ф. 1. Оп. 4. Д. 25. Л. 1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. 237 +5 л.; Д. 26. 40 л.;
10. Мелехов, И. С. Об изменении анатомического строения древесины сосны под влиянием лесных пожаров / И. С. Мелехов; Архангельский лесотехнический ин-т им. В. В. Куйбышева. Вып. 16. – Архангельск, 1940. – 54 с.
11. Сукачев, В. Н. Руководство к исследованию типов лесов / В. Н. Сукачев. 2-е изд., перераб. и доп. – М.; Л.: Гос. сельскохозяйств. изд-во, 1930. – 318 с.
12. Колесников, Б. П. Лесная растительность юго-восточной части бассейна Вычегды / Б. П. Колесников; отв. ред.: Н. И. Непомилуева, В. А. Розенберг. – Л.: Наука, 1985. – С. 3.
13. Петров, М. Ф. Кедровые леса и их комплексное использование: аннотированный указатель отечественной литературы за 1755–1957 гг. / М. Ф. Петров; ред.: Б. П. Колесников, М. П. Роцевский. – Свердловск, 1961. – 143 с.

14. Шварц, С. С. Диалог о природе / С. С. Шварц. – Свердловск: Сред. Урал. кн. изд-во, 1977. – 216 с.
15. Котелина, Н. С. Наталья Ивановна Непомилуева (страницы биографии ботанико-географа) / Н. С. Котелина; отв. ред. С. В. Дёгтева. – Сыктывкар, 1996. – 32 с.
16. Кильдюшевский, И. Д. К биофлоре Коми АССР / И. Д. Кильдюшевский, Г. В. Железнова // Ботанический журнал. – 1974. – Т. 59, № 6. – С. 849-858.
7. Kolesnikov, B. P. Rastitel'nost' vostochnih sklonov Srednego Sikhote-Alinya [Vegetation of the eastern slopes of the Middle Sikhote-Alin] / B. P. Kolesnikov // Works of the Sikhote-Alin Nature Reserve. Issue 1. – Moscow, 1938.
8. Kolesnikov, B. P. Novaya kustarnikovaya bereza Sikhote-Alinya [New shrub birch of Sikhote-Alin] / B. P. Kolesnikov, I. A. Perfilov // Proc. of the Far Eastern Mountain Taiga Station of the USSR Academy of Sciences. Vol. 4. – Moscow, 1941. – 8 p. – URL: <http://library.syktu.ru/images/files/tolmachev.pdf>.
9. NA Komi NTs UrO RAN [Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. F. 1. Op. 1. D. 42. L.1-2. Ibid. F. 1. Op.1. D. 59. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 61a. L. 8. Ibid. F. 1. Op. 4. D. 25. L. 1. Ibid. F. 1. Op. 4. D. 25. 237+5 L, D. 26. 40 L.
10. Melekhov, I. S. Ob izmenenii anatomicheskogo stroeniya drevesiny sosny pod vliyaniem lesnyh pozharov [On the change in the anatomical structure of pine wood under the influence of forest fires] / I. S. Melekhov // V. V. Kuibyshev Arkhangelsk Forestry Inst. Issue. 16. – Arkhangelsk, 1940. – 54 p.
11. Sukachev, V. N. Rukovodstvo k issledovaniyu tipov lesov [Guidelines for the study of forest types]. 2 nd edition, revised and updated / V. N. Sukachev. – Moscow, Leningrad: State Agricultural Publ. House, 1930. – 318 p.
12. Kolesnikov, B. P. Lesnaya rastitel'nost' yugo-vostochnoi chasti basseina Vychehdy [Forest vegetation of the south-eastern part of the Vychehda basin] / B. P. Kolesnikov, Eds. N. I. Nepomilueva, V. A. Rozenberg. – Leningrad: Nauka, 1985. – P. 3.
13. Petrov, M. F. Kedrovie lesa i ih kompleksnoe ispolzovanie: annotirovannii ukazatel' otechestvennoi literatury za 1755-1957 gg. [Cedar forests and their complex use: annotated index of Russian literature for 1755-1957] / M. F. Petrov, Eds. B. P. Kolesnikov, M. P. Roshchevsky. – Sverdlovsk, 1961. – 143 p.
14. Schwartz, S. S. Dialog o prirode [Dialogue about nature] / S. S. Schwartz. – Sverdlovsk : Urals Publ. House, 1977. – 216 p.
15. Kotelina, N. S. Natalia Ivanovna Nepomilueva (pages of the biography of the botanical geographer) / N. S. Kotelina; Ed. S. V. Degteva. – Syktывkar, 1996. – 32 p.
16. Kildyushevsky, I. D. O bryoflore Komi ASSR [On the bryoflora of the Komi ASSR] / I. D. Kildyushevsky, G. V. Zheleznova // Botanical J. – 1974. – Vol. 59. No. 6. – P. 849-858.

References

1. Bogatov, V. V. Dalnevostochnii filial AN SSSR (1932-1939): Stranitsy istorii [Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences (1932-1939): Pages of History] / V. V. Bogatov // Bull. of the Far Eastern Branch, RAS. – 2017. – No. 5.
2. Vestnik Komi nauchnogo centra Uralskogo Otdeleniya Rossiiskoi AN [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences]. Issue 14 : Archives of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences]: materials of Sci. Conf. – Syktывkar, 1999. – P. 164-180.
3. Bolshaya sovetskaya enciklopediya [The Great Soviet Encyclopedia] (in 30 volumes). Vol. 1-30 / Ch. Ed. A. M. Prokhorov. – 3rd edition. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969-1978.
4. Uchenye – fondoobrazovatel'nyi Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva Rossiiskoi akademii nauk: kratkii biograficheskii spravochnik [Fund forming scientists of the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences: brief biographical reference book] / Sci. Eds. and Comp. E. Yu. Basargina, I. V. Tunkina. – St. Petersburg ARAN. – St. Petersburg ; Renome, 2020. –168 p. (Ad fontes. Materials and research on the history of science; issue 17). ISBN 978-5-00125-398-3. – DOI: 10.25990/archiveras.bs.d0y2-7315 – P. 84-86.
5. Ivashov, A. V. Kolesnikov Boris Pavlovich – vidyuschiysya ucheniye-lesovod i ekolog [Kolesnikov Boris Pavlovich – an outstanding scientist, forester and ecologist] / A. V. Ivashov, V. B. Pyshkin, G. E. Boyko // Sci. notes of V. I. Vernadsky Tauride National University. Series "Biology, Chemistry". Vol. 21 (60). – 2008. – № 1. – P. 37-43.
6. Otchet o nauchno-issledovatel'skikh rabotakh Severnoi bazy Akademii nauk SSSR za 1939 god [Report on scientific research works of the Northern Base of the USSR Academy of Sciences for 1939] / USSR Academy of Sciences, Northern Base. – Arkhangelsk : Pravda Severa, 1941. – P. 6.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400019-4-6.1.1 «Научное изучение документального наследия академической науки на Европейском Северо-Востоке России».

За предоставление необходимых сведений искренне благодарю заведующую отделом обслуживания читателей Научной библиотеки Коми НЦ УрО РАН Г. Е. Шикиряву.

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared as part of the implementation of the state task on the research topic No. 1022041400019-4-6.1.1 «Scientific Study of the Documentary Heritage of Academic Science in the European North-East of Russia».

I sincerely thank G. E. Shikiryavaya, Head of the Reader Services Department at the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, for providing the necessary information.

Информация об авторах:

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0003-2608-0996 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: lp38rosh@gmail.com).

Рощевский Михаил Павлович – доктор биологических наук, академик АН СССР, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID ID 0000-0001-7129-3566 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26).

Authors:

Larisa P. Roshchevskaya – Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Department of Humanitarian Interdisciplinary Research, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-2608-0996 (24, Kommunisticheskayas st., Syktyvkar167982, Russian Federation; e-mail: lp38rosh@gmail.com).

Mikhail P. Roshchevsky – Dr. Sci. (Biology), Academician of the USSR Academy of Sciences, Prof., Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences”; ORCID ID 0000-0001-7129-3566 (26, Kommunisticheskayas st., Syktyvkar167982, Russian Federation).

Для цитирования:

Рощевская, Л. П. Материалы Коми научного центра УрО РАН о научной деятельности члена-корреспондента АН СССР Б. П. Колесникова / Л. П. Рощевская, М. П. Рощевский // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 95–102.

For citation:

Roshchevskaya, L. P. Materials of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences on the scientific activities of the Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences B. P. Kolesnikov / L. P. Roshchevskaya, M. P. Roshchevsky // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2025. – No. 8 (84). – P. 95–102.

Дата поступления статьи: 27.10.2025

Прошла рецензирование: 31.10.2025

Принято решение о публикации: 05.11.2025

Received: 27.10.2025

Reviewed: 31.10.2025

Accepted: 05.11.2025

К истории создания Института химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (по документам академического архива)

С. А. Симакова

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
simakova74@list.ru

Аннотация

В работе на основе архивных документов реконструирована история, определены условия и основные факторы становления и развития Отдела химии Коми НЦ УрО РАН и организации на его базе института. Процесс создания профильного научного подразделения в академическом учреждении начался во второй половине 1960-х гг. Определено, что основными факторами становления и развития Отдела химии в Коми филиале АН СССР стали реализация мероприятий, направленных на интенсификацию химических исследований, в частности, организация целевого обучения и укрепление материально-технической базы научных учреждений, которые проводились в рамках государственной политики ускоренного развития химической промышленности в стране в 1950–1960-е гг.; а также необходимость технологического развития промышленных центров региона. Деятельность ученых в 1960–1990-е гг. была сосредоточена на создании теоретических основ, схем и технологий комплексной переработки местного минерального и древесного сырья, получения функциональных керамических и композиционных материалов. Представители академического сообщества способствовали формированию научного потенциала, послужившего необходимой базой для организации Института химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Ключевые слова:

Отдел химии Коми филиала Академии наук СССР, Институт химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Республика Коми, химия, химическая технология, локальная институционализация науки

История развития химических исследований в Республике Коми неразрывно связана с историей ее промышленного развития. Регион характеризуется наличием природных ресурсов, в числе которых каменный уголь, нефть,

On the history of the creation of the Institute of Chemistry of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (based on the documents of the academic archive)

S. A. Simakova

Department of Humanitarian Interdisciplinary Research, Federal
Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
simakova74@list.ru

Abstract

Based on archival documents, the work reconstructs the history, defines the conditions and main factors of the formation and development of the Department of Chemistry of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, and the organization of the institute on its basis. The process of creating a specialized scientific unit in an academic institution began in the second half of the 1960s. It was determined that the main factors in the formation and development of the Department of Chemistry in the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences were the implementation of measures aimed at intensifying chemical research, in particular, the organization of targeted training and strengthening the material and technical base of scientific institutions, which were carried out within the frames of the state policy of accelerated development of the chemical industry in the country in the 1950–1960s, and the need for technological development of the industrial centers in the region. The activities of scientists in the 1960–1990s were focused on the creation of theoretical foundations, schemes and technologies for the comprehensive processing of local mineral and wood raw materials, the production of functional ceramic and composite materials. Representatives of the academic community contributed to the formation of scientific potential, which served as the necessary basis for the organization of the Institute of Chemistry of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences.

Keywords:

Department of Chemistry of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences; Institute of Chemistry of the of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; Komi Republic, chemistry, chemical engineering, local institutionalization of science

природный газ, горючие сланцы, титансодержащие руды, бокситы, а также значительные лесные запасы. В 1930–1940-е гг. на базе угольных, нефтяных и газовых месторождений были построены и введены в действие добыва-

ющие и обрабатывающие производства. В 1969 г. начало работу предприятие по комплексной химической переработке древесины. Научно-техническое обслуживание обрабатывающих производств в 1930–1940-е гг. обеспечивали заводские химические лаборатории. В 1950–1960-е гг. исследования по проблемам рациональной и комплексной переработки добываемого сырья начались в отраслевом и академическом научно-исследовательских учреждениях.

В настоящее время химические исследования в республике сосредоточены в организациях научно-производственного и образовательного профилей, а также академическом учреждении – Институте химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, созданном в 1995 г. на базе Отдела химии Коми НЦ УрО РАН. В нем развиваются фундаментальные и прикладные направления, связанные с изучением минерального и растительного сырья, проблемами его рационального использования. В период очередного реформирования перед научной сферой возникают новые вызовы, детерминированные необходимостью поиска оптимальных путей ее развития, налаживания новых механизмов взаимодействия с государственными структурами и производством. В этой связи актуальным является изучение опыта становления, развития и институционализации химической науки в республике, способствующее раскрытию накопленного научного потенциала, механизмов формирования перспективных научных направлений и влияния социально-политических и экономических условий на развитие науки.

Исследователями изучены процессы становления научно-исследовательских работ по химической технологии горючих ископаемых, лесохимии в 1940–1960-е гг. [1–3], по проблемам получения керамических и композиционных материалов в 1980–1990-е гг. в Коми филиале АН СССР (с 1988 г. – Коми НЦ УрО АН СССР, с 1991 г. – Коми НЦ УрО РАН) [4]. Краткая история развития основных направлений химических исследований в 1960–1990-е гг., наиболее значимые результаты отражены в ряде юбилейных изданий, специальных выпусках «Трудов...» Коми филиала АН СССР [5–8], работах сотрудников Института химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН [9, 10]. Основные этапы становления и развития химических исследований в Коми НЦ УрО РАН освещены в научных и научно-справочных трудах по истории академической науки в Республике Коми [11, 12]. Комплексно процесс формирования профессионального сообщества ученых-химиков в академическом учреждении не изучался.

Основой исследования стали научные и научно-организационные документы фонда Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук и его подразделений, фондов институтов химии и биологии Коми НЦ УрО РАН, хранящихся в Научном архиве ФИЦ Коми УрО РАН. Документы позволили реконструировать историю организации и развития Отдела химии, выявить факторы, определившие этот процесс, условия и важнейшие этапы институционализации химической науки в регионе.

Институт не начинает свою работу с нуля, для его развития необходима соответствующая научно-иссле-

довательская база, люди, обладающие большим научным опытом, новыми идеями, научными заделами. Предыстория формирования в академическом учреждении республики научно-исследовательского коллектива, решающего задачи, связанные с рациональным использованием местного природного сырья, относится к 1940-м гг. В 1941–1942 гг. в Базе Академии наук СССР по изучению Севера, организованной в Сыктывкаре при объединении эвакуированных Кольской и Северной баз АН СССР, были созданы лаборатории химии древесины и горючих ископаемых [13, л. 154; 14, л. 12]. Проблематика исследований сотрудников лабораторий, ученых-химиков к.х.н. Д. Н. Курсанова и к.х.н. М. А. Грехнева, эвакуированных из центральных научно-исследовательских учреждений, определялась потребностями местных предприятий, обусловленных нуждами военного времени. По запросу Промышленного союза кооперативов Коми АССР, который организовывал деятельность промартелей республики, решались задачи, направленные на развитие смоло-скипидарного производства в регионе. Ученые также определяли возможность получения горюче-смазочных материалов для автотранспортных предприятий из местного сырья. В результате ими были намечены пути переработки древесины и горючих сланцев, лабораторными исследованиями определена возможность получения из них заменителей смазочных масел, бензина, керосина и других ценных продуктов [3, с. 135]. Однако в 1946 г. работы были остановлены, поскольку в удаленном от центра страны академическом учреждении в период становления остро стояла проблема нехватки специалистов-химиков, научной литературы, оборудования, реактивов.

В 1951 г. Коми филиал АН СССР включился в исследование по общеакадемической проблеме развития Урало-Печорской угольно-металлургической базы. Проект предусматривал переориентацию углей Печорского бассейна на использование в технологических целях (в качестве металлургического кокса) и снабжения ими предприятий металлургической промышленности Северного и Среднего Урала. В разработке проблемы участвовали Совет по изучению производительных сил АН СССР, Уральский филиал АН СССР; академические институты (металлургии, экономики, геологии и др.); отраслевые проектно-конструкторские и научно-исследовательские учреждения. В рамках этой проблемы Коми филиал АН СССР проводил геологическое изучение территорий Северного, Приполярного и Полярного Урала, Печорской низменности; разрабатывал экономическое обоснование строительства железнодорожной магистрали, которая могла соединить Воркутинский район с уральскими металлургическими предприятиями. Химические исследования по проблемам использования каменных углей Печорского бассейна проводили сотрудники Печорского научно-исследовательского угольного института [15, л. 23, 27, 52, 59]. Обсуждение результатов научных разработок проходило на совещаниях по вопросам комплексного использования природных ресурсов Воркутинского и Ухтинского промышленных районов [16, 17].

Тем не менее вопрос организации в Коми АССР научно-исследовательского учреждения для решения фундаментальных и прикладных проблем рационального использования местного минерального и древесного сырья был тесно связан с перспективами дальнейшего промышленного развития республики, создания наукоемких производств. Это осознавали ученые Коми филиала АН СССР, а также местные партийные и государственные руководящие органы. В 1950-е гг. Коми областной комитет КПСС неоднократно обращался в Президиум АН СССР с предложением об организации в филиале Отдела химии [18, л. 5, 6]. Предложение было поддержано Президиумом АН СССР в 1958 г. В постановлении «О мероприятиях по развитию Урало-Печорской угольно-металлургической базы» от 27 июня 1958 г. Президиум АН СССР обязал Коми филиал АН СССР организовать Отдел химии «для решения вопроса рациональной и комплексной переработки топливного и минерального сырья» [19, л. 4–6].

В становлении Отдела большую роль сыграл инициированный Правительством страны в конце 1950-х гг. курс на химизацию народного хозяйства, утвержденный в мае 1958 г. постановлением Пленума ЦК КПСС «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства». В соответствии с постановлением в плане экономического развития страны на 1959–1965 гг., утвержденном на XXI съезде КПСС в начале 1959 г., было предусмотрено значительное увеличение капиталовложений в химическую промышленность, теоретические и прикладные исследования в области химии и химической технологии [20].

22 декабря 1960 г. был издан приказ по Коми филиалу АН СССР об организации Отдела химии [21, л. 736]. Деятельность научного подразделения планировалось направить на решение проблем рационального и комплексного использования газов, нефти, каменного угля, редкоземельного сырья, древесины и других природных ресурсов региона [22, л. 2, 3]. Однако уже в 1963 г. из-за отсутствия ученых-химиков, которые могли бы возглавить научное направление, тема Отдела была исключена из плана научно-исследовательских работ филиала, а его сотрудники переведены в Лабораторию радиобиологии Института биологии Коми филиала АН СССР [23, л. 2]. Здесь они совместно с учеными Института проводили плановые исследования радиационной и геохимической обстановки района повышенной естественной радиации [24, л. 8, 9; 25, л. 9, 10].

Планомерные химические исследования в академическом учреждении начались в 1967 г. [26, л. 111], когда Отдел химии возглавил выпускник аспирантуры Коми филиала АН СССР, к.х.н. В. Д. Давыдов. Под его руководством развивались исследования по проблемам, связанным с химией и технологией химической переработки древесины и ее компонентов. В рамках этого научного направления широкий спектр задач решали В. А. Дёмин, Л. С. Кочева, Б. Ф. Куковицкий, В. А. Лодыгин, А. П. Карманов, Г. Я. Осипова и др. В их числе изучение процессов делигнификации древе-

сины и целлюлозы; модификации технических видов лигнина, целлюлоз; выделения и изучения лигнин-углеводных комплексов [27, л. 7; 28, л. 6, 11]. Работа проводилась при участии сотрудников Института химии древесины АН Латвийской ССР, научно-исследовательской лаборатории Сыктывкарского ЛПК, Ташкентского филиала Казанского НИИ химических продуктов (п/я В-8870) и др.

В конце 1970-х гг. результаты исследований ученых, опубликованные в научных изданиях [29–33]; подготовленные кандидатские диссертации В. А. Дёмина [34] и В. А. Лодыгина [35]; а также наличие оборудования и помещений для проведения исследований послужили основанием к созданию в Отделе самостоятельной лаборатории для решения проблем в области химии древесины. 30 мая 1978 г., по решению Президиума Коми филиала АН СССР [36, л. 116], издан приказ об организации лаборатории химии древесины в составе заведующего В. Д. Давыдова, сотрудников Г. Я. Тысячной, В. А. Лодыгина, В. А. Дёмина, Т. М. Жуковой и шести старших лаборантов [37, л. 170–171]. На основании теоретических исследований сотрудниками лаборатории были созданы и рекомендованы к внедрению разработки, связанные с делигнификацией целлюлозы, получением бумаги и очистки сточных вод, схема получения органоминерального удобрения с использованием гидролизного лигнина и др., прошедшие успешные испытания на Сыктывкарском ЛПК, Сыктывкарской фабрике нетканых материалов, Княжпогостском заводе ДВП [38, л. 17, 77; 39, л. 63, 76].

Во второй половине 1970-х – 1980-е гг., наряду с работами в области химии и химической технологии древесины и ее компонентов, в Отделе химии получили развитие исследования по проблемам комплексного использования минерального сырья республики. В этот период Отделом руководили В. М. Попов (1973–1978), к.х.н. В. Я. Овченков (1978–1980) и к.х.н. В. Н. Сюткин (1981–1990). Научное направление было организовано в соответствии с решением, принятым на XXXI сессии Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик, в котором одной из крупных перспективных комплексных проблем в районах Европейского Северо-Востока СССР была обозначена задача освоения месторождений нефти, газа и титановых руд Коми АССР; а также постановлением Президиума АН СССР № 489 от 10 июня 1976 г. «О расширении химических исследований и укреплении отдела химии» [40, л. 6]. В постановлении были обозначены основные направления научных исследований Отдела: химическая технология древесины и разработка физико-химических основ эффективной комплексной переработки минерального сырья Коми АССР, определенные, исходя из задач, выдвинутых XXV съездом КПСС, перед наукой, с учетом планов по развитию народного хозяйства Коми АССР на 1976–1980-е гг. [41, л. 163; 42, л. 1, 4, 7]. В 1975 г. в составе Отдела созданы две группы: изучения нефти и титаносодержащего сырья республики и способов его химико-технологической переработки [43, л. 197–199]. В 1980 г. на их основе организована лаборатория химии и технологии минерального сырья и нефти [44, л. 7], в числе сотрудников которой были О. А. Конык, к.х.н. Л. П. Карманова, к.х.н. Л. А. Никулина.

С целью разработки научных основ эффективного использования минерального сырья ученые определяли физико-химические свойства, фракционный и групповой составы нефтей, добываемых в Республике Коми и Ненецком автономном округе (Ярегского, Усинского, Западно-Тэбукского, Харьягинского месторождений); проводили теоретические и прикладные исследования, направленные на решение проблем их эффективного использования [45, л. 86]; изучали состав и свойства горючих сланцев Сысольского и Яренгского сланценосных районов; разрабатывали способы комплексной переработки ярегских титановых концентратов и бокситов Верхне-Шугорского месторождения Среднего Тимана. Исследования развивались при сотрудничестве с Институтом ПечорНИПИнефть, Коми филиалом ВНИИГАЗ, Институтом химии Башкирского научного центра УрО РАН, Институтом химии и технологии редких элементов и минерального сырья КНЦ РАН и др. [28, л. 11, 12; 46, л. 40; 47, л. 8].

В числе практически значимых результатов работ ученых: технологическая схема переработки ярегского лейкоксенового концентрата [48, л. 9]; способ разделения неуглеводородных компонентов дистиллятов нефти для повышения качества дизельного топлива и получения источников сырья для химической промышленности; способ предварительной деасфальтизации нефти, позволивший улучшить транспортировку тяжелой нефти по трубопроводам. Сотрудниками Отдела химии дана физико-химическая характеристика горючих сланцев Вычегодского и Сысольского сланценосных районов, исследован химический состав продукта их термической переработки – сланцевой смолы, предложена возможность использования смолы и ее дистиллятов в энергетических и технологических целях [38, л. 18; 47, л. 3; 49, л. 11, 13]; создана технологическая схема комплексной переработки красных шламов бокситов Верхне-Шугорского месторождения с получением чугуна, сульфата алюминия, глинозема, оксида скандия [27, л. 9, 10; 50, л. 5, 13, 14]. На ряд разработок были получены авторские свидетельства на изобретения [51, л. 50, 58, 157, 170; 52, л. 1].

Развитию исследований способствовали увеличение числа научных сотрудников и расширение материально-технической базы Отдела. В 1968 г. над двумя темами НИР здесь работали семеро, в том числе четверо научных сотрудников, один из которых был кандидатом наук. Трудности Отдел испытывал в обеспечении реактивами, приборами и оборудованием. Многие реактивы, выпускаемые химической промышленностью, приходилось синтезировать на месте. Исследования осложнялись отсутствием необходимого количества помещений для установки оборудования: рабочая площадь, занимаемая подразделением, составляла 17 м² [53, л. 3; 54, л. 6]. В 1974 г., после того, как Отделу были предоставлены дополнительные площади (производственная площадь составила 134 м²), началось расширение приборной базы, получен ИК-спектрофотометр Spekord 72IR; нерегистрирующий спектрофотометр СФ-16; в 1977 г. установлены спектрофотометр УК-75, прибор для хроматографии с автоматическим коллектором ХКОВ-1, титратор Т-106 [55, л. 172, 199, 206; 56,

л. 30]. Ко времени открытия лаборатории химии и технологии минерального сырья и нефти в 1980 г., четыре темы НИР в Отделе разрабатывали 26 чел., в том числе 10 научных сотрудников, из которых пятеро были кандидатами наук; площадь, занимаемая подразделением, составляла 237 м² [40, л. 12].

Во второй половине 1980-х гг. в Отделе химии начинает формироваться новое научное направление – исследования в области материаловедения и технологии получения новых керамических и композиционных материалов на базе природного сырья республики. Его развитие началось под руководством д.г.-м.н. Б. А. Голдина. Работая на кафедре общей физики в Сыктывкарском государственном университете, он проводил эксперименты по созданию керамических материалов с заданными физическими свойствами, в результате были разработаны два вида материалов, по своим характеристикам подходившие для изготовления технической керамики [57, л. 538]. В 1986 г. по инициативе ученого для развития исследований, связанных с созданием новых керамических и композиционных материалов на основе местного минерального сырья, согласно решению Президиума Коми филиала АН СССР [57, л. 526], в составе Отдела химии организована лаборатория химии и физики твердого тела, которую он возглавил [58, л. 197].

Под руководством Б. А. Голдина сотрудники лаборатории – к.х.н. Б. Н. Дудкин, к.ф.-м.н. Н. А. Секушин, к.х.н. Ю. И. Рябов, Т. М. Споршева и др., работали над созданием физико-химических основ получения высокотехнологичных материалов с заданными свойствами (магнитными, электрофизическими и др.) из минерального сырья республики. Исследования проводились при сотрудничестве с Сыктывкарским университетом, Институтом химии твердого тела УрО РАН и др. [59, л. 28]. В числе практических результатов работы ученых: получение перспективных диэлектрических (форстеритовых, фарфоровых, кианит-корундовых и др.) и полупроводниковых (оксикарбидных) керамических материалов, изделий на их основе с повышенной устойчивостью к динамическим нагрузкам и износостойкостью в сочетании с заданными электрическими, тугоплавкими и прочностными характеристиками; создание технологий изготовления функциональных керамических и композиционных материалов, заключений и рекомендаций по изготовлению изделий [39, л. 63; 60, л. 8]. Разработки ученых прошли успешные опытно-промышленные испытания на Ухтинском электрокерамическом заводе «Прогресс», НПО «Композит» Министерства общего машиностроения СССР (г. Калининград Московской обл., ныне – г. Королев) [61, л. 28].

Основную тематику исследований Отдела химии координировали отделения общей и технической химии, физикохимии и технологии неорганических материалов АН СССР (с 1991 г. – РАН). С целью определения мер, необходимых для дальнейшего развития научного подразделения, в 1990 г. с научной и научно-организационной деятельностью Отдела химии ознакомились члены комиссии Отделения общей и технической химии АН СССР чл.-корр. АН СССР д.х.н. О. Н. Чупахин, чл.-корр. АН Латвийской ССР

д.х.н. Н. А. Ведерников, к.х.н. Л. И. Фридман и др. Комиссией было отмечено, что Отдел химии разрабатывает актуальные проблемы, направленность основных исследований связана с промышленностью региона; в Отделе имеется научный задел, который следует развивать в условиях института. Члены комиссии пришли к выводу о необходимости создания института комплексных проблем химии на базе Отдела. Однако для организации института в тот период в научном подразделении было недостаточно высококвалифицированных кадров (докторов наук) [62, л. 29]. К концу 1989 г. в Отделе работали 45 чел., в том числе 15 научных сотрудников, из них 11 кандидатов и один доктор наук [28, л. 14].

В том же году на основании результатов проверки, по решению Президиума УрО АН СССР и Президиума Коми НЦ УрО АН СССР [62, л. 35, 36], заведующий Отделом В. Н. Сюткин был переведен на должность руководителя новой лаборатории химии производных целлюлозы и лигнина. Отдел химии возглавил д.х.н. А. В. Кучин [63, л. 157–159; 64, л. 228]. В 1990 г. Александр Васильевич уже был известным специалистом в области органической химии и металлоорганического синтеза, имел более 100 печатных работ, изданных в СССР и за рубежом. Работая в Институте химии Башкирского научного центра УрО АН СССР старшим научным сотрудником, он руководил тематической группой, проявлял большой научный интерес к работам прикладного характера [62, л. 108].

По инициативе и под руководством А. В. Кучина в Отделе химии в 1990-е гг. получило развитие новое направление в области лесохимии – органический синтез на базе экстрактивных веществ и продуктов деструкции компонентов древесины. В рамках этого направления к.х.н. Л. П. Карманова, к.х.н. Ю. С. Матвеев и другие сотрудники начали работу над проблемами синтеза производных низкомолекулярных компонентов из растительного сырья и изучение физиологических свойств получаемых соединений. Исследования были направлены на создание новых источников и методов выделения ценных веществ с целью получения биологически активных соединений для медицины, парфюмерии и т. д. В первой половине 1990-х гг. ученые разработали схему выделения экстрактивных веществ древесной зелени хвойных пород (в их составе терпены, кислоты, сложные эфиры, спирты), метод выделения полипренолов, схему получения состава терпеноидов и сераорганических соединений из побочных продуктов целлюлозно-бумажного производства и др. [59, л. 31].

Исследования по темам НИР Отдела, проведенные в 1980–1990-е гг., вошли в диссертационные работы его сотрудников В. Н. Сюткина [65], А. П. Карманова [66], Л. С. Кочевой [67], Л. А. Мельниковой [68], О. А. Конык [69], Б. Ф. Куковицкого [70]. Результаты работ были отражены в публикациях [71–74].

С целью налаживания научных коммуникаций, обмена опытом с 1989 г. на базе Отдела химии проводился научный форум, на котором российские ученые обсуждали результаты исследований по проблемам создания физико-химических основ и технологий получения новых функциональных материалов с использованием природного сырья

[10, с. 34]. Последняя конференция состоялась в 2021 г. [75]. В 1994 г. Отдел химии Коми НЦ УрО РАН выступил инициатором и одним из организаторов Всероссийского научного форума «Лесохимия и органический синтез» [76, л. 10]. В дальнейшем конференция проводилась на базе научных учреждений Сыктывкара, Казани, Кирова и других российских городов; с 2000 г. носит название «Химия и технология растительных веществ», в 2024 г. приобрела статус международной [9, с. 48].

В первой половине 1990-х гг. в Отделе был существенно укреплен кадровый потенциал, расширена материально-техническая база, приобретено современное оборудование. В начале 1995 г. в штате научного подразделения состояли 73 чел., в том числе 35 научных сотрудников, из них 14 кандидатов и четыре доктора наук. Исследования проводились в четырех лабораториях (химии древесины, химии и технологии минерального сырья и нефти, химии и физики твердого тела, химии производных целлюлозы и лигнина) [59, л. 35]. Отдел располагал лабораторными помещениями в построенном в 1990 г. здании (832 м²) и корпусе на территории РБК (100 м²) [77, л. 20], современной лабораторно-исследовательской базой; приборным парком, в который входили спектрометры ИК, УФ, ЯМР-1Н и ЯМР-13С, анализатор «Carlo Erba», рентгеновский дифрактометр «ДРОН-3М», рентгеновский анализатор «КРАБ», ряд жидкостных и газовых хроматографов, средства вычислительной техники. В Отделе проводилась подготовка аспирантов по семи специальностям; работал Ученый совет [50, л. 20; 59, л. 35, 36]. Таким образом к середине 1990-х гг. в Отделе создались условия для организации на его базе института в составе Коми НЦ УрО РАН.

В декабре 1995 г. по представлению Президиума УрО РАН Президиум РАН издал постановление о преобразовании Отдела в Институт химии Коми НЦ УрО РАН. Директором его был назначен А. В. Кучин [78, л. 35–35 об.]. В постановлении были утверждены основные направления научной деятельности учреждения: лесохимия, технология бумаги, химия нефти и торфа, нефтехимический синтез, разработка физико-химических основ технологии получения керамических конструкционных материалов с использованием природного сырья [79, л. 27]. Структуру нового института составили лаборатории, работавшие в Отделе химии.

К этому времени тематика Отдела химии была представлена следующими направлениями: лесохимия, органический синтез на базе экстрактивных веществ и продуктов деструкции компонентов древесины, проблемы создания физико-химических основ получения функциональных материалов на базе минерального сырья региона и продуктов его переработки [60, л. 6–8]. Работы в области нефтехимии в Отделе были остановлены в первой половине 1990-х гг. К этому времени были изучены особенности состава нефтей с аномальными свойствами (тяжелые, высоковязкие), которые отличались от нефтей других регионов. В дальнейшем планировалось исследовать химическое и физическое воздействие на такого рода нефти, что было сопряжено с большими затратами: требовало значительных кадровых резервов, приборной базы. С целью

предотвращения распыления научных сил, мелкотемья в первой половине 1990-х гг. ученые, ранее работавшие по проблемам, связанным с нефтехимией, переключились на исследования в области лесохимии. Профессиональная деятельность сотрудников Института сосредоточилась на направлениях, в которых к тому времени были получены результаты достаточно хорошего уровня как по теоретическим проблемам, так и практические наработки, имевшие перспективу внедрения в производство, связанные с получением ценных веществ и материалов на основе минерального и растительного сырья республики.

В заключении можно отметить, что возникновение и развитие профессионального сообщества ученых-химиков в Республике Коми обусловлено необходимостью решения задач, связанных с технологическим развитием ее промышленных центров. Предыстория формирования научно-исследовательского коллектива ученых в области химии и химической технологии в академическом учреждении относится к 1940-м гг. Исследования, связанные с рациональной и комплексной переработкой сырья, добываемого в регионе, организованные в 1941 г. в Базе Академии наук СССР по изучению Севера, в 1946 г. были остановлены ввиду отсутствия специалистов химиков, информационной и материально-технической базы. Позднее, в 1960-е гг., проведение государственной политики ускоренного развития химической промышленности в стране в 1950–1960-е гг. способствовало организации химических исследований и созданию профильного научного подразделения в Коми филиале АН СССР. Структуру Отдела химии определил спектр разрабатываемых научных проблем, которые возникали в процессе промышленного развития республики. Деятельность ученых была сосредоточена на создании теоретических основ, схем и технологий комплексной переработки местного минерального сырья и древесины, получения функциональных керамических и композиционных материалов. Представители академического сообщества, работавшие в учреждении в 1960–1990-е гг., способствовали не только развитию химических исследований, но и институционализации химии в регионе. В непростых условиях функционирования науки в 1990-е гг. им удалось сохранить и приумножить научный потенциал, послуживший необходимой базой для становления и развития Института химии Коми НЦ УрО РАН.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

- Бровина, А. А. Исследования горючих сланцев в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны: опыт профессора Д. Н. Курсанова / А. А. Бровина, Л. П. Роцевская, М. П. Роцевский // *Genesis: исторические исследования*. – 2020. – № 6. – С. 85–100.
- Роцевская, Л. П. Исследования химии древесины в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны / Л. П. Роцевская // *Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии*. – 2016. – Вып. 217. – С. 260–275.
- Симакова, С. А. Становление химических исследований в Коми филиале Академии наук СССР в 1940–1960-е гг. в контексте промышленного развития региона / С. А. Симакова // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук*. – № 1 (53). – 2022. – С. 132–140.
- Симакова, С. А. Становление исследований в области химической технологии керамических и композиционных материалов в Коми НЦ УрО РАН (1980–1990-е гг.) / С. А. Симакова // *Genesis: исторические исследования*. – 2024. – № 3. – С. 31–42.
- Коми научному центру Уральского отделения Российской Академии наук 50 лет / ред. Н. И. Тимонин. – Сыктывкар, 1994. – 159 с.
- Коми научному центру УрО РАН – 60 лет / отв. ред. А. Ф. Сметанин. – Сыктывкар, 2004. – 208 с.
- Коми научный центр Уральского отделения РАН (1944–2014 гг.) / отв. ред. А. М. Асхабов. – Сыктывкар, 2014. – 156 с.
- Химия и химическая переработка природного сырья Коми АССР / редкол.: В. Н. Сюткин, В. Д. Давыдов, Л. А. Мельникова. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986. – 162 с. (Труды Коми филиала АН СССР. № 78).
- Достижения и перспективы развития Института химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН в области химии и технологии растительного и минерального сырья / Ю. И. Рябков, И. В. Ключкова, А. В. Кучин [и др.] // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук*. – № 8 (74). – 2024. – С. 42–55.
- Ежегодник Института химии Коми НЦ УрО РАН / гл. ред. А. В. Кучин. – Сыктывкар, 2006. – 126 с.
- Документальная история Коми научного центра Уральского Отделения Российской академии наук. Коми филиал в 1944–1964 гг. / авт.-сост.: Л. П. Роцевская, А. А. Бровина, А. В. Самарин [и др.]. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2009. – 456 с.
- Документальная история Коми научного центра Уральского Отделения Российской академии наук. Коми филиал в 1965–1987 гг. / авт.-сост.: Л. П. Роцевская, А. А. Бровина, А. В. Самарин [и др.]. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2011. – 554 с.
- Научный архив Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 18. Д. 10.
- НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 10 «а».
- НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 519.
- Материалы Совещания по вопросам комплексного использования природных ресурсов Печорского угольного бассейна. 16–17 июля 1954 г. г. Воркута. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. – 166 с.
- Проблемы развития Печорского угольного бассейна: Материалы Второго совещания по вопросам комплексного использования природных ресурсов Печорского угольного бассейна. 9–10 января 1956 г. г. Воркута. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1957. – 222 с.
- НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533.
- НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 479 «а».

20. «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства». Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу товарища Н. С. Хрущева, принятое 7 мая 1958 года // Советская культура. – 1958. – 10 мая. – № 56 (770).
21. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 117.
22. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 533 «а».
23. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 156.
24. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.
25. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23.
26. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 211.
27. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 359.
28. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 425.
29. Давыдов, В. Д. Исследование процесса периодатного окисления древесины / В. Д. Давыдов, Е. А. Лодыгина // Химия древесины. – 1974. – № 2. – С. 91–95.
30. Электрохимические процессы в химии компонентов древесины / отв. ред. В. Я. Овченков. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1978. – 62 с. (Труды Коми филиала АН СССР. № 39).
31. Давыдов, В. Д. Модифицированный метод выделения периодатного лигнина / В. Д. Давыдов, Г. Я. Тысячная, Г. Н. Уляшева // Химия древесины. – 1974. № 2. – С. 86–90.
32. Давыдов, В. Д. Ацетальные связи в древесине / В. Д. Давыдов, В. А. Лодыгин // Химия древесины. – 1973. – № 13.
33. Давыдов, В. Д. Выделение лигнин-углеводного комплекса раствором хлористого водорода в уксусной кислоте / В. Д. Давыдов, В. А. Лодыгин, Г. Н. Уляшева // Химия и использование лигнина. – Рига: Зинатне, 1974.
34. Дёмин, В. А. Исследование процесса электрохимической отбелки сульфатной целлюлозы: автореф. дис. ... канд. технич. наук / В. А. Дёмин. – Рига, 1979. – 23 с.
35. Лодыгин, В. А. Выделение и изучение лигнин-углеводных комплексов древесины сосны: автореф. дис. ... канд. хим. наук / В. А. Лодыгин. – Рига, 1979. – 23 с.
36. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 38.
37. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 378.
38. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 246.
39. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 555.
40. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 113.
41. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1172.
42. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1174 (1).
43. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1121.
44. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 179 (1).
45. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 57.
46. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1183.
47. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 179 (2).
48. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 293.
49. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 145.
50. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 451.
51. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 631.
52. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 340.
53. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 905.
54. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 939.
55. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1103.
56. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 9 (2).
57. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 262.
58. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 465.
59. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 556.
60. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 565.
61. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 9.
62. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 429.
63. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 436.
64. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 528.
65. Сюткин, В. Н. Основы химической и структурной модификации целлюлозы путем введения азотсодержащих функциональных групп: автореф. дис. ... д-ра хим. наук / В. Н. Сюткин. – Л., 1991. – 42 с.
66. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 13.
67. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 19.
68. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 9.
69. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 14.
70. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 16. Д. 31.
71. Спин-фононные взаимодействия в кристаллах (ферритах) / Б. А. Голдин, Л. Н. Котов, Л. К. Зарембо [и др.]. – Л.: Наука, 1991. – 146 с.
72. Гаврилюк, А. И. Электрохромизм и фотохромизм в оксидах вольфрама и молибдена / А. И. Гаврилюк, Н. А. Секушин. – Л.: Наука, 1990. – 104 с.
73. Голдин, Б. А. Керамика на основе природных кальций-магниевых силикатов (месторождения Республики Коми) / Б. А. Голдин, Б. Н. Дудкин, Н. А. Сердитов. – Сыктывкар, 1993. – 76 с.
74. Кучин, А. В. Препаративный алюминийорганический синтез / А. В. Кучин, Г. А. Толстиков. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1997. – 208 с.
75. Керамика и композиционные материалы: тезисы докладов X Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 26–27 октября 2021 г. / ред. кол.: Ю. И. Рябков, П. А. Ситников. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2021. – 135 с.
76. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 549.
77. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 548.
78. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 44. Оп. 4в. Д. 281.
79. НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 6.

References

1. Brovina, A. A. Issledovaniya gorjuchih slancev v Komi ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: opyt professora D. N. Kursanova [Studies of combustible shale in the Komi ASSR during the Great Patriotic War: the experience of Prof. D. N. Kursanov] / A. A. Brovina, L. P. Roshchevskaya, M. P. Roshchevsky // Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: Historical research]. – 2020. – № 6. – P. 85–100.
2. Roshchevskaya, L. P. Issledovaniya himii drevesiny v Komi ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Studies of wood chemistry in the Komi ASSR during the Great Patriotic War] / L. P. Roshchevskaya // Izvestiya Sankt-Petersburgskoj lesotekhnicheskoy akademii [Proc. of St. Petersburg Forest Technical Academy]. – 2016. – Issue 217. – P. 260–275.

3. Simakova, S. A. Stanovlenie khimicheskikh issledovanij v Komi filiale Akademii nauk SSSR v 1940–1960-e gg. v kontekste promyshlennogo razvitiya regiona [Formation of chemical research in the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences in the 1940s – 1960s in the context of industrial development of the region] / S. A. Simakova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – No 1 (53). – 2022. – P. 132–140.
4. Simakova, S. A. Stanovlenie issledovanij v oblasti khimicheskoy tekhnologii keramicheskikh i kompozitsionnykh materialov v Komi NC UrO RAN (1980–1990-e gg.) [Formation of research in the field of chemical technology of ceramic and composite materials in the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (1980–1990s)] / S. A. Simakova // Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: Historical research]. – 2024. – № 3. – P. 31–42.
5. Komi nauchnomu centru Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj Akademii nauk 50 let [Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences, is 50] / Ed. N. I. Timonin. – Syktyvkar, 1994. – 159 p.
6. Komi nauchnomu centru UrO RAN – 60 let [Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences, is 60] / Ed. A. F. Smetanin. – Syktyvkar, 2004. – 208 p.
7. Komi nauchnyj centr Ural'skogo otdeleniya RAN (1944–2014 gg.) [Komi Science Centre of the Ural Branch, RAS (1944–2014)] / Ed. A. M. Askhabov. – Syktyvkar, 2014. – 156 p.
8. Khimija i khimicheskaja pererabotka prirodnogo syr'ja Komi ASSR [Chemistry and chemical processing of natural raw materials of the Komi ASSR] / Ed. V. N. Syutkin, V. D. Davydov, L. A. Mel'nikova. – Syktyvkar: Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, 1986. – 162 p. (Proc. of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences. № 78).
9. Dostizhenija i perspektivy razvitiya Instituta khimii FIC Komi NC UrO RAN v oblasti khimii i tekhnologii rastitel'nogo i mineral'nogo syr'ja [Achievements and development prospects of the Institute of Chemistry, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS in the field of chemistry and technology of plant and mineral raw materials] / Yu. I. Ryabkov, I. V. Klochkova, A. V. Kuchin [et al.] // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. – № 8 (74). – 2024. – P. 42–55.
10. Ezhegodnik Instituta khimii Komi NC UrO RAN [Annual report of the Institute of Chemistry of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] / Ch. Ed. A. V. Kuchin. – Syktyvkar, 2006. – 126 p.
11. Dokumental'naja istorija Komi nauchnogo centra Ural'skogo Otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Komi filial v 1944 – 1964 gg. [Documentary history of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Komi Branch in 1944 – 1964] / Comp. L. P. Roshchevskaya, A. A. Brovina, A. V. Samarin [et al.]. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2009. – 456 p.
12. Dokumental'naja istorija Komi nauchnogo centra Ural'skogo Otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Komi filial v 1965 – 1987 gg. [Documentary history of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Komi Branch in 1965 – 1987] / Comp. L. P. Roshchevskaya, A. A. Brovina, A. V. Samarin [et al.]. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2011. – 554 p.
13. Nauchnyj arhiv Federal'nogo issledovatel'skogo centra «Komi nauchnyj centr Ural'skogo otdeleniya RAN» [Scientific archive of the Federal Research Centre “Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences”] (Hereinafter – NA FITs Komi NTs UrO RAN). F. 1. Op. 18. D. 10.
14. Ibid. F. 1. Op. 18. D. 10 “a”.
15. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 519.
16. Materialy Soveshhanija po voprosam kompleksnogo ispol'zovanija prirodných resursov Pechorskogo ugol'nogo bassejna. 16–17 ijulja 1954 g. g. Vorkuta [Materials of the Meeting on the Integrated Use of Natural Resources of the Pechora Coal Basin. July 16–17, 1954, Vorkuta]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1955. – 166 p.
17. Problemy razvitiya Pechorskogo ugol'nogo bassejna: Materialy Vtorogo soveshhanija po voprosam kompleksnogo ispol'zovanija prirodných resursov Pechorskogo ugol'nogo bassejna. 9–10 janvarja 1956 g. g. Vorkuta [Problems of development of the Pechora coal basin: Materials of the Second Meeting on the Integrated Use of Natural Resources of the Pechora Coal Basin. January 9–10, 1956, Vorkuta]. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1957. – 222 p.
18. NA FITs Komi NTs UrO RAN. F. 1. Op. 1. D. 533.
19. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 479 “a”.
20. «Ob uskorenii razvitiya himicheskoy promyshlennosti i osobenno proizvodstva sinteticheskikh materialov i izdelij iz nih dlja udovletvorenija potrebnostej naselenija i nu-zhd narodnogo hozjajstva». Postanovlenie Plenuma CK KPSS po dokladu tovarishha N.S. Hrushheva, prinjatoe 7 maja 1958 goda [“On accelerating the development of the chemical industry and especially the production of synthetic materials and products from them to meet the demands of the population and the needs of the national economy”. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU on the report of Comrade N. S. Khrushchev, adopted on May 7, 1958] // Soviet Culture. – May 10, 1958. – № 56 (770).
21. NA FITs Komi NTs UrO RAN. F. 1. Op. 18. D. 117.
22. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 533 “a”.
23. Ibid. F. 1. Op. 18. D. 156.
24. Ibid. F. 3. Op. 1. D. 17.
25. Ibid. F. 3. Op. 1. D. 23.
26. Ibid. F. 1. Op. 18. D. 211.
27. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 359.
28. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 425.
29. Davydov, V. D. Issledovanie processa periodatnogo okislenija drevesiny [Study of the process of periodate oxidation of wood] / V. D. Davydov, E. A. Lodygina // Khimija drevesiny [Wood chemistry]. – 1974. – № 2. – P. 91–95.
30. Ehlektrokhimicheskie processy v khimii komponentov drevesiny [Electrochemical processes in wood component chemistry] / Ed. V. Ya. Ovchenkov. – Syktyvkar: Komi Branch, USSR Ac. Sci., 1978. – 62 p. (Proc. of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences]. № 39).

31. Davydov, V. D. Modificirovannyj metod vydelenija periodatnogo lignin [Modified method for isolation of periodate lignin] / V. D. Davydov, G. Ya. Tsyachnaya, G. N. Ulyasheva // *Xhimija drevesiny* [Wood chemistry]. – 1974. – № 2. – P. 86–90.
32. Davydov, V. D. Acetal'nye svyazi v drevesine [Acetal bonds in wood] / V. D. Davydov, V. A. Lodygin // *Xhimija drevesiny* [Wood chemistry]. – 1973. – № 13.
33. Davydov, V. D. Vydelenie lignin-uglevodnogo kompleksa rastvorom khloristogo vodoroda v uksusnoj kislote [Isolation of the lignin-carbohydrate complex with a solution of hydrogen chloride in acetic acid] / V. D. Davydov, V. A. Lodygin, G. N. Ulyasheva // *Xhimija i ispol'zovanie lignina* [Chemistry and the use of lignin]. – Riga: Zinatne, 1974.
34. Demin, V. A. Issledovanie processa ehlektrokhimicheskoy otbelki sul'fatnoj celljulozy [Study of the process of electrochemical bleaching of sulphate cellulose]: abstract of diss. ... Cand. Sci. (Techn.) / V. A. Demin. – Riga, 1979. – 23 p.
35. Lodygin, V. A. Vydelenie i izuchenie lignin-uglevodnykh kompleksov drevesiny sosny [Isolation and study of lignin-carbohydrate complexes of pine wood]: abstract of diss. ... Cand. Sci. (Chemistry) / V. A. Lodygin. – Riga, 1979. – 23 p.
36. NA FITs Komi NTs UrO RAN. F. 1. Op. 20. D. 38.
37. Ibid. F. 1. Op. 18. D. 378.
38. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 246.
39. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 555.
40. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 113.
41. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 1172.
42. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 1174 (1).
43. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 1121.
44. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 179 (1).
45. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 57.
46. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 1183.
47. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 179 (2).
48. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 293.
49. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 145.
50. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 451.
51. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 631.
52. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 340.
53. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 905.
54. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 939.
55. Ibid. F. 1. Op. 1. D. 1103.
56. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 9 (2).
57. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 262.
58. Ibid. F. 1. Op. 18. D. 465.
59. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 556.
60. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 565.
61. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 9.
62. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 429.
63. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 436.
64. Ibid. F. 1. Op. 18. D. 528.
65. Syutkin, V. N. Osnovy khimicheskoy i strukturnoj modifikacii celljulozy putem vvedeniya azotsoderzhashchikh funkcional'nykh grupp [Basic chemical and structural modification of cellulose by introduction of nitrogen-containing functional groups]: abstract of diss. ... Dr. Sci. (Chemistry) / V. N. Syutkin. – Leningrad, 1991. – 42 p.
66. NA FITs Komi NTs UrO RAN. F. 1. Op. 16. D. 13.
67. Ibid. F. 1. Op. 16. D. 19.
68. Ibid. F. 1. Op. 16. D. 9.
69. Ibid. F. 1. Op. 16. D. 14.
70. Ibid. F. 1. Op. 16. D. 31.
71. Spin-fononnyye vzaimodejstviya v kristallakh (ferritakh) [Spin-phonon interactions in crystals (ferrites)] / B. A. Goldin, L. N. Kotov, L. K. Zarembo [et al.]. – Leningrad: Nauka, 1991. – 146 p.
72. Gavriluk, A. I. Ehlektrokromizm i fotokromizm v oksidakh vol'frama i molibdena [Electrochromism and photochromism in tungsten and molybdenum oxides] / A. I. Gavriluk, N. A. Sekushin. – Leningrad: Nauka, 1990. – 104 p.
73. Goldin, B. A. Keramika na osnove prirodnykh kal'cij-magnevykh silikatov (mestorozhdeniya Respubliki Komi) [Ceramics from natural calcium-magnesium silicates (deposits of the Komi Republic)] / B. A. Goldin, B. N. Dudkin, N. A. Serditov. – Syktyvkar, 1993. – 76 p.
74. Kuchin, A. V. Preparativnyj aljuminijorganicheskij sintez [Preparative organoaluminum synthesis] / A. V. Kuchin, G. A. Tolstikov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 1997. – 208 p.
75. Keramika i kompozicionnye materialy: Tezisy dokladov Kh Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Syktyvkar, 26–27 oktjabrja 2021 g. [Ceramics and composite materials: Abstracts of the X All-Russian Sci. Conf. Syktyvkar, October 26–27, 2021] / Eds.: Yu. I. Ryabkov, P. A. Sitnikov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2021. – 135 p.
76. NA FITs Komi NTs UrO RAN. F. 1. Op. 20. D. 549.
77. Ibid. F. 1. Op. 20. D. 548.
78. Ibid. F. 44. Op. 4v. D. 281.
79. Ibid. F. 16. Op. 1. D. 6.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400019-4-6.1.1 «Научное изучение документального наследия академической науки на Европейском Северо-Востоке России».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the implementation of the state task on the research topic No. 1022041400019-4-6.1.1 «Scientific study of the documentary heritage of academic science in the European North-East of Russia».

Информация об авторе:

Симакова Светлана Алексеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID – 0000-0001-7361-0692 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: simakova74@list.ru).

Author:

Svetlana A. Simakova – Cand. Sci. (History), Researcher at the Department of Humanitarian Interdisciplinary Research, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID – 0000-0001-7361-0692 (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982; Russian Federation; e-mail: simakova74@list.ru).

Для цитирования:

Симакова, С. А. К истории создания Института химии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (по документам академического архива) / С. А. Симакова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 103–112.

For citation:

Simakova, S. A. On the history of the creation of the Institute of Chemistry of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (based on the documents of the academic archive) / S. A. Simakova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 103–112.

Дата поступления статьи: 10.06.2025

Прошла рецензирование: 16.06.2025

Принято решение о публикации: 20.06.2025

Received: 10.06.2025

Reviewed: 16.06.2025

Accepted: 20.06.2025

Документы личного фонда Г. М. Козубова в Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН о научной и научно-организационной деятельности ученого

Т. А. Сокерин

Отдел гуманитарных междисциплинарных исследований
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
tima.cok@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы документы личного архивного фонда Г. М. Козубова, которые хранятся в Научном архиве ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН». В них представлены аспекты научной и научно-организационной деятельности биолога. Автор установил, что наиболее подробно в документах личного фонда были отражены исследования радиационного поражения лесов в зоне аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Изучение переписки ученого раскрывает круг научных контактов с учеными-лесоведами и специалистами в области радиоэкологии леса. Выявлено, что документальные источники личного фонда Г. М. Козубова открывают перспективу для углубленного изучения истории лесобиологических и лесоэкологических исследований в Коми научном центре УрО РАН.

Ключевые слова:

документы личного происхождения, лесобиологические исследования, радиоэкология, Геннадий Михайлович Козубов, Научный архив Коми научного центра УрО РАН

Характерной чертой фондов личного происхождения является неповторимость. Они содержат специфический комплекс документов, который отражает уникальный жизненный опыт человека. Документы личных фондов деятелей науки значимы при оценке роли личности ученых в развитии научного направления или деятельности научного учреждения. На наш взгляд, особую ценность для сохранения исторической памяти представляют документы ученых, продолжительный период времени руководивших научными институтами или их структурными подразделениями, известных в научном сообществе. По этой причине изучение архивных документов личного

Documents of the personal fund of G. M. Kozubov in the Scientific Archive FRC Komi SC UB RAS, on the scientific and scientific- organizational activities of the scientist

T. A. Sokerin

Department of Humanitarian Interdisciplinary Research,
Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
tima.cok@mail.ru

Abstract

The paper analyzes the documents of the personal archival fund of G. M. Kozubov, which are stored in the Scientific Archive of the Federal Research Centre «Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences». These documents present aspects of the scientific and scientific-organizational activities of the biologist. The author found that the most detailed studies of radiation damage to forests in the area of the Chernobyl nuclear power plant accident were reflected in the documents of the personal fund. The study of the scientist's correspondence reveals the range of his scientific contacts with forest scientists and specialists in the field of forest radioecology. It is revealed that the documentary sources of G. M. Kozubov's personal fund open up the prospect for an in-depth study of the history of forest biological and forest ecological research at the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords:

documents of personal origin, forest biological research, radioecology, Gennady Mikhailovich Kozubov, Scientific Archive of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

фонда российского биолога д.б.н. Геннадия Михайловича Козубова является актуальным.

Г. М. Козубов – специалист в области морфологии и функций хвойных растений в условиях Севера и при радиационном воздействии. Размышления о профессиональной деятельности были подробно отражены ученым в мемуарах «Жизнеописание отдельно взятого представителя российской науки в XX веке» [1, с. 346–394] и воспоминаниях об исследованиях, выполненных им в составе группы сотрудников Института биологии Коми НЦ УрО РАН в зоне аварии на Чернобыльской АЭС в 1986–1992 гг. [2]. В научной литературе имеются публикации, отражающие

научные и научно-организационные достижения Г. М. Козубова [3–5].

Г. М. Козубов в 1953 г. окончил лесохозяйственный факультет Львовского лесотехнического института. Работал на Лесоплодовой опытной станции Ак-Терек Института биологии Киргизского филиала АН СССР, в Судайском леспромхозе комбината «Костромалес», на Петрозаводской лесной опытной станции Ленинградского научно-исследовательского института лесного хозяйства, в Институте леса Карельского филиала АН СССР, Львовском лесотехническом институте. В 1982–1992 гг. он был заведующим отделом лесобиологических проблем Севера Института биологии Коми филиала АН СССР, в 1993–2006 гг. – главным научным сотрудником этого же отдела [6, с. 164].

Анализ структурных и тематических особенностей этого документального комплекса позволит определить значение документов личного фонда в Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН как источника о научной и научно-организационной деятельности ученого.

Практика комплектования и хранения личных фондов ученых насчитывает многие десятилетия. Как отмечала историк Е. М. Мягкова, в архивном деле частные собрания документов, за исключением фондов отдельных государственных и военных деятелей XVIII–XIX вв., стали собирать в начале XX в. [7, с. 17]. В советский период в архивах осознали необходимость учитывать специфику описания фондов ученых [8]. В 1960 г. было издано специальное «Методическое пособие по научно-технической обработке фондов ученых в Архиве Академии наук СССР» [9]. Одной из тем исследований, для раскрытия которых современные историки и архивисты обращаются к документам архивных фондов ученых, является научное изучение регионов [10–12]. При реконструкции исторических событий и явлений российской науки значительна роль документов, хранящихся в архивах региональных научных центров.

В Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН) хранятся документы о развитии науки на Европейском Северо-Востоке России. Он ежегодно пополняется личными фондами ученых. Документы этих фондов дополняют документы фондов научных институтов либо являются «самостоятельным» источником информации о развитии науки и роли человека в этом процессе. В НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН была проведена большая работа по изучению документов личных фондов ученых научного центра и обобщению информации о них в специальных научно-справочных изданиях [12].

Документы для создания личного фонда Г. М. Козубова были переданы в Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН его женой Верой Дмитриевной Пановой по акту от 25 мая 2011 г. На заседании Ученого совета Института биологии Коми НЦ УрО РАН 31 мая 2011 г. было принято решение ходатайствовать перед Президиумом Коми НЦ УрО РАН о формировании личного фонда Г. М. Козубова. Научно-техническое описание фонда выполнено м.н.с. Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Т. А. Сокериным в 2024 г. В результате архив пополнился фондом «Козубов

Геннадий Михайлович (1928–2009) – доктор биологических наук, профессор» (141 ед. хр. за 1949–2009 гг.) [13].

Личный фонд Г. М. Козубова имеет классическую структуру для личных фондов ученых («Научные труды и другие творческие документы», «Документы к биографии», «Переписка», «Фотодокументы»). Обобщенное представление о профессиональной деятельности Г. М. Козубова можно получить при изучении справок о его научной и научно-педагогической деятельности. В личном фонде имеется большое количество документов, в которых более детально отражена его деятельность как научного сотрудника и заведующего отделом лесобиологических проблем Севера.

Научные труды и другие творческие документы представлены: копией патента; научными отчетами; текстами лекций, докладов на тему лесоведения и лесной радиоэкологии; полевыми дневниками Г. М. Козубова; отзывами Г. М. Козубова на диссертацию и авторефераты диссертаций, на статьи; конспектом выступлений на конференции «Радиационные аспекты Чернобыльской аварии» (Обнинск, 22–25 июня 1988 г.); выписками из научной литературы по лесоведению и климатологии; отчетом А. И. Патова о поездке в зону аварии на ЧАЭС в 2007 г.; выпусками газеты «Трудовая вахта» («Вестник Чернобыля») и вырезками из газет, содержащими статьи на тему аварии на Чернобыльской АЭС. Всего в опись включено 20 ед. хр. за 1962, 1987–1992, 2000, 2003, 2006, 2007, 2008 гг.

Научные работы Г. М. Козубова позволяют ознакомиться с «творческой лабораторией» ученого. В личном фонде имеются документы, собранные им для научных работ по ультраструктурной организации клеток растений, лесоведению, лесной радиоэкологии; доклады о воздействии радиации на лесные насаждения в районе аварии на ЧАЭС. В научных отчетах были описаны результаты экспедиционных работ Г. М. Козубова и сотрудников отдела лесобиологических проблем Севера в районе аварии на Чернобыльской АЭС в 1987 и 1990 гг. В четырех полевых дневниках Чернобыльской радиоэкологической экспедиции в 1987–1990 гг. отражены датированные сведения о проведении ученым исследований в зоне аварии. Результаты научно-исследовательских работ были обобщены Г. М. Козубовым и его коллегами в трех монографиях [14–16], к которым в фонде имеются фотографии, схемы, и карты. В патенте «Способ биологической дозиметрии» Геннадий Михайлович и его коллеги предложили новый способ оценки воздействия радиации на природные объекты, имеющий важное значение для радиоэкологов. Отзывы Г. М. Козубова на диссертацию, авторефераты диссертаций и статьи в журнале «Лесоведение» содержат замечания, стиль и содержание которых указывают на большой экспертный опыт автора.

Документы к биографии представлены: копией диплома об окончании Львовского лесотехнического института; удостоверением о прохождении кандидатских экзаменов; документами о присуждении Г. М. Козубову ученой степени кандидата наук и утверждении в ученом звании старшего научного сотрудника, о присуждении ему премии им. К. А. Тимирязева; копиями диплома доктора наук

и аттестата профессора; документами на представление Г. М. Козубова на выдвижение в члены-корреспонденты АН СССР. В личном фонде сохранены пропуск в зону аварии Чернобыльской АЭС; справка о дозе внешнего облучения, полученного Г. М. Козубовым в зоне аварии на ЧАЭС; документы о его деятельности в зоне аварии на ЧАЭС; автобиографические записи, юбилейные поздравления и приглашения по случаю 60-летия, 70-летия, 80-летия. Отдельным комплексом стоит отметить мемуары о жизни и деятельности и воспоминания «Как мы жили при советской власти...». Всего в описи 51 ед. хр. за 1953–2008 гг.

Значительное количество документов к биографии ученого содержит сведения о его научной и научно-организационной деятельности. Важным жизненным событием для Г. М. Козубова, по его воспоминаниям, было присуждение в 1973 г. премии им. К. А. Тимирязева, высшей награды для специалистов в области физиологии растений, за подготовку «Атласа ультраструктуры растительных клеток». В фонде сохранилось Постановление Президиума АН СССР о награждении ученого. Г. М. Козубов исследовал скандинавский опыт изучения древесных растений, что, по-видимому, было обусловлено установленными в 1960-е гг. научными контактами с финскими и шведскими учеными-лесоведами. В 1974–1977 гг. он был руководителем совместных советско-шведских исследований по проекту «Изучение биологии цветения и разработка методов стимуляции плодоношения ели обыкновенной». Г. М. Козубов консультировал сотрудников Института биологии Якутского филиала СО АН СССР и Коми филиала АН СССР по вопросам биологии плодоношения хвойных деревьев, что было высоко оценено И. П. Щербаковым и В. П. Подоппеловым в письмах председателю Президиума Карельского филиала АН СССР Н. И. Пьявченко. Об известности ученого в научном сообществе свидетельствуют приглашения на IX международный (Торонто, 1978 г.) и VII европейский конгрессы по электронной микроскопии (Гаага, 1980 г.).

Подробные сведения в документах фонда можно получить об его исследовательской работе в составе группы ученых Института биологии Коми НЦ УрО РАН в зоне аварии на Чернобыльской АЭС в 1986–1992 гг. В фонде сохранились программы исследований по научным темам, связанным с изучением лесов, подвергшихся радиационному воздействию из-за аварии на ЧАЭС. Перечень экспериментальных участков позволяет узнать о географии исследований Г. М. Козубова и его коллег в районе аварии. Результатом этих исследований были рекомендации Института биологии Коми НЦ УрО АН СССР по стабилизации радиационной обстановки в 30-километровой зоне аварии, об использовании которых упоминалось в «Решении № 527» Правительственной комиссии по расследованию причин и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Значимым для радиоэкологии результатом научной деятельности Г. М. Козубова является создание карты-схемы радиационного поражения хвойных лесов в зоне аварии, которая используется в современных научных публикациях. Документы об его участии в составлении карты-схемы сохранились в личном фонде. Монографические работы

Геннадия Михайловича, написанные самостоятельно или в соавторстве с биологами, были высоко оценены в отзывах ученых-лесоведов и геоботаников, которые отмечали их хорошее оформление и качественный материал. За научные работы об исследованиях лесов в районе аварии на ЧАЭС Г. М. Козубов и директор Института биологии Коми НЦ УрО РАН А. И. Таскаев были награждены премией им. Н. В. Тимофеева-Ресовского в 2007 г. В фонде имеются документы на выдвижение кандидатур двух ученых на соискание этой премии за 2005 год.

Переписка представлена: письмами, присланными Г. М. Козубову академиком А. Л. Курсановым, академиком Р. М. Алексахиним, д.б.н. А. В. Трапезниковым и др. по вопросам изучения ультраструктурной организации растений и на тему исследований в зоне аварии на Чернобыльской АЭС; письмами Г. М. Козубова к академику А. С. Исаеву, директору Государственного архива Одесской области И. И. Ниточко, к.б.н. А. И. Таскаеву и др.; отложившимися письмами – академика АН Латвийской ССР У. Э. Виестура, д.б.н. М. В. Гецен, и др. об организации и проведении исследований в зоне аварии на АЭС. Всего в опись включено 52 ед. хр. за 1957–2009 гг.

Геннадий Михайлович занимал активную жизненную позицию, что способствовало большому количеству профессиональных контактов. Об этом свидетельствует география его корреспондентов из России (Москва, Московская область, Обнинск, Воронеж, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Сыктывкар, Свердловская область, Красноярск, Ханты-Мансийск) и других стран: Украина, Беларусь, Швеция, Финляндия, Румыния, США. Большинство писем российских и зарубежных ученых и специалистов в фонде датируются серединой 1970-х, концом 1980-началом 1990-х, и 2000-ми гг. В письмах сообщалось о научных исследованиях Геннадия Михайловича и его взаимодействии с учеными и специалистами, которые благодарили Г. М. Козубова за присланную книгу, просили прислать монографию, поздравляли по поводу награждения, рассказывали о впечатлениях от рабочей поездки, приглашали принять участие в научном мероприятии.

Особый интерес для истории науки представляют пять писем академика А. Л. Курсанова, написанные в 1973–1984 гг. В них выдающийся специалист в области биохимии и физиологии растений положительно охарактеризовал научную деятельность Г. М. Козубова. Письма с информацией об его участии в изучении последствий чернобыльской катастрофы позволяют дополнить информацию других источников о вовлеченности в научные исследования в зоне аварии. Интерес для оценки изменения состояния природной среды после радиационной аварии представляют присланные Г. М. Козубову в письмах CD- и DVD-диски с фотографиями лесных насаждений в районе Чернобыльской АЭС и радиоморфозов растений; картотека научных публикаций об аварии на ЧАЭС. Письма дополняют информацию научных и делопроизводственных документов о личных и научных контактах Г. М. Козубова.

Фотодокументы представлены портретами Г. М. Козубова и фотографиями, отражающими его научную

и научно-организационную деятельность. Всего в описи 18 ед. хр. за 1949, 1962, 1974, 1975, 1977, 1979, 1983, 1986–1990, 1995, 2000, 2007 гг.

Фотодокументы личного фонда биолога отражают значимые для ученого события и эпизоды научной деятельности. В фонде имеются фотографии, на которых изображены участие Геннадия Михайловича и его коллег в рабочих поездках (на безымянный остров возле мыса Картеш в Белом море, в Карелию, Коми АССР, Латвийскую ССР, Швецию); Г. М. Козубов на собрании во Львовском лесотехническом институте 10 февраля 1979 г. и на выездном заседании Президиума АН СССР в Свердловске 5–6 февраля 1987 г.; его работа с электронным микроскопом в Институте биологии Коми НЦ УрО АН СССР. На фотографиях фонда запечатлены рабочие моменты исследований Г. М. Козубова и сотрудников Института в зоне аварии на ЧАЭС. В личном фонде хранятся фотографии, на которых показаны изменения древесных растений, вызванные воздействием радиации (радиоморфозы), и обстановка в зоне аварии на Чернобыльской АЭС в 1990, 2000, и 2007 гг.

Таким образом, документы личного фонда Г. М. Козубова характеризуются видовым и тематическим разнообразием. Наиболее полно отражен период его научной и научно-организационной деятельности в Коми филиале АН СССР. Ценнейшими являются документы об исследованиях в зоне аварии на Чернобыльской АЭС, а также переписка с учеными в области лесоведения и радиоэкологии леса. Документальные источники, содержащие сведения о научной и научно-организационной работе Г. М. Козубова, позволяют получить представление о развитии лесобиологических и лесозоологических исследований в Коми научном центре УрО РАН и могут быть полезны для историков науки и биологов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Козубов, Г. М. Жизнеописание отдельно взятого представителя русской науки в XX веке / Г. М. Козубов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. – 400 с.
2. Козубов, Г. М. Семь лет в чернобыльских лесах (1986–1992 гг.) / Г. М. Козубов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2004. – 160 с.
3. Таскаев, А. И. Козубов Геннадий Михайлович: биографическая справка и библиографический указатель / А. И. Таскаев. – Сыктывкар: Институт биологии Коми научного центра УрО РАН, 2003. – 44 с.
4. Юбилей Геннадия Михайловича Козубова / Коллектив Института биологии Коми НЦ УрО РАН // Известия ВУЗов. Лесной журнал. – 2007. – № 6. – С. 138–139.
5. Плюснина, С. Н. Геннадий Михайлович Козубов. 90 лет со дня рождения / С. Н. Плюснина, С. В. Загирова // Вестник Института биологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2018. – № 1 (203). – С. 53–57.
6. Доктора наук Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук: библиографический

справочник / отв. ред С. В. Дёгтева. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. – 480 с.

7. Мягкова, Е. М. Фонды личного происхождения: этапы истории, опыт работы, краткая историография вопроса / Е. М. Мягкова // Вестник ВНИИДАД. – 2020. – № 4. – С. 16–26.
8. Князев, Г. А. Теория и техника архивного дела / Г. А. Князев. – Л.: ЛОЦИА, 1935. – 122 с.
9. Виноградов, Ю. А. Методическое пособие по научно-технической обработке фондов ученых в Архиве Академии наук СССР / Ю. А. Виноградов, З. Н. Нагорова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 94 с.
10. Бровина, А. А. Научные исследования территории европейского Северо-Востока России в XX веке: информационный потенциал личных фондов ученых / А. А. Бровина // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 10. – С. 82–101.
11. Бровина, А. А. Источники по истории биологических исследований в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН / А. А. Бровина, Т. П. Филиппова // Отечественные архивы. – 2017. – № 6. – С. 54–61.
12. Фонды и коллекции документов личного происхождения научного архива ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Тематический путеводитель / отв. ред. А. А. Бровина; науч. ред. Л. П. Рощевская; сост.: Н. Г. Лисевич (отв.), К. А. Попова. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2021. – 276 с.
13. Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 59.
14. Радиационное воздействие на хвойные леса в районе аварии на Чернобыльской АЭС / Г. М. Козубов, А. И. Таскаев, Е. И. Игнатенко [и др.]. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР, 1990. – 136 с.
15. Козубов, Г. М. Радиобиологические и радиоэкологические исследования древесных растений / Г. М. Козубов, А. И. Таскаев. – СПб.: Наука, 1994. – 256 с.
16. Козубов, Г. М. Радиобиологические исследования хвойных в районе Чернобыльской катастрофы (1986–2001 гг.) / Г. М. Козубов, А. И. Таскаев. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2002. – 272 с.

References

1. Kozubov, G. M. Zhizneopisanie ot del'no vziatogo predstavatelya russkoj nauki v XX veke [The biography of a single representative of Russian science in the XX century] / G. M. Kozubov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2008. – 400 p.
2. Kozubov, G. M. Sem' let v chernobyl'skih lesah (1986–1992 gg.) [Seven years in the Chernobyl forests (1986–1992)] / G. M. Kozubov. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2004. – 160 p.
3. Taskaev, A. I. Kozubov Gennady Mikhailovich : biograficheskaya spravka i bibliograficheskii ukazatel' [Kozubov Gennady Mikhailovich : biographical information and bibliographic index] / A. I. Taskaev. – Syktyvkar: Institute of Biology, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2003. – 44 p.
4. Yubilej Gennadiya Mihajlovicha Kozubova [Anniversary of Gennady Mikhailovich Kozubov] / The stuff of the Institute

- of Biology, Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS // *Izvestiya VUZov. Lesnoj zhurnal* [News of Higher Educational Institutions. Forest J.]. – 2007. – № 6. – P. 138–139.
5. Plyusnina, S. N. Gennady Mikhailovich Kozubov. 90 let so dnya rozhdeniya [90 years since his birth] / S. N. Plyusnina, S. V. Zagirova // *Vestnik Instituta biologii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN* [Bull. of the Institute of Biology of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. – 2018. – № 1 (203). – P. 53–57.
 6. Doktora nauk Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk: bibliograficheskij spravochnik [Doctors of Sciences of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences: bibliographic guide] / Ed. S. V. Dyogteva. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2024. – 480 p.
 7. Myagkova, E. M. Fondy lichnogo proishozhdeniya: etapy istorii, opyt raboty, kratkaya istoriografiya voprosa [Funds of personal origin: historical stages, practical experience, brief historiography of the problem] / E. M. Myagkova // *Vestnik VNIIDAD* [Bull. of All-Russian Sci. Research Inst. of Documentation and Archival Affairs]. – 2020. – № 4. – P. 16–26.
 8. Knyazev, G. A. Teoriya i tehnika arhivnogo dela [Theory and technique of archival work] / G. A. Knyazev. – Leningrad: LOTSI, 1935. – 122 p.
 9. Vinogradov, Yu. A. Metodicheskoe posobie po nauchno-tehnicheskoy obrabotke fondov uchenyh v Arhive Akademii nauk SSSR [Methodical manual on scientific and technical processing of scientists' funds in the Archive of the USSR Academy of Sciences] / Yu. A. Vinogradov, Z. N. Nagorova. – Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [USSR Ac. Sci. Publ.], 1960. – 94 p.
 10. Brovina, A. A. Nauchnye issledovaniya territorii evropejskogo Severo-Vostoka Rossii v XX veke: informatsionnyj potentsial lichnyh fondov uchenyh [Scientific research of the territory of the European North-East of Russia in the XX century: the information potential of personal funds of scientists] / A. A. Brovina // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical research]. – 2017. – № 10. – P. 82–101.
 11. Brovina, A. A. Istochniki po istorii biologicheskikh issledovanij v Nauchnom arhive Komi NTS UrO RAN [Sources on the history of biological research in the Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS] / A. A. Brovina, T. P. Filippova // *Otechestvennye arhivy* [National archives]. – 2017. – № 6. – P. 54–61.
 12. Fondy i kolekcii dokumentov lichnogo proishozhdeniya nauchnogo arhiva FIC Komi NC UrO RAN. Tematicheskij putevoditel' [Funds and collections of personal documents of the Scientific Archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Thematic guide] / Ed. A. A. Brovina, Sci. Ed. L. P. Roshchevskaya, Comp. N. G. Lisevich, K. A. Popova. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2021. – 276 p.
 13. Nauchnyj arhiv FIC Komi NC UrO RAN [Scientific archive of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS]. F. 59.
 14. Radiatsionnoe vozdejstvie na hvoynye lesa v rajone avarii na Chernobylskoj AES [Radiation effects on coniferous forests in the area of the Chernobyl nuclear power plant accident] / G. M. Kozubov, A. I. Taskaev, E. I. Ignatenko [et al.]. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, USSR Ac. Sci., 1990. – 136 p.
 15. Kozubov, G. M. Radiobiologicheskie i radioekologicheskie issledovaniya drevesnyh rastenij [Radiobiological and radioecological studies of woody plants] / G. M. Kozubov, A. I. Taskaev. – St. Petersburg: Nauka, 1994. – 256 p.
 16. Kozubov, G. M. Radiobiologicheskie issledovaniya hvojnnykh v rajone Chernobylskoj katastrofy (1986–2001 gg.) [Radiobiological studies of conifers in the Chernobyl accident area (1986–2001)] / G. M. Kozubov, A. I. Taskaev. – Moscow: Dizajn. Informatsiya. Kartografiya [Design. Information. Cartography], 2002. – 272 p.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 1022041400019-4-6.1.1 «Научное изучение документального наследия академической науки на Европейском Северо-Востоке России».

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the implementation of the state task on the research theme No. 1022041400019-4-6.1.1 "Scientific study of the documentary heritage of academic science in the European Northeast of Russia".

Информация об авторе:

Сокерин Тимофей Анатольевич – младший научный сотрудник Отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 24; e-mail: tima.cok@mail.ru).

Author:

Timofey A. Sokerin – Junior researcher at the Department of Humanitarian Interdisciplinary Research, Federal Research Centre “Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences” (24, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: tima.cok@mail.ru).

Для цитирования:

Сокерин, Т. А. Документы личного фонда Г. М. Козубова в Научном архиве ФИЦ Коми НЦ УрО РАН о научной и научно-организационной деятельности ученого / Т. А. Сокерин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 113–118.

For citation:

Sokerin, T. A. Documents of the personal fund of G. M. Kozubov in the Scientific archive FRC Komi SC UB RAS on the scientific and scientific-organizational activities of the scientist / T. A. Sokerin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2025. – No. 8 (84). – P. 113–118.

Дата поступления статьи: 22.06.2025

Прошла рецензирование:

Принято решение о публикации:

Received: 22.06.2025

Reviewed:

Accepted:

Память о революции 1917 года как этнополитический феномен в странах Южного Кавказа

М. А. Веремейчик

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
MaxVerym@yandex.ru

Аннотация

В статье показано влияние революции 1917 г. на этнополитические процессы в странах Южного Кавказа. Рассмотрены существующие в русскоязычной историографии подходы к определению термина «этнополитические процессы», среди которых выделяются конфликтологический, примордиалистический и конструктивистский подходы. Значительное внимание уделено влиянию политических партий и организаций Грузии, Армении и Азербайджана в период революции 1917 г. на развитие национально-освободительного движения. Показана динамика преемственности Первых республик Грузии, Армении и Азербайджана с современными государствами через государственную символику, политические партии и мемориальные практики.

Ключевые слова:

историческая память, революция 1917 г., этнополитические процессы, Грузия, Армения, Азербайджан, Южный Кавказ

Исследование этнополитических процессов находится в плоскости политологических и социокультурных исследований, затрагивая, в том числе, проблематику «memory studies». Это особенно актуально для конфликтных регионов мира. Например, для Южного Кавказа, где постоянно тлеют этнополитические и межнациональные конфликты. В таких условиях особую значимость приобретает историческая политика того или иного государства, ответственная за формирование исторической памяти.

Учитывая специфику термина «этнополитические процессы», следует дать его определение. Как правило, этнополитические процессы принято относить к политическим процессам. По утверждению А. В. Левина, они являются составной частью сложных общественных изменений [1]. В свою очередь российский исследователь Д. В. Драгунский рассматривает этнополитические процессы в качестве «взаимодействия довольно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, установленной артикулированной этнической идентичностью, с иной – установленными институтами суверенитета. Проявляемые данными группами

Memory of the 1917 Revolution as an ethnopolitical phenomenon in the countries of the South Caucasus

M.A. Veremeichik

Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
MaxVerym@yandex.ru

Abstract

The paper shows the impact of the 1917 Revolution on ethnopolitical processes in the countries of the South Caucasus. The existing approaches to the definition of the term “ethnopolitical processes” in Russian-language historiography are considered, highlighting the conflictological, primordialist and constructivist approaches. Considerable attention is paid to the influence of political parties and organizations of Georgia, Armenia and Azerbaijan during the 1917 Revolution on the development of the national liberation movement. The dynamics of continuity of the First Republics of Georgia, Armenia and Azerbaijan with modern states through state symbols, political parties and commemorative practices is shown.

Keywords:

historical memory, 1917 Revolution, ethnopolitical processes, Georgia, Armenia, Azerbaijan, South Caucasus

этнические требования быстро становятся политическими...» [там же]. По мнению А. В. Левина, подобное определение имеет существенные недостатки ввиду чрезмерного акцентирования внимания на одной из многих проблем суверенитета [там же]. Белорусский исследователь Л. В. Слуцкая в своей работе «Этнополитические процессы: проблема определения понятия» делает вывод об отсутствии единого подхода в определении термина «этнополитический процесс» в политической науке, при этом выделяя конфликтологический, примордиалистический и конструктивистский подходы [2].

Конфликтологический подход акцентирует внимание на социально-экономическом развитии, которое выступает в качестве отправной точки для этномобилизации и превращения этнических общностей в самостоятельные единицы политики. В свою очередь конструктивистский подход представляет этнополитические процессы в качестве «борьбы политических элит, которые используют этнические группы в качестве инструмента достижения своих целей» [там же].

Третий подход – примордиальный, представляет особый интерес. Согласно ему, этнополитические процессы

представляются как «столкновение этносов, борющихся за реализацию прав на самоопределение и выбор собственного пути социально-исторического развития» [3].

Приведенная выше совокупность подходов к определению термина «этнополитический процесс» во многом затрагивает вопросы суверенитета и независимости отдельных этносов и наций. Властные элиты, обремененные необходимостью сохранения и укрепления суверенитета, зачастую используют в качестве одного из инструментов историческую политику. Кроме того, рост интереса к событиям прошлого и исторической памяти прямо пропорционален этнической мобилизации в конфликтогенный период. В этой связи предлагается рассмотреть феномен влияния исторической памяти о революции 1917 г. на этнополитические процессы в странах Южного Кавказа по следующим критериям: участие политических партий Первых республик в государственном строительстве, обострение межэтнических конфликтов после революции 1917 г., отношение к Советскому Союзу и преемственность государственной символики Первых республик.

Проблема суверенитета тесно связана с территориальным проживанием большинства этносов на Южном Кавказе. Главной особенностью является трудность в определении государственных границ в виду неоднородного расселения народов. В результате несовпадения государственных и этнических границ в регионе приводит к непрекращающимся межэтническим конфликтам и пересмотру границ.

Для данного региона характерна проблема, связанная с определением государственных границ в виду неоднородного расселения этносов и наций. Несоответствие государственных и этнических границ способствует многочисленным вооруженным конфликтам [4]. Так, для Армении и Азербайджана характерно наличие проблемы вокруг Нагорного Карабаха (Арцаха – арм.), не раз приводившей стороны к вооруженным конфликтам. Для Грузии, в свою очередь, характерно наличие противостояний, в том числе вооруженных, с Абхазией и Северной Осетией.

Революция 1917 г. послужила одним из основных катализаторов начала этнополитических конфликтов на территории Южного Кавказа в начале XX в. Накануне революции территории современных Грузии, Армении и Азербайджана входили в состав Российской империи уже более 100 лет. В этой связи на указанных территориях широкое распространение получали идеи национально-освободительного движения. Одними из главных проводников данных идей и центром концентрации национально-ориентированного населения становились политические партии Грузии, Армении и Азербайджана.

На территории Грузии особой популярностью пользовались партии и организации социалистической направленности. В 1918 г. здесь была образована Грузинская социал-демократическая партия, которая имела свой орган печати – газету «Эртоба» («Единство»). Большинство членов Правительства Первой республики являлись членами данной партии, в том числе «отцы-основатели»: Н. Рамишвили, Н. Жордания, Н. Чхеидзе, А.И. Чхенкели, Е. Гегечкори, И. Г. Церетели и др. В период с 1918 по 1921 г.

партия осуществила ряд социалистических реформ, в том числе ограничение рабочей недели, установление избирательного права, разработку и принятие Конституции Грузинской Демократической Республики (ГДР).

Крупнейшей и старейшей политической партией Армении являлась Дашнакцутюн («Содружество»), основанная в 1890 г. Партия носила национальный характер, первоначально направленный на получение автономии, а затем к построению суверенного государства. Члены Дашнакцутюн применяли методы террора для достижения собственных целей и борьбы с турками. Данное обстоятельство дискредитировало партию в глазах соседей, в первую очередь, тюркского Азербайджана. Важной особенностью партии являлась ее массовость. Зачастую ее членами автоматически считались уроженцы Армении, при этом не учитывалось постоянное место проживания [5].

На территории Азербайджана следует отметить две крупные партии, осуществлявшие свою деятельность: мусульманская социал-демократическая партия Гуммет («Энергия») и мусульманская демократическая партия Мусават («Равенство»). Гуммет была основана в 1904 г. и продолжала свою деятельность до 1920 г., пока не была упразднена. Значительно усилившись в период революции 1905–1907 гг., она тем не менее не пережила реакционную политику царского правительства после подавления революции. Следует отметить, что в состав данной партии входил будущий председатель СНК Азербайджанской ССР – Н. Нариманов.

С октября 1904 г. по февраль 1905 г. партия нелегально издавала одноименную газету, выходившую на азербайджанском языке. Всего было издано шесть номеров газеты, после чего ее публикации пресекло Правительство. Первоначальной целью данной газеты, как утверждает азербайджанский исследователь Ш. Э. Панахова, являлся «призыв к единству во имя счастья Родины и народа» [6].

Партия Мусават была основана в 1911 г. одним из «отцов-основателей» Азербайджанской Демократической Республики (АДР) М. Э. Расулзаде. До февральского этапа революции 1917 г. партия скрывала свое существование и не предпринимала серьезных политических шагов. Однако позднее, после первого этапа революции, она станет ведущей в общественно-политической жизни страны, а ее члены будут стоять у истоков основания Первой республики. Идеологически партия Мусават стояла на позициях тюркизма, что в условиях революции 1917 г. предопределило ее популярность. Важно отметить, что ввиду преемственности партия Мусават, как и армянская Дашнакцутюн, возобновила свою деятельность при провозглашении Третьей республики в 1991 г.

Рассмотренная выше информация позволяет сделать вывод о серьезном влиянии общественно-политических организаций и партий как на внутреннюю, так и внешнюю политику. Большинство политических деятелей, включая членов Правительства Первых республик, входило в состав перечисленных партий. Грузинская социал-демократическая партия, Дашнакцутюн и Мусават оказали серьезное влияние не только на построение государственности

Грузии, Армении и Азербайджана соответственно, но и на развитие этнополитических процессов в ходе революции 1917 г.

Февральский и октябрьский этапы революции 1917 г. оказали серьезнейшее влияние на обстановку в регионе, в том числе резко обострили демографический вопрос. В результате февральского этапа революции на территории Южного Кавказа была предпринята попытка создать единый орган для управления регионом. Им стал Особый Южнокавказский (Закавказский) комитет (ОЗАКОМ), просуществовавший с марта по ноябрь 1917 г. Однако данный комитет не смог решить поставленных перед ним целей. После нескольких трансформаций, Южнокавказским (Закавказским) сеймом было принято решение создать единое государство – Южнокавказскую (Закавказскую) демократическую федеративную республику (ЗДФР), просуществовавшую чуть более 3-х месяцев – до мая 1918 г. Серьезные внешнеполитические вызовы, социально-экономический и общественно-политический кризисы сделали невозможным существование ЗДФР. На смену ей пришли национальные республики в Грузии, Армении и Азербайджане.

Построение независимого государства становилось для национальных элит главным лейтмотивом. В условиях, когда национальные республики были вынуждены определять государственные границы, серьезной проблемой стала демаркация границ в районах со смешанным проживанием этносов, что, в свою очередь, приводило к неминуемым межэтническим конфликтам. Данное обстоятельство стало одной из главных причин вооруженного конфликта между ПРА и АДР в приграничных районах, сопровождавшегося многочисленными этническими кровопролитиями. Для Грузии характерным стало вооруженная борьба с Арменией и Южной Осетией.

Межэтнические конфликты, разразившиеся на территории Южного Кавказа после революции 1917 г., были приостановлены лишь после последовательных походов XI-й Красной Армии в АДР, ПРА и ГДР, где она способствовала установлению коммунистических режимов, лояльных Советской России. Впоследствии на карте Южного Кавказа появилось новое государство – Закавказская Федеративная Социалистическая Республика.

В странах Южного Кавказа по-разному относятся к периоду пребывания в составе Российской империи и Советского Союза. Значительное количество исследователей и политических акторов расценивают этот период в качестве колониального. Например, данный подход широко распространен в Азербайджанской Республике, где, помимо прочего, применяется и в учебниках и учебных пособиях для общеобразовательных школ. В Грузии с 2010 г. отмечается День советской оккупации ГДР – 25 февраля. Это связано с вступлением XI-й Красной Армии на территорию Грузии и утрату ее независимости [7]. Также в Тбилиси был открыт музей, посвященный советской оккупации. Резко отличается ситуация в Армении: в символическом пространстве в одинаковой степени сохраняются советский и антисоветский нарратив [8, с. 71-72].

Революция 1917 г. для Грузии, Армении и Азербайджана ознаменовала собой возможность построения суверенного национального государства. В этой связи большинство коммеморационных практик отвечают интересам защиты государственности в годы Первых республик. В Грузии власти на государственном уровне празднуют основание ГДР в 1918 г. Так, в 2018 г. был широко отмечен столетний юбилей с приглашением лидеров иностранных государств и представительских делегаций [9]. В Армении на государственном уровне сохраняется память о знаковых боях за Сардарapat, Баш-Апаран и Каракилис. И хотя сражение под Каракилисом было проиграно, оно, наравне с двумя другими, позволило отстоять независимость. В 1968 г. под Сардарapatом был возведен мемориальный комплекс в честь 50-й годовщины победы в сражении [10]. В настоящее время данная площадка является знаковым местом памяти. В Азербайджане коммеморационные практики выстраиваются вокруг Первой республики и личности «отца-основателя» АДР – М. Э. Расулзаде. На государственном уровне в Азербайджане празднуются юбилеи АДР, как это было в 2014 и 2024 гг. Многие объекты топонимики носят имя М. Э. Расулзаде.

Сохранение памяти о революции 1917 г. и Первых республиках также просматривается в государственной символике стран Южного Кавказа. После распада Советского Союза в 1991 г. каждая из стран за основу государственного герба, гимна и флага взяла символику Первых республик. Так, в Грузии, в период с 1990 по 2004 гг. в качестве государственного герба, гимна и флага использовалась символика Грузинской Демократической Республики. С 2004 г. был взят курс на удревнение грузинской государственности, в виду чего герб и флаг стали отсылать к царскому роду Багратиони. В отличие от Грузии, государственная символика Армении и Азербайджана не претерпела существенных изменений после ее принятия в 1990-е гг. Данные страны выражают преемственность с Первыми республиками, существовавшими в 1918-1920 гг. [11, 13].

Несмотря на наличие трудностей государственного строительства и серьезных общественно-политических кризисов, именно поход XI Красной Армии прервал постепенное развитие национальных республик и привел к утрате государственности. В этой связи в общественном самосознании и дискурсе политических элит зачастую Советский Союз предстает в негативной коннотации.

Таким образом, историческая память является важной составляющей этнополитических процессов в новых независимых государствах, образовавшихся после распада Советского Союза. Каждая из стран Южного Кавказа воспринимает революцию 1917 г. в первую очередь через призму национальной революции и обретения государственности. После распада СССР в 1991 г. в указанных странах был восстановлен суверенитет. В этой связи празднование дня начала октябрьского этапа революции 1917 г. не представлялось более возможным, так как именно он стал причиной утраты суверенитета Первых республик. Кроме того, революция 1917 г. оказала значительное влияние на

демографию Южного Кавказа: вооруженные конфликты между странами за приграничные районы и межэтнические конфликты являлись причиной убыли населения. Межгосударственные границы, установленные в годы советской власти, также послужили причиной межэтнических конфликтов между Арменией и Азербайджаном.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Левин, А. В. Сущность этнополитических процессов / А. В. Левин // *International scientific review*. – 2017. – № 8 (39). – С. 80–81.
2. Слуцкая, Л. В. Этнополитические процессы: проблема определения понятия / Л. В. Слуцкая // *Актуальные проблемы теории политики: мировое и национально-государственное измерения: материалы круглого стола каф. политологии Белорус. гос. ун-та, Минск, 31 марта 2022 г.* / редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.), С. В. Решетников, С. Г. Паречина. – Минск: БГУ, 2022. – С. 134.
3. Денисова, Г. С. Этносоциология: учеб. пособие / Г. С. Денисова, М. Р. Радовель. – Ростов-на Дону: «ЦВВР», 2000. – С. 259.
4. Балашов, Ю. А. Разделенные народы на постсоветском пространстве / Ю. А. Балашов // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. – 2007. – № 5. – С. 185.
5. Забелин, В. М. «Дашнакцутюн» на Северном Кавказе в начале XX века / В. М. Забелин // *Приоритетные научные направления: от теории к практике*. – 2016. – № 27-1. – С. 39.
6. Панахова, Ш. Э. Вопросы общественно-политической жизни Азербайджана в 1905–1907 гг. (на страницах печати этого периода) / Ш. Э. Панахова // *Научные известия*. – 2020. – № 20. – С. 19.
7. Парцвания, Е. День советской оккупации появился в Грузии. – URL: <https://ria.ru/20100721/257105981.html>. (дата обращения: 01.08.2024).
8. Токарев, А. А. Отрицание, встраивание, постепенное забвение: государственные стратегии по отношению к советскому наследию в Грузии, Армении и Азербайджане / А. А. Токарев // *Вестник МГИМО*. – 2017. – № 5 (56). – С. 71–72.
9. Грузия отметила 100-летие Первой Республики. – URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2018-05-27--gruzija-otmetila-100-letie-pervoj-respubliki-36675>. (дата обращения: 15.08.2024).
10. Гридьян, М. История архитектурного шедевра: в мемориальном комплексе «Сардарapat» увековечен воинский дух и неукротимая воля к победе, проявленные армянским народом. – URL: <https://www.radiovan.fm/station/article/40385>. (дата обращения: 20.08.2024).
11. Государственные символы Азербайджанской Республики. – URL: <https://azerbaijan.az/ru/information/106>. (дата обращения: 10.08.2024).
12. Государственные символы Республики Армения. – URL: <https://www.president.am/ru/state-symbols>. (дата обращения: 08.08.2024).

References

1. Levin, A. V. Suschnost' etnopoliticheskikh processov [The essence of ethnopolitical processes] / A. V. Levin // *International scientific review*. – 2017. – №8 (39). – P. 80–81.
2. Slutskaya, L. V. Etnopoliticheskie processy: problema opredeleniya ponyatiya [Ethnopolitical processes: the problem of defining the concept] / L. V. Slutskaya / *Actual problems of the theory of policy: global and national-state dimensions: materials of the round table of the Political Science Dept. of the Belarusian State Univ., Minsk, March 31, 2022* / Eds. N. A. Antanovich (editor-in-chief), S. V. Reshetnikov, S. G. Parechina. – Minsk: Belarusian State Univ., 2022. – P. 134.
3. Denisova, G. S. Etnosociologiya: uch. posobie [Radovel M. R. Ethnosociology: textbook] / G. S. Denisova, M. R. Radovel – Rostov-on-Don: «Centers of Valeology of Higher Education Institutions of Russia», 2000. – P. 259.
4. Balashov, Yu. A. Razdelennyye narody na postsovetском prostranstve [Divided peoples in the post-Soviet space] / Yu. A. Balashov // *Bull. of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod Univ.* – 2007. – № 5. – P. 185.
5. Zabelin, V. M. «Dashnaktsutyun» na Severnom Kavkaze v nachale XX veka [«Dashnaktsutyun» in the North Caucasus in the early XX century] / V. M. Zabelin // *Priority scientific directions: from theory to practice*. – 2016. – № 27-1. – P. 39.
6. Panakhova, Sh. E. Voprosy obschestvenno-politicheskoi zhizni Azerbajjana v 1905–1907 gg. (na stranitsah pechati etogo perioda) [Issues of socio-political life of Azerbaijan in 1905–1907 (on the pages of the press of this period)] / Sh. E. Panakhova // *Scientific News*. – 2020. – № 20. – P. 19.
7. Partsvania, E. Den' sovetskoi okkupacii poyavilsya v Gruzii [The Day of Soviet occupation appeared in Georgia] / E. Partsvania. – URL: <https://ria.ru/20100721/257105981.html>. (accessed: 01.08.2024).
8. Tokarev, A. A. Otritsanie, vstraivanie, postepennoe zabvenie: gosudarstvennye strategii po otnosheniyu k sovetskomu naslediyu v Gruzii, Armenii i Azerbajjane [Denial, incorporation, gradual oblivion: state strategies in relation to the Soviet heritage in Georgia, Armenia and Azerbaijan] / A. A. Tokarev // *Bull. of Moscow State Inst. of International Relations*. – 2017. – №5 (56). – P. 71–72.
9. Gruzija otmetila 100-letie Pervoi Respubliki [Georgia celebrated the 100th anniversary of the First Republic]. – URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2018-05-27--gruzija-otmetila-100-letie-pervoj-respubliki-36675>. (accessed: 15.08.2024).
10. Gridyan, M. Istoriya arhitektornogo shedevra: v memori-alnom komplekse "Sardarapat" uvekovechen voinskii duh i neukrotimaya volya k pobede, proyavlennee armyanskim

narodom [History of architectural masterpiece: the memorial complex «Sardarapat» immortalizes the military spirit and indomitable will to victory shown by the Armenian people] / M. Gridyan. – URL: <https://www.radiovan.fm/station/article/40385>. (accessed: 20.08.2024).

11. Gosudarstvennye simvoly Azerbajdzhanskoi Respubliki [State symbols of the Azerbaijan Republic]. – URL: <https://azerbaijan.az/ru/information/106>. (accessed: 10.08.2024).
12. Gosudarstvennye simvoly Respubliki Artmeniya [State symbols of the Republic of Armenia]. – URL: <https://www.president.am/ru/state-symbols>. (accessed: 08.08.2024).

Информация об авторе:

Веремейчик Максим Александрович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета; <https://orcid.org/0009-0001-3674-3135> (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр-кт Независимости, д. 4; e-mail: MaxVerm@yandex.ru).

Author:

Maxim A. Veremeichik – Master of Sciences (History), Post-Graduate Student of the Department of History of Russia, Faculty of History, Belarusian State University; <https://orcid.org/0009-0001-3674-3135> (4, Nezavisimosti Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus; e-mail: MaxVerm@yandex.ru).

Для цитирования:

Веремейчик, М. А. Память о революции 1917 года как этнополитический феномен в странах Южного Кавказа / М. А. Веремейчик // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 119–123.

For citation:

Veremeichik, M. A. Memory of the 1917 Revolution as an ethno-political phenomenon in the countries of the South Caucasus / M. A. Veremeichik // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series “History and Philology”. – 2025. – No. 8 (84). – P. 119–123.

Дата поступления статьи: 10.10.2024

Прошла рецензирование: 03.10.2025

Принято решение о публикации: 17.10.2025

Received: 10.10.2024

Reviewed: 03.10.2025

Accepted: 17.10.2025

Политика исторической памяти в России и практика ее реализации в Республике Коми (на примере проекта «Родовой дом»)

Т. И. Дронова

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
t_i_dronova@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает проблему сохранения исторической памяти в России и локально – в Усть-Цилемском районе Республики Коми. Трансляция семейной памяти у староверов-беспоповцев Усть-Цильмы – малоисследованная тема, актуальность изучения которой особо возросла в XXI в. Установлено, что эффективным инструментом, используемым в деле патриотического воспитания молодежи, является проектная технология, предусматривающая взаимодействие и социальное партнерство общественной организации «Русь Печорская», органов государственной власти, сочетающая традиционные и инновационные направления в воспитании подрастающего поколения. В исследовании делается акцент на значимости изучения наследия рода, сплочения его представителей, действующих в рамках проекта «Родовой дом», образованного в Усть-Цилемском районе Республики Коми в 2004 г. Условно деятельность участников проекта состоит из двух составляющих: роспись генеалогического древа с презентацией родового дома и создание/деятельность семейного музея, который позиционируется не как социальный институт, а как продукт творчества человека. Предметы, представленные в них, отражают индивидуальность конкретно взятого рода/семьи, систему ценностей, эстетических взглядов, призванные вызвать внимание к историко-культурному наследию семьи и края, но и истории России в целом. Определено, что семейные музеи в России способствуют глубокому пониманию связи истории семьи с историей страны. Интерес к семейной истории способствует становлению гражданской, конфессиональной идентичности, воспитанию патриотизма, сохранению исторической памяти.

Ключевые слова:

староверы-беспоповцы, Усть-Цильма, семейная память, историческая память, музей, проект «Родовой дом», культурное наследие, семейные ценности

Historical memory policy in Russia and its implementation in the Komi Republic (based on the «Family Home» project)

T. I. Dronova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, Syktyvkar
t_i_dronova@mail.ru

Abstract

The paper considers the problem of preserving historical memory in Russia and locally - in the Ust-Tsilma region of the Komi Republic. The transmission of family memory among the Bespopovtsy Old Believers of Ust-Tsilma is a little-studied problem, the relevance of which has increased significantly in the XXI century. It has been established that a project-based approach, involving interaction and social partnership between the public organization "Rus Pechorskaya" and government bodies, is an effective tool for patriotic education of youth. This approach combines traditional and innovative approaches to educating the younger generation. The study emphasizes the importance of studying family heritage and uniting its representatives within the "Family Home" project, established in the Ust-Tsilma region of the Komi Republic in 2004. The project participants' activities consist of two components: the creation of a family tree with the presentation of the ancestral home and the creation and operation of a family museum, which is positioned not as a social institution, but as a product of human creativity. The objects displayed in them reflect the individuality of a particular clan/family, their value system and aesthetic views, designed to draw attention to the historical and cultural heritage of the family and region, as well as the history of Russia as a whole. It has been determined that family museums in Russia contribute to a deep understanding of the connection between family history and the history of the country. Interest in family history contributes to the formation of civil and confessional identity, fosters patriotism, and preserves historical memory.

Keywords:

Bespopovtsy Old Believers, Ust-Tsilma, family memory, historical memory, museum, "Family Home" project, cultural heritage, family values

Проблема сохранения исторической памяти нашего народа остается актуальной, на ее изучение обращено внимание специалистов разных гуманитарных направлений. Особо эта тема зазвучала в постсоветский период, когда в 1990-е гг. произошли кардинальные социально-политические изменения в стране, в результате которых произошло утрачивание традиционных ценностей, возник повышенный интерес к «западной» модели построения жизни. Это явление привело к кризису гражданской идентичности и размыванию традиционной культуры / ценностей, в значительной степени среди молодежи. Особое значение проблема сохранения исторической памяти приобретает в современных внешнеполитических условиях, когда Российское государство развивается в условиях активизации глобального информационного противостояния. В связи с этим, высказываемые опасения по поводу духовного кризиса в России имеют под собой реальные основания.

В XXI в. институты государственной власти, представители политической элиты начали уделять большое внимание вопросам формирования гражданской идентичности, сплочения народов, проживающих в России, воспитанию патриотизма. На федеральном и региональном уровнях в современной России создана нормативно-правовая база, благодаря которой выстраивается политика патриотического воспитания молодежи и противодействия распространению деструктивной идеологии, укрепления гражданского общества [1, с. 42–49; 2, с. 82–84]. Система мер по сохранению исторической памяти как основы гражданского единства стала одной из ключевых задач нашего государства.

В юбилейный для России год 80-летия Победы следует особо отметить объединенные усилия государства и народа в сохранении памяти о подвигах советских солдат и тружеников тыла, об их вкладе в Победу над фашизмом. На правительственном уровне в переломные 1990-е гг. начали усиленно говорить о вкладе советского народа в Победу над фашизмом. Посылom тому стало усиление предвзятого отношения к русскому народу и переписывание оценок Второй мировой войны. В 1995 г. – в год 50-летия Победы был издан Федеральный закон от 19 мая № 80-ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». С этого года Парады Победы стали ежегодными, а тема войны – особо обсуждаемой и изучаемой.

Знаменательным событием в 2007 г. стал «Парад Победителей», прошедший в Тюмени по инициативе председателя областного совета ветеранов Геннадия Иванова. В День Победы горожане впервые вышли на улицы с фотографиями своих родственников-фронтовиков. Эта народная акция вызвала широкий отклик у населения России, со временем переросшая в общенациональное движение.

«Бессмертный полк» – это память, прежде всего, о близком человеке – представителе семьи, ставшем на защиту своего Отечества. По сути, движение, объединившее россиян, обеспечило равенство граждан России перед образом Вечности. В едином строю шли представители власти и простые люди. И особо показательно,

что «Бессмертный полк» объединил россиян, проживающих в разных странах мира. Именно память о подвигах солдат, тружениках тыла объединила людей и стала национальной идеей, формирующей гражданскую идентичность, патриотизм, а в целом создающей прочный фундамент народного единства. В 2021 г. Федеральный закон от 1 июля № 278 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”» обеспечил правовую защиту исторической правды и упрочил значение подвига советского народа в Великой войне.

В XXI в. в обществе актуализировалась проблема сохранения культурных традиций и духовного обновления. В 2007 г. Президент Российской Федерации на заседании Государственного совета выступил с докладом «О государственной поддержке традиционной народной культуры в России», 2007 год был объявлен годом русского языка в России и за рубежом. В. В. Путин призвал вновь обратиться к истокам традиционной культуры, тесно переплетающейся с исторической памятью, связывающей поколения и эпохи, являющейся при этом источником формирования морально-этических норм. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности. Все это свидетельствует, что историко-культурное наследие, историческая память обретают значение не только в области гуманитарного знания, но и важного политического ресурса. В частности, об этом свидетельствует и создание в 2023 г. Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации [3].

Безусловно, любовь к Родине, ее историческому прошлому должна начинаться с семьи и напрямую связана с памятью о представителях своего рода. В постсоветский период в обществе возобновился интерес к изучению родословий. В 1990-е гг. возродились два крупнейших генеалогических общества, действовавших в России в XIX–начале XX в.: это Историко-родословное общество в Москве, действовавшее в период 1905–1917 гг. и возрожденное в 1990 г., а также Русское генеалогическое общество в Санкт-Петербурге, функционировавшее в период 1897–1922 гг., и восстановленное в 1991 г. Возобновление их деятельности стало толчком к массовому обращению россиян к изучению своих родословий. В 1998 г. было образовано Северное историко-родословное общество в Архангельске, позднее и в других регионах. В настоящее время на базе этих обществ проводятся научные конференции, издаются сборники и монографии. Главное значение такой деятельности состоит в том, что составление генеалогий сплачивает и объединяет людей, заинтересовавшихся выявлением своих корней, а в целом историческим прошлым своей страны, поскольку судьбы людей неотделимы от российской истории.

Говоря о старообрядческой культуре, семья и семейная (родовая) память входят в число важнейших духов-

ных основ в сохранении культурно-конфессиональной идентичности. Семья является важнейшим институтом, где происходят аккумуляция и передача культурного опыта и знаний, этнических традиций. Здесь закладываются основы воспитания, а для староверов это прежде всего связывается с процессом формирования религиозной личности, обучения староцерковной грамоте, почитания традиций предков, выстраивания взаимоотношений с иноконфессиональным миром.

Хотя староверов упрекают в излишнем консерватизме, а порой и фанатизме, в силу того, что смыслом жизни они видят сохранение прежде всего староцерковной традиции, но они сумели не только сохранить, но и развить и соединить воедино культурные новации современности и духовное наследие своих предков.

В Усть-Цилемском районе Республики Коми обращение к темам «семья», «культурное наследие», «семейная/историческая память» на современном этапе связывается с деятельностью Межрегионального общественного движения «Русь Печорская» и проекта «Родовой дом», образованных местными инициативами, основанными на энтузиазме граждан.

С 2004 г. в Усть-Цилемском районе действует проект «Родовой дом», созданный с целью восстановления генеалогий, сохранения семейной памяти, исторического прошлого семьи, популяризации народной культуры, упрочения семейных ценностей. Вместе с тем, проект создан с целью укрепления и сплочения семей, которые в современных условиях начали утрачивать былой авторитет и надежность. Его автор – Татьяна Дмитриевна Вокуева, представитель известного в Усть-Цильме рода Анхиных. Сейчас Татьяна Дмитриевна проживает в г. Москве и возглавляет московское Представительство «Русь Печорская». Она также является членом Совета МОД «Русь Печорская» (с. Усть-Цильма), членом правления РОО «Землячество Коми» (г. Москва) и РОО «Поморское землячество в Москве» (г. Москва). Татьяна Дмитриевна – генеалог, является членом московского Историко-родословного общества. В 1990-е гг., погрузившись в процесс изучения своей родословной, Татьяна Дмитриевна решила поделиться своим опытом с земляками.

Семейные ценности следует рассматривать важнейшим условием сохранения веры, и это Т. Д. Вокуева понимала не на словах, а на деле. В постсоветский период, в сложные 1990-е гг., ее мама – Наталья Яковлевна Носова – сумела сплотить усть-цилемских староверов. При ее активной деятельности была зарегистрирована старообрядческая община в с. Усть-Цильме, а Наталья Яковлевна стала ее первым председателем. Памятуя об этом событии, Татьяна Дмитриевна взялась за восстановление и роспись своего рода; возобновление и сплочение родственных связей.

В 2004 г. при поддержке Межрегионального общественного движения «Русь Печорская» была установлена первая мемориальная доска на родовом доме Анхиных [4, с. 127–139]. Встреча рода Анхиных стала важным общественным событием в с. Усть-Цильме, о котором подробно писала местная газета «Красная Печора». Жители района

поддержали инициативу Т. Д. Вокуевой и при ее содействии начали росписи своих родов.

Вскоре после этого семейного мероприятия при поддержке МОД «Русь Печорская» был создан проект «Родовой дом», разработано Положение, в котором были определены цели, задачи, порядок организации мероприятий проекта, направленных на сохранение и поддержание семейных традиций.

Т. Д. Вокуева разработала эмблему проекта – графическое изображение, состоящее из нескольких элементов: дерево под крышей и бревенчатые стены, символизирующие род и деревенскую избу. Электронный дизайн эмблемы принадлежит скульптору, дизайнеру, художнику-керамисту, генеалогу И. Ю. Соснеру. Эмблема применяется на паспорте родового дома, полиграфических материалах, касающихся реализации проекта и освещающих его деятельность.

День установления мемориальной доски на родовом доме устьцилемцами признается праздником рода, на который съезжаются его представители, возобновляется некогда утраченное общение, устраивается застолье, за которым вспоминают о дедах-прадедах, их славных делах.

К настоящему времени установлено 17 досок на родовых домах и к ним создано 17 паспортов с указанием названия рода, основателя рода, даты постройки дома и его строителей, выдающихся представителей семьи. Обязательным требованием, закрепленным в положении проекта, является роспись рода. Для усть-цилемских староверов знание своей родословной до семи-восьми поколений – обычное дело, некоторые рода сохраняют память и о 10 поколениях.

Проект «Родовой дом» стал новой волной в культурной жизни усть-цилемских староверов. Благодаря заинтересованности в нем местного населения, сельской администрации начали образовываться и другие проекты. И уже в 2005 г. в с. Усть-Цильме был организован круглый стол «Особенности воспитания на Севере: опыт традиции, современность», по итогам которого был опубликован сборник «Для меня Усть-Цильма место, где родиться повезло» [5]. В 2007 г. прошла районная конференция «Родословные чтения», посвященная родам Усть-Цильмы, по итогам которой был выпущен сборник «Родовые преданья усть-цилем» [6]. В мероприятиях участвовали усть-цилемские жители всех возрастов и профессий, продемонстрировавшие интерес к истории семьи и края.

В 2012 г. в Усть-Цильме отмечали 470-летие создания села. Одним из первых мероприятий, посвященных этому юбилею, стало открытие в Национальном музее Республики Коми межрегиональной выставки «И пусть не рвется времен связующая нить». Выставка была организована в рамках проекта «Родовой дом». К дате проведения выставки мемориальные доски были установлены на семи родовых домах, насчитывающих более чем 100-летнюю историю, о которой свидетельствовали предметы и коллекции экспонатов. Важность таких мероприятий заключается в привлечении внимания молодежи к историческому наследию края.

В настоящее время работа по составлению родословных является объединяющим элементом, некоей нитью, соединяющей усть-цилемские династии, изучающие и восстанавливающие семейные генеалогии. Благодаря активной деятельности «Руси Печорской» в продвижении проекта, его высокой оценке в республиканских СМИ молодежь проявляет интерес к народной культуре, в особенности семейным традициям. Все это положительным образом сказывается как на развитии проекта, так и отношении к прошлому своего края у местного населения.

С 2008 г. проект «Родовой дом» получает новое развитие: в родовых домах начали строить семейные музеи. Феномен семейного музея – относительно новое явление в нашей стране, хотя считается, что он зародился в Западной Европе на рубеже XIX и XX столетий. Первый в мире музей, посвященный генеалогии и семейным историям, появился в Нидерландах на территории бывшего монастыря Урсулинок в г. Эйсден в 1899 г. Сегодня он имеет статус международного музея семейных историй – «International Museum for Family History». Его основной специализацией является генеалогия, исследования ДНК, геральдика и др. [7]. В прошлом столетии были открыты два частных музея в США, но их принято обозначать не как «семейные» (family), или домашние (home), а как «личные» (personal), или «малые» (mini, little) [8, с. 277]. Один из них был открыт в 1976 г. в доме Альберта Энштейна, внесенный в Национальный реестр исторических мест и получивший статус национального исторического памятника. Второй открыт в 1978 г. – «Семейный музей Хикс-Стернс», в нем представлены семейные реликвии, коллекции, мебель Викторианской эпохи семьи Хикс-Стернс [9].

Однако отечественная практика создания подобных музеев не менее интересна и весьма разнообразна, о чем свидетельствуют и экспозиции многих подобных музеев, создание которых началось в последней трети XX столетия. Одним из крупнейших исторических проектов такого рода стало создание «Музея семейных историй», организованного на базе Музея политической истории России в Санкт-Петербурге. Участникам проекта предлагается рассказать историю семьи с начала XIX в. по сегодняшний день. В 2020 г. на базе Государственного музея-заповедника В. Д. Поленова открылся Центр семейной истории [10]. В настоящее время идет тенденция образования подобных частных музеев, раскрывающих семейные истории [11, с. 113–129]. Точные количественные показатели негосударственных, в том числе частных музеев в стране неизвестны, но на сегодняшний день в автоматической идентификационной системе «Единое информационное пространство в сфере культуры» зарегистрировано 170 частных музеев (ожидают включения 700) [12, с. 25]. Музей как культурная форма постоянно трансформируется, отвечая на потребности социума, и в связи с этим он находится в русле изменений, касающихся новых, а точнее обновленных задач организации культурного досуга и просвещения населения, сохранения исторической, в том числе семейной памяти [13, с. 153–159].

Семейные, родовые музеи Усть-Цильмы – органичная часть музеефикации исторической памяти. Деятельность по осмыслению ценностей конкретной семьи, конкретного рода является актуальной не только узколокально, но и в рамках сохранения культурно-исторического наследия России в целом.

В настоящее время в районе действует пять таких музеев:

1. Дом Анхиных (семья по фамилии Дуркины, с. Усть-Цильма) – действует в летнее время (июль).
2. Дом Сениных (семья по фамилии Мяндины, с. Усть-Цильма) – действует круглый год.
3. Дом Федьковых (семья по фамилии Носовы, с. Коровий Ручей) – действует в летнее время.
4. Дом Никитыных (семья по фамилии Ермолины, с. Трусово) – действует в летнее время.
5. Дом Горьких (семья по фамилии Дуркины-Тирановы, с. Усть-Цильма) – действует в летнее время.

Деятельность организаторов семейных музеев базируется на практике собирательства и не связывается с исследовательским началом. В них основное внимание уделяется конфессиональным и этнографическим темам (книги, иконы, богослужебные предметы, одежда, орудия труда, предметы быта). За каждым предметом стоит конкретный человек со своей удивительной судьбой, историей жизни. Семейные музеи, созданные усилиями частных лиц с целью актуализации аутентичных предметов, имеют свою аудиторию – не только сельскую, но и у приезжающих в Усть-Цилемский район туристов, исследователей.

Музеи, связанные с историей конкретного рода, раскрывают семейные ценности его представителей, нравственные принципы, которыми был пронизан их жизненный уклад. В домах создаются частные экспозиции предметов быта и семейных реликвий. Их открытию предшествует глубокая собирательская работа. Культурное наследие семьи представлено в предметах, которые были неотъемлемой частью рода – это фронтовые письма, деловые документы. Усть-Цилемские староверы трепетно сохраняют украшения, изготовленные еще в XIX столетии, традиционную одежду, обувь. Документы, фотографии, архивные материалы, воспоминания представителей рода отражают многообразие родовых связей и судеб на фоне исторических событий страны. Посетители соприкасаются с устной историей о представителях рода, основами их трудовой и хозяйственной деятельности. Наследие рода, находящееся в центре формирования семейных достопримечательностей, обладает просветительским, творческим, патриотическим потенциалом.

Желание усть-цилемских староверов сохранять старорусскую культуру и традиции, укреплять родственные связи стимулирует создание новых форм и механизмов транслирования и развития культуры, что свидетельствует об их гибком отношении к новациям. Семейные музеи в России становятся важным дополнением к официальным государственным музеям и способствуют широкому вовлечению граждан в процесс изучения своих родословных, семейных историй, чтобы глубже понять связь меж-

ду историей своей семьи и историей страны, сохранения культурного наследия, передаче опыта и знаний. Материалы, представленные в статье, подчеркивают важность и значительность местных инициатив в вопросе объединения людей, формирования ответственного отношения к прошлому своей семьи, исторической памяти в целом. Интерес к семейной истории способствует становлению гражданской, конфессиональной идентичностей, воспитанию патриотизма. В реализации проекта «Родовой дом» устьицелёмы видят еще один способ диалога поколений, преемственности обычаев и надеются, что данный проект имеет объединяющее значение для представителей разных возрастных групп и становится доброй жизнеутверждающей традицией.

В 2016 г. проекту «Родовой дом» был присвоен республиканский статус. Успешность его реализации обусловлена комплексным подходом: желанием населения Усть-Цилемского района сохранять свою культуру, поддержкой муниципальной и республиканской властей и науки.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Попп, И. А. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект / И. А. Попп, И. С. Шахнович // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 12. – С. 42–49.
2. Болтырова, Т. М. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации / Т. М. Болтырова // Вестник института (ИКИ-АТ). – 2022. – № 2 (45). – С. 82–84.
3. Указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 2023 г. № 817 «О создании автономной некоммерческой организации "Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации"».
4. Вокуева, Т. Д. Дуркины, род Анхиных и встреча потомков Анфима // Северные родословия: сб. статей Северного ИРО. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Л. Д. Попова. – Архангельск, 2008. – С. 127–139.
5. Для меня Усть-Цильма место, где родиться повезло / ред. Е. И. Герасимова. – Усть-Цильма, 2006. – 90 с.
6. Родовые преданья устьицелём / ред. Е. И. Герасимова. – Усть-Цильма, 2007. – 80 с.
7. Международный музей семейных историй. – URL: <https://www.nasltldie.digital> (дата обращения: 26.03.2025).
8. Морозов, И. А. «Ключ от дома дедушки»: предметные и визуальные нарративы в пространстве семейной памяти / И. А. Морозов, И. С. Слепцова (Кызласова) // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 2. – С. 276–297.
9. Семейный музей Хикс-Стернс. – URL: <https://www.facebook.com/hicksstearns/> (дата обращения: 25.03.2025).
10. Центр семейной истории. – URL: <https://www.nasltldie.digital> (дата обращения 20.03.2025).
11. Морозов, И. А. Дискурсы памяти в музейном формате: современные нарративы семейной истории / И. А. Морозов, И. С. Слепцова (Кызласова) // Диалог со временем. – 2021. – № 75. – С. 113–129.
12. Шехватова, Е. В. Частный музей в музееведческой классификации / Е. В. Шехватова // Культура и образование. – 2020. – № 1 (36). – С. 24–32.
13. Степанова, Т. П. Досуговое общение как фактор культурно-смысловой консолидации / Т. П. Степанова // Вестник МГУКИ. – 2009. – № 2 (28). – С. 153–159.

Reference

1. Popp, I. A. Gosudarstvennaya politika po sohraneniyu istoricheskoy pamyati grazhdan Rossijskoj Federacii: normativno-pravovoj aspekt [State policy on preserving the historical memory of citizens of the Russian Federation: regulatory and legal aspect] / I. A. Popp, I. S. Shakhnovich // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia]. – 2018. – No. 12. – P. 42–49.
2. Boltyrova, T. M. Gosudarstvennaya politika po sohraneni-yu istoricheskoy pamyati grazhdan Rossijskoj Federacii [State policy for the preservation of the historical memory of citizens of the Russian Federation] / T. M. Boltyrova // Vestnik instituta (IKIAT) [Bull. of IKIAT [Inst. of Comprehensive Research of Arid Territories]]. – 2022. – No. 2 (45). – P. 82–84.
3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 noyabrya 2023 g. № 817 O sozdanii avtonomnoj nekommercheskoj organizacii «Nacional'nyj centr istoricheskoy pamyati pri Prezidente Rossijskoj Federacii» [Decree of the President of the Russian Federation of November 2, 2023 No. 817 On the establishment of an autonomous non-profit organization "National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation"].
4. Vokueva, T. D. Durkiny, rod Ankhinyh i vstrecha potomkov Anfima [The Durkins, the Ankhin family and the meeting of Anfim's descendants] / T. D. Vokueva // Severnye rodosloviya [Northern genealogies]: Collection of papers of the Northern IRO [Northern Historical and Genealogical Society]. Issue 2 / Comp. and Ed. L. D. Popova. – Arkhangel'sk, 2008. – P. 127–139.
5. Dlya menya Ust'-Cil'ma mesto, gde rodit'sya povezlo [For me, Ust-Tsilma is a place where I was lucky to be born] / Ed. E. I. Gerasimova. – Ust-Tsilma, 2006. – 90 p.
6. Rodovye predan'ya ust'cilyom [Ust-Tsilma Family Legends] / Ed. E. I. Gerasimova. – Ust-Tsilma, 2007. – 80 p.
7. Mezhdunarodnyj muzej semejnyh istorij [International Museum of Family Histories]. – URL: <https://www.nasltldie.digital> (accessed: 26.03.2025).
8. Morozov, I. A. «Klyuch ot doma dedushki»: predmetnye i vizual'nye narrativy v prostranstve semejnoy pamyati ["The Key to Grandfather's House": object and visual narratives in the space of Family Memory] / I. A. Morozov, I. S. Sleptsova (Kyzlasova) // Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian Historical Research]. – 2020. – No. 2. – P. 276–297.

9. Semejnyj muzej Hiks-Sterns [Hicks-Stearns Family Museum]. – URL: <https://www.facebook.com/hicksstearns> (accessed: 25. 03. 2025).
10. Centr semejnoj istorii [Family History Center]. – URL: <https://www.nasltdie.digital> (accessed: 20.03.2025).
11. Morozov, I. A. Diskursy pamyati v muzejnom formate: sovremennye narrativy semejnoj istorii [Discourses of memory in a museum format: modern narratives of family history] / I. A. Morozov, I. S. Sleptsova (Kyzlasova) // Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. – 2021. – No. 75. – P. 113–129.
12. Shekhvatova, E. V. Chastnyj muzej v muzevedcheskoj klassifikacii [Private museum in museological classification] / E. V. Shekhvatova // Kul'tura i obrazovanie [Culture and education]. – 2020. – No. 1 (36). – P. 24–32.
13. Stepanova, T. P. Dosugovoe obshchenie kak faktor kul'turno-smyslovoj konsolidacii [Leisure communication as a factor of cultural and semantic consolidation] / T. P. Stepanova // Vestnik MGUKI [Bull. of Moscow State Univ. of Culture]. – 2009. – No. 2 (28). – P. 153–159.

Благодарность (госзадание):

Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на Европейском Севере России: динамика социальных и культурных изменений». Регистрационный номер: 121042600207-7.

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the planned topic of the Ethnography Sector of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences «Ethnocultural processes and ethnocultural traditions in the European North of Russia: the dynamics of social and cultural changes». Registration number: 121042600207-7.

Информация об авторе:

Дронова Татьяна Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: t_i_dronova@mail.ru).

Author:

Tatyana I. Dronova – Dr. Sci. (History), Chief Researcher of the Sector of Ethnography of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167982, Russian Federation; e-mail: t_i_dronova@mail.ru).

Для цитирования:

Дронова, Т. И. Политика исторической памяти в России и практика ее реализации в Республике Коми (на примере проекта «Родовой дом») / Т. И. Дронова // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 124–129.

For citation:

Dronova, T. I. Historical memory policy in Russia and its implementation in the Komi Republic (based on the «Family Home» project) / T. I. Dronova // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «History and Philology». – 2025. – No. 8 (84). – P. 124–129.

Дата поступления статьи: 16.04.2025

Прошла рецензирование: 09.04.2025

Принято решение о публикации: 25.04.2025

Received: 16.04.2025

Reviewed: 09.04.2025

Accepted: 25.04.2025

Научное наследие

УДК 39:910.4(470.13)"1961"

DOI 10.19110/1994-5655-2025-8-130-136

Первая стационарная этнографическая экспедиция Л. Н. Жеребцова (Ижемский район, 1961 год). К 100-летию со дня рождения ученого

И. Л. Жеребцов

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

Публикация посвящена первой стационарной экспедиции коми этнографа Л. Н. Жеребцова, состоявшейся в 1961 г. Отряд из двух человек работал в Ижемском районе и собрал значительный материал, характеризующий культуру и быт ижемцев в середине XX в. и вошедший в научный отчет, подготовленный Л. Н. Жеребцовым. Впервые публикуются фрагменты этого отчета, касающиеся поселений, жилищ, народной одежды и пищи ижемцев.

Ключевые слова:

Любомир Николаевич Жеребцов, этнография, коми, ижемцы, традиционная пища, народная одежда, поселения, жилища

Один из основоположников современной коми этнографии Любомир Николаевич Жеребцов (15.10.1925–17.02.1991) выбрал свой научный путь по совету выдающегося коми гуманитария-энциклопедиста А. С. Сидорова. Именно А. С. Сидоров в 1949 г. порекомендовал начинающему ученому, выбиравшему между археологией и этнографией, сосредоточить свое внимание на этнографии [1, с. 24]. Л. Н. Жеребцов поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР, но основное время учебы провел в Москве, где работал над диссертацией под руководством видного советского антрополога Н. Н. Чебоксарова. Уже в период учебы в 1950 г. он принял участие в первой этнографической экспедиции, которой руководила ведущий специалист того периода по этнографии народов коми В. Н. Белицер (в 1958 г. выпустившая фундаментальный труд «Очерки по этнографии народов коми» [2]). В последующие годы Л. Н. Жеребцов принял участие во многих экспедициях. В частности, в 1956–1959 гг. он и его коллега и ровесник Л. П. Лашук работали на Сыsole, в Прилузье и на верхней Вычегде. Их совместными экспедициями ру-

Scientific heritage

The first stationary ethnographic expedition of L. N. Zherebtsov (Izhma region, 1961). Dedicated to the 100th birth anniversary of the scientist

I. L. Zherebtsov

Institute of Language, Literature and History, Federal Research

Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The publication deals with the first stationary expedition of Komi ethnographer L. N. Zherebtsov, which took place in 1961. A team of two people worked in the Izhma region and collected significant material characterizing the culture and way of life of the Izhma-people in the middle of the XX century, that was included in the scientific report prepared by L. N. Zherebtsov. For the first time, fragments of this report concerning settlements, dwellings, folk clothes and food of the Izhma-people are published.

Keywords:

Lyubomir Nikolaevich Zherebtsov, ethnography, Komi, Izhma-people, traditional food, folk clothes, settlements, dwellings

ководил Л. П. Лашук [3]. После его отъезда из Сыктывкара в 1960 г. организацией и проведением экспедиционных исследований отдела этнографии и археологии Коми филиала АН СССР руководил Л. Н. Жеребцов [4].

В самом начале 1960-х гг. изменилась методика экспедиционных исследований коми этнографов. Это было связано с началом разработки новой научной темы «Изменения культурно-бытового уклада населения Коми АССР в период строительства социализма» и, в частности, с анализом перемен в культуре и быте сельского населения республики. Л. Н. Жеребцов как руководитель темы считал, что для ее выполнения, для сбора полевых материалов вместо ранее практиковавшихся маршрутных этнографических экспедиций необходимо организовывать и проводить иные – стационарные экспедиции.

Ученый объяснял такую потребность тем, что в период, когда перед коми этнографами стояли задачи «общего ознакомления с культурой и бытом населения, сбора этнографического материала по районам с целью выявления местных локальных различий для выделения этногра-

фических районов в Коми АССР», «маршрутные экспедиции обеспечивали знакомство исследователя с большим количеством населенных пунктов», «сбор материала на разных участках маршрута позволял выявлять различие в элементах культуры и проследить их переходы на протяжении всего маршрута» [5, л. 1], что, несомненно, являлось большим плюсом. Однако «краткость пребывания в одном пункте не позволяла охватить весь возможный материал со всей полнотой и глубиной» [там же]; для детального же изучения специфики того или иного этнографического района и особенно микрорайона нужны были стационарные исследования.

Л. Н. Жеребцов считал, что «изменение культуры и быта в период маршрутных экспедиций проследить трудно, так как оно во многих случаях проявляется именно только в деталях (в части материальной культуры) и в быту, изучение которого в период кратковременного пребывания в пункте совсем невозможно, поскольку мешает известная настороженность и сдержанность населения, которая исчезает, когда люди привыкают к присутствию исследователей» [там же, л. 2]. Разумеется, ученый не абсолютизировал роль стационарных экспедиций и отмечал, что они также имеют свои недостатки, в первую очередь, «узость объекта исследования – один-два населенных пункта», выводы по которым «могут не соответствовать общей картине» [там же]. Стационарные этнографические исследования, подчеркивал Л. Н. Жеребцов, следует проводить только в тщательно выбранных поселениях, характерных для того или иного этнографического района (или даже нескольких районов), причем в них должны быть отчетливо заметны происходившие в культурно-бытовом укладе изменения. Организация стационарных экспедиций отнюдь не предусматривала отказа от маршрутных исследований; напротив, Л. Н. Жеребцов полагал, что «стационарные исследования необходимо чередовать с маршрутными по тем же районам с целью выявить общие черты и тенденции развития культуры и быта в целом по району исследования», поскольку «это сделает выводы стационарной экспедиции более обоснованными», и был убежден, что «для большей эффективности исследования полезно неоднократное посещение стационара» [там же].

Первая этнографическая экспедиция стационарного типа состоялась в июне-июле 1961 г. Отряд из двух человек (Л. Н. Жеребцов и старший лаборант И. М. Паршуков, художник) работал в Ижемском районе и конкретно в селениях Ижемского куста (Ижма, Сизябск, Бакур, Мохча и Гам), выбранного руководителем экспедиции в силу того, что, по его мнению, именно здесь должен был «резче сказаться переход от подвижного, связанного с оленеводством и охотой, быта к современным условиям жизни и ведения хозяйства» [там же, л. 2, 4]. Помимо этого, в 1949 г. в этих местах уже работала этнографическая экспедиция, в которой участвовал Л. Н. Жеребцов, и можно было бы сравнить новые данные с материалами 12-летней давности, проследить произошедшие за это время изменения [там же, л. 2–3].

Этнографы прилетели из Сыктывкара в Ижму на самолете, а оттуда отправились на гужевом транспорте в Сизябск, ставший базой работы экспедиции как основной центр ижемского оленеводства; в селе размещались сельсовет и правление колхоза, объединявшего Сизябск и Бакур. Исследователи работали также в расположенных между Сизябском и Ижмой (расстояние между последними – 7 км) селах Бакуре и Мохче, посещая их пешком, и в самой Ижме [там же, л. 4].

Сбор материала проводился по широкой программе и включал в себя пополнение фондов как современных, так и дореволюционных элементов материальной и духовной культуры. Исследовались современные этнические взаимоотношения, национальный состав, брачные связи, господствующий язык в однонациональной и разнонациональной семье и т. д. Детально выявлялись особенности «старой культуры» и бытовой специфики ижемцев, в первую очередь, отношения традиционных и современных форм хозяйства. Особое внимание Л. Н. Жеребцов обращал на изучение традиционной народной пищи, утвари и различных сторон быта, так как эти вопросы (в отличие от поселений, жилищ и одежды) в предшествующей экспедиции анализировались менее обстоятельно. Проводился сбор материала о культурно-просветительной работе на селе «и ее влиянии на перестройку народной культуры и быта», выявлялась специфика культуры и быта начала 1960-х гг. «с упором, в какой мере это возможно, на изменения, происходившие» в 1920–1940-е гг. [там же, л. 3]. Осуществлялась визуальная фиксация материалов в виде фотоснимков (фотографировал Л. Н. Жеребцов) и цветных рисунков, которые выполнял И. М. Паршуков [там же, л. 3–4].

Исследователи знакомились с населением, беседовали с руководителями органов власти и управления, колхозов и других предприятий, с жителями, посещали учреждения культуры и отдельные семьи. Основные материалы, характеризующие культуру и быт ижемцев, были собраны в Сизябске и частично в Бакуре. В Ижме отряд получил материалы, «характеризующие общий подъем культуры на селе» и «данные по официальной культуре и ее влиянию на народный быт» [там же, л. 4–5]. Л. Н. Жеребцов с сожалением констатировал, что «отряду не пришлось непосредственно наблюдать быт самих оленеводов, поскольку бригады с оленями в этот период уже находились в тундре», и отметил, что «желательно повторить поездку в зимнее время, когда оленеводы возвращаются на Ижму» [там же, л. 4].

Несмотря на этот недостаток, отряд собрал значительный материал, вошедший в научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Ижемский район Коми АССР в 1961 г., хранящийся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН (Ф. 1. Оп. 13. Д. 66). К отчету прилагались четыре альбома с более чем 300 иллюстрациями. Отчет был одобрен и принят отделом этнографии и археологии Коми филиала АН СССР 26 мая 1964 г.

Ниже приведены фрагменты научного отчета, касающиеся поселений и жилищ, народной одежды и пищи (там же, л. 8–21).

Л. Н. Жеребцов

Из научного отчета об итогах этнографической экспедиции в Ижемский район Коми АССР в 1961 г.

Если даже не проводить сравнение с дореволюционным материалом, а только с этнографическими данными 1942–50 гг., то и тут взгляд этнографа отмечает заметные отличия и прежде всего это широкое жилищное строительство. Правда, тип селений сохраняется прежний. Ижма, например, в основной своей части имеет уличную (состоит из 3-х улиц), а на окраинах (выселки) рядовую планировку. Так было и раньше, так остается и теперь, несмотря на то, что выселки очень сильно застроились и разраслись. Новые дома ставятся в ряды со старыми. Сизябск сохраняет беспорядочность в планировке, так же как и Бакур, и только в незначительной части этих сел вдоль тракта возникает уличное двустороннее расположение домов.

Следовательно, в изучаемом районе характерным является сохранение старого типа планировки при широком новом строительстве. Особенно нового строительства жилищ является возведение только одноэтажных домов. Наиболее распространены крестовики и пятистенки с маленькими дворами и даже совсем без дворов, такого же типа, как строятся теперь индивидуальные жилища в рабочих поселках и даже городах.

Характерны небольшие по площади приусадебные участки возле домов поэтому дома часто стоят не у дороги, а в глубине за изгородью. Новые дома в Ижме ставят уже с выходом фасада на улицу, а в Сизябске до сих пор строят кому как понравится. Везде много заборов и изгородей, но это объясняется необходимостью защиты посевов от потравы. Изгороди, как правило, из жердей. Повсюду проложены тропинки и дорожки. Они идут без всякого порядка как между изгородями, так и через них напрямую. Калиток и ворот нет. Проходы для людей закрыты турникетами, препятствующими проникновению скота. Для прохода скота участки изгороди имеют съемные прясла. Надо сказать, что летом, как правило, скот (коровы, лошади, овцы) свободно ходят по селу и ночует прямо на улицах.

Земельные участки возле домов в основном заняты картофелем. Отсутствие зернового хозяйства является причиной исчезновения амбаров, которые раньше все же встречались. Нет сейчас и погребов; их заменяют ямы в подпольях, которые тоже называются погребами. Раньше отдельные погреба были, но и тогда они назывались холодильниками. Голбцем на Ижме называют только верхнюю перестройку ведущую в подполье (так называемый на Вычегде гөбч-выл).

Зелени в селах совсем нет. С 1960 г. в Ижме заложен парк около районного дома культуры, но пока результатов нет. Значительная часть деревьев погибла. Намечено заложить парк и в Сизябске возле нового клуба, который построен на самом высоком месте села. Улицы села не замощены, но засыпаны гравием, так что даже в дождливую погоду в селе нет прежней грязи. Села стали заметно чище.

При наличии широкого нового строительства (в Сизябске с 1955 г. строится 85 домов, к 1961 г. половина из них уже заселена (и распространения новых типов жилищ внутренняя планировка сохраняется прежняя – северно-великорусская во всех новых домах. Зато изменилась обстановка помещений. Появилось очень много новых вещей. Следует сказать, что в обиходе ижемцы и прежде, даже в дореволюционное время, имелось много предметов городского обихода, хотя вероятно по заимствованным привезенным образцам. Эти старые предметы отличаются высоким качеством изготовления: гнутые ножки, резьба и т.д. Современные предметы быта просты и, как правило, они покупные (изделия районного промкомбината). Частных мастеров-мебельщиков на Ижме теперь нет.

Как правило, в доме сейчас может наблюдать собрание весьма разнокалиберных вещей и старинных, и новых и типично сельских (деревенских), и городских. Пожалуй, можно считать типичным для ижемцев загромождение комнаты всяческой, очень разнокалиберной мебелью. В домах чисто и уютно. Белых полов совсем нет, всегда покрашены. Красят белилами также и потолки. Стены оклеиваются обоями. Здесь нет метода штукатурки стен глиной, смешанной с соломой или трухой, как, например, на Удоре. На полу покупные дорожки или старые потертые клеенки. Своей тканых половиков как на Вычегде нет здесь. По-прежнему украшаются все стены группами фотографий в больших рамках, зеркалами, цветными плакатами, портретами родственников, почетными грамотами и т. д. Возле кроватей имеются кустарные рисованные коврики. Предпочитают рисунки оленей.

Характерно также наличие радиопрепродукторов или приемников, патефонов (как правило, молодка имеет его в составе своего приданного), швейных ручных машин и т. д. Электричества в Сизябске пока нет и поэтому в комнатах висят лампы-молнии. В Ижме зимой имеется электричество.

В комнатах стоят красиво убранные кровати, закрытые покрывалами. На кроватях обыкновенные перьевые подушки и матрацы. Характерная для прошлого «постель» из выделанной оленьей шкуры сейчас не применяется, хотя 10 лет назад она еще была в широком употреблении. На ней спали, разложив ее на полу.

Следует упомянуть также, что очень многие старые многоквартирные дома в Сизябске сейчас превратились в квартирные: имеют от 2-х до 4-х квартир. Это произошло в результате продажи конфискованных у кулаков домов. Так, родители Филиппова Степана Ювенальевича приобрела половину дома и сейчас в ней обитают семьи Филиппова С.Ю. и его замужней сестры. В другой половине дома тоже две семьи.

В самом строительстве жилищ также наблюдаются определенные нововведения. Так, например, еще 10–12 лет назад крыши домов делались по старинному только на самцах, а сейчас уже, как правило, на стропилах. Для строительства, если дом строит сам хозяин, нанимаются два-три плотника. Им помогают сам хозяин и члены его семьи. Для своих лучших людей, главным образом, работ-

ников оленеводческих ферм, колхоз строит новые дома за свой счет. Помочей и тому подобных коллективных форм помощи застройщику здесь нет. Значительную часть работы, особенно в части внутренней отделки жилища, выполняет сам хозяин. В какой-то мере все взрослые мужчины села владеют топором. Интересен способ застекления рам. Они делаются разборные на шипах и имеют специальные пазы для держания стекла. Замазка здесь не употреблялась до последнего времени. При замене стекла необходимо разбирать всю раму. При таком застеклении будто бы не замерзают окна.

Приведем для примера описание трех жилищ. 1) Одноэтажный крестьянский дом-крестовик, построенный в 1925–30 гг. Обстановка не богатая, но в доме очень мало типичных деревенских вещей. Хотя в то же время сразу чувствуется, что живут здесь крестьяне. Стены, потемневшие от времени, не окрашены и не оклеены обоями так же и потолки. Живут в нем пожилая пара с маленькой внучкой.

2) Многокомнатный дом правления колхоза «Заветы Ильича». Можно сказать, что это восьмистенный дом. Большая часть комнат занята правлением: приемная, комната председателя, бухгалтерия, помещение сторожихи и еще трех пустых комнат (есть очень маленький двор). В канцелярии обычная канцелярская обстановка, а интерес представляет помещение сторожихи. Это фактически кухня с русской печью, которая стоит в углу у входа ведущего в сени (есть другая дверь, ведущая в комнаты правления). От печи до другой стены тянутся полаты. Пространство под полатами со всех сторон закрыто и представляет собой нечто вроде чугуна и голбца, но входа в подполье из него нет. В противоположном углу стоит кровать и дальше вдоль передней стены стол, стулья и в углу у входа хозяйственный столик. Дом этот построен после 1930 г.

3) Старинный двухэтажный дом, построенный примерно лет 80 назад, то-есть в последней четверти XIX в. Так примерно и должно быть. Это был дом богатого оленевода. После конфискации и продажи принадлежит теперь двум хозяевам. Он обшит досками и покрашен серой краской (за истекшие годы краска выцвела). Между срубом и обшивкой имеется значительное пространство, заполненное соломой, сенной трухой и тому подобным материалом (в некоторых подобных домах сделана только по фасаду, а в боковых стенах оставлено пустым).

В то же время строители стремились, чтобы обшивка и стена представляли собой как бы единство и поэтому косяки и подоконники делались очень широкими, так что возникает впечатление, что дом имеет стены не менее 40 см толщиной, хотя на деле толщина бревен сруба всего 20–25 см. Дой многокомнатный. Вход с боку в обеих сторонах. Имеет двухэтажный двор. В хлев есть вход из нижнего этажа, а в сарай из второго. Может быть дом и делился раньше на летнюю и зимнюю половины, но, видимо, это было чисто формально, потому что между обоими половинами были двери, связавшие как кухни, так и комнаты между собой. Сейчас эти двери закрыты, потолки и полы покрашены. Типично крестьянские черты резче проявля-

ются в кухнях, где передний угол оформлен переносными скамьями, есть ввинченные в потолок кольца для подвешивания люльки (потан), которая обычно держится на березовой жерди.

Русские печи стоят или вплотную к стенам в самом углу, или отступая от стен и тогда в образовавшемся пространстве устраиваются чуланы, умывальники или лестница на второй этаж. В комнатах печи только голландские. В соседнем доме нами обнаружена своеобразная печь, видимо, голландского же типа, но очень широкая, обогревающая две, даже три комнаты сразу. Отдельные ее стороны выведены в соседние комнаты.

Очень типичны сундуки с одеждой самого различного размера от небольших до огромных 90 x 80 x 150 см. Мебель весьма разнокалиберная. Есть старинные вещи: столы, стулья, диваны, кресла и шкафы. Как правило, все они на гнутых ножках, а шкафы с застекленными дверцами, украшенными резьбой с изображением креста. На окнах цветы и занавески (характерно для местных дух этажных домов – наличие мелких окон внизу в кухне и более высоких в комнате). Полы застелены покупными дорожками и старыми клеенками.

Деревянных кроватей нет. Вместо них приобретаются никелированные. Причем кроватей очень много, так никто не хочет спать на полу. Кровати красиво убраны: покрывала, подзоры, накидки, настенные коврики и т. д. Если в доме имеются старики и старухи, то тогда во всех углах висят иконы по одной-три штуки. Больших иконостасов нет.

Описанные дома не являются единственными типами жилищ Сизябска, но они очень характерны для старого и нового строительства. Типичной является описанная меблировка и внутреннее убранство дома.

Иные черты характеризуют народную одежду. 10–12 лет назад исследователи отмечали, что старый комплекс одежды у ижемцев отошел полностью, что некоторые предметы исчезли совсем, другие хранятся в сундуках, третьи бытуют в сильно измененном виде и только у пожилых людей, а молодежь полностью перешла на одежду городского типа. Среди исчезнувших указывались различные шубы (кузьпась, дженидпась, бабамалица), кафтаны, различные головные уборы и даже сарафаны.

Выяснилось в период настоящей экспедиции, что дело обстоит несколько иначе. Действительно, ряд элементов народной одежды исчез из избы. Это в частности относится к перечисленным выше предметам зимнего обихода и некоторым головным уборам, таким как юрной и ѓшувка. Наоборот, бабаюр до сих пор употребляется. Ее носят не только старухи, но и молодые женщины 25–30 лет. Однако, как правило, лишь в тех домах, где большое влияние в семье имеют старухи.

Также не исчезнувшей формой является сарафан, причем не того измененного вида, который описан 10–12 лет назад, более узкий и короткий, а обычного типа круглый и весьма широкий ижемский сарафан (по подолу диа-

метр его около двух метров). Нами зарисованы сарафаны, шитые в 1959–60 гг. Можно полагать, что здесь мы имеем известное возвращение к старым фасонам одежды. Возможно, вследствие их яркости и красочности. Несомненно сказались и подъем благосостояния местного крестьянства.

Надо сказать, что шить сарафаны теперь умеют далеко не все и старухи-специалистки шьют на заказ. Совершенно исчезла мода носить по несколько юбок сразу, но для пышности под сарафан всегда надевается одна нижняя юбка. В повседневной одежде и теперь часто употребляются кофты и юбки или более узкие сарафаны. Широкие надеваются по праздникам и торжественным дням. Сарафаны очень яркие, но одноцветные. Кофты надевают поверх сарафанов, особенно в повседневной жизни. Покрой этих кофт сохранился, видимо, еще от I четверти XX в., если не раньше.

Для ношения под сарафаном сохраняются также старинные типы кофт: сос и японка. Первая в литературе уже описана. Сос имеет длинные и узкие рукава с большими обшлагами, узкий стоячий воротник и плечевые вставки из парчи. Также, как и другие виды кофт, и сос, и японка имеют полный грудной разрез. Японка имеет свой особый покрой. У нее широкие полудлинные рукава (в основном до локтя) и большой отложной воротник сзади напоминающий матросский. Ни листовку, ни каких иных плечевых вставок она не имеет.

Как правило, на молодежь этот обычай ношения старых типов одежды не распространяется. Они носят обычное и типичное городское платье, сшитое на месте или приобретенное готовым в магазине. Только после замужества в зависимости от того, какое влияние имеет свекровь в семье, молодая или надевает бабаюр и сарафан, или продолжает носить современные одежды.

У мужчин элементов старой одежды не сохранилось за исключением изделий из оленьих шкур. Впрочем, эти вещи типичны и для женщин и для детей. Главным образом имеется в виду малица. Она является лучшей и основной одеждой в зимнее время. Население предпочитает ее всем другим видам зимней одежды. Но в последнее время жители испытывали трудности в их изготовлении вследствие сокращения поголовья оленей. Шить малицы умеют далеко не все. В селе только несколько старух являются мастерами этого дела и шьют на заказ всем желающим. Мужские малицы от женских отличаются своим узором на подоле и покрытием, рубашкой (кышед). Малиц у каждого владельца, как минимум, должно быть две – повседневная более поношенная, с кышед из простой тонкой материи и выходная праздничная – новая, белая, имеющая больше украшений по подолу и яркий шелковый кышед.

По-прежнему очень распространены крупные шелковые цветастые шали с кистями, ярких расцветок. Большим уважением пользуется обувь из оленьих шкур. Но и ее имеется недостаточно. Как правило, шитье обуви и одежды начинается после возвращения оленеводов с кочевки, так как они привозят заготовленные за лето шкуры. Запасов же материалов обычно ни у кого нет. Обувь, как и малицы,

шьют не все. Имеется также несколько специалистов. Эти старухи шьют все виды обуви из меха: и домашние туфли (чуняки), и бурки и пимы. На все эти изделия требуются различные сорта шкуры, но в основном вся она должна быть с коротким жестким ворсом. У тех же, у кого нет возможности пользоваться изделиями из оленьих шкур, приобретают обычную обувь в магазинах сельпо.

На Ижме очень мало распространено ношения вязаных шерстяных узорных чулков. Видимо, их заменяют меховые чулки (липты), когда это бывает нужно. Если и встречаются вязаные чулки, то почти или вовсе без узоров или украшенные несколькими рядами цветной шерсти. Могут их носить и мужчины, и женщины и разница только в ширине цветных полос. У женщин они более разноцветные и сами они пошире, чем у мужчин. Очень редко можно видеть действительно узорные чулки, но они, как правило, или очень старые уже, или привозные. Эти чулки на Ижме носят поверх брюк и если в сухое время, то вместо обуви употребляют домашние туфли (чуняки), а не калоши, как это делается на Вычегде. Причем носят их только мужчины, особенно, которые помоложе.

Гораздо разнообразнее и богаче стала народная пища. Наряду с сохранением традиционных блюд появилось много новых. Однако весьма характерным следует считать именно сохранение традиций и в области заготовки пищи, и ее хранение, и в приготовлении кушаний и т. д.

Так, например, попрежнему, большим спросом пользуется оленье мясо. И население очень переживает, что его недостаточно. Употребляют его и в сыром, и в вареном виде. Хранили обычно мороженным или мало соленным. Мороженная оленина, наструганная тонкими ломтиками, считается деликатесом и подается в качестве закуски (строганина). Оленину, как и другое мясо, сейчас население получает через колхоз. Кроме того. Говядину и баранину дает колхозникам личный скот. Мясо идет на изготовление первых и вторых блюд. Других способов заготовки мяса впрок ижемцы не знали. Нет их и сейчас.

Широкое употребление имела и имеет также рыба. Ее употребляют в свежем, мороженном и соленом виде. Наиболее употребительная соленая, а именно малосоленая рыба, так называемого «печорского засола». Этот способ уже неоднократно описывался в литературе. Рыба не столько солится, сколько киснет. Она отличается резким запахом. Поскольку население признает только этот засол, то и сельпо заготавливает именно такую рыбу. Покупают ее очень охотно. Свежую рыбу зимой хранят замороженной. Очень распространена на Ижме ловля мелкой рыбешки. Летом женщины (обычно четверо старух) проходят с бреднем из мешковины вдоль берега и через 1,5–2 часа все четверо имеют по ведру мальков. Их чистят и давят (тоены), сушат и в таком виде сохраняют. Соленую и мороженую рыбу едят и сырой, но главным образом она идет для приготовления первых и вторых блюд: ухи, жарких и рыбных пирогов.

Кроме мяса и рыбы широко используются различные молочные продукты. Характерно отсутствие овощей. До сих пор они почти не употребляются, так как крестьяне их не выращивают. Но объясняется это только старыми традициями, которые утверждают, что на Ижме овощи не будут расти. Однако это убеждение ошибочно. На грядках у местной интеллигенции прекрасно растут различные овощи. Какого-либо предубеждения против овощей у ижемцев сейчас нет. Когда в сельпо привозят помидоры, то их покупают очень охотно. Капусту желающие приобретают у колхоза. Свежей ее хранить трудно, поэтому, капусту разрезав на части и сварив, солят. Зимой соленая капуста замораживается, так что при подаче на стол ее приходится оттаивать. Никакой иной обработки ее не бывает. Вошел в употребление картофель. Его сейчас кладут в суп, вместо муки, которая прежде служила заправкой. К соленой сырой рыбе подается горячий картофель в мундире. Однако специальных блюд из картофеля до сих пор почти не готовят.

Широко применяется еще в 1950–51 гг. такие традиционные супы, как пустовар и т. д., сейчас вышли из употребления. Для пустовара вначале кипятили посоленную воду и затем кипятком заправляли мукой. Не встречались нам и также «Юм» – сладкая каша из проросшей ржи с черемухой и многие другие из старинных блюд. По-прежнему мало собираются грибы. Из всех их видов берутся только белые и подосиновники. Эти грибы для сохранения иногда сушат, но чаще их только проваривают в соленой воде и в этом растворе хранят. В таком виде их и подают на стол. Ягод собирают много и сохранение их более разработано. Известные сушки, мочение, морожение и парение.

Не распространено сейчас стряпание хлебных изделий. Печеный хлеб покупают в магазинах. Но это произошло не потому, что народ не заинтересован в домашнем хлебопечении, а потому, что мало в продаже муки. Во всяком случае на праздники хозяйки сами стряпают различные шаньги, пироги и обязательно рыбники. Ижемцы – большие любители чая. Причем лучшим у них считают индийский сорт. Очень ценится лимон к чаю.

Посуда и утварь в хозяйстве ижемцев более разнообразна, чем в более южных районах. В каждой семье обязательно есть один-два самовара, набор чайной посуды, чайники. Изделия из фаянса хранятся в шкафах, за стеклом. Как правило, у ижемцев нет самодельной посуды. Они и прежде мало занимались ее изготовлением, предпочитая покупать готовую фабричную. Самодельная посуда и утварь сохраняется сейчас только в обиходе оленеводов-пастухов. Но и у них в основном только берестяные и драночные предметы: туисы, куд и т. д. В столовой по-

суде ижемцы находят применение даже вилкам, которые, как правило, в деревнях коми не употребляются.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Жеребцов, И. Л. Дороги этнографа Любомира Жеребцова / И. Л. Жеребцов // Жеребцов Л. Н. Дороги этнографа. – Сыктывкар, 2005. – С. 3–65.
2. Белицер, В. Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – нач. XX в. / В. Н. Белицер. – М., 1958. – 391 с.
3. Жеребцов, И. Л. Этнограф Л. П. Лашук (биографический очерк) / И. Л. Жеребцов // Очерки по истории изучения этнографии коми / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Кола, 2007. – С. 108–119.
4. Савельева, Э. А. Любомир Николаевич Жеребцов / Э. А. Савельева // Очерки по истории изучения этнографии коми / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Кола, 2007. – С. 125–129.
5. Жеребцов, Л. Н. Научный отчет об итогах этнографической экспедиции в Ижемский район Коми АССР в 1961 году / Л. Н. Жеребцов // Научный архив Коми научного центра УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 66. 47 л.

References

1. Zherebtsov, I. L. Dorogi etnografa Lyubomira Zhgeretsova [Roads of the ethnographer Lyubomir Zhgeretsova] / I. L. Zherebtsov // Zherebtsov L. N. Roads of the ethnographer. – Syktyvkar, 2005. – P. 3–65.
2. Belitzer, V. N. Ocherki po etnografii narodov komi: XIX-nach. XX v. [Essays on the ethnography of the Komi peoples: XIX – beginning of the XX century] / V. N. Belitzer. – Moscow, 1958. – 391 p.
3. Zherebtsov, I. L. Etnograf L. P. Lashuk (biograficheskii ocherk) [Ethnographer L. P. Lashuk (biographical sketch)] / I. L. Zherebtsov // Essays on the history of the study of Komi ethnography / Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Kola, 2007. – P. 108–119.
4. Savelyeva, E. A. Lyubomir Nikolaevich Zherebtsov / E. A. Savelyeva // Essays on the history of the study of Komi ethnography / Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Kola, 2007. – P. 125–129.
5. Zherebtsov, L. N. [Scientific report on the results of the ethnographic expedition to the Izhma region of the Komi ASSR in 1961] / L. N. Zherebtsov // Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. F. 1. Op. 13. D. 66. 47 L.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторе:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-7115-4547 (167023, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Author:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-7115-4547 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Первая стационарная этнографическая экспедиция Л. Н. Жеребцова (Ижемский район, 1961 год). К 100-летию со дня рождения ученого / И. Л. Жеребцов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 130–136.

For citation:

Zherebtsov, I. L. The first stationary ethnographic expedition of L. N. Zherebtsov (Izhma region, 1961). Dedicated to the 100th birth anniversary of the scientist / I. L. Zherebtsov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 130–136.

Дата поступления статьи: 07.10.2025

Прошла рецензирование: 10.10.2025

Принято решение о публикации: 17.10.2025

Received: 07.10.2025

Reviewed: 10.10.2025

Accepted: 17.10.2025

Историко-этнографическая командировка Л. П. Лашука 1956 года на верхнюю Вычегду (к 100-летию со дня рождения ученого)

И. Л. Жеребцов*, В. А. Саблин**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

** Вологодский государственный университет,
г. Вологда

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
sablin@inbox.ru

Аннотация

Работа посвящена историко-этнографической командировке видного российского этнографа Л. П. Лашука, в то время – старшего научного сотрудника Коми филиала АН СССР, летом 1956 г. в Сторожевский и Корткеросский районы Коми АССР. Впервые публикуется текст полевых записей Л. П. Лашука, сделанных во время этой командировки. Дана краткая справка об экспедиционных выездах ученого в период его работы в Коми филиале АН СССР.

Ключевые слова:

Лев Павлович Лашук, этнография, коми, верхняя Вычегда, культура, быт, поселения, жилища, хозяйство

Видный российский этнограф Лев Павлович Лашук в 1950-х гг. работал в Коми республике, разрабатывал проблемы этнической истории коми, русского и ненецкого населения Печорского бассейна, вымских, верхневычегодских, сысольских и прилузских коми. Особенно подробно Л. П. Лашук рассмотрел этническую историю Печорского края: процессы заселения бассейна Печоры, духовную и материальную культуру, быт, хозяйство местного населения XVII-XIX столетий, культурное взаимодействие русских, коми, ненцев. Ученый разработал принципы историко-этнографического районирования Коми АССР. При анализе этнической истории он использовал обширный комплекс разнообразных источников: этнографических, археологических, лингвистических, письменных; занимался археологической разведкой, открыл несколько археологических памятников [1, с. 75; 2, с. 112, 114].

Совместно с Л. Н. Жеребцовым Л. П. Лашук осуществил сплошное этнографическое обследование территории республики, провел ряд этнографических экспедиций. В 1951–1952 гг. он побывал с экспедициями на Печоре, Колве, Ижме. С 1953 г. Л. П. Лашук занимался изучением вымских коми, проводил полевые исследования, напи-

Historical and ethnographic trip of L. P. Lashuk in 1956 to the Upper Vychegda (to mark the centenary of the scientist's birth)

I. L. Zherebtsov*, V. A. Sablin**

* Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

** Vologda State University,
Vologda

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
sablin@inbox.ru

Abstract

The paper deals with the historical and ethnographic business trip of the prominent Russian ethnographer L. P. Lashuk, at that time a senior researcher at the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, in the summer of 1956 to the Storozhevsk and Kortkeros regions of the Komi ASSR. The text of L. P. Lashuk's field notes made during this business trip is published for the first time. A brief summary of the scientist's field trips during his work at the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences is given.

Keywords:

Lev Pavlovich Lashuk, ethnography, Komi, Upper Vychegda, culture, way of life, settlements, dwellings, economy

сал работу по этой этнографической группе. В июне–августе 1958 г. Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов исследовали специфику культуры и быта сысольцев, проделав путь с верховьев до низовьев Сысолы, от Кажима до Шошки [2, с. 110, 113–114]. «Данная экспедиция является продолжением этнографических работ в Коми АССР, начатых с 1951 г. Целью ее предполагается изучение этнографической специфики населения бассейна р. Сысолы. Так как хозяйственно-культурный тип, характерный в целом для народа коми, в основном уже изучен, то перед этнографами встает задача определения отличительных особенностей в культуре и быте сысольцев», – так исследователи характеризовали цель своей работы [3, л. 4]. Написанный Л. П. Лашуком и Л. Н. Жеребцовым обстоятельный научный отчет об итогах этой экспедиции [3] пока остается, в основном, неопубликованным; часть материалов была использована учеными в своих более поздних публикациях, а два фрагмента отчета напечатаны в журналах «Историческая демография» и «Известия Коми научного центра УрО РАН». Серия «История и филология» в разделах «Научное наследие» [4; 5].

В июне-июле 1959 г. Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов побывали с экспедицией на Лузе и Летке. В отчете о результатах работы они отмечали: «Особенностью экспедиции текущего года являлось то, что она была завершающей по сплошному этнографическому обследованию Коми АССР, начатому нами в 1951 г. Так как Прилузье в прошлом не подвергалось этнографическому изучению, то в результате работ текущего года ликвидировано еще одно "белое пятно" в этнографии Коми АССР и создавалась возможность иметь полное представление о всей территории республики» [6, л. 3]. Эта работа Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова тоже пока полностью не издана. Два фрагмента отчета опубликованы в журналах «Историческая демография» и «Известия Коми научного центра УрО РАН». Серия «История и филология» в разделах «Научное наследие» [7; 8].

Заметное место в экспедиционных исследованиях Л. П. Лашука занимала верхняя Вычегда – территория от истоков реки до впадения в нее Сысолы (в некоторых исследованиях под верхней Вычегдой подразумевается более ограниченная территория – от истоков Вычегды примерно до устья Вишеры, но мы придерживаемся более широкого понимания этого географического термина). В 1956 г. Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов работали на Вишере, изучали духовную и материальную культуру, быт, хозяйство жителей, историю возникновения поселений, и по итогам своих полевых исследований и архивных разысканий подготовили обстоятельную статью «Старая Вишера» [9]. Год спустя ученые отправились на верхнюю Вычегду. Итоги их работы получили отражение в большой статье «Этнографический уклад населения верхней Вычегды» [10]. На 1960 г. была запланирована экспедиция Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова в бассейн р. Локчим – Корткеросский, Позтыкеросский, Мординский и Лопыдинский сельсоветы. Однако летом 1960 г. Л. П. Лашук уволился из Коми филиала АН СССР и уехал из Сыктывкара в Москву, так что как совместная эта экспедиция не состоялась – Л. Н. Жеребцов выезжал на Локчим уже без Л. П. Лашука [11, л. 58; 12, л. 3].

Если результаты совместных экспедиций Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова на верхнюю Вычегду 1956–1957 гг. достаточно полно представлены в упомянутых выше публикациях, то еще один выезд Л. П. Лашука в этот район, состоявшийся летом 1956 г., менее известен. Это была историко-этнографическая командировка в Сторожевский и Корткеросский районы Коми АССР (территория тогдашнего Сторожевского района в настоящее время входит в Корткеросский и частично Усть-Куломский районы). Этот выезд не получил особого отражения в публикациях Л. П. Лашука. Свои полевые записи он не передал в Научный архив Коми филиала АН СССР, но и не увез с собой, и после отъезда ученого из Сыктывкара блокнот с его заметками долгое время находился в фондах вначале отдела этнографии и археологии КФАН СССР, а затем сектора этнографии ИЯЛИ КФАН СССР, не привлекая к себе внимания исследователей. Между тем полевые записи Л. П. Лашука содержат довольно интересный материал, и это научное наследие видного этнографа, несомненно, заслуживает быть введенным в научный оборот.

Свои записи Л. П. Лашук вел в блокноте с нелинованными листами, писал и делал рисунки и чертежи чернилами только на одной стороне листа. В блокноте присутствует двойная нумерация страниц. Одна сделана чернилами (очевидно, во время составления записей) сверху страницы по центру; первой страницей являлся титульный лист, сама нумерация проставлена начиная с третьей страницы. Последние две страницы (54 и 55) пронумерованы не чернилами, а карандашом и, вероятно, другой рукой. Вторая нумерация проставлена карандашом в правом верхнем углу страницы. Титульный лист в нумерации не учитывается, всего пронумерованы 53 страницы. При публикации текста внесена минимальная редакторская правка.

Академия Наук СССР Коми филиал

**Историко-этнографическая командировка
в Сторожевский и Корткеросский районы летом 1956 г.
(полевые записи старшего научного сотрудника
Лашука Л. П.)**

Academy of Sciences of the USSR Komi Branch

**Historical and ethnographic business trip to Storozhevsk
and Kortkeros regions in the summer of 1956
(field notes by senior researcher L. P. Lashuk)**

Сторожевский район Storozhevsk region

Райцентр Сторожевск. Расположен на высоком берегу Вычегды, но в непосредственной близости к реке находится только небольшая, наиболее старая часть села; основная же, более новая часть его вытянулась по обе стороны тракта, идущего из Сыктывкара в Усть-Кулом. В Сторожевске имеется целый ряд новых двухэтажных зданий административного хозяйственно-управленческого и общественного назначения. Есть районный дом культуры (помещается в бывшем недостроенном здании церкви), большой детский сад и детские ясли, редакция газеты, десятилетняя и семилетняя школы, книжный магазин, спортплощадка, дом колхозника. Здесь же основная база местной МТС.

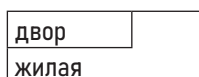
Леса вокруг вырублены на значительном расстоянии в глубь водораздела, на высоком берегу заняты посевами, на низменном – значительными по площади лугами. По тракту значительное движение автотранспорта, в том числе в направлении селений и лесопунктов, расположенных в бассейне р. Вишеры.

Признаками благоустройства райцентра являются древонасаждения (старые подле многих домов, молодые в сквере у дома культуры), правильная планировка новых улиц, дощатые мостки на большом протяжении, палисадники вокруг общественных зданий и индивидуальных домов. Райцентр радиофицирован и электрифицирован,

имеет телеграфную и телефонную связь со столицей республики и соседними районами. Отличительной особенностью, так сказать, особым колоритом современности является довольно широкое индивидуальное строительство. За последние два года не только подновляются старые жилища, но и одновременно сооружаются несколько десятков новых домов.

Их архитектура разнообразна, но преобладают просторные пятистенки в шесть и пять окон по фасаду, дома, состоящие из избы в три-два окна и пристройкой с боку горницы и одним широким окном (сохранение старой традиции). Хозяйственные дворы, правда, меньших размеров чем прежде, сохраняются и при новом строительстве. Способ соединения их с домом – прежний. Домов, состоящих из четырех небольших камер (сени с кладовкой, кухня, горница, спальня), немного. Здесь они не характерны. Но зато многохарактерных форм (изба с горницей по фасаду, пятистенки), но такие типы, как дом на две жилые половины, разделенных сенями или дом со средней горницей («жиром»), явно устарели и в новом строительстве не возобновляются. Но нередко за место обветшалой половины ставится такая же новая, в одну связь с другой, старой половиной. В новой застройке сохраняется самцовый (часто с контрафасами) фронтон, наряду с ним появилась двух и четырехскатное крыльцо на стропильной основе. Внешнее оформление фасада и фронтона более нарядное, нежели было прежде.

Все же при всем размахе нового жилищного строительства преобладает старый жилой фонд. Причем, характерная особенность – здесь, как и в соседних Небдино, Пезмоге, совершенно нетипичны дома со средней горницей и входом с боковой стороны. Наиболее четко представлен старый тип трехраздельного дома (изба + сени + кум), но не он преобладает, ибо уже давно получил дальнейшее развитие в виде пристройки небольших боковушек – горниц (реже горницы, расположенные сзади), но часто часть прежнего места двора занимает еще одна жилая половина, так что жилая часть имеет вид угла.

В старых домах сохраняются еще типичные окошки. Но интересно, что у большинства домов окна обеих жилых половин прорезаны на одинаковом уровне (прежде окна горницы прорезались выше, что, в частности, наблюдалось нами на средней Вычегде и Выми).

Современное население Сторожевска – крупного населенного пункта – в подавляющем большинстве коми по принадлежности, русских здесь проживает немного. Но зато в соседних лесных поселках, например, Подтыбоке, преобладают русские. Подсчитано, что в упомянутом поселке проживают рабочие 17 национальностей, в том числе и коми. В учреждениях, на улицах Сторожевска звучит, как правило, коми речь, но местные жители, особенно нестарые люди, хорошо объясняются по-русски, с большим или меньшим акцентом.

Из прошлого Сторожевска. (Информатор Панюков Степан Дм., 46 лет, работник отдела культуры райисполкома).

Сторожевск имеет местное название «Шойнаты» от имени озера, находящегося на противоположном берегу Вычегды. Старики рассказывали, что в урочище Вашкая, как раз напротив д. Важкурья, на возвышенности, господствующей над берегом реки Важки, жили будто бы чудские люди, которые не желали принять христианскую веру от Стефана и ушли – закопались в землю. Рассказывали об этом давно, но вот в годах 1923-х (хорошо об этом помню из рассказов отца), один старик рыл на этом урочище зайцеловную яму (раньше капканов не ставили, а рыли средней глубины яму и на дне настораживали острые колья) и на глубине 1,5 м нашел железный предмет старинной работы, не то кинжал, не то длинное «шило». Этот предмет он употребил в качестве перекаладины в печке – каменки (значит, он был довольно длинный). Затем приезжала какая-то экспедиция, копалась на Важкаге, но, кажется, ничего больше не нашла. Дед рассказывал, что кроме чуди, в здешних местах долго никто не жил, а затем люди стали приезжать из разных мест, но откуда, он и сам не знал.

До революции жизнь простого крестьянина, а таких было большинство, была очень тяжелой. Земля хлеба родила, но земли надельной не хватало – на душу приходилось посева ячменя 2,5 пуда. Поэтому все, кто мог, делали «тылу» или чистили новины, но это крадучись, по лесам, ибо власти запрещали самовольное заведение пашни. Только богатые крестьяне за взятки открыто пользовались большими землями и имели много хлеба. Они-то больше всех делали подсеку и новины. Мой бывший хозяин важкурьинский кулак Панюков Назар имел всей земли до 40 десятин. Каждый год он делал подсеку и расширял путем раскорчевки новину. И все это трудом батраков – «казаков», нанимаемых у сельской молодежи на денную или, чаще, более длительную работу. Хозяин крепко прижимал рабочих: работать заставил до 20 часов в сутки, ругался, руку прикладывал, вычинял. Мало кто мог долго выдержать такой труд, когда к вечеру работники, намертво усталые, валились прямо на землю и засыпали.

Деньгами за работу хозяин не платил, казаки работали за одежду из домотканины, а обувь («кёты») и корм, а кормил он плохо и всегда отдельно от своего стола. Был и еще поземельный обычай – по-коми «кёртём» или «кёртмалём». Он состоял в том, что богатый крестьянин предлагал бедняку пользоваться его, обычно уже истощенной, землей, при чем последний должен вознаградить земледателя деньгами (хлеба у богача и своего хватало) или условленной отработкой на хозяина. Чаще бедняк отработывал, ибо где ему было деньги взять.

В общем земля бедняка плохо кормила, хлеба своего никогда не хватало, надо было искать побочный заработок. Многие занимались охотой, по многу белок стреляли (до 800 шт.), но этот промысел себя тоже не оправдывал. Приезжали скупщики, зная, что охотнику некуда податься, веревки из него вили: платили за белку очень мало, по несколько копеек за штуку, а то предлагали по 1–0,5 копейки. Такой промысел себе дороже обходился. Поэтому

многие крестьяне совсем не охотились. Пушнину сбывали на Небдинской двухнедельной ярмарке, куда приезжали даже иностранные купцы.

Заработок давали рубка и сплав до Котласа сортового леса. Но заготовка находилась в руках компаний – вначале Русанова, затем Руссангеса, позднее Руссголан-леса, которые имели подрядчиками местных богатеи. Желая продать свои руки было больше, нежели нанимали подрядчики. Чтобы быть допущенным к заготовке, нужно было и в ноги подрядчику поклониться и взятку дать. А это могли сделать далеко не все. Поэтому многие жители Сторжевска ходили работать дровозаготовителями на уральский Надеждинский рельсовый завод (ныне г. Серов). В год ходили один раз, иногда дважды. Пути и сроки были таковы: осенью после окончания всех сельских работ (после Покрова), отправлялись на лодках через Екатерининский канал до Чердыни и Перми, а оттуда поездом. Если направлялись зимой (в декабре-январе), то шли пешком, везя на легких санках провиант до места, через Сысолу на Пинюг, а оттуда поездом. Вербовка приказчиками производилась на месте, но дорога (железная) оплачивалась в оба конца, лишь при условии выполнения нормы в 40 сажень дров. Норма эта была тяжелой, харчи свои.

Анализ некоторых данных похозяйственной книги Сторжевского сельсовета на 1955–1956 гг.

Примерные и точные даты сооружения жилищ
Approximate and exact dates of housing construction

гг.	Сторжевск	д. Кытыд
1895	–	1
1900	3	–
1907	–	1
1914	–	4
до 1918	199	72
1919	–	1
1921–1922	5	7
1923	1	2
1924	3	–
1925	8	3
1926	–	5
1927	1	–
1928	2	–
1929	6	1
1930	2	–

Таким образом, большинство жилых домов в райцентре построено до 1918 г., т. е., вероятно, в основном, между 1900 и 1918 гг. Год Гражданской войны – 1919 г. – дал только один дом, но зато первый период НЭПа (1921–1925 гг.) ознаменовался новым домостроительством – 29 единиц. Сооружаются дома и в последующие годы, но меньше: за 1926–1930 гг. – 17 домов. Согласно официальным данным, за время с 1931 по 1951 гг. построено всего три жилых дома, но обновляются подсобные сооружения – бани, амбары; т. е. используется в основном старый жилой фонд. Ко-

ренной перелом намечается в 1954–1955 гг., когда вновь сооружено 16 домов, в текущем же 1956 г. Заложено или почти готово 44 дома, не считая подвергшихся различной степени ремонта.

Фамильный состав крестьянских семей по Сторжевскому сельсовету
Family structure of peasant families in the Storozhevsk Village Soviet

Макаровы	34
Микушевы	57
Осиповы	38
Ладановы	18
Латкины	15
Панюковы	13
Мишарины	12
Поповы	12
Ширяевы	50
Савины	10

Даны фамилии по сельсовету наиболее распространенные и считаются наиболее старыми, коренными.

В сельсовете проживает довольно много 1) Гибовых и Игушевых, 2) Каневых и Каракчиевых, но это все служащие, не столь давно переселившиеся в райцентр – первые с Вишеры (из Богородска), вторые из Вомына, т. е. райцентр является притягательным для коми окрестных селений, а также и из более дальних мест, ибо в Сторжевске проживают выходцы, например, из Устьвымского р-на: Изъюровы, Полещиков, Сенюков.

Богородск (Висер). Большое село в 45 км по грунтовой дороге от Сторжевска, в 18 км от Большого Луга, на левом берегу Вишеры, в двух километрах выше впадения Нившеры. Своеобразие расселения по Вишере: от устья на расстоянии 25 км ни одного селения, зато на пространстве последующих 20 км – целое гнездо деревень, в том числе на расстоянии нескольких километров селения Богородсково сельсовета: Пасвомын, Сюзяиб, Троица, Богородск. На вопрос, почему не заселены низовья Вишеры, старожилы отвечают, что там большой лес (причины, видимо, были иного, исторического порядка).

Выше Богородска по Вишере нет селений за исключением небольших лесопунктов, возникших лет 10 тому назад. По Нившере в 38 км от ее устья стоит деревня Нившера (центр сельсовета) и небольшие селения Сывюдор и Лымва (в 30 км от Нившеры) и два лесопункта. Времени основания Нившеры и Лымвы богородские старожилы не помнят, что же касается Сывюдора, то полагают, что она основана в 1908–1910 гг. переселенцами из Нившеры.

Все эти селения соединены друг с другом грунтовой дорогой, сооруженной за последние десятилетия. Старожилы помнят, что в XIX в. здесь не было иных путей сообщения, кроме реки и малопроезжих троп. Начало и конец тропы с Богородска на Вычегду отмечены названиями «Пасвомын» и «Паспом». Была зимняя тропа с выходом на Вымь в районе р. Кытыт (на Ляли), называемая «Емвапас».

Для Богородского сельсовета характерны следующие (согласно данным сельсовета) фамилии:

д. Пасвоян: Габовы – 13 семей, Игушевы – 6 семей, Мишарины – 1 семья.

д. Троица: Габовы – 71 семейство, Михайловы – 4 сем., Подоровы – 4 сем., и по одной – Поповы, Полины, Рочевы, Лютоевы.

д. Сюзяиб: Микушевы – 35 сем., Габовы – 25 сем., Игушевы – 8 сем., Мишарины – 3, Макаровы – 2, Ивашевы – 1.

с. Богородск: Михайловы – 47 семей, Игушевы – 18, Габовы – 16, Ивашевы – 29, Поповы – 14, Калистратовы – 10, Мишарины – 6, Панюковы – 3, Микушев – 2, Юшкова – 1.

В Нившерском сельсовете наиболее характерны фамилии: Нившере – Михайловы, Жижевы, Подоровы, Ларуковы, Габовы; Лымве – Поповы; Сывюдоре: Михайловы, Габовы.

Богородск – крупный населенный пункт, вместе с прилегающими деревушками в нем свыше 200 дворов. Здесь имеется семилетняя школа, сельский клуб и библиотека, детские ясли, медпункт, радиоузел, отделение связи, столовая, магазины; сооружается большое здание детского сада и яслей. Село радиофицировано и электрифицировано. Местный колхоз «Выль ордын» имеет земледельческо-скотоводческое направление. За последние три года (с 1952 по 1955 гг.) стоимость трудодней повысилась с 1,4 руб. до 4 руб. Население почти поголовно коми. Здесь наиболее интенсивно звучит чистая коми речь, хотя русский язык многие понимают, но далеко не все умеют ясно выражаться по-русски. Культурный досуг молодежи составляет преимущественно просмотр кинокартин и неизменные танцы. Лекции здесь бывают редко. Мало еще используются фонды сельской библиотеки.

Историческое прошлое Богородска.

(Информаторы: Габов Вас. Диомид., 66 лет, Попов Вас. Конст., 53 года, оба грамотные, старожилы, первый – ветеринар, второй – секретарь сельсовета).

Есть на берегу Нившеры поблизости от устья возвышенное место под названием Кармыльк – чудское городище. Там земля под ногами колышется, будто бы внутри пустота какая есть. Один старик (он не так давно умер) раскопал там бронзовый кинжал, но при этом сломал его пополам. На городище раскопки производил профессор Жаков, но нашел ли что, не знаем. Раньше здесь чуди жили. Много было знахарей (колдунов). Один из них будто бы сидел на берегу неподалеку от Богородска варил сусло. Другой ехал по реке. Первый и говорит: «Лодка спит». Она остановилась. Тогда второй знахарь рассердился и кричит: «Раз лодка спит, то и сусло спит». Так оно и вышло. Вот какие сказки рассказывали. А то еще было. Когда Стефан Пермский чудь крестил, то одна девка из Сторожевска не пожелала православную веру принимать. Она побежала вдоль Вишеры. Переходя один ручей, сапог потеряла, переходя другой ручей, творог из бурака в воду выронила, а как стала Нившеру перебегать, то и совсем утонула.

Раньше, когда не было в Богородске каменной церкви, то старики и старухи ходили на Вымь в Ляли, где имелась большая церковь. А когда свою каменную церковь построили, то в Ляли уже не ходили. В Богородскую церковь наезжали даже богатые ижемцы молебен отслужить. Бо-

городск раньше был небольшим. Когда волостной архив в 1928 г. отправляли в Сыктывкар, то, читая документы, узнали, что в 1863–64 гг., когда сильный голод был, в селе насчитывалось 35 хозяйств.

Почему вишерцев так отличают от соседей? Да, прежде всего потому, что говор от вычегодского отличный, при разговоре вишерцы тянут, поэтому и дразнят их вычегодские жители. Отличие было и в том, что на Вишере хлеб вымерзал и бедность была большой, а на Вычегде хлеб лучше родился. Известны были вишерцы и своей сплоченностью и отчаянной драчливостью, если кто обидит (особенно в этом отличались большелугские мужики). Особых отличий в жилье и одежде не было, разве только в том, что здесь постарее дома были, и одежда все больше своего изделия.

Поземельных споров со старожилами не было. На ярмарку (Афанасьевскую) ездили в Небдино, да и сюда наезжали скупщики пушнины. До революции переселенцев со стороны не было. Занимались земледелием, но и земля здесь хуже, чем на Вычегде, и леса кругом стояли большие. Хлеб часто вымерзал, крестьяне голодали. Надельной земли было мало, поэтому расчистки под пашню делали, но подсеки было больше. Тылу делали в глухом лесу, верст за 10–15 от села, где кому место приглянется, но обязательно возвышенное, поросшее елью и сосной. Когда вперемежку с елью береза шла, то такое место самое лучшее: опавшие березовые листья давали хороший перегной. Рубили лес, давали ему подсохнуть, а затем начисто все сжигали. Семена ржи бросали прямо в пепел, иногда даже их не заделывая, ибо не было в том надобности. А если заделывали, то самодельной бороной из сучков – тылаагас, но это в тех местах, где на лошади проехать было можно. Но если тыла находилась в непролазном лесу, то всю работу совершали вручную. Боронили ручной каракулей – вроде трехзубных граблей, сделанных из корневища ели; мотыгой не работали. Тыла в хорошие годы давала хороший урожай, до сам-22,5. Этим и кормились, хотя начальство и запрещало рубить лес. Использовали тылу один, иногда два года, но не больше. Затем, если она была поблизости и находилась в удобном для проезда месте, ее превращали или в поле, или, чаще, в пожню. Но больше навсегда ее забрасывали.

На верхней Вычегде, в Помоздине тыла была трехлетней, причем делали ее так: в первый год, сжигал хворост и мелкие стволы, оставляли несгоревшие крупные стволы и пни на подсеке и зерно бросали прямо в золу, собирая урожай, срезали колосы высоко, оставляя солому на корню, и во второй раз пускали пал и снова сеяли. На третий год после жатвы, также оставив солому на месте, сжигали ее вместе с оставшимися несгоревшими стволами деревьев уже начисто и в последний раз совершали посев. Это можно было делать по причине более высокого плодородия почвы. На Вишере подобный способ не применялся.

На обычной пашне с трехпольной плодосменной системой работали сохой с деревянной отвалом. Косуля появилась за несколько лет до I мировой войны, а плуг и того позже, годах в 1927–28. Вспашка до посева производилась весной или осенью три, а то и четыре раза.

Боронили деревянной сохой. Местная почва требовала много удобрений. Под пуд посева ячменя (120 кв. саж.) клали 10–20 возов навоза (воз = 20 пудам). Навоз тщательно накапливали. Соломой скот не кормили, а бросали ее под ноги скоту, для увеличения количества навоза. Навоз клали только под ячмень, ибо рожь, посеянная, на только что унавоженной почве, была хуже, сильно ложилась, а ячмень был хорошим.

В посев полагалось на десятину: ячменя – 20 пудов, ржи – 10 пудов. Весовой счет обычно велся на четверики = 2 пуда. Примерный расчет хлеба при хорошем урожае на семью из восьми человек: восемь пудов ячменя и три-четыре пуда ржи (площадь с учетом пара – 1,2 дес.), при этом семья могла быть обеспечена хлебом до нового урожая (т. е. на человека посева один пуд ячменя и 0,5 пуда ржи). Однако сплошь и рядом хлеб вымерзал или недозревал.

Сеяли также лен и коноплю для собственного потребления. Картофеля было мало, урожай собирали пудов до 20-ти. В конце XIX в. картофель в жареном виде или в шаньгах подавали только к праздничному столу. До 1914 г. сажали картофель на грядках в лунки, наделанные колом или выкопанные руками. Окучки не знали. Только после революции, когда многие мужчины побывали в России и посмотрели, как там выращивают картофель, картошку стали сажать под лопату и плуг на приусадебном участке и в поле.

Держали много скота, особенно коров, до шести-семи, иногда восьми (это были еще не богачи, а самостоятельные хозяева), но были малокоровные и безкоровные. Получалось, впрочем, так, что коров много, а хлеба нет, весь вымерз. Много скота держали из-за получения навоза. Если же в какой год трава на лугах не уродилась, то лишний скот резали. Овец держали до 30. Лошадей обычно была одна, реже две.

Хотя охотой занимались не все крестьяне, а наиболее искусные, все же охота была развита значительно. Делилась по сезону на осеннюю (сентябрь – ноябрь), на которую ходили многие вишерцы, и весеннюю (февраль – март), которой занимались только наиболее искусные, хорошие стрелки и имеющие хороших собак. Охотились по верховьям Вишеры, Нившеры, доходя до Тобыся ижемского. Здесь имели избушки (по три-четыре) и исконные путики. Основной вид добычи – дичь (рябчик) и белка. Ловили зайцев капканами, петлями и в ямы. Брали лосей гоним по насту артелями в три-четыре человека.

За сезон добывали белки 200–300 штук, а умельцы иногда до тысячи. Хорошим считался охотник, не дающий промаха и бьющий белку в глаз. Ружья долгое время были кремневые, самодельные (стволы изготавливали местные кузнецы), их сменили пистонные и только после революции ружья центрального боя. Цены на белку были невысокие, копейки две за штуку. Рыбной ловле занимались далеко не все (ловили только для себя, а если и продавали, то своим лишь односельчанам).

Заработок давали отход на дроворубные работы в уральские заводы Чусовой, Кизел, куда ходили дважды в год: с осени до Рождества, а затем, отдохнув дома, с Крещения до весны, а иногда оставались до июня.

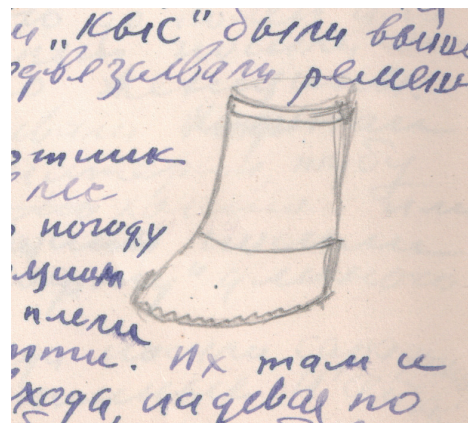
В последнем случае посев хлеба производили женщины и подростки, в семьях, где не оставалось мужчин.

Развивались лесозаготовки; вначале мало кто этим занимался, но с 1906–1908 гг. все больше и больше. Лес рубили зимой, а весной сплавляли до Усть-Сысольска. Хозяевами промысла были многочисленные купцы (Русанов, Кирсановы, Беляевы, Сурков). Ходили также на заготовки и сплав леса на Тобысе. Поэтому и охота зимняя резко сократилась. Заработки были хорошие – рублей до 200. Благодаря этому и свое состояние стали поправлять: особенно хорошими были 1910–1911 годы до войны.

Из своего хозяйства продавали дичь, пушнину, масло (пудов до двух на хозяйство), мясо, кожи, овчины. Почти все необходимое делали сами, но было развито и ремесло. Валенки катали сами или отдавали шерсть специалистам-пимокатам на заказ. Местные пимокаты, сапожники, портные ходили на промысел в Усть-Куломский и Помоздинский районы. Крашение холстов и набойка на заказ производились в Б. Луге, Вомыне, Пезмоге. Было много своих бондарей, были плотники столяры, кузнецы, мастера по изготовлению лодок – осиновок и дощаников.

Женщины сами делали горшки от руки: месили тщательно глину, подмешивали песок и дробленый камень, формовали, сушили на печи, обжигали в русской печке, и еще горячие опускали в сусло (*чужва*). Горшки после обжига приобретали черный цвет. Для хранения и сквашивания молока они были лучше покупных. Настоящее гончарство на кругу было в Сторожевске. Там делали настоящие оловянные горшки.

Овчины, сыромятную кожу, холсты, шерстяную ткань, конопляную ткань, нитки, веревки изготавливали сами. Для настоящих сапогов на ярмарке или у местного торговца приобретали готовый товар, но шили и самодельные сапоги (*кыс*) из сыромятины. Делали их так: вырезали продолговатую подошву и подшивали к ней вкруговую через край головку, а уж к нему кожаный (иногда суконный) верх, который завязывался ремнем, а если *кыс* были выше колен, то подвязывали ремешками к поясу. В такой обуви охотник смело пускался в лес в любую мокрую погоду. Для работы в грязном скотном дворе плели берестяные лапти. Их там и держали, возле входа, надевая по надобности на обычную обувь и валенки. Лапти скотницами употребляются по сей день.

Кыс.
Homemade boot.

Долгое время носили одежду из тканей собственного изготовления. Рубаха мужская была простой крашеной или пестрядиной в крупную клетку. Из тонкого холста шили и праздничную. Из покупного ситца или сатина была только праздничная рубаха, причем новой не покупали до тех пор, пока не износится старая. Нижней рубахи не носили. Рабочая рубаха бывала и конопляной. Подштанники шили из холста, но штаны были или холщевые белые, или из покупной дешевой ткани.

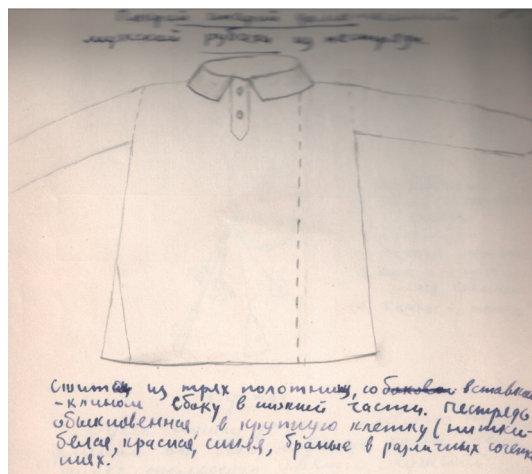
Повседневной верхней одеждой был *дукес* из чистой (белой или черной) шерсти – род длинного кафтана. Носили оба пола. *Сукман* – наполовину из шерсти, наполовину из льняной нитки, длинного до колен или даже почти до пят, носили его исключительно женщины. На праздник надевали кафтан из покупной материи, шубу покрытую холстом или сукном. Женщины носили распашную *кофту* длиною до пояса. Женщины всегда носили сарафаны – *шушун* – холстинные. И сейчас еще некоторые носят матерчатые сарафаны, но холстинные уже исчезли окончательно. Зимней одеждой была шуба, иногда белая, шилась также «малица» из овчины, ее носили не все. Ижемцы привозили продавать и настоящие малицы, совики, пимы, тобоки.

Курные избы на памяти информаторов уже не существовали, о них помнят по рассказам родителей. Изба такая имела две половины (кум и керку), «чуланов» (боковушек, горниц) не было. Чуланы стали строить только в конце XIX – нач. XX вв. Внутреннее убранство было бедным. Кроватей, ватных одеял не знали до самой револю-

ции. Спали на полатах и на полу, род кроватей в летнее время использовался на повети. Но на соломе мало уже кто спал, были перьевые перины, одеяла шили из овечьих шкур. Освежалось жилище лучиной, керосиновые лампы стали появляться только в начале века.

(Информатор Игушев Вас. Ив., 52 г.р, хорошо говорит по-русски).

Кармыльк – небольшая горка, а стукнешь, так звон идет, будто внутри ее пусто, но копать никто не копал. Рассказывали, будто на месте Богородска в давние времена лес стоял, приехал один рыбак на лодке, место понравилось, рыбачил здесь, а затем лес рубить начал, маленькую полянку расчистил для посева, а затем пошло и пошло строиться. Ниже Б.Луга до устья 22 версты, не селились по причине большого леса. Все старые фамилии – и Подоровы и Жижевы в том числе – издавна здесь живут, никто на моей памяти сюда с Вычегды не переселялся, а вот за последние годы многие богородские разъехались и в Шойнаты и Сыктывкар. Русские здесь раньше не жили, кроме попа, если, бывало, скажет что детям по-русски, они бегом к матери со слезами. С 1930 г. стали постигать русский язык. Я сам до этого года по-русски совсем не понимал.

Покрой старой дмотканной мужской рубахи из пестряди.
The cut of an old homespun men's shirt from a patchwork.

Сшитая из трех полотнищ, со вставкой-клином сбоку в нижней части. Пестрядь обыкновенная, в крупную клетку (нитки – белая, красная, синяя, браные в различных сочетаниях).

Снаряжение охотника

Лоз – обычного типа, карманы для добычи и внутренней задней части, на спине скоба для топора.

Охотничий пояс – слева нож, справа железная скоба для топора.

Снаряжение для ружейной охоты.

Одежда

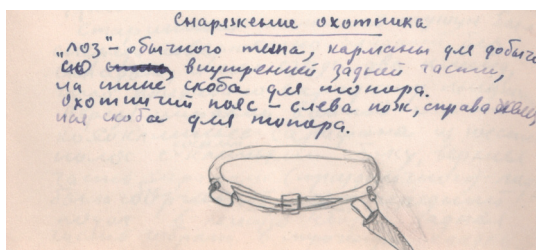
Дукес носили раньше вместо пиджака, длиной он был повыше колен. Женский *дукес* темного цвета, мужской – белого. Старинный женский *шушун* был спереди совер-

Время сооружения жилых домов по Богородскому сельсовету
(данные хозяйственных книг)
Construction time of residential buildings
in Bogorodsk Village Soviet (data from household books)

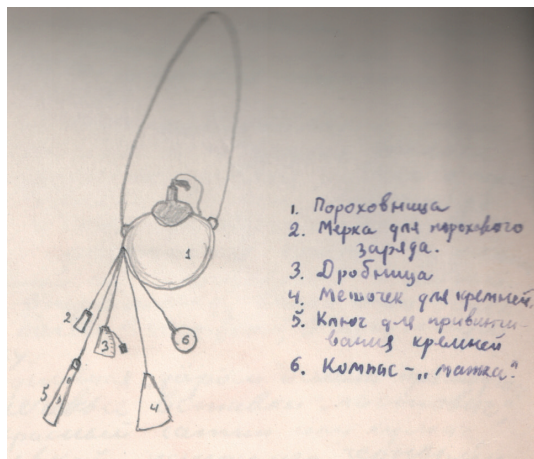
Годы	Пасьвомын	Троицк	Сюзяиб	Богородск
до 1900	1	14	6	3
1901-1905	–	8	11	12
1906-1914	5	11	17	11
1915-1917	–	–	2	6
до 1918*	1	–	10	14
1919-1920	6	4	4	7
1921-1925	6	12	4	18
1926-1930	–	9	11	20
1931-1941	–	–	3	3
позднее до 1951	–	–	1	1

*Пояснение: данные на 1918 г. еще не означают, что все дома построены в этом году, просто точные даты основания не известны, но владельцы показывают, что это было до начала Гражданской войны. Впрочем, годы с начала века до I мировой войны были отмечены значительным строительством в связи с развитием заработков на лесозаготовках, после войны, по словам старожилов, и в период НЭПа также было много построено домов (идут семейные разделы, старые жилища обветшали). В этот период застраивается площадь позади старой части селения за неширокой полосой болотистой.

*Note: data for 1918 does not necessarily mean that all the houses were built in that year, the exact dates of their construction are simply unknown, but the owners indicate that this was before the Civil War. However, the years from the beginning of the century until World War I were marked by significant construction due to the development of logging. After the war, according to old-timers, and during the NEP period, many houses were also built (family divisions were underway, and old dwellings fell into disrepair). During this period, the area behind the old part of the village, beyond a narrow strip of marshy land, was developed.

Охотничий пояс: слева – нож, справа – железная скоба для топора.
Hunting belt – knife on the left, an iron bracket for an axe on the right.

Снаряжение для ружейной охоты: 1. Пороховница; 2. Мерка для порохового заряда; 3. Дробница; 4. Мешочек для кремней; 5. Ключ для привинчивания кремней; 6. Компас – «матка».

Equipment for rifle hunting: 1. Powder horn; 2. Measure for the powder charge; 3. For pellets; 4. A bag for flints; 5. A key for screwing flints; 6. Compass – «uterus».

шенно гладкий, без складок, имел сзади два клина, что придавало сарафану пышность. Перед I мировой войной шили косоклинные сарафаны из шести полос с косыми клиньями с боку, верхняя часть сарафана (праздничного) – лифа – была сборчатой, передний подол – в легкую сборку, задняя часть собрана в строчечную складку. Рубаха *дөрм* имела небольшую верхнюю часть пестрядиной, с рукавами и подмышечными вставками – *кунлес*, к ней подшивалась длинная станина из белого холста.

Различалась повседневная и праздничная одежда. Та и другая шились из пестряди, но рабочая рубаха и *шушун* были из одного холста, пестрядь неяркая, в мелкую однообразную клетку; праздничная шилась из ткани сотканной

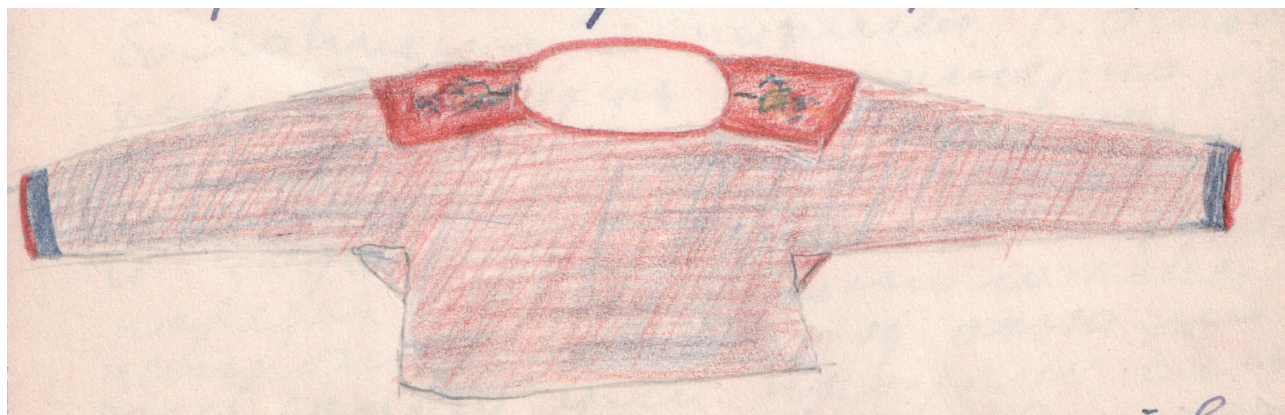
из шерстяной и льняной нити вперемежку, была она более яркой, более пестрой, в крутую светлую клетку. Праздничная *дөрм* имела прямоугольные плечевые вставки – *ластович*, красный сатин или кумач, с вышивкой – например, черными, зелеными и желтыми нитками растительный узор (ветка с листьями). Верхняя часть очень короткая (чтобы сарафан только покрывал подшитую белую станину – материал берегли). Ворот не имеет разреза, край ворота обшит красной тесьмой и собран в мелкую сборку.

Вообще необходимо отметить, что старинная одежда сохранилась, но не у всех. Насколько она вышла из употребления видно из того, что никто ее не станет надевать хотя бы из риска быть осмеянным. Сохраняются и *сера чувки* – узорные чулки с богатым полихромным геометрическим орнаментом. Такие чулки невеста обязательно должна была поднести жениху. Узорных полотенец разыскать не посчастливилось. Раньше они, конечно, были, но многие проданы в трудные военные годы. Характерно, что по традиции на настенное зеркало вешаются простые вафельные полотенца.

Поселение и жилища

Наиболее старая часть Богородска расположена по берегу реки, более новая часть, отстроившаяся уже после 1918 г., расположена в глубь материка за неширокой полосой болотистой низины. В основном для Богородска характерно рядовое расположение жилищ, обращенных фасадом в сторону реки и задами в лицо последующего порядка. Амбары расположены напротив домов под окнами через дорогу или проулок, бани, как правило, на задах. Огороды сбоку и сзади домов. Некоторые строения нарушают правильный рядовой порядок, стоят поперек.

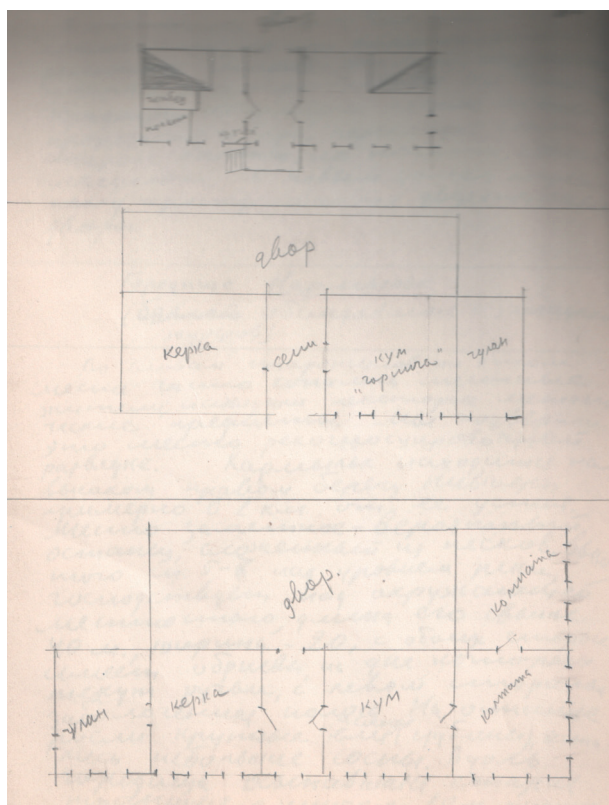
Наиболее правильный порядок в новой части селения. Типов жилищ несколько. Наиболее старый из них – типично трехраздельный дом, со входом по фасаду, причем *керка* имеет небольшие два-три окна по фасаду, а с боковой стороны – одно печное окошко. В куме окна побольше, полатей нет, равно как и печного окна. Этот тип получил дальнейшее развитие в виде пристройки к куму *чулана* – горницы в два обычных или одно большое окно по фасаду или одно окно сбоку. Развиваясь, такая застройка вытянулась в длину – *чуланы* появились как в ряду с *кумом*, так и с *керкой*. Встречаются дома, имеющие вытянутую

Праздничная рубаха *дөрм*.
Festive shirt *dörm*.

(в четыре-пять окон) половину без капитальной внутренней стены, но разделенные обязательно внутренней перегородкой на комнату и *чулан*. Двор примыкает только к центральной части, *чуланы* – особо.

Следующий тип, довольно поздний, представляет собой дом, у которого боковая часть превратилась в пятистенок, а двор занял незначительную (одну четвертую и даже меньшую) часть всей площади застройки. Наконец, наиболее поздний, характерный для совр. строительства, тип – обычный пятистенок: со входом с боковой стороны. В настоящее время заново сооружаются пятистенки, но при капитальном ремонте старых жилищ сохраняются старые конструктивные особенности. Традиции не умерли: печное окошко прорезается и при перекладке стен старых жилищ, но полаты, конечно, исчезают. К новым

Виды дворов.
Types of yards.

домам по-прежнему пристраиваются двухэтажные дворы.

Городище Кармыльк (беглое обследование с закладкой шурфов)

По словам старожилов, на этом месте часто копались местные жители, находили некоторые металлические предметы. Мы подвергли это место рекогносцировочной разведке. Кармыльк находится на высоком правом берегу Нившеры примерно в 2 км от ее устья. Место заметное – вероятный останец, сложенный из песков, высотой 5–7 м над уровнем реки, господствует над окружающей местностью, длина его свыше 40 м, ширина – 20, с обеих сторон имеет обрывы, на дне которых текут ручьи, с левой стороны заболоченная полоса. На останце росли крупные ели и сосны (срублены), остались небольшие сосны. Вдоль городища осыпавшаяся старая траншея, длиной до 10 м,

шириной до 1,5–2 м, глубиной до 0,7–1 м. Часть останца, обращенная к реке, явно осыпалась. На краю этого обрыва, под корнями мелких сосенок нами обнаружен культурный слой, резко выделяющийся от боковых, верхних и нижних природных слоев, своим темно-серым цветом. Это несомненно очажная яма в диаметре до 1 м, глубиной до 0,5, заполненная золой и углистыми скоплениями. В слое найден только осколок пережеванного гранита. Очажная яма полностью перекопана нами, но никаких иных находок ни в ней, ни подле нее не обнаружено.

Культурный слой прослеживается и вдоль останца на расстоянии до 20 м от обрыва со стороны реки, но только в левой части останца на ширины не более 2–3 м, как раз по краю старой траншеи (т. е. всего культурный слой занимает не более 100 кв. м). Это слой, толщиной в 15–20 см, находится под дерниной и светлыми зловыми песками на глубине в 20–30 см. Под ним идут совершенно чистые нетронутые пески. В культурном слое масса раздробленного, распадающегося на части камня, явно побывавшего в огне. Все условия местонахождения указывают, что здесь действительно существовало городище.

Большелугский сельсовет. Третье после Нившерского и Богородского гнездо селений на расстоянии примерно 5 км. Сельсовет охватывает: с. Большелуг, дд. Ивановск, Макарсикт, Зулоб, Вылиб. Здесь расположен колхоз им. Ленина. В селе имеются: семилетняя школа, больница, детский сад и ясли, клуб. Колхоз имеет земледельческо-животноводческое направление. В индивидуальном хозяйстве, колхозники, наряду со скотом (коровами, овцами, свиньями, козами) имеет посевы картофеля, овощей, ячменя и немного конопли. В зимнее время, как и в Богородске, молодежь работает на лесозаготовках.

Историческое прошлое по показаниям старожилов. (Мишарин Павел Федорович, 71 г., колхозник, по-русски говорит).

Откуда Большой луг стал так называться, неизвестно, но под деревней действительно большой луг, образовавшийся потому, что Вишера изменила свое течение, стала ближе к деревне. По ту сторону реки на бору, в 4 км от Б. Луга, есть старые большие ямы – «чудыгу», их копал какой-то инженер, но ничего не нашел.

Жили здесь в деревне все старые фамилии, никто, на памяти, сюда со стороны не приезжал, зато многие переселились отсюда на Вычегду, в Пермскую губ., в Сибирь, в Кунгур, в Томскую губ. Также из Нившеры и Богородска. Русских совсем не было, и почти никто по-русски из местных жителей говорить не умел. На памяти возникла церковно-приходская школа, учил поп коми-зырянин по языку. По-русски немного говорили отходники, и то не все. Только после I мировой войны, когда вернулись солдаты, знающих русский язык стало больше.

Занимались земледелием, но земли было мало: четверо бедняков – посев ржи 3–4 пуда, ячменя 5–6, а четверо богатых, которые делали расчистки (с помощью работников), посев был ячменя пудов до 20 и ржи – 6–8 пудов. Это считался уже богатый хозяин. Урожай был разный, если не померзнет хлеб, то уродится сам-5–6–7, сам-10 было

очень и очень редко. Многие делали тылу в глухом лесу. Рубили же весной, он сохнул год, на следующую весну его сжигали, и осенью сеяли рожь. Служила подсека только один год, а затем ее обычно забрасывали, если была она далеко от селения и не годилась под пожню. Подсека за-растала лесом, и лет через 20 она снова могла быть использована как прежним хозяином, так и кем угодно.

Вообще хлеба не хватало, и привозили его из Сибири. Многие крестьяне занимались охотой, но не все. Уходили на уральские заводы рубить дрова один раз в год, весной в марте, возвращались в июне. Посев хлебов совершали женщины, подростки и старики. Затем развились местные лесозаготовки. Лес здесь рубить начали давно, годов около 70 тому назад, но по-настоящему широко заготовки начались с 1907 г. Все почти в них участвовали, даже на заводы ходить стали меньше. Каждый самостоятельно рубил и сплавлял до Усть-Сысольска лес. Лес был крупным, не менее 5½ вершков в верхнем отрезе, стоимость одного бревна рубка 45 коп, сплав до места – 25 коп. За потерянное бревно – штраф три рубля. Заработок был хороший. Были свои каталы валенок, ходили на работу по верхней Вычегде и на Печору.

Мишарин Максим Ив., 72 г., колхозник, говорит преимущественно по-коми.

В верхнем конце Большелуг есть холмик такой, называемый по-старинному Кармыльк. Когда сюда пришли первые жители, неизвестно, но старые люди рассказывали, что, когда деревня уже была, сюда в целях занятия скотоводством из Чита (под Сыктывкарком) переселился старик Симпелев с тремя сыновьями – Захаром, Ёней, Александром и внуком. У них вверх по Вышере за 40 верст были охотничьи угодья – назывались Эребстан. От них пошли здешние Симпелевы.

Отходничество издавна было. Деда и отцы ходили до Сыктывкара наниматься косить сено, затем стали ходить на уральские заводы, а под конец лесозаготовками занялись. Ходили на заводы в марте пешком через Екатерининский канал от зимовья к зимовью, выходили на Чердынь, а оттуда на заводы. По-русски говорили плохо. Сам отходником был не раз, но русский язык не выучил. Обратно возвращались на лодках, купленных в складчину. В лодке было шесть человек, трое гребли, остальные отдыхали.

Черные избы (*сьёд керка*) помнит, и сам в них жил в молодости. Окна у них были маленькие, в старину заткнутые брюшиной, но уже при его отце из Усть-Сысольска купцы стали привозить готовые застекленные рамы (стекло было мелкое, из кусочков). В горнице тоже вначале была черная печь, но полатей не было, затем здесь стали ставить белые печи. Чуланы стали пристраивать уже на его памяти.

Одежда была рабочая из грубого холста: мужская *ша-бур* – белый, длинный, ниже пояса, почти до колен, с рукавами и с дыркой для головы (глухой). Затем появилась тоже длинная одежда, как халат, запахивающиеся на одну сторону, ее сменила более короткая, но такая же по покрою. Женская рабочая одежда – *дудник*, крашенный

дубом (ивовой корой) в бурый цвет, разреза спереди не имел. Праздничная одежда шилась: женская – из люстрина, из китайки, мужская (у богатых) – из панки. Но носили и из сводедельного тонкого белого холста (рубаша). Шубы в начале тоже были длинные, затем стали покороче.

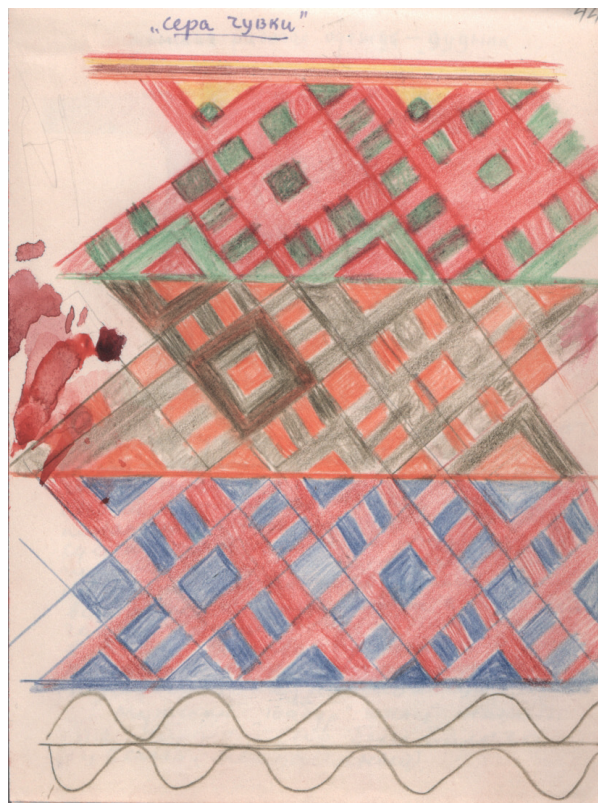
Обувь сводедельная: валеные из шерсти головки – *тюни* для домашнего обихода. *Кёты* – низ и головка из сыромятной кожи, верх из толстого сукна. *Кыс* – головки из кожи, верх подшит суконный (для ходьбы подле дома). Охотники имели кыс с высокими смолеными голенищами. Шили *кысы* из коровьей кожи, снятой чулком с ног. Зимой носили валенки – катанки.

Раньше центр, куда тянула все Вишера, были Ляли, затем – Усть-Нем, после – Небдино и, наконец, Богородск. На Ляли существовала зимняя тропа «Сереговпас». Брачные связи были с Богородском и Нившерой, а также и Сторожевском и верхневичегодскими селениями.

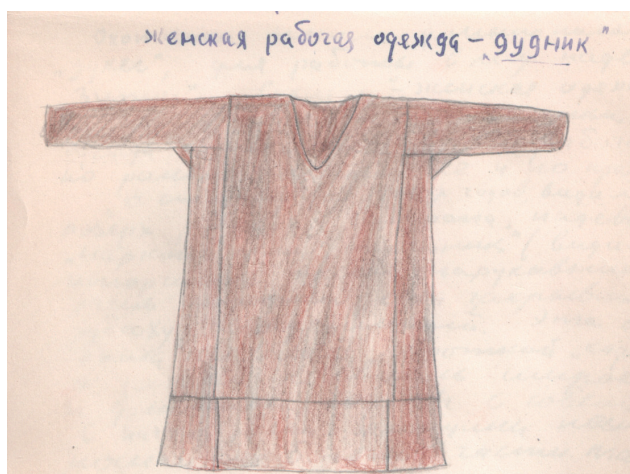
Потребляли в голодные годы кач – толченую пихтовую кору, осинового опилки. *[Этим Вишера особенно выделялась среди других не менее, может быть, бедных волостей. – Прим. Л. П. Лашука].*

Сшит из грубого холста, окрашенного дубом – настоящим ивовой коры. Способ пошива: кусок холста шириной в 40 см и длиной 190 см перегнут пополам, в верхней части спереди сделан треугольный вырез для головы (это основа одежды). Сбоку подшиты слегка расширяющиеся к низу вставки, а к нижней части подшит подол шириной в 23 см; рукава прошиты к центральному полотнищу, под мышками треугольные ластовицы.

Мужской шабур шился таким же образом. Но был белого цвета (некрашенный). Охотники носили длиннополый

Сера чувки.
Knitted stockings.

Женская рабочая одежда – дудник.
Women's work clothes – dudnik.

дукес, для работы в лесу надевали зипун. Сукман – женская одежда из льняной и шерстяной нитки. Сшита в талию, сзади складка. Одежда в последнее время рабочая, но раньше носили ее и по праздникам.

«В старину», до 1900-х годов, видимо, поверх рубахи и сарафана, надевали нарконь, или нарконик (видимо, испорченное русское «нарукавник») – очень короткий, едва закрывающий рубаху, пестрядинный. Эта одежда была сменена короткой кофтой, а затем появились широкие и длинные кофты с юбкой. С начала века женщины на голове носили по большей части платок.

Дудники носили бабушки и матери, а женщины, имеющие ныне 50–60 лет, в качестве рабочей одежды использовали уже старые сукманы.

Шушун, коему возраст ныне 50–60 лет, в верхней части спереди (своего рода лиф) был в засроченную складку, сзади складчатый до подола.

Наиболее старая часть Большелуга находится под горой, над самым берегом Вишеры, вытянута в один ряд (типично приречно-рядовой). Выше расположена улица с двумя порядками домов, обращенных друг к другу фасадами и разделенных дорогой. В других селениях замечается такая же планировка. Особенность верхней части Большелуга – редкая расстановка дворов.

Типы домов такие же, что и в Богородске, но старых больше, чем типичных пятистенков. Масса домов, не имеющих чуланов. Строящиеся новые дома пятистенки или (в одном случае) полностью воспроизведен старый тип – керка + сени + кум, и сзади двухэтажный двор.

Время сооружения жилых домов по Большелугскому сельсовету
The time of construction of residential buildings
in Bolshelug Village Soviet

Годы	д. Вылиб	д. Зулоб	Макарсикт	Ивановск	Большелуг
до 1900	2	10	–	–	7
1901–1917	6	8	1	1	10
1918	30	10	46	34	63
1920–1930	12	3	22	4	27
1931–1941	2	–	2	–	8
1946–1956	2	–	–	–	6

Особенность хозяйства. В сельсовете много охотников-профессионалов, в лесу в верховьях Вишеры, Нившеры и мелких речек имеют охотничьи избышки. Сюда же ездят на рыбную ловлю. Развит сбор ягод, грибов, их мочение, соление, сушение на зиму.

С. Небдино. Этим понятием объединяется несколько селений на расстоянии 9 км, ясно отделяющихся друг от друга. Собственно Небдино составляют сикты: Вичкосикт (погост), Пилясикт, Яксикт, Мартесикт, Тимасикт, Катыд. К ним примыкают деревушки Ануфриевка, Аникеевск, Паркерос.

Основная часть современного Небдина в виде двух обрамленных лицом друг к другу порядков вытянута вдоль тракта Сыктывкар – Усть-Кулом, но отдельные жилища стоят фасадом к реке, у самого края надпойменной террасы, т. е. являются остатками старой планировки селения (приречно-рядовой).

Примерное время сооружения жилищ
Approximate time of housing construction

Время постройки	Небдино	Паркерос	Трофимовск	Ануфриевка
до 1900	255	6	5	3
1901–1917	33	7	11	8
1918–1920	13	–	2	3
1921–1930	32	2	3	6
1931–1941	4	–	–	–
1941–1951	1	–	–	–
Позднее	1	–	–	–

Типы жилищ одинаковы со Сторожевском и Вишерой, но: 1) гораздо больше пятистенков, простых и сложных (имеющих к тому в основе две избы, разделенные сенями и чуланом); и 2) появляются, правда, в небольшом количестве, дома со средней небольшой горницей в два окна, имеющие вход не по фасаду, а сбоку, и расположенные по обоим скатам крыши. Любопытно, что некоторые дома, построенные по старому плану (изба + сени + другая изба, все под одним скатом, а под другим – двор), также имеют ход сбоку, а на месте сеней – комнатку с большим окном. Раньше дома с чуланами были только у богатей, после революции многие стали их строить.

Небдино – старое торговое село для всей здешней округи и Вишеры. С 18 января по старому стилю здесь собиралась большая Афанасьевская ярмарка, на которую со стороны Усть-Сысольска приезжали на лошадях торговые люди – устьсысольские, вятские, казанские, нижегородские, приезжали и чердынцы. Крупные торгаши имели здесь свои магазины, в которые товары завозились с лета, но торговали только неделю. Местные жители продавали пушнину, кожи, масло.

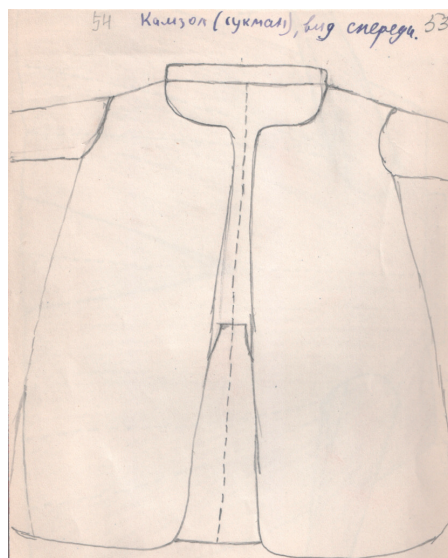
Земледелие было развито слабо, хлеба не хватало. Охотились небдинские крестьяне мало, больше охотников было на Вишере. Лесозаготовками тоже занимались немногие. Главный неzemледельческий промысел жителей Сторожевска, Небдина, Пезмога составлял ежегодный массовый отход на уральские заводы, напр., на Богословский. Уходили мужчины, нередко с женщинами – женами

и дочерми, целыми семьями: пропитание на месте было скудное.

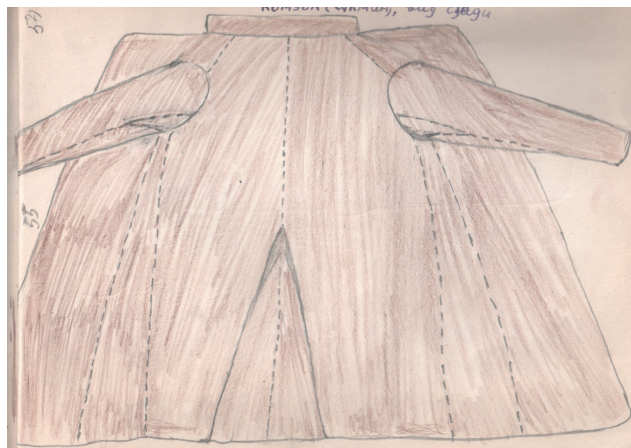
Одежду делали сводельную из холстов и сукон. Кончили их носить, как возникли колхозы. С 1930-х гг. лен уже не сеяли, обходились покупной мануфактурой. Обувь кыс делали так: снимали кожу с ноги коровы, из сырой же кожи шили «кыс» мехом вверх, а затем клали в смоляную воду для предотвращения гниения и придания большей прочности. Носили кыс и после революции.

Корткеросский район. С. Пезмог

[В этом разделе приведены только два рисунка и их названия, другой текст отсутствует – И. Ж., В. С.].

Камзол. Сукман. Вид спереди.
Doublet (sukman), front view.

Камзол. Сукман. Вид сзади.
Doublet (sukman), rear view.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Миронова, Н. П. Л. П. Лашук: от этнической истории к исторической социологии / Н. П. Миронова, В. В. Карлов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2019. – № 4. – С. 72–80.

2. Жеребцов, И. Л. Этнограф Л. П. Лашук (биографический очерк) / И. Л. Жеребцов // Очерки по истории изучения этнографии коми / отв. ред. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Кола, 2007. – С. 108–119.
3. Лашук, Л. П. Научный отчет о работе Сысольского этнографического отряда в 1958 году / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // Научный архив Коми научного центра УрО РАН (далее – НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 37. 214 л.
4. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы к этнической истории сысольских коми (из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 г.) / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Историческая демография. – 2020. – № 2. – С. 52–70.
5. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы к средневековой истории сысольских коми (из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 года) / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2021. – № 4. – С. 94–97.
6. Лашук, Л. П. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. 151 л.
7. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Материалы к этнической истории / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Историческая демография. – 2021. – № 1. – С. 57–74.
8. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы по хозяйственному укладу населения Прилузья (из отчета Прилузской этнографической экспедиции 1959 года) / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева, В. А. Саблин // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2023. – № 1. – С. 224–230.
9. Лашук, Л. П. Старая Вишера / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. – Вып. 4. – С. 83–127.
10. Лашук, Л. П. Этнографический уклад населения верхней Вычегды / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1960. – Вып. 5. – С. 53–98.
11. Личное дело Лашука Л. П. // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 409. 58 л.
12. Жеребцов, Л. Н. Научный отчет за 1960 год об итогах этнографической экспедиции в бассейне реки Локчим / Л. Н. Жеребцов // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 55. 59 л.

References

1. Mironova, N. P. L. P. Lashuk: ot etnicheskoj istorii k istoricheskoj sociologii [L. P. Lashuk: from ethnic history to historical sociology] / N. P. Mironova, V. V. Karlov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2019. – No. 4. – P. 72–80.

2. Zherebtsov, I. L. Etnograf L. P. Lashuk (biograficheskiy ocherk) [Ethnographer L. P. Lashuk (biographical sketch)] / I. L. Zherebtsov // Essays on the history of the study of Komi ethnography / Ed. I. L. Zherebtsov. – Syktyvkar: Kola, 2007. – P. 108-119.
3. Lashuk, L. P. Nauchnii otchet o rabote Sysolskogo etnograficheskogo otryada v 1958 godu [Scientific report on the work of the Sysola ethnographic group in 1958] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 2. D. 37. 214 l.
4. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy k etnicheskoi istorii sysolskikh komi (iz otcheta Sysolskoi etnograficheskoi ekspedicii Komi filiala AN SSSR 1958 g.) [Scientific heritage. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materials on the ethnic history of the Sysola Komi (From the report of the Sysola ethnographic expedition of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences in 1958)] / Comp. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Historical demography. – 2020. – No. 2. – P. 52-70.
5. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy k srednevekovoi istorii sysolskikh komi (iz otcheta Sysolskoi etnograficheskoi ekspedicii Komi filiala AN SSSR 1958 goda) [Scientific heritage. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materials on the medieval history of the Sysola Komi (from the report of the Sysola ethnographic expedition of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences in 1958)] / Comp. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «History and Philology». – 2021. – No. 4. – P. 94-97.
6. Lashuk, L. P. Otchet Priluzskoi etnograficheskoi ekspedicii 1959 g. [Report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 2. D. 48. 151 l.
7. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Otchet Priluzskoi etnograficheskoi ekspedicii 1959 g. Materialy k etnicheskoi istorii [Scientific heritage. Lashuk L.P., Zherebtsov L.N. Report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959. Materials on ethnic history] / Comp. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Historical demography. – 2021. – No. 1. – P. 57-74.
8. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy po hopzyaistvennomu ukladu naseleniya Priluzya (iz itcheta Priluzskoi etnograficheskoi ekspedicii 1959 goda) [Scientific heritage. Lashuk L.P., Zherebtsov L.N. Materials on the economic structure of the population of the Priluzye region (from the report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959)] / Comp. I.L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva, V.A.Sablin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «History and Philology». – 2023. – No. 1. – P. 224-230.
9. Lashuk, L. P. Staraya Vishera [Old Vishera] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Historical and philological collection. – Syktyvkar, 1958. – Issue 4. – P. 83-127.
10. Lashuk, L. P. Etnograficheskii uklad naseleniya Verhnei Vychegdy [The ethnographic way of life of the Upper Vychegda population] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Historical and philological collection. – Syktyvkar, 1960. – Issue 5. – P. 53-98.
11. Lichnoe delo L. P. Lashuka [Personal file of L.P. Lashuk] // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 19. D. 409. 58 l.
12. Zherebtsov, L. N. Nauchnii otchet za 1960 god ob itogakh etnograficheskoi ekspedicii v basseine reki Lokchim [Scientific report for 1960 on the results of the ethnographic expedition in the basin of the Lokchim River] / L. N. Zherebtsov // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op.13. D. 55. 59 l.

Благодарность (госзадание):

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The publication was prepared within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-7115-4547 (167023, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26); e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Саблин Василий Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: sablin@inbox.ru).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-7115-4547; (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Vasily A. Sablin – Dr. Sci. (History), Head of the Department of General History and World Politics at the Institute of Social Sciences and Humanities of Vologda State University (15, Lenin st., Vologda 160000, Russian Federation, e-mail: sablin@inbox.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Историко-этнографическая командировка Л. П. Лашука 1956 года на верхнюю Вычегду (к 100-летию со дня рождения ученого) / И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 137–150.

For citation:

Zherebtsov, I. L. Historical and ethnographic trip of L. P. Lashuk in 1956 to the Upper Vychegda (to mark the centenary of the scientist's birth) / I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8 (84). – P. 137–150.

Дата поступления статьи: 07.10.2025

Прошла рецензирование: 10.10.2025

Принято решение о публикации: 17.10.2025

Received: 07.10.2025

Reviewed: 10.10.2025

Accepted: 17.10.2025

Дю, А. Ф. Сыктывкар: люди, события, символы / А. Ф. Дю, И. Л. Жеребцов, О. И. Азаров. – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2025. – 400 с.

Du, A. F. Syktyvkar: people, events, symbols / A. F. Du, I. L. Zherebtsov, O. I. Azarov. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2025. – 400 p.

Стало хорошей традицией – выпускать к очередному (пусть и малому) юбилею Сыктывкара книгу о столице республики. В 2010 г. выходят энциклопедия «Город Сыктывкар» [1] и очерки о дореволюционной истории города [2]. В 2020 г. – монументальная монография о Сыктывкаре [3]. Эти книги серьезно изменили имевшиеся взгляды на историю Сыктывкара и существенно дополнили уже имевшуюся литературу [4–6] по истории главного города Коми республики. И вот в 2025 г. увидела свет еще одна работа.

Такое внимание к истории малой родины вполне объяснимо и понятно. Ведь именно родной город, село, республика являются базисом национального самосознания. Любить и понимать свой народ может только тот, кто хорошо знаком с его историей, обычаями, традициями, с биографией тех людей, что прославили родной край. Поэтому интерес к малой истории проявляют не только и даже не столько ученые и писатели, сколько самые простые люди. Причем очень разных возрастов: от мала до велика. Оно и понятно: ведь к истории родных мест, где ты родился и вырос, где тебе знакома каждая улица, каждый камень не может быть равнодушным. И в этом плане столица Коми республики не является исключением. О чем говорит значительный интерес к краеведческим, научно-популярным, справочным и даже сугубо научным работам по истории Республики Коми, ее городов и районов.

Поэтому подготовка и публикация книги «Сыктывкар: люди, события, символы», увидевшей свет летом 2025 г., выглядят далеко не случайными.

Данное издание было написано к 245-летию присвоения Сыктывкару (Усть-Сысольску) статуса города по заказу Совета муниципального образования городского округа «Сыктывкар» и инициативе председателя Совета города А. Ф. Дю (руководитель авторского коллектива) и руководителя службы по связям с общественностью администрации МО ГО «Сыктывкар» О. И. Азарова (он выступил в качестве ответственного редактора и составителя). Научным редактором и составителем книги, а также автором многих ее разделов стал директор Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН д.и.н. И. Л. Жеребцов.

Объемный труд (42 печатных листа!), по признанию авторов, явился продолжением и дополнением изданной в 2020 г. книги «Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки)». Это подтверждает и схожее оформление книг.

Монография включает в себя ряд разделов. Первый – «Люди в истории. История в людях», посвящен почетным гражданам Сыктывкара. Из помещенных в нем биографических материалов мы можем узнать о людях, внесших

значительный вклад в развитие столицы Коми республики: общественных деятелях, писателях, художниках, ученых, рабочих промышленных предприятий, городской инфраструктуры, об управленцах, в разные годы проживавших и творивших в Сыктывкаре.

Второй раздел «Сыктывкар: развитие города и его люди» содержит очерки о развитии ряда отраслей экономической и культурной сфер города, с которыми была связана деятельность почетных граждан города. Эта часть книги как бы дополняет предыдущую. Она помогает понять, в каких условиях работали люди в разные периоды развития столицы республики, осознать тот вклад, что внесли деятели, которым посвящен раздел о почетных гражданах города в его развитие. Хотя, на наш взгляд, авторам не удалось в полной мере отразить участие всех почетных граждан города в развитии различных сфер его жизни: слабо на страницах книги представлены народное образование, наука, культура, система управления...

Следующая часть книги чрезвычайно информативна и важна. Это – «Историческая хроника Усть-Сысольска-Сыктывкара с древнейших времен до наших дней». В ней кратко дано описание важнейших событий, что происходили на территории города с древнейших времен до конца первой четверти XXI в.

И это именно описание, а не просто перечисление важнейших событий истории города, что имели место в ту или иную эпоху. Это конкретная дополнительная информация. Она позволяет вдумчивому читателю получить общее представление, даже характеристику того или иного события, возможно, даже периода истории города. Эти сведения помогают четко обозначить основные вехи и главные линии истории Коми столицы. Более того, они дают возможность познакомиться с историей Сыктывкара не в какой-либо трактовке, а непосредственно через факты. Что не просто пробуждает любопытство читателя, но побуждает его пойти дальше и узнать больше о заинтересовавшем его событии. Это позволяет утверждать, что данный раздел имеет самостоятельное значение в изучении истории города.

Конечно, читатель имеет право посетовать, что в «Хронику» вошли далеко не все даты, которые заслуживали внимания. Возможно, составителям следовало более жестко подходить к отбору фактов и дат (по крайней мере, четкие критерии в этом плане проследить сложно). Но ведь авторы имеют право на собственное мнение. А читатель, в свою очередь, может самостоятельно дополнить имеющийся перечень. По крайней мере, соответствующая база для этого у него уже есть.

В четвертом разделе «Символы Сыктывкара» говорится о гербах (последовательно сменявших друг друга в разные исторические эпохи), флаге и гимне города. Много сказано об истории их создания.

Особое внимание привлекает заключительный раздел «Научное наследие». В нем опубликованы не издававшиеся ранее материалы об истории Сыктывкара первых советских десятилетий «Страницы истории Усть-Сысольска – Сыктывкара в межвоенный период (1918–1940 годы)», подготовленные почетным гражданином города, известным историком, признанным знатоком истории города, перу которого принадлежат несколько книг по истории Сыктывкара, к.и.н. М. Б. Рогачёвым. Раздел открывает материал, посвященный ученому. Эти страницы книги весьма интересны. Они содержат колоритные зарисовки жизни города в 1920–1930-е гг.: начало становления городской инфраструктуры, формирование системы городского самоуправления, территории и т. д.

Нельзя не отметить и прекрасное полиграфическое оформление монографии: хорошая бумага, отчетливая печать, большое количество иллюстраций. Основу иллюстративного материала составили фотографии из фондов Национального музея Республики Коми и других источников, часть которых публикуется впервые. Таким образом, приведенные в издании сведения подкреплены иллюстративным ресурсом. Эти материалы позволяют читателю воссоздать облик города в различные периоды его истории. А вот в чем можно упрекнуть издателей, когда речь идет об оформлении, так это то, что многие иллюстрации столь малы, что порой читателю сложно понять, что на них собственно изображено.

Возвращаясь к содержанию книги, хотелось бы заметить, что авторы сумели написать целый ряд сюжетов, которые позволяют уточнить ряд моментов городской истории. Такие темы, как развитие лесной промышленности, городской инфраструктуры (водопровод, транспортное сообщение и др.) получили качественно иное освещение.

Конечно, не обошлось и без определенных погрешностей. И здесь, в первую очередь, хотелось бы заметить, что порой авторы увлекаются описанием собственно городской истории. Между тем, история Усть-Сысольска – Сыктывкара – это неотъемлемая часть истории страны и Республики Коми. Такой подход не позволяет увидеть общий план, на котором происходили события. Поэтому нередко читателю далеко не всегда понятно, почему то или иное явление все же произошло в столице Республики. Например, когда речь идет о создании/открытии в городе первых крупных промышленных предприятий (лесозавода, мясокомбината, ЛПК и т. д.) авторы не упоминают, что их открытие являлось результатом бурного экономического развития страны в целом и республики в частности.

Можно посоветовать и на небольшой (даже по сегодняшним меркам) тираж издания – всего 1 тыс. экземпляров. Между тем, книга должна найти себе достойное применение в учебном процессе при преподавании истории Коми в средней школе, техникумах и вузах. Будет востребована она не только учащимися и педагогами, учеными-историками, но и теми равнодушными людьми, которые любят родной край, желают знать его историю. Тем более, что таких у нас в республике немало.

Нельзя забывать и о том, что Президент России совсем недавно дал поручение ввести в общий курс истории изучение истории родного края. На встрече с историками и представителями традиционных религий России было отмечено: «История страны должна начинаться с истории семьи, деревни, города» [7].

Именно поэтому власти должны подумать о том, чтобы сделать эту книгу доступной для всех: от руководителя до школьника.

Литература

1. Город Сыктывкар: энциклопедия / гл. ред. М. П. Рощевский. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. – 408 с.
2. Рогачёв, М. Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков / М. Б. Рогачёв. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2010. – 248 с.
3. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки) / науч. ред. и сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: МО ГО «Сыктывкар», 2020. – 664 с.
4. История Сыктывкара / гл. ред. И. Б. Берхин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1980. – 288 с.
5. Рогачёв, М. Б. Усть-Сысольск: страницы истории / М. Б. Рогачёв, А. И. Цой. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. – 160 с.
6. Рощевский, М. П. Градоначальники Сыктывкара в портретах / М. П. Рощевский, Л. П. Рощевская. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2003. – 144 с.
7. Путин поручил ввести в школах изучение истории родного края. – URL: https://aif.ru/society/putin_poruchil_vvesti_v_shkolah_izuchenie_istorii_rodnogo_kraya (дата обращения: 10.07.2025).

*Доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории и методики
обучения общественно-правовым
дисциплинам Института истории и права
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»
О. В. Золотарёв*

Котов, П. П. Дошкольные учреждения в Коми в начале XX века – середине 1940-х годов / П. П. Котов, Т. А. Мартычук. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. – 312 с. (вкл. 36 с.).

Kotov, P.P. Preschool institutions in Komi in the beginning of the XX century – mid-1940s / P. P. Kotov, T. A. Martynchuk. – Syktyvkar: Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch. RAS, 2025. – 312 p. (insert 36 p.).

Происходящие в последние годы в России изменения затронули практически все сферы жизни. Значительные перемены (причем далеко не в лучшую сторону) наблюдаются и в социальной сфере нашего общества.

Прежде всего, надо отметить, что одним из самых негативных последствий рыночных преобразований 1990-х гг. стало стремительное сокращение ассигнований на социальные нужды. Конечно, это сказалось и на положении в образовательной области. Особенно неблагоприятные воздействия проводимой в тот период (да и в сегодняшние дни) политики испытала система дошкольного воспитания и образования.

Результаты подобной недальновидной линии не замедлили сказаться – произошло резкое сокращение сети дошкольных учреждений. Итоги очевидны – в стране начались серьезные проблемы с устройством детей в детские сады. Только в последнее время положение несколько улучшилось. Для того чтобы бороться с отрицательными тенденциями, сложившимися в области дошкольного образования, прежде всего необходимо создать условия для нормальной, полноценной работы учреждений данного профиля. В связи с этим использование советского опыта развития дошкольного воспитания выглядит в этом плане весьма перспективным. Это обстоятельство усиливает интерес к истории становления и развития дошкольных учреждений в Советском Союзе.

В связи с этим исследование П. П. Котова и Т. А. Мартычук, рассматривающее процессы, связанные с историей реализации государственной политики по формированию и развитию системы дошкольного воспитания в Коми АССР в начале XX в. и до середины 1940-х гг., представляет немалый интерес. Так что выбор темы выглядит обоснованным, и отнюдь не случайным.

Важно отметить и научную новизну исследования. Ведь в нем фактически впервые проведено сквозное комплексное изучение становления и развития системы дошкольного воспитания в Коми автономии более чем за 30-летний период. Особенно интересен тот факт, что анализу подвергнуто развитие региональной системы дошкольного образования. Данная тематика нечасто привлекает внимание отечественных ученых-историков и педагогов.

Работа весьма выигрывает вследствие того, что повествование не обезличено. Значительное внимание уделено людям, которые сыграли определенную роль в развитии системы дошкольного воспитания в регионе.

Полезными выглядят и приложения. Особенно интересны и информативны воспоминания ветеранов дошкольного образования и воспитания.

Весьма любопытен и тщательно подобранный иллюстративный материал. В работе приведены карта-схема и план размещения детских садов в Усть-Сысольске/Сыктывкаре в 1920–1930-х гг., фотографии педагогов (хотя следует оговорить, что многие из представленных портретов мало имеют отношение к развитию дошкольного образования в Коми автономии), коми деятелей дошкольного образования, фотографии, наглядно демонстрирующие особенности работы детских садов того времени.

В ходе исследования авторы приходят к вполне обоснованным и логичным, на наш взгляд, выводам о том, что «каждый этап истории дошкольного воспитания региона характеризуется изменением числа дошкольных учреждений, видовым и типовым разнообразием... Важное значение для решения социальных проблем сыграл разновременный режим работы учреждений и групп: от кратковременных до круглосуточных. Многообразие работы дошкольных учреждений, учитывавших трудовой режим родителей, доказало их востребованность» [1, с. 237].

В монографии верно отмечено, что создание и развитие системы дошкольного воспитания решало сразу несколько задач. Не только собственно воспитание подрастающего поколения, но и привлечение женщин на производство, вовлечение их в процесс социалистического строительства, повышение социального статуса женщин, их социальной активности [там же, с. 235].

Однако, как нам представляется, авторы делают слишком смелый вывод о том, что к началу 1940-х гг. в Коми была заложена прочная база работы детских садов [там же, с. 236].

В 1940 г. в Коми АССР функционировало только 89 детских садов (на 3165 мест). Конечно, это было определенным успехом, ведь в 1935 г. работой детских садов было охвачено только 2 тыс. детей. Но достигнутые показатели не только не отвечали потребностям общества, вовлеченного в процесс индустриализации. Развитие сети детучреждений в Коми автономии в этот период серьезно отставало от общесоюзного уровня. Кроме того, в своей работе детские сады испытывали серьезные сложности: не хватало квалифицированных педагогических кадров, плоха была и материальная база. Пожалуй, в этот период можно говорить лишь о том, что в деле становления дошкольного воспитания в автономии наметились первые сдвиги [2, с. 83].

Вызывает определенные сомнения и умозаключение о том, что «современная государственная политика в области образования направлена на модернизацию систе-

мы с опорой на исторический опыт советского прошлого» [1, с. 239]. Вряд ли советский опыт может быть в полной мере учтен сегодня, слишком различны социально-экономические основы Советского Союза и современной России.

Рецензируемое исследование не лишено и ряда иных недочетов.

В частности, глава первая «Зарождение и эволюция дошкольного воспитания в России и Коми крае до начала 1920-х годов» выглядит несколько чужеродной, в ней значительная часть текста отведена рассмотрению становления и развития дошкольных учреждений собственно в Российской империи, материалов о работе детсадов непосредственно в Коми практически нет. Да их и не могло быть, ведь развитие сети дошкольных учреждений в Коми крае началось только с установлением советской власти (о чем говорят и сами авторы монографии) [1, с. 91]. До 1917 г. детских садов на территории народа коми по сути и не было. Да и особой потребности в них не существовало: женщины почти не работали на производстве, занимались домашним хозяйством и воспитанием детей.

А для советской власти создание дошкольных учреждений было чрезвычайно важным, ведь главной функцией советской системы образования была воспитательная. Воспитание человека новой общественной формации следовало начинать с самого раннего возраста.

Кроме того, одной из задач, которую поставила новая власть, было раскрепощение женщины, уравнение ее в правах с мужчиной. Необходимо учитывать и еще одно обстоятельство: что с установлением нового режима экономические обстоятельства в стране потребовали привлечения женщины в промышленность, совхозы, колхозы. Потребность в женском труде значительно возросла.

Именно эти перемены настоятельно требовали создания сети дошкольных учреждений. Поэтому уже непосредственно после Октябрьской революции, в самые первые месяцы существования новой власти, создание сети детских садов было признано «настоятельной необходимостью» и был намечен целый ряд мер по развитию сети дошкольных учреждений: проведены съезд по дошкольному воспитанию, съезд деятелей по охране детства, конференции по различным вопросам дошкольного образования.

Именно при новом режиме в 1918–1919 гг. и появляются в Коми крае, в Усть-Сысольске, первые ясли и детский сад. При этом их функционирование основывается на иных началах, нежели деятельность немногочисленных детских учреждений царской России. Поэтому представляется, что экскурс в дореволюционный период истории детских садов в России является излишним.

Далее, названия некоторых параграфов выглядят неудачными. Как-то: «Социально-экономические условия для совершенствования дошкольного воспитания и изменения количества детских дошкольных учреждений» и др.

Помимо этого, во Введении очень путано и излишне подробно обоснованы территориальные рамки исследования (зачем уделено столь значительное внимание сюжетам о формировании территории Республики, районировании и т. д. – не очень понятно).

Историографический анализ страдает определенными лакунами. Так, в работе не упомянуто несколько интересных исследований, в которых был рассмотрен ряд аспектов, связанных с развитием системы дошкольных учреждений в Коми автономии [2, 3], в то же время некоторым авторам уделено излишнее внимание.

Есть вопросы и к источниковой базе. Конечно, она выглядит весьма солидно. Работа выполнена на основе использования как опубликованных, так и неопубликованных материалов. Причем основу монографии составляют архивные документы. Серьезная источниковая база придает особую достоверность выводам исследования. Однако в монографии скудно представлена региональная пресса избранного для изучения периода (в частности, практически не задействованы издания «Коми му» и «Коми просвещенец», где имеются интересные материалы о развитии детских садов в Коми автономии). Возможно, имело смысл и шире привлечь документы центральных архивов, больше использовать некоторые изданные сборники документов [4, 5]. Именно в последних опубликованы любопытные материалы, касающиеся деятельности детских дошкольных учреждений автономии.

Так же, на наш взгляд, в работе явно недостаточно показано влияние партийных структур Коми автономии на развитие системы дошкольного образования в регионе. Между тем, именно мнение партийных организаций было в тот период решающим.

Практически не показана и роль женских делегатских собраний в развитии сети дошкольных учреждений в автономии. А они в 1920–1930-е гг. оказали значительное влияние на становление и развитие дошкольного воспитания [6; с. 89, 99].

Из сферы исследования почему-то были исключены некоторые значимые аспекты проблемы, такие как работа столь интересного учреждения, как функционировавшего в 1920-е гг. Кытовского детского городка. Не проанализировано и становление системы детских дошкольных организаций в спецпоселках (в отличие от ГУЛАГа, материалы по которому, как справедливо отмечают авторы, закрыты [1, с. 164], источники по этим учреждениям доступны).

Вызывают вопросы и хронологические рамки исследования – работа выглядит незавершенной, как бы оборванной на полуслове. Ведь самое интенсивное развитие сети дошкольных учреждений в Коми республике пришлось на 1960–1980-е гг. – именно в этот временной промежуток происходило значительное увеличение населения автономии и властям приходилось уделять повышенное внимание обеспечению жителей городов и сел региона местами в детских садах. Поэтому хотелось бы,

чтобы временные рамки анализа развития системы дошкольного воспитания в Коми крае были расширены. Возможно, авторы планируют продолжить свои исследования. Если этот так, то следует пожелать в им этом деле успеха.

Литература

1. Котов, П. П. Дошкольные учреждения в Коми в начале XX века – середине 1940-х годов / П. П. Котов, Т. А. Мартыничук. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2025. – 312 с.
2. Золотарёв, О. В. История народного образования в Республике Коми / О. В. Золотарёв. – Сыктывкар: КРАГ-СиУ, 2002. – 188 с.
3. Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки) / науч. ред. и сост. И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: МО ГО «Сыктывкар», 2020. – 664 с.
4. Культурное строительство в Коми АССР. 1918-1937: сборник документов / под ред. Я. Н. Безноскова. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1979. – 255 с.
5. Культурное строительство в Коми АССР. 1938-1960: сборник документов / под ред. Я. Н. Безноскова. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1984. – 296 с.
6. Золотарёв, О. В. Женское движение в Коми / О. В. Золотарёв // Повседневная жизнь Коми края. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – Вып. 2. – С. 81-107.

*Зав. кафедрой истории и методики
обучения общественно-правовым дисциплинам
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»,
доктор исторических наук, профессор
О. В. Золотарёв*

Исторический факультет Сыктывкарского государственного университета (1972–2022): библиографический указатель / сост.: А. А. Павлов, Т. И. Чудова; под общ. ред. А. А. Павлова. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. – 466 с. (Труды Института истории и права Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Вып. III).

Faculty of History, Syktvykar State University (1972–2022): Bibliographic Index / Comp. A. A. Pavlov, T. I. Chudova; Ed. A. A. Pavlov. – Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2025. – 466 p. (Proc. of the Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktvykar State University. Issue III)

Минувшей весной в издательстве Центра гуманитарных инициатив вышла книга «Исторический факультет Сыктывкарского государственного университета (1972–2022): библиографический указатель» под общей редакцией А. А. Павлова.

Издание библиографических указателей в наше время стало традицией: они служат «памятью» вуза, собирая и систематизируя информацию о научных достижениях, преподавателях и студентах, сохраняя их опыт и популяризируя деятельность вуза. Они включают списки трудов, биографические сведения и являются важной частью культурно-образовательной жизни вуза, удовлетворяя информационные запросы.

В 2022 г. Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина отметил свое 50-летие, а вместе с ним один из его первых факультетов – исторический (первоначально – историко-филологический), а сегодня Институт истории и права. 466-страничный указатель призван продемонстрировать итоги научной деятельности преподавателей и сотрудников факультета за этот период, показать основные направления исследований и их эволюцию. Библиографический указатель будет служить «памятью» вуза, собирая и систематизируя информацию о научных достижениях, преподавателях и студентах, сохраняя их опыт и популяризируя деятельность университета.

Библиографический указатель исторического факультета включает названия около 3,5 публикаций различного рода, написанные штатными преподавателями и сотрудниками факультета. В качестве принципа организации использована не только алфавитная, но и предметная специализация, которая позволяет, с одной стороны, быстрее отыскать читателю необходимый материал, с другой – демонстрирует основные направления исследований и объем публикаций в рамках этих направлений.

Сама структура указателя выходит за общепринятые рамки работ такого жанра. Указатель предваряет статья А. А. Павлова «Исторический факультет Сыктывкарского государственного университета (1972–2002): основные направления». Анализ направлений научных исследований представлен автором на фоне истории университета, факультета, эволюции принципов организации исторических исследований в стране в целом. В статье показаны особенности исследовательского пути кафедр факультета в различные периоды: менялись и условия научной деятельности, и структура факультета, на смену старому поколению «основателей» пришло новое, в чем-то совер-

шенно отличное от них. «Целью данного труда было "зафиксировать и представить". Времена меняются, а дорога остается, важно, чтобы идущие по ней помнили, где, как и кем этот путь был начат», – заключает автор.

Собственно библиографический указатель содержит хронологический список работ по следующим разделам: археология (240 публикаций); этнография (237); история России и Республики Коми (1569); история древнего мира (163); история средних веков (97); новая и новейшая история (126); биографика, историография, историософия (490); педагогика, воспитание, образование, методика преподавания истории (98); связи с общественностью и реклама (30); учебные и учебно-методические издания (292); газетные публикации (189); журнальные публикации – научно-популярная, общественно-политическая и литературно-публицистическая периодика (102); воспоминания (32).

Второй раздел рецензируемого издания содержит биографический указатель, в котором представлено 90 биограмм преподавателей и сотрудников, в разное время (с 1972 по 2022 г.) работавших на историческом факультете / Институте истории и права Сыктывкарского государственного университета. В биограммах отражена образовательная траектория научных кадров исторического факультета, их профессиональный рост и научные интересы.

На наш взгляд, большой интерес представляют Приложения к указателю, собранные в третьем разделе издания. Здесь представлена информация доктора исторических наук Т. И. Чудовой об археологических и этнографических изысканиях в Сыктывкарском университете. Автор подчеркивает, что за 50 лет основоположниками изучения ранней истории освоения Европейского Северо-Востока докторами исторических наук – Почетным профессором СГУ им. Питирима Сорокина Э. А. Савельевой и профессором В. А. Семёновым – был осуществлен солидный научный поиск, а также воспитана плеяда учеников. Их разведочные и стационарные работы не ограничивались территорией только Республики Коми. В университете была создана своя научная школа археологии, направленная на изучение ранней истории освоения северных территорий. За это время значительно расширилась география исследований, в фокусе внимания университетских исследователей были разновременные памятники. Анализ полученной обширной источниковой базы позволил подойти к решению спорных вопросов освоения севера, частично закрыты лакуны на археологической карте региона. Увлеченность археологией и активная жизненная позиция Э. А. Савельевой и В. А. Семёнова, романтика полевых

исследований способствовали тому, что многие студенты выбирали археологию в качестве своей специализации. Их ученики стали профессиональными археологами.

Представленная в издании информация позволяет проследить эволюцию изучения этнографии коми (зырян) одним из ведущих этнографов Республики Коми В. А. Семёновым. Его интерес к народной культуре коми-зырян выразился в изучении обрядов жизненного цикла. В. А. Семёновым была разработана программа сбора этнографического материала, нацеленная на решение задач, связанных с унификацией этнографических источников, выявлением ключевых параметров структуры обрядов, реконструкцией мифопоэтических представлений о пространстве и времени, которые выступают одним из способов ритуального и обычного поведения. Профессор также занимался проблемами формирования этноса, особое внимание он обращал на выбор признаков и определение их веса для выделения этноса из других человеческих общностей. В. А. Семёнов вместе со своим учеником Д. А. Несанелисом уделяли много внимания становлению этнографической науки в Республике Коми как и истории становления формализованных методов изучения этнографии. В конце 2010-х гг. ученый обращается к изучению этнографии города в рамках открытия в Институте истории и права нового направления магистратуры «Историческая урбанистика».

Собранный по авторской методике полевой этнографический материал позволил Т. И. Чудовой создать серию работ по традиционной культуре питания коми-зырян и защитить докторскую диссертацию. К бесспорным заслугам этнографов университета следует отнести создание учебных пособий по народной культуре коми-зырян.

Заведующий кафедрой истории России зарубежных стран А. А. Павлов собрал материалы об антиковедческих и медиевистических исследованиях на историческом факультете Сыктывкарского университета. Автор подчеркнул, что антиковеды СГУ им. Питирима Сорокина за последнюю четверть века добились серьезных успехов в исследовании ряда проблем античной истории и историографии. Специалистом в изучении проблем сословной борьбы патрициев и плебеев в Древнем Риме стала Л. П. Кучеренко, опубликовавшая труды, высоко оцененные специалистами и посвященные одной из самых ярких личностей Древнего Рима – Аппию Клавдию Цеку. В ряде направлений исследования антиковеды Сыктывкара были новаторами, работы А. А. Павлова в области институциональной истории Римской республики и античной историографии имеют важное значение для отечественной исторической науки, как и переводы и исследования текстов римских грамматиков и энциклопедистов, труды которых до недавнего времени привлекали достаточно мало внимания отечественных исследователей.

Основы исследований по медиевистике были заложены Ю. П. Малининым, Е. Ю. Елизаровой. Наиболее значительный вклад в изучение Средневековья внесла В. И. Гончарова, большинство работ которой было связано с изучением деятельности Максимилиана I Габсбурга и его романа «Белый король».

Доцент кафедры истории России и зарубежных стран Ф. Н. Иванов показал достижения ученых университета в изучении отечественной истории. В его статье отражена эволюция исследовательских направлений на кафедрах факультета. Отойдя от идеологически заданной тематики 1980-х гг. (формирование социалистического образа жизни, история классово-борьбы и рабочего класса и др.) исследователи сфокусировали свои взгляды на актуальных для своего времени направлениях – истории Коми края в годы Первой мировой войны, участии населения края в работе Государственной Думы, в развитии хозяйственной деятельности в крае, на деятельности крестьянской общины, истории политической ссылки в регионе, истории женского движения, истории образовательных и музейных учреждений и др.

Одним из новых направлений в 2000-е гг. стало изучение истории репрессивной политики государства на Европейском Северо-Востоке и промышленного освоения северных территорий. Демографические, экологические, экономические последствия деятельности хозяйственной машины ГУЛАГа в регионе исследовались в научно-образовательном центре «Проблемы освоения северных территорий: история и современность» под руководством Л. А. Максимовой.

Ф. Н. Иванов представил информацию о международном сотрудничестве историков-русистов, включившихся в международный научно-образовательный проект «Модернизационные процессы в Баренц регионе», в рамках которого в 2005–2008 гг. приняли участие в пяти международных конференциях, в создании учебника (*The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe. Manual.* OSLO: PAX: 2015. – 518 p.) и двухтомной энциклопедии (*Encyclopedia of the Barents Region / ed. by Mats-Olov Olsson (Editor-in-Chief). Oslo: Pax, 2016. Vol. 1: A–M. – 559 p. Vol. 2: N–Y. – 593 p.)*.

Кандидат исторических наук Е. К. Трифонова рассмотрела изучение новой и новейшей истории на истфаке СГУ им. Питирима Сорокина. Автор показывает обстоятельства, сопровождавшие путь каждого преподавателя в науку, раскрывает достижения ученых.

Е. К. Трифонова показывает непростой путь в науку А. Я. Зильберга: раскрывает после участия в народном ополчении в 1941–1945 гг. на фронте А. Я. Зильберг вернулся в МГУ, защитил кандидатскую диссертацию «Классовые бои германского пролетариата в 1910 г.». После работы в Институте Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина с августа 1954 г. заведовал кафедрой истории в партшколе при Коми обкоме КПСС. После ее реорганизации направлен в КГПИ. После соединения КГПИ с университетом и непродолжительного руководства кафедрой всеобщей истории профессором ЛГУ С. И. Ворошиловым, заложившим основы многолетнего сотрудничества с Ленинградским университетом, возглавил кафедру всеобщей истории А. Я. Зильберг. Научным направлением А. Я. Зильберга стала тема «Социальная база ХДС в первые послереволюционные годы».

Из КГПИ в университет перешли В. П. Золотарёв, историкограф, изучавший научное наследие Н. И. Кареева,

ставший деканом историко-филологического факультета, а также новисты А. Н. Иванов, продолживший изучение новой истории Англии международных отношений, и Л. Е. Найборт, занимавшаяся историей австрийской революции 1848–1849 гг., антиковед Л. П. Кучеренко. Александр Яковлевич успешно решал кадровую проблему истфака, привлекая специалистов по всеобщей истории в СГУ. В 1974 г. в состав кафедры был принят И. М. Шкляж, преподававший историю Азии и Африки и исследовавший проблемы формирования колониальной системы, выпускница ЛГУ Г. Д. Петрова, защитившая диссертацию по новейшей истории и сосредоточившаяся на изучении историографических аспектов Гражданской войны в Испании. В 1976 г. на кафедре появились выпускники МГУ Л. М. Макарова и Е. М. Логина. Автор статьи приводит интересный факт: после смерти А. Я. Зильберга руководство научными исследованиями кафедры всеобщей истории возглавлял В. М. Алексеев, в свое время при обсуждении в Петрозаводском университете доклада «О культе личности» резко выступивший с критикой состояния общественных наук в СССР и привилегий партийного аппарата. В итоге лишившись должности, он более года работал на одном из заводов Петрозаводска переводчиком технической документации на оборудование, поступавшее из ГДР. К концу 1960-х гг. он написал первую в СССР работу о Варшавском гетто, которую опубликовали через 30 лет после написания.

С 1980 по 1992 г. во главе кафедры был О. Г. Парфенов, выпускник отделения истории Индии Восточного факультета ЛГУ, стажировавшийся в Делийском университете, защитивший диссертацию на тему «Индийский Национальный Конгресс и проблема неприкасаемости (1917–1939 гг.)».

В 1980-е гг. он руководил разработкой научной темы кафедры всеобщей истории, посвященной советско-болгарскому сотрудничеству в Коми АССР. Сложилась целая группа болгаристов. Изучением истории Болгарии последней трети XIX в. занималась Л. В. Лямцева. Е. К. Трифонова, начавшая работу на кафедре в 1991 г., занималась изучением роли неославистского движения в Болгарии в начале XX в.

С 1992 по 2010 г. кафедру возглавлял профессор В. П. Золотарёв, воспитавший целую плеяду выпускников, занимавшихся анализом научного наследия Н. И. Кареева и его учеников. Научная школа, созданная В. П. Золотарёвым, сегодня продолжена в лаборатории по изучению наследия Н. И. Кареева.

Деятельность диссертационного совета в 1996–2007 гг. в Сыктывкарском государственном университете отражена в статье П. П. Котова. Большую работу по его открытию провела доктор исторических наук Л. П. Рощевская, профессор В. П. Золотарёв, декан В. Н. Худяев, доцент П. П. Котов. За 10 лет работы в диссовете, председателем которого была утверждена Л. П. Рощевская, защитилось 56 соискателей, в том числе из вузов и научных центров

Вологды, Москвы, Петрозаводска, Йошкар-Олы, Кирова, Архангельска, Санкт-Петербурга, Перми, Череповца, Ухты, Глазова и Сыктывкара.

В Приложении к указателю размещен также список выпускников исторического факультета, защитивших диссертации в 1972–2022 гг. Показательна универсальность исторического образования, позволившая выпускникам истфака защитить диссертации не только по историческим наукам, но и по юридическим, экономическим, политическим, социологическим, философским, педагогическим и культурологии. В списке 111 выпускников истфака, защитивших кандидатские диссертации с 1980 по 2022 г., восемь кандидатов наук, начинавших обучение в СГУ и переведенных в рамках целевого обучения в ЛГУ и МГУ, и 13 выпускников истфака, ставших докторами наук.

Завершает Приложение список библиографических указателей преподавателей истфака.

Представляется, что рецензируемый труд имеет немалое информационное значение. Библиографический указатель посвящен одному из основных структурных подразделений Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Материалы, размещенные в нем, отражают историю университета и исторического факультета, научные школы, сформировавшиеся на истфаке за 50 лет его существования. С целью сохранения исторической памяти о тех, кто стоял у истоков создания факультета и университета, по инициативе зав. кафедрой истории России и зарубежных стран А. А. Павлова, Институт истории и права начал издавать серию работ – «Труды Института истории и права Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина». Две вышедшие работы (Кучеренко Л. П. Труды по истории и культуре Древнего Рима. Серия: Труды исторического факультета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина/Центр гуманитарных инициатив. – М; СПб., 2024. – 410 с.; Макарова Л. М. Германский фашизм: человек, идеология, культура. Серия: Труды исторического факультета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина/Центр гуманитарных инициатив. – М; СПб., 2024. – 450 с.) являются трудами преподавателей, чья трудовая деятельность связана с историческим факультетом, Институтом истории и права СГУ им. Питирима Сорокина. Серию планируется продолжить.

Книга – дань памяти людям, чей благородный труд не только способствовал развитию высшего исторического образования в Республике Коми, но и подготовке профессиональных кадров историков – педагогов, работников музеев и архивов, научных работников, а также известных журналистов, управленцев, политиков.

*Кандидат исторических наук, доцент,
директор Института истории и права
ФГБУ «Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина»,
Л. А. Максимова*

Юбилей

Слово о нашем главном историке

24 ноября 2025 г. исполнилось 65 лет видному ученому-историку, директору Института языка, литературы и истории, председателю Президиума Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения РАН», председателю Ученого совета Национального музея Республики Коми, председателю Совета Отделения Российского исторического общества в Республике Коми, члену бюро и руководителю Северной секции Научного совета по исторической демографии и исторической географии РАН, члену Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам Уральского отделения РАН, члену Общественной палаты г. Сыктывкара, Почетному работнику науки и техники Российской Федерации, заслуженному работнику Республики Коми, Почетному деятелю науки Республики Коми, лауреату Государственной премии Республики Коми в области образования, дважды лауреату премии Правительства Республики Коми в области научных исследований, дважды лауреату конкурса научно-популярных статей Российского фонда фундаментальных исследований, стипендиату Государственной научной стипендии для выдающихся ученых России, доктору исторических наук **Игорю Любомировичу ЖЕРЕБЦОВУ**.

Игорь Любомирович родился в 1960 г. в г. Сыктывкаре, окончил школу № 4, затем исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. В выборе профессии большое влияние на И. Л. Жеребцова оказал его отец Любомир Николаевич, виднейший коми этнограф. Основное направление научных исследований И. Л. Жеребцова определилось еще во время учебы в университете. Он выбрал одну из проблем, лежавших в сфере интересов Любомира Николаевича – расселение коми, история населенных пунктов. В 1983 г. И. Л. Жеребцов пришел на работу в Институт языка, литературы и истории Коми фи-

Anniversaries

A word about our Chief Historian

лиала АН СССР, прошел путь от старшего лаборанта до директора института (с 2011 г.). Уже на следующий год появились первые научные публикации молодого ученого, посвященные исторической демографии – направлению науки, которое в Коми республике, да и на всем Европейском Севере России почти не разрабатывалось. И. Л. Жеребцов быстро зарекомендовал себя как серьезный, вдумчивый исследователь и хороший организатор. Когда пришло время защищать кандидатскую диссертацию (произошло это в 1989 г. в Москве, в Университете дружбы народов), коллеги с удивлением обнаружили, что в активе молодого историка уже больше 20 научных работ, число которых в последующие годы продолжало стремительно расти. В 1998 г., незадолго до своего 38-летия, И. Л. Жеребцов защитил в Екатеринбурге, в Институте истории и археологии УрО РАН, докторскую диссертацию.

Игоря Любомировича по праву можно назвать одним из основоположников широкомасштабных исследований по исторической демографии на Европейском Севере России. То, что сегодня Сыктывкар стал одним из признанных центров историко-демографических исследований в России – во многом именно его заслуга, свидетельство известности и авторитета среди российских ученых, признания высокого уровня исследований. В исследованиях И. Л. Жеребцова поставлена и проанализирована чрезвычайно важная проблема воздействия естественно-географических условий и, в частности, климата и его изменений, на демографические процессы, степени этого влияния на различных этапах истории.

Более 40 лет назад Игорь Любомирович начинал с изучения писцовых и переписных книг, учился извлекать из них демографическую информацию, да и просто, как вспоминает он сам, в буквальном смысле учился читать – читать эти фолианты, написанные скорописью XVII столетия, наполненные сбивающими с толку выносными буквами, дьявольски похожими друг на друга: «Помню, сначала иногда хотелось все бросить, взяться за чтение и изучение чего-нибудь более понятного, более близкого к XX веку. Но, к счастью, каждый раз за минуту до того, как я вскочил бы из-за стола и навсегда убежал из читального зала с руками по локоть в архивной пыли, происходило чудо: путавшиеся буквы вдруг превращались в слова, слова – в предложения, и предо мной раскрывались истории отдельных людей и целых уездов, чередование демографических катастроф и демографических взрывов (хотя бы и в отдельно взятой деревне), впечатляющие картины продвижения переселенцев на новые, еще не изведанные земли».

С тех пор И. Л. Жеребцову довелось разыскать в различных архивах страны немало писцовых и переписных книг, ревизских сказок, списков населенных мест и материалов разнообразных переписей (некоторые из них

до него не открывал ни один исследователь), изучить их и задуматься не только над тем, какова была численность и плотность населения, его этнический, социальный и половозрастной состав, в каких направлениях и с какой интенсивностью шли миграционные процессы и какие типы поселений основывались на новоосваивавшихся землях (хотя все это необходимо установить, потому что это важно, ибо с человека, с демографии, собственно, и начинается история каждого региона, каждого государства), но еще и над тем, каким образом на историко-демографическое развитие воздействовали естественно-географические условия и, в частности, климат и его изменения, какова была степень этого влияния на различных этапах истории общества.

Это чрезвычайно интересная проблема, для решения которой потребовалось проанализировать историко-демографическое развитие обширного и многонационального северо-восточного региона Европейской России за без малого тысячелетие, используя для этого множество разнообразных исторических источников. В своих публикациях и докладах на разных научных форумах И. Л. Жеребцову удалось достаточно убедительно показать несомненную связь между происходившими в демографических процессах циклическими переменами и изменениями климата, обосновать необходимость рассматривать климатические изменения в качестве важного фактора истории народонаселения. Разработанная им периодизация тысячелетней демографической истории Европейского Северо-Востока, предложенная классификация влиявших на нее в различные эпохи факторов стали базой для дальнейших сравнительных исследований историко-демографического развития всех финно-угорских народов.

Кроме того, в сферу научных интересов исследователя входят некоторые сюжеты политической истории России и ее Севера в частности (формирование и развитие системы регионального управления и административного деления, политические деятели и политические партии, борьба за власть в различные исторические эпохи, история политических репрессий), а также история гуманитарной науки и краеведения в Коми.

Под руководством И. Л. Жеребцова выполнен ряд крупных научных проектов, таких как «Влияние климатических изменений на демографические процессы», «Лингвистические и фольклорные данные как источник для изучения этнической истории», «Естественно-географические и социально-политические факторы этнодемографического развития Крайнего Севера Евразии (I–II тысячелетия н. э.)», «Население и власть в российской провинции в переломную эпоху: исторический опыт взаимоотношений», «Политические партии в национальной российской провинции в переломный период: исторический опыт формирования и развития».

В публикациях, вышедших по результатам исследований, приведены доказательства весьма существенной (а на отдельных этапах – ключевой) роли климатического фактора в демографической истории венгров, эстонцев, удмуртов, коми и других финно-угров. Например, вызванные климатическими изменениями миграции, вошедшие

в историю как Великое переселение народов, оказали огромное воздействие на расселение угорских племен, предков удмуртов, мордвы и марийцев и этногенез этих народов. А появление на этнической карте мира древних коми стало, можно сказать, в известном смысле следствием климатических изменений.

В работах И. Л. Жеребцова отмечено, что активные миграции выходцев из Европейской России в Приуралье и далее за Урал, имевшие огромное значение в освоении и закреплении в составе Российского государства Сибири и Дальнего Востока, также стали следствием климатических сдвигов (климатического минимума), неблагоприятные последствия которых вынудили значительную часть населения Московского государства оставлять старожильческие районы и уходить на колонизировавшиеся территории. Показано в публикациях и то, что процесс освоения Сибири и Дальнего Востока носил интернациональный по составу первопроходцев характер – наряду с русскими, активнейшую роль в колонизации зауральских земель изначально играли финские народы, и в частности, коми-зыряне и коми-пермяки.

Результаты исследований И. Л. Жеребцова отражены в более чем 800 научных и научно-популярных работах и учебных пособиях, опубликованных в виде монографий, энциклопедических и справочных изданий, учебных пособий, научно-популярных книг, брошюр, статей в журналах «Отечественная история», «Уральский исторический вестник», «Linguistica uralica», «Muzeológia a kultúrne dedičstvo», «Acta Historica Neosoliensia», «Российские и славянские исследования», «Беларускі гістарычны часопіс», «Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева» и др. в 28 регионах России (Архангельске, Вологде, Донецке, Екатеринбурге, Ижевске, Йошкар-Оле, Казани, Кирове, Краснодаре, Красноярске, Москве, Мурманске, Нальчике, Новосибирске, Оренбурге, Перми, Петрозаводске, Ростове-на-Дону, Салехарде, Санкт-Петербурге, Саранске, Тобольске, Ульяновске, Уфе, Ханты-Мансийске, Элисте и др.) и 15 зарубежных странах: Беларуси, Великобритании, Венгрии, Германии, Индии, Казахстане, Молдове, Норвегии, Словакии, Туркмении, Финляндии, Швеции, Южной Корее и Эстонии.

И. Л. Жеребцов – организатор ряда международных и всероссийских конференций и симпозиумов, среди которых такие крупные научные форумы, как I и II Всероссийские конференции по исторической демографии (2005, 2007), 12 всероссийских и международных симпозиумов по исторической демографии, серия крупных научных форумов по истории политических репрессий; он – участник более чем 60 всероссийских и международных научных форумов. Игорь Любомирович являлся научным руководителем двух кандидатов наук и зарубежным научным консультантом четырех докторов философии (PhD).

Исследования И. Л. Жеребцова имеют важное практическое значение – в частности, при разработке новой концепции демографического развития Севера, учитывавшей многовековой опыт проживания человека в этом регионе, а также для сферы образования и культуры. Он уделяет большое внимание пропаганде и популяриза-

Выступление И. Л. Жеребцова на конференции в г. Кирове.
I. L. Zharebtsov at the Conference in Kirov.

ции научных знаний, опубликовал большое количество научно-популярных работ, использующихся в культурно-просветительной и учебной деятельности и неизменно вызывающих огромный интерес каждого, кто интересуется прошлым Коми республики, благодаря разнообразию содержащегося в них материала и таланту популяризатора, умению увлекательно и доступно рассказывать о самых разных страницах истории нашей республики, коми народа. В числе подготовленных в последние пять лет под руководством и при участии Игоря Любомировича научно-популярных работ есть обстоятельнейшие книги «Сыктывкар: люди, события, символы», «Сыктывкар в прошлом и настоящем (исторические очерки)», «Историко-культурное достояние Республики Коми (научно-популярные очерки)», «На земле Койгородской. (Очерки истории Койгородского района Республики Коми с древности до наших дней)», «Великая Победа: вклад прокуратуры Коми республики» и др., серия брошюр «Разговор о важном»: «Символы России», «Символы Республики Коми», «Великая Отечественная война», «Вклад в Великую Победу Коми республики». Большой интерес вызвали учебные пособия для школ «История Коми с древнейших времен до конца XVII века» и «История Коми в XVIII – начале XX века».

И. Л. Жеребцов с А. М. Асхабовым.
I. L. Zharebtsov and A. M. Askhabov.

Юбилар награжден Почетными грамотами Министерства образования и науки Российской Федерации, Российской академии наук, Уральского отделения РАН, Республики Коми, Государственного Совета Республики Коми, республиканских министерств национальной политики; культуры, туризма и архивного дела; образования и высшей школы; Управления Республики Коми по охране объектов культурного наследия; администрации МО ГО «Сыктывкар», Совета МО ГО «Сыктывкар», администраций муниципальных образований «Город Инта», «Сыктывдинский район», «Усть-Цилемский район» и др., Архиерейской грамотой Сыктывкарской епархии, медалями «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2002 г.», «За заслуги в проведении переписи населения 2010 года», «За высокие достижения в культуре», почетными дипломами Университета г. Яссы (Румыния) и философского факультета Университета Матея Бела в Банской Быстрице (Словакия) и мн. др. наградами.

Пожелаем нашему юбиляру новых творческих побед и свершений на его пути главного историка!

*Главный редактор, академик РАН,
А. М. Асхабов*

Раисе Ивановне Косныревой – 90 лет Raisa Ivanovna Kosnyreva is 90

18 июня 2025 г. 90-летний юбилей отметила **Раиса Ивановна КОСНЫРЕВА**, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, специалист в области диалектологии, лексикологии и лексикографии коми языка, внесший значительный вклад в его изучение и сохранение.

Родилась Раиса Ивановна 18 июня 1935 г. в с. Ыб Сыктывдинского района Коми АССР. В 1958 г. окончила коми отделение историко-филологического факультета Коми государственного педагогического института. В 1967 г. после девятилетней педагогической работы в общеобразовательных школах республики поступила на работу в Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР на должность старшего лаборанта, затем младшего научного сотрудника (1992) и научного сотрудника (1996), где и проработала до выхода на заслуженный отдых в конце 2006 г. без малого 40 лет.

За период почти 40-летней трудовой деятельности в стенах Института Раиса Ивановна сделала очень много для развития коми языка, его изучения и преподавания. С первых дней в должности старшего лаборанта она стала одним из незаменимых помощников в научных исследованиях сотрудников отдела языка и литературы, выполняла, на первый взгляд, незаметную, но очень трудоемкую и необходимую работу, без которой в то время невозможно было провести полноценное лингвистическое исследование. Она занималась сбором и систематизацией текстов; поиском иллюстративного материала; участвовала в формировании базовой словарной картотеки отдела языка, которая стала основным источником для создания многих словарей и монографических работ; осуществляла техническое редактирование и корректуру рукописей статей, сборников и другой научной продукции.

Раиса Ивановна вошла в научный коллектив отдела языка в 1970-е гг., в тот период, когда его сотрудники развернули деятельность по созданию серии фундаментальных монографий с целью всестороннего описания

10 диалектов коми языка. Эта работа требовала больших усилий как с точки зрения выработки научных основ коми диалектологии, так и в отношении сбора и систематизации эмпирического материала. Огромная техническая работа по составлению словарей, сверке текстов, иллюстративных материалов, образцов диалектной речи, вычитке готовых работ также требовали длительной, кропотливой работы, усердного и добросовестного труда. Трудно переоценить тот вклад, который внесли лингвисты того поколения в изучение коми диалектов, в том числе лаборанты, которые, вместе с известными коми диалектологами Н. А. Колеговой, М. А. Сахаровой, Т. И. Жилиной, В. А. Сорвачевой, Г. Г. Бараксановым, В. А. Ляшевым и др., ездили в долгие экспедиции за полевым материалом.

Раиса Ивановна также выезжала во многие районы Республики Коми, а возвратившись, занималась расшифровкой, сверкой и первичной научной обработкой собранного материала. В частности, неоценим ее вклад в подготовку таких работ, как «Среднесысольский диалект коми языка» (авторы: Г. Г. Бараксанов, Н. А. Колегова) и «Лузско-летьский диалект коми языка» (автор Т. И. Жилина), опубликованных в 1980 и 1985 гг. в Москве издательством «Наука». Как технический редактор она подготовила к изданию работы известного коми этнографа и фольклориста Ф. В. Плесовского «Коми фразеологизмы» (1980), «Коми пословицы и поговорки» (1983), «Коми народные загадки» (1986), привлекая, в том числе, материалы собственных полевых записей.

Обладая хорошим языковым чувством и общелингвистической подготовкой, Раиса Ивановна много сделала в области перевода различной литературы и документации с русского языка на коми и с коми языка на русский, опубликовала несколько статей по актуальным проблемам коми лексикологии, ономастике, языку писателя, орфографии.

Р. И. Коснырева является одним из авторов «Коми орфографического словаря» (1985, соавт.: М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков), издание которого стало крупным шагом на пути нормализации коми орфографии. В нем были уточнены многие старые орфограммы, разработаны новые правила, касающиеся наиболее трудно нормируемых случаев, в частности, правописания сложных существительных и глаголов, даны рекомендации для правописания многих слов, отсутствовавших в корпусе предыдущих словарей.

С 1987 г. Раиса Ивановна включается в словарную группу и лексикография становится основным направлением ее работы. Она является одним из авторов-разработчиков «Инструкции по составлению коми-русского словаря» (1990) и одним из основных исполнителей плановых научно-исследовательских тем отдела языка: «Словарь коми языка» (1987–1996) и «Коми-русский словарь» (1997–1998).

В результате многолетней работы с огромным словарным материалом авторским коллективом под руководством кандидата филологических наук Л. М. Безносикова были подготовлены и опубликованы такие фундаментальные лексикографические работы, как: «Коми-русский словарь» (2000, 87 п. л., авт.-сост.: Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева) и «Русско-коми словарь» (2003, 116 п. л., автор: Л. М. Безносикова, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева). В 2005 г. под тем же авторством вышли новые коми-русский и русско-коми словари для учащихся средних школ, выполненные по заказу Министерства образования РК.

Возможность вернуться к диалектологическим исследованиям, которые оставались излюбленной темой исследований юбиляра, появилась в рамках новых коллективных плановых тем отдела языка «Словарный фонд коми языка: диалектная лексика» (1999–2004) и «Словарь диалектов коми языка» (2005–2007). В результате выполнения этих тем был издан двухтомный «Словарь диалектов коми языка» (2012, 2014, сост.: Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева), объединивший в себе научный поиск и труд нескольких поколений коми диалектологов. Весомый вклад в эту работу внесла также Раиса Ивановна Коснырева.

Многолетняя плодотворная деятельность юбиляра в области коми языкознания получила высокую оценку общественности республики и научного сообщества.

Раиса Ивановна награждена почетным знаком «Победитель в социалистическом соревновании», медалью «Ветеран труда», Почетными грамотами Президиума Коми филиала АН СССР, Президиума Академии наук СССР в связи с 250-летием АН СССР, Президиума Академии наук СССР в связи с 275-летием АН (1999).

Лексикографические работы с участием Р. И. Косныревой удостоены высоких правительственных наград Республики Коми. Она имеет звания «Лауреат государственной премии Республики Коми в области науки» (2000), «Лауреат премии Правительства Республики Коми в области науки» (2002), «Лауреат премии Правительства Республики Коми в области научных исследований» (2015).

Огромный опыт, профессионализм, добросовестное отношение к своей работе, которые всегда были присущи юбиляру, не могут не вызывать уважения коллег и служат примером для будущих поколений коми языковедов. Сердечно поздравляем Раису Ивановну Косныреву с замечательным юбилеем! Кузь нэм да бур шуд!

*Коллектив сектора языка
Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

Евгению Александровичу Цыпанову – 65 лет

15 июня 2025 г. известному ученому-финно-угроведу, доктору филологических наук, доценту, заслуженному работнику Республики Коми, лауреату Государственной премии Республики Коми в области науки и премии Правительства Республики Коми в области образования, почетному зарубежному члену Финно-угорского общества «Suomalais-ugrilainen seura», заведующему отделом языка, литературы и фольклора ИЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН» **Евгению Александровичу ЦЫПАНОВУ** исполнилось 65 лет.

Е. А. Цыпанов родился в с. Визинге Сысольского района Коми АССР. Окончив Визингскую среднюю школу, с 1977 по 1982 г. учился на историко-филологическом факультете Сыктывкарского государственного университета. После вуза последовало обучение в очной аспирантуре Тартуского государственного университета (Эстония) по специальности «Финно-угорские языки», завершившееся в 1985 г. Научным руководителем и наставником молодого ученого был академик АН ЭССР, профессор П. Аристэ. В очной докторантуре Марийского государственного университета при кафедре финно-угорских языков коми филолог обучался в 1999–2002 гг.

С 1986 г. научная карьера и творческий путь юбиляра связаны с Институтом языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР (ныне – ИЯЛИ ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»). Начав с должности младшего научного сотрудника, Евгений Александрович трудился научным сотрудником (1989), старшим научным сотрудником (1991), ведущим научным сотрудником (2003), был заведующим сектором языка (2007–2011), заместителем директора ИЯЛИ по научным вопросам (2011–2020). С 2011 г. он заведующий отделом языка, литературы и фольклора.

Кандидатская и докторская диссертации, которые Е. А. Цыпанов защитил в 1987 и в 2003 гг. соответственно, стали серьезным вкладом в изучение морфологии, семантики и синтаксиса коми глагола и инфинитных глагольных форм. Кандидатская диссертация на тему «Морфология причастий в коми языке», защищенная в Тартуском госу-

Evgeny Alexandrovich Tsypanov is 65

дарственном университете, посвящена исследованию системы коми причастий как с синхронной, так и диахронной точек зрения. В докторской диссертации «Грамматические категории глагола в коми языке», защищенной в Марийском государственном университете, юбиляр рассмотрел особенности диахронических изменений категорий глагола и подробно описал их функционирование в коми языке в свете грамматической семантики и синтаксической дистрибуции.

Значительное количество работ ученого связано с решением фундаментальных проблем грамматического строя коми языка, особенно проблем коми глагола и его форм. Результаты исследований обобщены в ряде монографий: «Асшӧр кывсикасьяс коми кывйын» (1992, соавтор Г. В. Федюнева), «Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция» (1997), «Грамматические категории глагола в коми языке» (2005), «Структура и морфологические категории глагола в коми языке» (2020), препринтах, разделе академической грамматики «Ӧнія коми кыв. Морфология» (2000) и др.

Научно-исследовательская деятельность Е. А. Цыпанова охватывает грамматику, семантику, лексику коми языка, проблемы неологии, социо- и этнолингвистики. Он автор более 400 работ научного, научно-методического, научно-популярного характера, изданных в России и за рубежом. Исследование лексики коми языка сочетается с лексикографической работой, благодаря чему увидели свет словари: неологизмов, общественно-политической лексики («Виль коми кыввор» (Сыктывкар, 1998, соавтор Л. М. Безносикова), «Виль кыввор» (Новая лексика) (2005, 2009), сопоставительный («Удмурт кыввор да лыддянкуд» (Сыктывкар, 2007)), кличек домашних животных («Коми пемӧс нимкуд» (Сыктывкар, 2008)), пейоративной лексики («Коми видчанкывъяс: зэв аслыссикас кывкуд» (Сыктывкар, 2021)), мелиоративной лексики («Коми ошканкывъяс: зэв лӧсьыдик кывкуд» (Сыктывкар, 2024)).

Важной вехой научного пути ученого стала разработка учебно-методической литературы. На протяжении ряда лет Евгений Александрович занимался преподавательской деятельностью, читал спецкурсы по вопросам грамматики коми языка, курсы по актуальным вопросам грамматики финно-угорских языков, преподавал коми и финский языки студентам и учащимся Сыктывкарского, Югорского, Тартуского, Хельсинкского, Туркусского университетов, Коми республиканской гимназии искусств при Главе Республики Коми. Им разработана методика интенсивного преподавания коми языка для лиц, не владеющих коми языком. Специальные учебные пособия – самоучители, разговорники, составленные юбиляром, среди которых: «Коми кыв: самоучитель коми языка» (Сыктывкар, 1992), «Рӧмпӧштан. Учебник коми языка для взрослых» (Сыктывкар, 1999, соавторы: Л. А. Моторина, Ж. Г. Сизева), «Видза олан! Самоучитель коми языка» (Сыктывкар, 2007), «Видза олан, коми кыв» (2015), «Кӧсья юавны – Хочу спросить! Русско-коми

разговорник» (Сыктывкар, 2020, соавтор Г. В. Пунегова), «Поговорим! – Сёрнитыштам!» (Сыктывкар, 2022, соавтор Г. В. Пунегова) и др., содержат учебно-методические материалы для усвоения коми разговорного и письменно-литературного языка, предназначены для облегчения общения с говорящими на коми языке. В 2018 г. под авторством ученого вышел в свет первый учебник по иностранному языку (финскому) на коми языке «Opiskellaanpa suomea – Велёдам суоми кыв».

Большое место в творчестве юбиляра, ратующего за сохранение и развитие родного языка, занимает распространение научных знаний об истории и культуре коми народа, о коми и других финно-угорских языках в современной и доступной для широкого круга людей форме. Научно-популярные и справочно-информационные издания адресованы не только специалистам, но и всем, кто интересуется коми и другими финно-угорскими языками: «Перым-коми гижод кыв» (Сыктывкар, 1999), «Финно-угорские языки: сравнительный обзор» (2009), «Вынйора да мича миян коми кывным» (Сыктывкар, 2016), «Секреты коми языка в рассказах» (Сыктывкар, 2020, соавторы: Г. В. Пунегова, О. И. Некрасова), «Коми нэм: чужан мулён да войтырлён история важ кадсянь ёния лунъясодз» (Сыктывкар, 2000, соавторы: О. Е. Бондаренко, Т. М. Хорунжая) и др.

Ученый активно сотрудничает с республиканскими СМИ – статьи о коми языке часто публикуются в газете «Коми му», журналах «Войвыв кодзув», «Йёлёга», выходят теле- и радиопередачи о коми языке, проблемах его развития и функционирования в различных сферах общества. Е. А. Цыпанов трудится также в составе Термино-орфографической комиссии при Министерстве культуры и национальной политики Республики Коми по созданию новых терминов, терминологических сочетаний, коррекции переводов, обсуждению различных спорных вопросов, является членом Правления Общества изучения Коми края.

В качестве учителя, наставника Евгений Александрович занимается воспитанием новых научных кадров, под его научным руководством подготовлены и успешно защищены шесть кандидатских диссертаций по грамматике, синтаксису, диалектологии, стилистике коми языка. Научная биография доктора филологических наук, доцента Е. А. Цыпанова была связана также с выполнением обязанностей члена диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности

10.02.02. – Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки) (филологические науки), функционировавшего на базе ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», официального оппонента диссертаций.

Владея несколькими языками, юбиляр примыкает к стану тех, кто «стирает границы между странами и людьми», плодотворно и успешно занимаясь переводческой деятельностью. Широко известны его переводы на коми язык цикла рассказов эстонского автора Эно Рауда «Сипсик – живая кукла» – «Сипсик – ловья акань» (2006), сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес» – «Алисакөд Шемёсмуын Лоёмторьяс» (2017), сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» – «Дзолья принс» (2022), сказок и детских рассказов с эстонского и удмуртского языков.

Признанный в научном мире финно-угровед Е. А. Цыпанов является членом Международного комитета конгрессов финно-угроведов, Финно-угорского общества (Финляндия), редколлегии международного журнала «Linguistica Uralica», сериального научного издания по сопоставительному языкознанию «Lähivõrdlusi Lähivertailuja» (Таллин), научного журнала «Вестник угроведения», принимает активное участие в международных научных форумах, на всесоюзных, всероссийских, зональных, региональных и республиканских конференциях.

Юбиляр пользуется заслуженным авторитетом в коллективе Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, у учеников, в научных кругах финно-угорского мира в России и за рубежом. Его плодотворная научная и общественная деятельность по достоинству отмечены высокими наградами республиканского и федерального уровней. Он является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области науки (1999), лауреатом премии Правительства Республики Коми в области образования (2004), премии Правительства Республики Коми в области научных исследований (2021), лауреатом конкурса «Доктора наук РАН» (2004), награжден знаком отличия Республики Коми «За безупречную службу Республике Коми» (2014), имеет почетное звание «Ветеран труда» (2015).

Коллеги и друзья поздравляют Евгения Александровича с юбилеем, желают крепкого здоровья, успехов в творческой деятельности, осуществления замыслов. Кузь нэм да бур шуд!

*Коллектив Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

Памятные даты

Памяти Люции Михайловны Безносиковой (29.04.1940–20.06.2025)

20 июня 2025 г. ушла из жизни наша коллега, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки Республики Коми, авторитетный специалист в области коми лексикографии, чье имя хорошо известно лингвистам финно-угорского мира **Люция Михайловна БЕЗНОСИКОВА**.

29 апреля 2025 г. она отметила 85-летний юбилей. Люция Михайловна родилась в 1940 г. в с. Важгорт Удорского района Коми АССР в семье Александры Павловны и Михаила Алексеевича Поповых. В 1956 г. семья переехала в Сыктывкар. Здесь в 1958 г. она окончила среднюю школу № 1 и поступила на историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института. После его окончания, в 1963 г., Люция Михайловна девять лет успешно работала журналистом в республиканской газете «Югыд туй» (ныне – «Коми му»), являлась членом Союза журналистов России. Несмотря на то, что дальнейшая трудовая деятельность юбиляра была связана с наукой, все последующие годы она продолжала печататься на страницах коми республиканской газеты, а также занималась популяризацией научных знаний на радио и телевидении.

В 1972 г. Люция Михайловна перешла на работу в Институт языка, литературы и истории и в том же году поступила в очную аспирантуру Коми филиала АН СССР с прикомандированием в аспирантуру Института языкознания АН СССР (г. Москва). Ее научным руководителем стал известный коми ученый Е. С. Гуляев. Особую роль в становлении юбиляра как лингвиста сыграли ученые с мировой известностью: В. И. Лыткин, Б. А. Серебренников, К. Е. Майтинская.

После окончания аспирантуры, с 1975 г. до выхода на пенсию в 2014 г. Люция Михайловна работала в секторе языка Института языка, литературы и истории, сначала в должности младшего научного сотрудника, с 1986 г. –

Memorable dates

In memory of Lyutsiya Mikhailovna Beznosikova (29.04.1940–20.06.2025)

научного сотрудника, а с 1989 г. – старшего научного сотрудника.

В 1978 г. в Тартуском университете (Эстония) Л. М. Безносикова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Роль диалектной лексики в формировании словарного состава коми литературного языка», выполненную под руководством Е. С. Гуляева. В 1985 г. диссертация была опубликована в издательстве «Наука» в виде монографии. В дальнейшем она продолжила исследование проблем диалектологии, лексикологии и истории коми литературного языка. Результатом этой работы стала серия публикаций, посвященных вопросам взаимодействия диалектов и литературного языка. Она также является соавтором монографии «Удорский диалект коми языка», входящей в серию фундаментальных исследований коми диалектов, коллективной монографии «Современный коми язык. Лексикология» (М., 1985), для которой ею, в соавторстве с В. А. Ляшевым, написана глава «Общенациональная и территориально ограниченная (диалектная) лексика».

Неоценим вклад Л. М. Безносиковой в развитие коми лексикографии. Под ее руководством и при непосредственном участии составлен целый ряд новых для коми языкознания словарей: «Словарь антонимов коми языка» (1992), «Словарь омонимов коми языка» (1993), «Словарь эпитетов коми языка» (1994), «Школьный этимологический словарь коми языка» (1996), построенные на различных принципах словари синонимов коми языка (2002, 2007), «Словарь терминов родства и свойства в диалектах коми языка» (2011). Итогом многолетней работы стали самые полные на сегодняшний день «Коми-русский словарь», содержащий свыше 31 тыс. слов, и «Русско-коми словарь» – свыше 52 тыс. слов. На их основе были составлены небольшие коми-русский и русско-коми словари, выдержавшие с некоторыми изменениями четыре издания и используемые в школьном обучении.

С 2003 по 2007 г. Л. М. Безносикова возглавляла творческую группу по составлению «Словаря диалектов коми языка», работу над которым продолжала до его издания. Первый том этого уникального словаря вышел из печати в 2012 г., второй – в 2014 г. Словарь, не имеющий аналогов ни у одного из финно-угорских народов России, содержит около 78 тыс. заглавных слов. Его объем составил 200 печатных листов, автором 60 из них является Люция Михайловна. Ею как научным редактором издания проверена каждая словарная статья рукописи и в необходимых случаях внесены коррективы и дополнения, написаны предисловие и сведения для пользующихся словарем, а также составлен список наименований населенных пунктов Республики Коми, отличающихся от официальных названий.

Перечисленные словари получили высокую оценку специалистов и стали образцом для создания аналогичных работ по другим финно-угорским языкам России. Они активно используются в практике преподавания коми языка в высших и средних специальных учебных заведениях республики, а также в школах с преподаванием коми языка.

Л. М. Безносикова является одним из авторов энциклопедии «Коми язык», для которой ею написано более четырех десятков статей, трехтомной энциклопедии «Республика Коми», «Историко-культурного атласа Республики Коми».

Еще одним направлением деятельности Люции Михайловны явились изучение современных процессов в словарном составе литературного языка, фиксация лексических новшеств, исследование состава, структуры, функционирования неологизмов, изучение вопросов терминотворчества. Результаты ее работы в данной области нашли отражение в цикле научных статей, в нескольких выпусках серии «Новая коми лексика», в написанной в соавторстве работе из серии «Научные доклады» «Неологизмы в коми языке: социолингвистический аспект изучения» (2008; соавтор Е. А. Айбабина), в небольшом словаре общественно-политических терминов (2013; соавтор Е. А. Цыпанов).

Всего за время работы в Институте языка, литературы и истории ученым опубликовано в России, Эстонии, Венгрии, Финляндии более 140 научных работ.

По результатам своих исследований Люция Михайловна выступала с докладами на многочисленных конференциях в России и за рубежом, являлась участницей VI, VII, VIII Международных конгрессов финно-угроведов, проходивших соответственно в 1985 г. в Сыктывкаре, в 1990 г. – в Дебрецене (Венгрия), в 1995 г. – в Ювяскюля (Финляндия). Была в числе организаторов VI Международного конгресса.

Научная деятельность Люции Михайловны получила международное признание. С 2004 г. она являлась зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки).

Л. М. Безносикова плодотворно сотрудничала с Коми государственным педагогическим институтом, неоднократно возглавляя Государственную аттестационную комиссию.

Люция Михайловна активно участвовала в работе Республиканской термино-орфографической комиссии при Министерстве по делам национальностей РК. С 1994 г. являясь заместителем председателя этой комиссии, она тесно связывала свои исследования с практическими задачами дальнейшего развития коми литературного языка, расширения его социальных функций. Значительным вкладом в решение этих задач явилась и переводческая деятельность Л. М. Безносиковой, принимавшей участие в работе по переводу Конституции РК и некоторых документов на коми язык.

За высокопрофессиональную, плодотворную работу, успехи в научной и общественной деятельности Л. М. Безносикова награждена медалью «Ветеран труда» (1987), Почетными грамотами Президиума Верховного Совета (1968) и Совета Министров Коми АССР (1971), Коми обкома профсоюзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений (1985), Президиума Коми филиала АН СССР (1985), Министерства по делам национальностей Республики Коми (1997), Президиума РАН (2010), дважды лауреат Государственной премии Республики Коми (1999, 2001), Правительства Республики Коми им. П. Сорокина (2004), Правительства Республики Коми в области научных исследований (2015).

Светлая память об этом достойном человеке, замечательном ученом будет жить в наших сердцах.

*Коллектив сектора языка
Института языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН*

К 100-летию со дня рождения Цили Израйлевны Зильберг (21.02.1925)

*Здесь родника коснулся я губами –
И в тот же миг, вперед на много лет,
Постиг, струе блестящей глядя вслед,
Как может луч пробиться через камень
И вырваться отточенным на свет.*

*Родник неукротим. Минут сроки,
А я все буду приходить к нему –
В себя тот луч впитать, что через тьму
Пронес отважно он, родник глубокий,
И вынес прямо к солнцу самому.*

Арон Вергилис, 1939.

Тепловоз с косичками. «Ездить было интересно, мне нравился тепловоз, его легкий ход, уютная кабина. Иногда машинист разрешал мне посидеть за штурвалом. И вот однажды, когда наш поезд подходил к большой станции Байрам-Али, он разрешил мне сесть за штурвал и подвести поезд к станции. Народу на станции было много. Увидев в окне тепловоза девочку с двумя косичками, все были потрясены. Потрясена была и я: от страха и от гордости, что я управляю тепловозом и справилась с этим» [1, с. 79]. Так начиналась взрослая жизнь будущего действительного члена Международной академии авторов научных открытий и изобретений **Цили Израйлевны ЗИЛЬБЕРГ** (1925–2016).

Главным местом ее жизни с ноября 1954 г. стал г. Сыктывкар Коми АССР. Вместе с мужем Александром Яковлевичем они вырастили и воспитали дочь Елену (1954) и сына Леонида (1962). Подрастали и радовали бабушку Цилю внуки и внучки, одну девочку из трех правнучек называли Цилей.

И все же ее главная любовь – это Коми республиканская библиотека, легендарная «Ленинка», которой отдано

To the 100th birth anniversary of Tsilya Izrailevna Zilberg (21.02.1925)

более 40 лет жизни. Перечислить все звания и награды Цили Израйлевны непросто, их много. Знаковые – заслуженный работник культуры Коми АССР (1980), Заслуженный работник Российской Федерации (2003). О себе она говорила просто и с гордостью: «Я – библиотекарь» [там же, с. 1]. Сейчас библиотека носит новое название – Национальная библиотека Республики Коми. Отдел патентно-технической и экономической литературы возглавила ученица Цили Израйлевны – Любовь Александровна Фасихова.

Циля Израйлевна – «человек-оркестр», невозможно перечислить все ее таланты и достижения, в том числе ее деятельность в Воркутинском отделении изобретателей и рационализаторов (ВОИР), в эту организацию она вложила «всю свою душу», в его талантливых представителей – рационализаторов и изобретателей.

Один из них – летчик-шахтер Николай Кузьмич Лошаков (1923–1984), возглавляющий ВОИР. В годы войны 19-летний летчик-истребитель Н. Лошаков, защитник ленинградского неба, был сбит неприятелем. Пробыв 72 дня в плену, раненый Николай с товарищем Иваном Денисюком 11 августа 1943 г. угнали фашистский самолёт. Впоследствии в качестве «награды» его осудили на два года лишения свободы и отправили в Воркуталаг.

С того момента у военного летчика появилась новая профессия – шахтер. Н. Лошакова всегда привлекала новая техника, но надо было «научить» ее работать. На руководство шахты посыпались рационализаторские предложения. Начались конфликты с неуживчивым бригадиром Лошаковым, но он умел добиваться «правды». Итогом его 10-летней работы на шахте стали знак отличия «Шахтерская слава» и звание «Заслуженный шахтер Коми АССР» (1960).

Отдел технической литературы, возглавляемый Цилей Израйлевной, со временем стал одним из флагманов патентоведения Республики Коми, верным спутником Коми научного центра филиала Российской академии наук. Год за годом зажигались новые «звезды», открытые лидером технического прогресса Ц. И. Зильберг – это художники Юрий Николаевич Лисовский и Галина Николаевна Кулаева, мастер народного творчества Галина Васильевна Арсентьева.

После ухода из жизни Н. К. Лошакова в 1984 г., его имя стали забывать. Циля Израйлевна собрала в библиотеке равнодушных людей, которых стали именовать «лошаковцами». Властям в Сыктывкаре, Воркуте, Москве были отправлены ходатайства с предложением присвоить звание Героя Российской Федерации Н. К. Лошакову (посмертно). Последний ответ из Москвы в 2015 г. поставил точку в этих усилиях: «... званию Героя Российской Федерации не соответствует».

В 2012 г. вышла в свет книга «Герои и жертвы: летчики Великой Отечественной. Кн. 1. Летчик Николай Лошаков».

Презентация книги состоялась на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета в этом же году, в декабре.

8 мая этого же года была открыта мемориальная доска в г. Воркуте, на одном из зданий аэропорта.

Еще одной важной инициативой Цили Израйлевны было предложение присвоить имя Н. К. Лошакова поисковому отряду «Наследие», который действует в Гимназии искусств при Главе РК имени Ю. А. Спиридонова. Из письма бойца отряда Таисии Поповой Н. К. Лошакову: *«Вы настоящий герой, герой в моей душе. Вы потрясли меня. Спасибо Вам большое за Ваш подвиг! Я очень горда тем, что наш отряд носит Ваше имя!»*

17 февраля 2010 г. отряду присвоено имя летчика-испытателя Н. К. Лошакова с вручением Красного знамени ветеранами Клуба летного состава г. Сыктывкара.

С этого события прошло 15 лет, на знамени отряда увековечено пять имен:

- 2010 г. – Лошаков Николай Кузьмич (1923–1984);
- 2016 г. – Зильберг Циля Израйлевна (1925–2016);
- 2017 г. – Конюхов Иван Петрович (1921–2018);
- 2018 г. – Михайлов Иван Петрович (1950–2018);
- 2023 г. – Александров Игорь Олегович (1991–2023),

погиб на СВО 28.06.2023.

Помним и гордимся!

Циля Израйлевна долгие годы разыскивала место гибели родного брата Леонида (Липы) Ванштейна. Он пропал без вести в Смоленской области в 1942 г. Бойцы ПО «Наследие» связались с поисковиками Смоленской области. Было принято решение – взять святую землю с братской могилы, где, возможно, упокоился Л. Ванштейн. Земля была перевезена к захоронениям родителей в Подмоскowie на еврейское кладбище.

Никто не забыт и ничто не забыто! Вечная слава и память защитникам Отечества!

Звезда «девушки с косичками на тепловозе» не погасла. Несмотря на 100-летний юбилей, ее тепло, сердечность, высокая культура и энциклопедические знания навсегда останутся в памяти не только ныне живущих людей, но и в истории культуры Республики Коми.

Память о Циле Израйлевне – это неугасимая лампада для тех людей, которые ее близко знали. «Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь, если мы гореть не будем, кто тогда рассеет тьму?» (Омар Хайям).

*Яркая звезда,
Во тьме густой
Одари меня хоть каплей света...
Если не могу я стать звездой,
Вот такой, как ты, перед рассветом,
Я хотел бы стать твоим осколком,
Пролетевшим косо над просёлком.
Давид Бромберг, 1973.*

16 января 2025 г. Сергей Таскаев

Основные даты жизни и деятельности

21 февраля 1925 г. – родилась в местечке Орынин Каменец-Подольской (ныне – Хмельницкая область, Украина).

1932 г. – поступила в школу.

22 июня 1941 г. – начало Великой Отечественной войны (1941–1945). Эвакуация в Астрахань и Колпашево Томской области в 1941–1943 гг.

1942 г. – закончила среднюю школу в Астрахани.

1942 г. – поступила в Московский электромеханический институт ж/д транспорта по специальности инженер-механик.

1946 г. – прошла преддипломную практику в г. Ашхабад (Туркменская ССР) с присвоением квалификации помощника тепловоза.

1947 г. – окончила институт по специальности инженер-механика.

1948–1951 гг. – работала в Сталинабаде, в вагонном участке бригадиром, мастером, инженером по рационализации.

1951–1954 гг. – работала инженером в Московско-Бутырском отделении Ярославской железной дороги (г. Москва).

1954 г. – вышла замуж за Александра Яковлевича Зильберга.

26 июня 1954 г. – родилась дочь Елена.

5 ноября 1954 г. – супруги переехали жить в Сыктывкар. Александру Яковлевичу предоставили работу по специальности в областной партийной школе и комнату в общежитии.

13 сентября 1960 г. – начала работать в Коми республиканской библиотеке имени В. И. Ленина (ныне – Национальная библиотека Республики Коми) заведующей читальным залом технической книги (затем – патентно-технического, а ныне – отдела патентно-технической и экономической литературы).

23 октября 1962 г. – родился сын Леонид.

1967 г. награждена Почетной грамотой Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры.

1970 г. – награждена Почетной грамотой Центрального совета ВОИР.

1971 г. – награждена почетным знаком «За отличную работу» Министерства культуры СССР и Почетной грамотой Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры.

1968–1972 гг. – получила второе высшее образование в Центральном институте повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства в области патентной работы по специальности патентоведение (г. Москва).

1975 г. – награждена Почетной грамотой Верховного Совета Коми АССР.

1976 г. – награждена почетным знаком «Отличник изобретательства и рационализации».

21 февраля 1977 г. – ушел из жизни любимый муж Александр Яковлевич Зильберг. Похоронен рядом с родителями в г. Москве на Донском кладбище.

1980 г. – присвоено звание «Заслуженный работник культуры Коми АССР».

1981 г. – награждена почетным знаком «За отличную работу в ВОИР».

1984 г. – награждена медалью «Ветеран труда».

1992 г. – начала работу в должности главного библиографа отдела патентно-технической и экономической литературы НБРК.

1995 г. – награждена медалью «50 лет победы в Великой Отечественной войне».

1998 г. – выпустила библиографический указатель «Изобретатели и рационализаторы Республики Коми».

Организовала переписку с властями в Москве, Сыктывкаре, Воркуте по присвоению звания Героя Российской Федерации (посмертно) Н. К. Лошакову – летчику-истребителю, совершившему побег на самолете из фашистского плена 11 августа 1943 г. (ныне – г. Остров Псковская область).

1999 г. – избрана действительным членом Международной академии авторов научных открытий и изобретений.

2000 г. – восстановила работу Коми республиканского Совета Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР).

Начала работу в качестве члена Комитета по инновациям Торгово-промышленной палаты РК, а также члена жюри в номинации «Инновации» республиканского конкурса «Золотой Меркурий».

2001 г. – награждена дипломом Министерства культуры Российской Федерации.

2002 г. – награждена медалью им. А. С. Попова.

2003 г. – удостоена звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

2003 г. – вышла на пенсию.

2004 г. – награждена медалью Торгово-промышленной палаты Республики Коми.

2005 г. – награждена медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне».

2012 г. – издание книги «Герои и жертвы: летчики Великой Отечественной: документальное повествование в 2 кн. Кн. 1. Лётчик Николай Лошаков» / авт.-сост. Ц. И. Зильберг.

1 января 2016 г. – ушла из жизни в г. Сыктывкаре (91 год). Похоронена в Подмоскowie, рядом с супругом А. Я. Зильберг [1, 2].

Литература

1. Зильберг, Ц. И. Дорога жизни: от украинского местечка до столицы Коми. Воспоминания / Ц. И. Зильберг. – Сыктывкар, 2012. – 122 с. (не опубликованы, без фото).
2. Текущий архив отдела патентно-технической и экономической литературы Национальной библиотеки Республики Коми, январь 2025 г.